

«Вестник Полоцкого государственного университета» продолжает традиции первого в Беларуси литературно-научного журнала «Месячник Полоцкий».

ВЕСТНИК ПОЛОЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия D. Экономические и юридические науки

В серии D научно-теоретического журнала публикуются статьи, прошедшие рецензирование, содержащие новые научные результаты в области экономики и управления, финансов, денежного обращения и кредита, бухгалтерского учета и статистики, а также юридических наук.

ВЕСНІК ПОЛАЦКАГА ДЗЯРЖАУНАГА УНІВЕРСІТЭТА
Серыя D. Эканамічныя і юрыдычныя навукі

У серыі D навукова-тэарэтычнага часопіса друкуюцца артыкулы, якія прайшлі рэцэнзаваанне і змяшчаюць новыя навуковыя вынікі ў галіне эканомікі і кіравання, фінансаў, грашовага абарачэння і крэдыта, бухгалтарскага ўліку і статыстыкі, а таксама юрыдычных навук.

HERALD OF POLOTSK STATE UNIVERSITY
Series D. Economics and law sciences

Series D of the scientific-theoretical journal includes reviewed articles which contain new scientific results in such fields as economics and management, finance, money circulation and credit, accounting and statistics and also legal sciences.

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования.

Электронная версия номера размещена на сайте: <https://psu.ejournal.by/>

Адрес редакции:
Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой,
ул. Блохина, 29, г. Новополоцк, 211440, Беларусь
тел. + 375 (214) 59 95 41, e-mail: vestnik@psu.by

Отв. за выпуск: Е.Ю. Афанасьева.
Редактор И.Н. Чапкевич.

Подписано к печати 14.11.2022. Бумага офсетная 70 г/м². Формат 60×84¹/₈. Ризография.
Усл. печ. л. 18,37. Уч.-изд. л. 22,14. Тираж 60 экз. Заказ 651.

УДК 332.142.2

DOI 10.52928/2070-1632-2022-62-12-2-8

**ЛОГИСТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ УПРАВЛЕНИЯ ЦЕПЯМИ ПОСТАВОК РЕГИОНА:
МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ И АЛГОРИТМ ОЦЕНКИ РЕЗУЛЬТАТОВ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ****Е.С. ВЕРЕТЕННИКОВА***(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)*ORCID <https://orcid.org/0000-0003-2358-2210>

Обоснована актуальность разработки логистической стратегии управления цепями поставок региона с целью повышения конкурентоспособности её участников и территории в целом, увеличения их вклада в устойчивое социально-экономическое развитие страны. Разработана структурно-логическая модель формирования логистической стратегии управления цепями поставок региона, отображающая её приоритеты и задачи, основные направления развития и ключевые показатели оценки её эффективности. Предложен алгоритм оценки результатов реализации логистической стратегии управления цепями поставок региона, позволяющий проводить оценку степени достижения прогнозных показателей на каждом этапе реализации стратегии, а также определять причины, которые воспрепятствовали достижению поставленных целей.

Ключевые слова: управление региональными цепями поставок, стратегия управления цепями поставок, региональное устойчивое развитие.

Введение. В современных условиях устойчивого развития успешное функционирование экономики регионов возможно только при наличии отлаженной логистической системы и эффективного управления региональными цепями поставок. Инструментом эффективного управления региональными цепями поставок является логистическая стратегия управления цепями поставок, которая, опираясь на принципы устойчивого развития, способствует экономическому росту и переходу логистики и управления цепями поставок на новый уровень развития. При этом экономический рост дополнительно обеспечивается за счет развития зеленой логистики, основываясь на принципах сохранения и приумножения природного потенциала с целью формирования максимально благоприятной среды для всестороннего развития личности.

Таким образом, разработка и реализация региональной логистической стратегии управления цепями поставок Витебской области является актуальной задачей, решение которой способствует созданию условий для перехода региональной логистической системы в новое качественное состояние, которое будет соответствовать интересам жителей региона, участникам цепей поставок и органам власти.

Целью данной статьи является разработка модели формирования и алгоритма оценки результативности логистической стратегии управления цепями поставок региона.

Основная часть. Разработка и реализация региональной логистической стратегии управления цепями поставок будет способствовать повышению эффективности управления цепями поставок, что приведет к повышению конкурентоспособности участников цепей поставок и региона в целом и увеличению их вклада в устойчивое социально-экономическое развитие страны. Эффективная реализация данной стратегии позволит решить следующие задачи региона: повысить эффективность использования логистического потенциала, максимально использовать конкурентные преимущества, улучшить экологическую ситуацию, повысить уровень и качество жизни населения, а также инвестиционную привлекательность региона.

Для формирования модели логистической стратегии управления цепями поставок необходимо:

1) *проанализировать современное состояние развития управления цепями поставок региона.* На данном этапе дается общая характеристика развития управления цепями поставок территории, выявляются логистические особенности развития региона на текущий период времени;

2) *провести SWOT-анализ управления региональными цепями поставок для выявления перспективных направлений развития управления цепями поставок территории.* Применение данной методики позволит систематизировать сильные, слабые стороны, потенциальные возможности и угрозы региональной логистической системы, определить основные конкурентные позиции и наиболее перспективы управления цепями поставок, выявить те факторы логистической среды, которые оказывают наибольшее влияние, и требуют более пристального внимания при исследовании региональной логистической системы и разработке логистической стратегии управления цепями поставок региона [1];

3) *провести анализ логистического потенциала региона для определения резервов роста, а также путей достижения целей, направленных на эффективное управление цепями поставок и улучшение социально-экономического развития региона.* Данный этап включает анализ ресурсов, которыми обладает региональная логистическая система, а также анализ наличия возможностей (способностей) к дальнейшему развитию процесса управления цепями поставок с целью выявления «узких» мест и точек логистического роста [2].

Опираясь на проведенные исследования [1; 2], нами определены основные направления (приоритеты) формирования модели логистической стратегии управления цепями поставок Витебской области: 1) повышение уровня интенсивности грузопотоков; 2) развитие транспортной инфраструктуры; 3) развитие складской инфраструктуры; 4) развитие транспортных услуг; 4) развитие связующих отраслей, обслуживающих логистические потоки; 6) улучшение экологической ситуации региона.

Разработанная нами структурно-логическая модель формирования логистической стратегии управления цепями поставок (на примере Витебской области) представлена на рисунке 1.

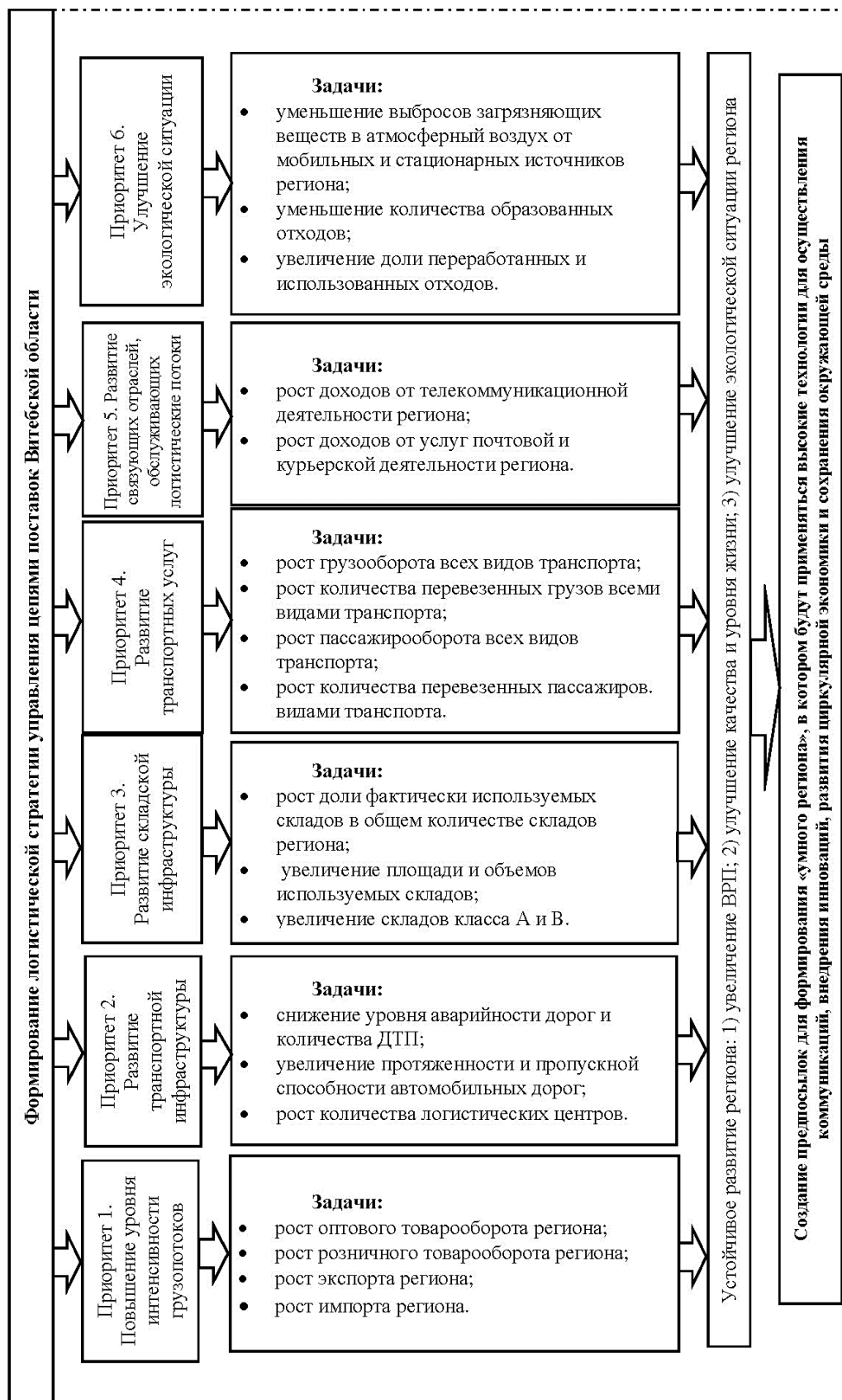

Рисунок 1. – Структурно-логическая модель формирования логистической стратегии управления цепями поставок

Модель представляет собой авторский взгляд на дальнейшую стратегию развития управления цепями поставок Витебской области, определяет её приоритеты и задачи, отображает основные направления развития и ключевые показатели оценки эффективности. Согласно представленной структурно-логической модели формирования логистической стратегии управления цепями поставок Витебской области, повышение уровня интенсивности грузопотоков, развитие транспортной и складской инфраструктуры, транспортных услуг, информационно-коммуникационных технологий и связующих отраслей, обслуживающих логистические потоки, развитие зеленых технологий создадут предпосылки для трансформации Витебской области в «умный регион» – инновационную модель развития регионов, базирующуюся на человеческом капитале, инновациях и высоких технологиях. Под «умным регионом» следует понимать территорию инновационного развития, в рамках которой применяются информационно-коммуникационные технологии для повышения уровня жизни и конкурентоспособности экономики при обеспечении удовлетворения потребностей настоящего и будущих поколений в рамках устойчивого развития территории¹.

Для достижения целей, поставленных в стратегии, следует своевременно проводить оценку степени достижения прогнозных показателей на каждом этапе реализации стратегии, а также определять причины, которые воспрепятствовали достижению поставленных целей.

Методика оценки результатов реализации логистической стратегии управления цепями поставок региона и разработанная для нее система ключевых показателей позволят определить, насколько хорошо осуществлялась реализация соответствующей стратегии и каким образом её можно усовершенствовать. Проводить оценку результатов реализации логистической стратегии управления цепями поставок региона возможно на основе трех подходов: факторного, экспертного и рейтингового [3, с. 17-26].

Факторный подход базируется на оценке совокупности факторов, влияющих на эффективное управление цепями поставок региона. У каждого фактора имеется свой определенный набор показателей. Факторный подход при оценке эффективности логистической стратегии позволяет сделать выводы о перспективах развития управления цепями поставок региона, выявить степень реализации его логистического потенциала, проанализировать и оценить большинство показателей статистическими методами, предоставляет возможность доказать достоверность рассчитанных результатов через критерии степени тесноты корреляционной связи между исследуемыми категориями. Среди основных недостатков факторного подхода выделяют большое число факторов, определенных в методиках оценки эффективности, отсутствие единого набора факторов, а также «непрозрачность» метода отбора показателей факторных характеристик [3, с. 17].

При экспертном подходе результативность реализации логистической стратегии оценивается специалистами-экспертами. Данный подход эффективен, когда нужно оценить качественные показатели стратегии и нет возможности количественно оценить характеристики оцениваемых факторов [4, с. 142]. При проведении экспертных оценок формируются рабочие группы, функциональные обязанности которых заключаются в проведении опросов, обработке материалов и анализе результатов коллективной экспертной оценки. Рабочей группой назначаются эксперты, которые отвечают на поставленные вопросы, касающиеся результатов развития управления цепями поставок и логистической деятельности региона. При проведении экспертных оценок используют метод коллективной генерации идей, метод «635», метод «Дельфи», метод «комиссий», метод написания сценария, метод попарных сравнений и пр. [3, с. 19]. К недостаткам данного метода относят субъективность экспертов, а также зависимость достоверности и надежности результатов исследования от компетентности эксперта.

При использовании рейтингового подхода оценки результатов реализации логистической стратегии устанавливается ранг региона (занимаемое место) среди регионов всей страны на основе анализа показателей управления цепями поставок территории. Данный подход позволяет сопоставлять регионы сразу по большому количеству критериев, которые группируют по разным факторам, однако он не позволяет определить вклад каждого фактора количественно в позицию региона, следовательно, не раскрывает причины изменения позиции региона, что усложняет разработку рекомендаций по решению выявленных рейтингом проблем [5].

Таким образом, вышеперечисленные подходы имеют ряд недостатков при оценке результативности стратегии. Универсальной методики и системы показателей для оценки результатов реализации логистических стратегий регионов нет. Комплексный анализ результатов реализации логистической стратегии управления цепями поставок региона должен проводиться с применением интегральных показателей, которые бы смогли одним коэффициентом оценить эффективность управления цепями поставок и определить наиболее значимые факторы, влияющие на логистическую деятельность региона.

Поэтому нами рекомендуется для оценки результатов реализации логистической стратегии управления цепями поставок Витебской области использовать метод динамического норматива, предложенного профессором И.М. Сыроежкиным [6]. Применение данного подхода позволит не только оценить изменения показателей, отражающих результаты управления цепями поставок региона, но и дать оценку общей тенденции, а также влиянию факторов, которые обуславливают определенные пропорции показателей [7].

Разработанный нами алгоритм проведения оценки результатов реализации логистической стратегии управления цепями поставок на основе динамического норматива представлен на рисунке 2.

¹ Умный регион – Smart region. Концепция построения на территории Свердловской области. 2018. URL: <https://digital.midural.ru/uploads/document/1530/umnyj-region-smart-region-kontseptsiya-postroeniya-na-territorii-sverdlovskoj-oblasti.pdf>.

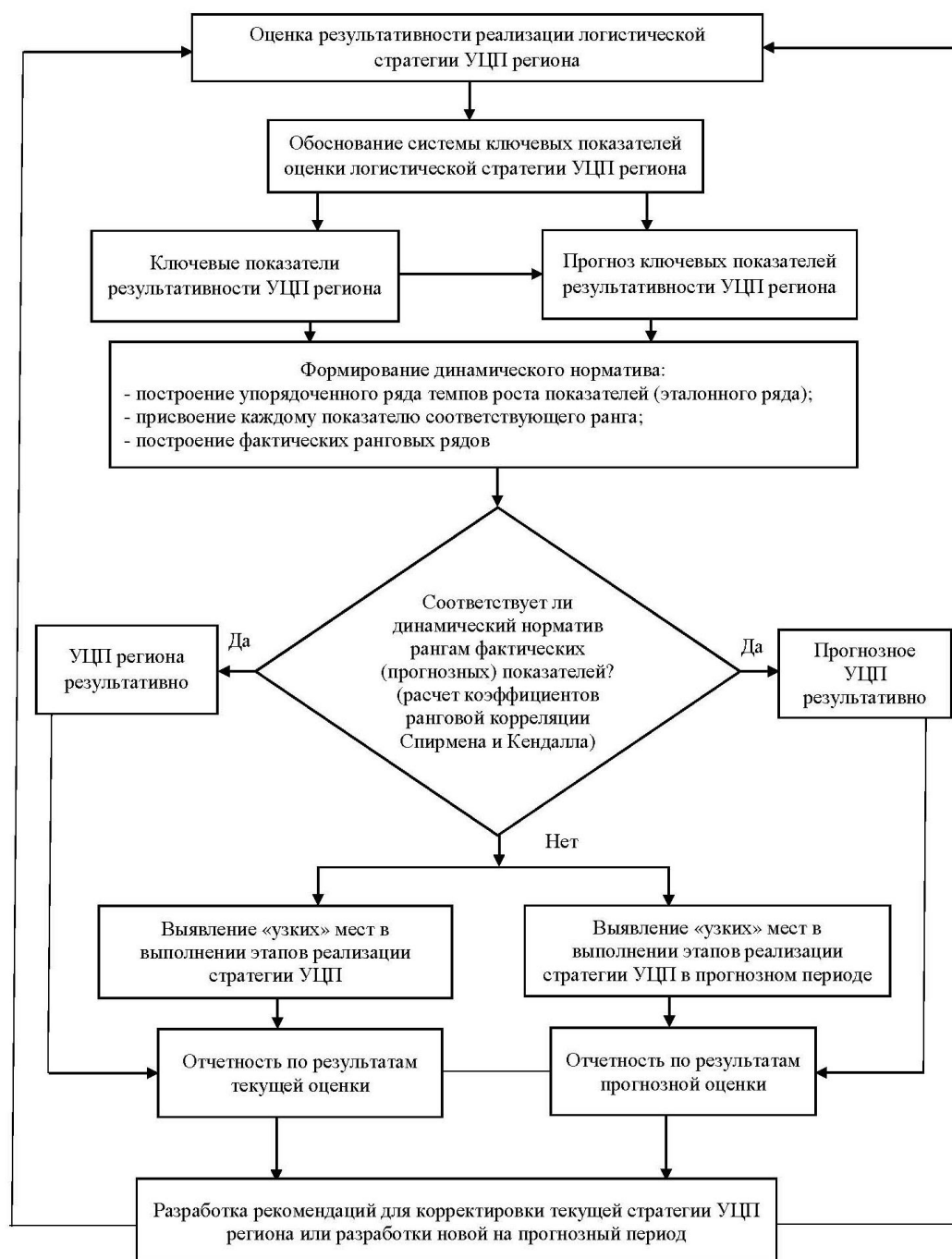

Рисунок 2. – Алгоритм оценки стратегии управления цепями поставок региона на основе динамического норматива

Данный алгоритм позволяет оценить как результативность реализации стратегии управления цепями поставок за отчетный период, так и результативность прогнозного варианта на будущий период.

Первым этапом является обоснование и отбор ключевых показателей оценки результатов логистической стратегии управления цепями поставок региона. При разработке данной системы ключевых показателей необходимо предусмотреть баланс интересов между такими триадами, как факторы социального, экономического, экологического развития и органами власти, участниками цепей поставок (бизнесом) и обществом (населением региона). Данные две триады оказывают влияние на развитие и улучшение основных показателей региона, а также формируют предпосылки для оптимального развития региона в трансформирующихся условиях современного общества и экономики. Эффективное взаимодействие данных составляющих способно создать условия и возможности для улучшения экономической ситуации, защиты окружающей среды и поддержки социальных факторов региона [8].

Таким образом, на основе проведенных исследований, учитывая специфику логистической среды регионов Республики Беларусь, а также характер доступных статистических данных, нами разработана система ключевых показателей оценки эффективности управления региональными цепями поставок, которая представлена в таблице 1.

Таблица 1. – Ключевые показатели оценки эффективности управления региональными цепями поставок

Наименование группы показателей	Показатели
Показатели, влияющие на экономическое развитие региона	Валовый региональный продукт; оптовый товарооборот региона; розничный товарооборот региона; экспорт региона; импорт региона; грузооборот всех видов транспорта региона; пассажирооборот всех видов транспорта региона; плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием; количество и объем используемых складов, терминалов, транспортно-логистических центров региона; динамика структуры складов по типам «А», «В», «С», «Д»; доходы от услуг в области телекоммуникаций региона; доходы от услуг почтовой и курьерской деятельности региона
Показатели, влияющие на экологическое развитие региона	Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух от мобильных источников региона; выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух от стационарных источников региона; текущие затраты на охрану окружающей среды региона; инвестиции в основной капитал, направленные на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов региона; количество образованных отходов производства региона; доля использованных отходов производства региона в общем объеме образовавшихся отходов производства региона; доля захороненных отходов производства региона в общем объеме образовавшихся отходов производства региона
Показатели, влияющие на социальное развитие региона	Расходы консолидированного бюджета на социальную сферу; бюджет прожиточного минимума в среднем на душу населения в месяц; номинальная заработная плата; численность безработных; уровень малообеспеченности населения к общей численности населения; количество дорожно-транспортных происшествий на 100 000 человек населения; индекс потребительских цен на товары и услуги

Предложенная нами совокупность взаимосвязанных, сбалансированных и упорядоченных показателей позволяет оценить эффективность управления региональными цепями поставок и определить их вклад в устойчивое социально-экономическое развитие региона.

На следующем этапе оценки результатов реализации стратегии управления цепями поставок строится эталонный ряд предложенных показателей, характеризующий нормативный порядок темпов роста показателей на основе формулы (1) [9]:

$$T(\text{Вых}) > T(\text{Вх}) > T(\text{Осн}) > T(\text{Кат}) > T(\text{СФ}) > T(\text{УП}), \quad (1)$$

где $T(\dots)$ – темп роста какого-либо показателя;
 Вых – параметры выхода;
 Вх – параметры входа;
 Осн – параметры оснащения;
 Кат – параметры катализатора;
 СФ – параметры субъективного фактора;
 УП – параметры упорядоченности (последовательности).

После этого каждому показателю присваивается соответствующий ранг в зависимости от его места в эталонном ряду. Строится фактический ранговый ряд и сопоставляется с эталонным рядом для нахождения отклонений ранговых оценок от эталонных значений, на основе которых рассчитываются коэффициент ранговой корреляции по отклонениям (коэффициент Спирмена) (формула (2)), коэффициент ранговой корреляции по инверсиям (коэффициент Кендалла) (формула (3)) и интегральный показатель (формула (4)), полученный на основе двух предыдущих.

Коэффициент ранговой корреляции Спирмена ($K_{\text{отк}}$) определяется по формуле (2)

$$K_{\text{отк}} = 1 - \frac{6 \sum d^2}{n(n^2 - 1)}, \quad (2)$$

где d^2 – квадрат отклонений разности рангов;
 n – количество рангов.

Коэффициент ранговой корреляции Кендалла ($K_{\text{инв}}$) рассчитывается по формулам (3) и (4):

$$K_{\text{инв}} = 1 - \frac{4 \sum_{i=1}^n m_i}{n(n^2 - 1)}; \quad (3)$$

$$m_i = \sum_{p=i+1}^n a_p = \begin{cases} 1, & \text{если } r_i > r_p; \\ 0, & \text{если } r_i < r_p, \end{cases} \quad (4)$$

где i – место отдельного показателя в эталонном ряду;

m – число инверсий для i -го показателя;

p – места показателей, которые сравниваются;

n – число показателей, которые включены в эталонную систему;

a_p – функция, которая показывает, находится или нет p -й показатель в инверсии с рассматриваемым i -м показателем;

r_i, r_p – ранг, который имеет i -й и p -й показатель в фактическом упорядочении.

Рассчитанные коэффициенты ранговой корреляции Спирмена и Кендалла позволяют определить интегральный показатель управления цепями поставок региона по формуле (5)

$$K_{\text{инт}} = \frac{(1 + K_{\text{отк}}) + (1 + K_{\text{инв}})}{4}. \quad (5)$$

Значения данного коэффициента варьируются в пределах от 0 до 1. Чем ближе значение коэффициента к единице, тем более выражена корреляционная связь динамического норматива с фактическими значениями показателей, тем эффективней управление цепями поставок в регионе [10; 11].

Таким образом, на основе динамического норматива можно получить интегральную оценку эффективности управления региональными цепями поставок как в текущем, так и в прогнозном периодах. При этом можно оценить различные варианты стратегий и сравнить их между собой как для каждого показателя и направления логистической стратегии управления цепями поставок, так и для всей региональной логистической системы. При разработке и оценке результатов реализации логистической стратегии управления цепями поставок региона необходимо выявить «зоны» ответственности каждой заинтересованной стороны и обеспечить реальное взаимодействие между ними. Решение выявленных проблем в развитии региона основывается на использовании системного подхода, целенаправленности на синергетический результат и объединении усилий всех субъектов по всем направлениям логистической деятельности для повышения конкурентоспособности территории.

Исследуя участников региональной логистической системы, нами был сделан вывод, что главное её звено – это население (жители регионов). Поэтому предлагаемые рекомендации по разработке и оценке результатов реализации логистической стратегии управления цепями поставок направлены на достижение основной цели развития и функционирования региональной логистической системы – удовлетворение потребностей жителей региона в условиях комфорта, безопасности, экономичности, экологичности, доступности на основе проведения сбалансированной логистической политики.

Заключение. Предложенная структурно-логическая модель формирования логистической стратегии управления цепями поставок Витебской области определяет ее цели и задачи, основные направления развития, ключевые показатели оценки эффективности, а также пути достижения устойчивого экономического развития и раскрытия логистического потенциала региона за счет наиболее эффективного использования его ресурсов. Разработанный алгоритм оценки результатов реализации логистической стратегии управления цепями поставок региона позволяет своевременно проводить ее оценку и выявлять причины, которые могут воспрепятствовать достижению поставленных целей. Методические рекомендации по разработке и оценке результатов реализации логистической стратегии управления цепями поставок региона способствуют преобразованию региональной логистической системы Витебской области в «умный регион», в котором будут применяться высокие технологии для осуществления коммуникаций, поддержки внедрения инноваций, развития циркулярной экономики и сохранения окружающей среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Веретенникова, Е.С. Стратегический анализ региональной логистической системы (на примере Витебской области) / Е.С. Веретенникова // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д, Экон. и юрид. науки. – 2022. – № 5. – С. 49–53.
2. Веретенникова, Е.С. Оценка логистического потенциала региона (на примере Витебской области) / Е.С. Веретенникова // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д, Экон. и юрид. науки. – 2021. – № 6. – С. 15–22.
3. Зуева, И.А. Методика построения системы сбалансированных показателей оценки реализации стратегии развития регионов / И.А. Зуева, Т.А. Бурцева, А.С. Жидков. – М. : МУ им. С.Ю. Витте, 2019. – 131 с.
4. Антохонова, И.В. Методы прогнозирования социально-экономических процессов / И.В. Антохонова. – Улан-Удэ : Изд-во ВСГТУ, 2004. – 212 с.
5. Гонова, О.В. Социально-экономическое развитие региона: модели рейтинговой оценки / О.В. Гонова // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. – 2010. – № 3(23). – С. 40–46.

6. Сыроежкин, И.М. Совершенствование системы показателей эффективности и качества / И.М. Сыроежкин. – М. : Экономика, 1980. – 191 с.
7. Азарская, М.А. Оценка непрерывности деятельности организации с использованием метода динамического норматива / М.А. Азарская, В.Л. Поздеев // Учет. Анализ. Аудит. – 2017. – № 1. – С. 24–32.
8. Ибатуллин, У.В. Теоретические аспекты направления стратегии социально-экономического развития региона / У.В. Ибатуллин // Академическая публицистика. – 2022. – № 1-2. – С. 64–68.
9. Неробова, В.А. Оценка социально-экономического развития городов методом динамического норматива / В.А. Неробова, Г.М. Тюлю, В.И. Хавроничев // Научная мысль. – 2019. – № 2(32). – С. 61–65.
10. Ефименко, А.Г. Оценка эффективности стратегии развития организации / А.Г. Ефименко, М.И. Какора // Науч. тр. Белорус. гос. экон. ун-та. – Минск : БГЭУ, 2021. – Вып. 14. – С. 145–152.
11. Грузневич, Е.С. Оценка сбалансированности аспектов социо-эколого-экономической эффективности деятельности организации на основе метода динамического норматива / Е.С. Грузневич // Статистика и Экономика. – 2021. – № 18(6). – С. 17–25.

Поступила 19.09.2022

**LOGISTIC STRATEGY FOR SUPPLY CHAIN MANAGEMENT OF THE REGION:
MODEL OF FORMATION AND ALGORITHM FOR ASSESSING THE RESULTS
OF ITS IMPLEMENTATION**

E. VERETENNIKOVA
(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

The article substantiates the relevance of developing a logistics strategy for managing the supply chains of the region in order to increase the competitiveness of its participants and the territory as a whole and increase their contribution to the sustainable socio-economic development of the country. A structural-logical model for the formation of a logistics strategy for managing the region's supply chains has been developed, reflecting its priorities and tasks, the main directions of development and key indicators for assessing its effectiveness. An algorithm for evaluating the results of the implementation of the logistics strategy for managing the supply chains of the region is proposed, which makes it possible to assess the degree of achievement of the forecast indicators at each stage of the strategy implementation, as well as to determine the reasons that prevented the achievement of the goals set.

Keywords: regional supply chain management, supply chain management strategy, regional sustainable development.

УДК 657.01

DOI 10.52928/2070-1632-2022-62-12-9-15

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АССОЦИИРОВАННОЙ СОБСТВЕННОСТИ И ЕЕ РОЛЬ В РАЗВИТИИ КОНЦЕПЦИИ КАПИТАЛА БИЗНЕСА

д-р экономики, конференциар. И.Н. ГОЛОЧАЛОВА
(Государственный университет Молдовы, Кишинев)
ORCID <https://orcid.org/0000-0002-7552-6555>

Большое количество исследований направлено на решение вопросов полезности финансовой отчетности, оптимального соотношения требований к раскрытию информации и совершенствованию методологии ее подготовки. К факторам, определяющим содержание финансовой отчетности, относятся и отношения собственности при социально-экономической парадигме. В связи с этим, целью работы является изучение концепции ассоциированной собственности, этапы ее эволюции, а также ее влияние на современную концепцию капитала. Для достижения цели исследования автором выдвинута и обоснована гипотеза: «концепция ассоциированной собственности – катализатор эволюции капитала бизнеса». Исследование проведено на основе общенаучных и специальных методов: системный подход, анализ, синтез, моделирование, изучение специальной литературы, сравнение.

Исследование имеет научную значимость для определения перспектив совершенствования методологии национальной системы бухгалтерского учета и отчетности. Представлена позиция автора о влиянии трактовки ассоциированной собственности на модернизацию финансовой отчетности.

Ключевые слова: социально-экономическая парадигма, финансовая отчетность, ассоциированная собственность, ассоциированный капитал, методология МСФО.

Введение. Имплементация концепции устойчивого развития, предусматривает сбалансированность и органическое взаимодействие экономического, социального и экологического аспектов деятельности хозяйствующего субъекта как макро-, так и микроуровня. В силу своей гомоцентричности данная концепция трактуется как социально-экономическая парадигма развития. Отчетность, представляемая каждым субъектом, призвана продемонстрировать эффект этого взаимодействия, а его оценка должна иметь под собой концептуальную основу, объединяющую экономические концепции, теории отчетности и специальную терминологию [13]. Во-первых, каждому аспекту деятельности присущ свой специфический фактор производства, являющийся результатом отношений собственности. Очевидно, что экономические отношения при социально-экономической парадигме требуют внесения ясности касательно собственности, соотнесения между ее формами и их взаимодействием. Каждый раз при освоении технологических укладов с более сложными экономическими отношениями, частная собственность постепенно эволюционировала, приобретая новые черты, но сохраняла при этом целевую установку ее использования – максимизации прибыли [6, с. 25]. Более того, каждый фактор производства должен отвечать источнику его возникновения – капиталу, что указывает на необходимость адекватного отражения в финансовой отчетности форм капитала, соответствующих экономическому, социальному и экологическому аспектам деятельности. Отсутствие в финансовой отчетности данных о размере новых форм капитала в их денежном эквиваленте свидетельствует о противоречиях в методологии бухгалтерского учета, ключевым элементом которой выступает концепция капитала, базирующаяся на экономическом расчете [8, с. 671]. Во-вторых, принцип сбалансированности социально-экономической парадигмы предусматривает смену концепций капитала и переход от концепции финансового капитала к её расширенной трактовке как источнику всех ресурсов бизнеса.

Обозначенными причинами обуславливается модификация финансовой отчетности. *Первым шагом* в реализации социально-экономической парадигмы служит нефинансовая отчетность или отчетность по Global Reporting Initiative¹ (далее, – GRI), цель которой раскрыть информацию в отношении каждого из выше указанных аспектов по существенным для бизнеса и других заинтересованных сторон вопросам. Однако она, в основном, носит количественный характер, и уровень ее полезности для долгосрочных инвесторов недостаточен. *Вторым шагом* стала разработка стандарта по подготовке интегрированной отчетности², основная идея которой состоит в признании всех форм капитала, участвующих в создании стоимости бизнеса. В соответствии с этим выделены такие формы капитала, как финансовый, человеческий, социально-репутационный, природный, которые находятся в непрерывном кругообороте и трансформации друг в друга. *Следующий шаг* связан с адаптацией принципов подготовки финансовой отчетности к требованиям социально-экономической парадигмы. Версия Концептуальных основ подготовки финансовой отчетности³ (2018 г.) обозначила цель финансовой отчетности, ее основных пользователей, концепцию качественных характеристик и закрепила использование модели справедливой

¹G4 Руководство по отчетности в области устойчивого развития. [Электронный ресурс]. URL: <https://media.rspp.ru/document/1/e/6/e6aef2d23c03d8181b6230003f977361.pdf>.

²Международный стандарт «Интегрированная отчетность», [Электронный ресурс]. URL: <https://www.integratedreporting.org/wp-content/uploads/2021/01>.

³Концепция подготовки финансовой отчетности, [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ctcp.gov.co/files/documents>.

стоимости. В последствие (*четвертый шаг*), для поддержания взаимодействия бизнеса с инвесторами, получившими квалификацию основной группы пользователей отчетности, разработаны экологический, социальный и управленческий индексы (Environmental, Social, corporate Governance – ESG), позволяющие оценить риски, возможности и перспективы развития бизнеса. При этом формат представления ESG-информации соответствует формату Отчета по устойчивому развитию (GRI-отчетность).

В этой связи возникает ряд вопросов: в чем суть концепции собственности? Какова ее современная трактовка? Каким образом она влияет на эволюцию концепции капитала? Как она соотносится с концепцией устойчивого развития? Ответы на эти вопросы лежат в плоскости методологической проблематики.

Целью исследования является оценка критериев, определяющих трактовку ассоциированной собственности в условиях социально-экономической парадигмы, а также ее роль в установлении направлений модификации структуры капитала.

Для достижения обозначенной цели автором выдвигается гипотеза Н1: *Концепция ассоциированной собственности – катализатор эволюции капитала бизнеса.*

Данное исследование проводится на основе общенаучных и специальных методов: системный подход, анализ, синтез, моделирование, изучение специальной литературы, сравнение. Системный подход данного исследования заключается в рациональном сочетании определенных научных методов, направленных на построение методологии исследования: формулирование проблемы, выдвижение гипотезы и ее обоснование. В процессе исследования автором изучены труды известных ученых, опубликованные в научных журналах и в качестве монографий.

Данное исследование является частью научного проекта «Методология бухгалтерского учета и финансовой отчетности в условиях инновационного вектора экономики», зарегистрированного под номером _22.00208.0807.09/PD в Государственном реестре проектов в области науки и инноваций Республики Молдова.

Основная часть. Современный технологический уклад предполагает развитие экономики за счет приращения социального знания, необходимого каждому члену сообщества. Такая экономика получила название инновационной или основанной на знаниях. Очевидно, что предпосылки для перехода на инновационную экономику были уже созданы – изменились экономические отношения собственности и, соответственно, производительные силы. При этом её успешная реализация возможна при условии способности хозяйствующих субъектов макро-, и микроуровня инвестировать процесс создания инновации – нового знания, продукта, услуги. В свою очередь, это условие требует изменений во взаимодействии и соотношении существующих форм собственности, а также формирования иных ее форм.

Остановимся на вопросе эволюции концепции ассоциированной собственности и раскроем ее влияние на становление концепции капитала бизнеса. Заслуживает внимание суждение Е.В. Красниковой и А.М. Хаматхановой о том, что каждый раз, по мере освоения новых технологических укладов с более сложными экономическими отношениями собственности, частная индивидуальная собственность постепенно трансформировалась, и сегодня она квалифицируется как ассоциированная собственность с сохранением целевой установки ее экономической деятельности – максимизации прибыли [6, с. 25]. Более того современному технологическому укладу свойственно активное участие в экономических отношениях нечастной формы ассоциированной собственности – государственной, призванной выполнять функции социального значения.

Попытаемся раскрыть процесс формирования собственности бизнеса: от индивидуальной к ассоциированной собственности, который обобщенно представлен на рисунке 1.

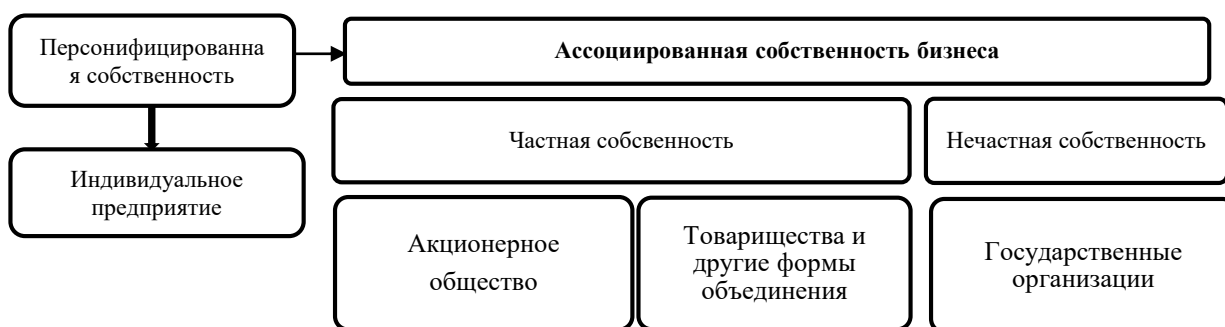

Рисунок 1. – Реконструкция отношений собственности бизнеса: от персонифицированной к ассоциированной

Понятие собственности и содержание отношений собственности имеет длительную историю становления, что освещено в специальной научной литературе. В рамках данного исследования остановимся на тех аспектах этого процесса, которые концептуально важны для информативности периметра финансовой отчетности.

Исследуя сущность понятия собственности, З.Н. Шефеве приводит его следующее определение: определенный способ присвоения людьми предметов производственного и непроизводственного (личного) потребления, который демонстрирует их отношения касательно этих предметов [11]. Но вначале собственность отождествля-

лась с денежно измеряемым имуществом, которым собственник пользовался и владел. Впоследствии, как указывает З.Н. Шева, эта трактовка расширилась, и под собственностью стали понимать отношения пользования, владения и распоряжения имуществом [11]. Данная концепция сохранилась по сей день.

По мере эволюции общественных отношений возникла необходимость в правовом обеспечении собственности, и юридической практикой было выработано множество инструментов для наделения субъекта конкретными полномочиями касательно собственности. При этом важно подчеркнуть, что отношения собственности возникают, если в них вступают не менее, чем два субъекта, как указано в Новой философской энциклопедии [12]: сложилась двухкомпонентная система отношений собственности, при которой: *экономический компонент* – это отношения собственности по оценке экономического блага и его участия в фазах общественного воспроизводства, включая распределение, обмен, потребление, взятые в целостности; *юридический компонент* – это совокупность отношений владения, пользования и распоряжения имуществом, формирующая и закрепляющая экономические отношения в принципах и нормах права. Обозначенная система является базисом не только общественных отношений, но и производительных сил, и поэтому концепция собственности имеет и социальную интерпретацию.

В начале развития производительных сил собственность как объект присвоения соотносилась с *конкретным субъектом*, осуществляющим хозяйственную деятельность, и квалифицировалась как персонифицированная, с частной формой отношений [12]. Хозяйствующий субъект при этом был идентифицирован как индивидуальное предприятие. Отметим, что в развивающихся странах, к которым относится и Республика Молдова, и в XXI в. доля индивидуальных предприятий как сегмента экономики еще значительна. Затем, по мере расширения и эволюции экономических связей, персонифицированная собственность, а вместе с ней и индивидуальное предприятие, утратили свое определяющее значение для развития экономики. На их место пришло юридически и экономически обоснованное *объединение* собственников, которое как хозяйствующий субъект, по сути, является абстрактным лицом. Хотя в своей деятельности объединение использует имущество, сформированное за счет вкладов реальных собственников, оно от них обособлено. Для исполнения имущественных прав реальным собственникам предоставляются гарантии в виде паевых долей или пакета акций. Поскольку отношения собственности хозяйствующего субъекта воплотились в акциях или паях, собственность, соответственно, получила название акционерная (паевая). Однако отношения собственности в рамках объединения, в отличие от индивидуального предприятия, базируются на социальном неравенстве ввиду использования и присвоения собственниками части труда наемных работников.

Так, сделан *первый шаг формирования концепции* ассоциированной собственности, в рамках которого:

- изменился статус собственности: частная персонифицированная сменилась частной ассоциированной;
- изменился статус хозяйствующего субъекта, идентифицируемого как общество (акционерное или товарищества);
- появилось понятие «акционерный капитал предприятия», природа происхождения которого обусловлена социальным неравенством в общественных отношениях.

В этом контексте уместно обозначить точку зрения К. Маркса, по оценкам которого капитал «превратился в собственность производителей, но не в частную собственность разьединенных производителей, а в собственность ассоциированных производителей...» и эта трансформация приведет к глубоким изменениям в развитии капиталистического способа производства [3, с. 374]. Действительно, статус ассоциированной собственности послужил предпосылкой для перехода к социалистическому способу производства, который носил революционный характер, а сегодня в развитии концепции ассоциированной собственности ее использование является мейнстримом социально-экономической парадигмы. Так время доказало правоту суждения К. Маркса.

Отдельного внимания заслуживает суждение Е.В. Красильниковой и А.М. Хаматхановой о двойственном характере ассоциированной собственности: с одной стороны, она свидетельствует, что юридическое лицо использует индивидуальную частную собственность нескольких собственников, а с другой – является неделимым имуществом юридического лица [6, с. 17]. Очевидно, что основу данного суждения составляет двухкомпонентная система признания собственности.

Концепция ассоциированной собственности находит свое воплощение в общеэкономической теории капитала. Капитал – это совокупность благ и имущества, способствующих получению дополнительного дохода, и распределяемых между их собственниками [1, с. 27]. Между тем, данная трактовка перестала отвечать запросам собственников в части оценки эффективности использования имущества хозяйствующего субъекта (далее, – бизнеса), функции управления которым переданы менеджерам. Для разрешения указанной проблемы теорией менеджмента была разработана концепция капитала, известная как «модель Шпруга», трактующая капитал в общем смысле как «это то, что я стою» [10, с. 168]. В этой связи уместно привести определение капитала, сформулированное исследователем концепции капитала XXI века Т. Пикетти: это выраженная в рыночных ценах общая стоимость нефинансового и финансового имущества, из которой вычтены финансовые долги и которую в конкретный момент времени можно обменять на рынке [9, с. 621]. Простыми словами, капитал – это стоимость имущества, освобожденного от долгов, или стоимость имущественных прав собственника. Ясно, что капитал бизнеса обладает теми же свойствами, что и ассоциированная собственность: *двойственность*, поскольку, с экономической точки зрения, характеризует в целом стоимостное состояние имущества юридического лица, а с правовой точки зрения, является квазиобязательством перед реальными акционерами – правообладателями используемой

им собственности; *ассоциированность*, поскольку его приращение происходит в условиях социального неравенства между собственником и работником.

Итак, в рамках первого этапа становления концепции, ассоциированный капитал бизнеса трактуется как совокупность имущественных прав собственников.

Второй этап становления концепции характеризуется фактом наделяния *ассоциированной собственностью* свойством социальности, что обусловлено возникновением особой разновидности индивидуальной собственности – интеллектуальной. Как объект присвоения, созданные интеллектуальным трудом ценности квалифицируются как персонифицированная интеллектуальная собственность, что предусматривает исполнение неимущественных прав ее собственника. Однако, в случае, когда интеллектуальная собственность создается β -активностью человека, она приобретает ассоциированный характер, а отношения, связанные с реализацией прав на нее, входят в сферу смежных прав, где авторское право закреплено за работником, а право использования – за работодателем. Обычно под β -активностью человека понимают труд, связанный с НИОКР и администрированием бизнеса. По оценкам Е.В. Красниковой и А.М. Хаматхановой, при частной форме ассоциированной собственности интеллектуалы как «ассоциированные производители» получают реальную возможность стать акционерами путем реализации своих неимущественных прав и, одновременно с этим, повысить свой жизненный уровень за счет дохода на собственность в форме дивидендов [6, с. 21]. При исполнении неимущественного права ассоциированная собственность приобретает свойство социальности, поскольку стирается грань между собственником и наемным работником, занятым β -активностью.

Важно подчеркнуть, что, согласно теории Ф. Глазла и Б. Ливерхуда, работник имеет возможность исполнить свое неимущественное право при условии достижения бизнесом интегральной стадии своего развития [4]. В этом контексте вполне уместно остановиться на двух моделях ассоциированного капитала: аутсайдерской, используемой в рамках англо-американской системы учета и отчетности, и инсайдерской, применяемой континентальной системой учета. Приведем качественные параметры каждой из обозначенных моделей в таблице 1.

Таблица 1. – Сравнение качественных параметров классических моделей акционерного капитала

n/p	Признак	Модель акционерного капитала:	
		Аутсайдерская	Инсайдерская
1	Концентрация акционерного капитала	Низкая: акции распределяются среди множества инвесторов, в том числе и институциональных	Высокая: узкий круг акционеров, в том числе и банки
2	Рынок корпоративного контроля	Действенен для предотвращения поглощения в условиях нелояльной конкуренции	Отсутствует
3	Финансовые инструменты для вознаграждений работников	Широко используется выпуск и размещение производных инструментов для стимулирования менеджеров	Компенсационные схемы не имеют широкого распространения
4	Финансовые инструменты для привлечения заемных средств	Широко применяется эмиссия конвертируемых и неконвертируемых облигаций и других финансовых инструментов	Низкая доля – по сравнению с банковскими кредитами
5	Интересы акционеров	Паритет в отношении соблюдения интересов как мажоритарных, так и миноритарных акционеров	Фокусируется внимание на интересах мажоритарных акционеров
6	Требования к представлению и раскрытию информации	Значительные	Ограниченные

Источник: составлено на основе [6; 7].

Анализ содержания таблицы 1 позволяет сформулировать тезис (Т1): поскольку аутсайдерская модель, применяется англосаксонской моделью учета, при подготовке информации об акционерном капитале следует руководствоваться положениями МСФО. Однако попытаемся доказать точность этого суждения через оценку признаков каждой из обозначенных моделей (см. таблицу 1). Бесспорен факт того, что ни в Концептуальных основах подготовки отчетности⁴, ни в IAS 1 «Представление финансовой отчетности», IAS 8 «Учетные политики, изменение бухгалтерских оценок и ошибки» – стандартах⁵, регулирующих правила представления финансовой отчетности, прямо не заявлено об использовании системой МСФО аутсайдерской модели акционерного капитала. При этом в рамках МСФО для реализации каждого из признаков аутсайдерской модели предусмотрен соответствующий стандарт:

- IFRS 10 «Консолидированная отчетность» – признаки 1, 2, 5;
- IFRS 2 «Выплаты, основанные на акциях» – признак 3;
- IFRS 9 «Финансовые инструменты» – признак 4;
- IAS 1, IFRS 2, IFRS 7 «Финансовые инструменты: Раскрытие информации», IFRS 9, IFRS 10, IFRS 12 «Раскрытие информации о связанных сторонах» – признак 6;
- IFRS 13 «Справедливая стоимость» – признаки 3, 4, 5, 6.

⁴Концепция подготовки финансовой отчетности, [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ctcp.gov.co/files/documents>.

⁵Международные стандарты финансовой отчетности [Электронный ресурс]. URL.: <https://fin-accounting.ru/ifrs>.

Логическим продолжением приведенного доказательства Т1 является выдвижение второго тезиса (Т2): системой учета и отчетности Республики Молдова используется инсайдерская модель акционерного капитала. Приведем некоторые доказательства верности Т2. Законом № 287 от 15.12.2017 г. «О бухгалтерском учете и финансовой отчетности»⁶ закреплён принцип *точного* представления отчитывающейся организацией информации о финансовой ситуации. Принцип точности предполагает использование *юридического подхода* и *метода себестоимости* при подготовке финансовой отчетности, одновременно исключая применение *концепции справедливой стоимости* в системе учета. Более того, в системе Национальных стандартов бухгалтерского учета⁷ (далее, – НСБУ) отсутствуют аналоги выше обозначенных IFRS, за исключением IAS 1. Исходя из этого следует, что учетная система Республики Молдова ориентирована на континентальную учетную модель, что доказывает верность Т2.

Следующий (*третий*) эволюционный этап развития концепции ассоциированной собственности, а, следовательно, и формирования капитала бизнеса обусловлен возникновением ее нечастной формы – государственной собственности. Несмотря на тот факт, что государственная собственность как объект присвоения является совместной, она идентифицируется как ассоциированная, поскольку при капиталистическом способе производства отношения, связанные с ее использованием, базируются на социальном неравенстве между собственником и наемным работником. Постепенно, по мере развития экономических отношений, государство осознало себя макроэкономическим субъектом, роль которого состоит не только во взимании налогов. По оценкам Т. Пикетти, важнейшей миссией государства является установление направлений его взаимодействия с бизнесом и разработка механизма функционирования действующих рынков [9, с. 474]. Миссия обусловлена характером современного технологического уклада, который демонстрирует впечатляющие технологические достижения, и одновременно с этим, порождает множество экономических и социальных проблем. Причинами проблем являются:

1. Экономическая политика бизнеса, который придерживаясь ориентации исключительно на капиталистические ценности и стремясь к бесконечному накоплению финансового капитала, носит, зачастую, дегуманизированный характер.

2. Отсутствие достаточных финансовых ресурсов у государства, которое, осознавая свое предназначение стать эффективным менеджером объектов совместного присвоения – государственной собственности, не в состоянии самостоятельно его реализовать.

Нейтрализовать эффект обозначенных проблем возможно через тесное взаимодействие бизнеса и государства, основу которого составляет *объединение двух высших форм ассоциированной собственности – государственной* (нечастной), сосредоточенной на производстве качественных общественных благ, и *бизнеса (частной)*, обладающего для этого инвестиционным потенциалом. Механизм реализации указанного взаимодействия закрепляется в соглашениях, получивших название «договоры государственно-частного партнерства (ГЧП)». Обычной практикой исполнения договоров ГЧП (субсидирования, аренды, концессии) является передача бизнесу природных ресурсов с целью их эффективного использования. Как объекты присвоения, они представляют собой государственную собственность, что предусматривает, совокупность имущественных прав на них со стороны государства.

Обобщая вышеизложенное представим эволюцию становления концепции ассоциированной собственности в рисунке 2.

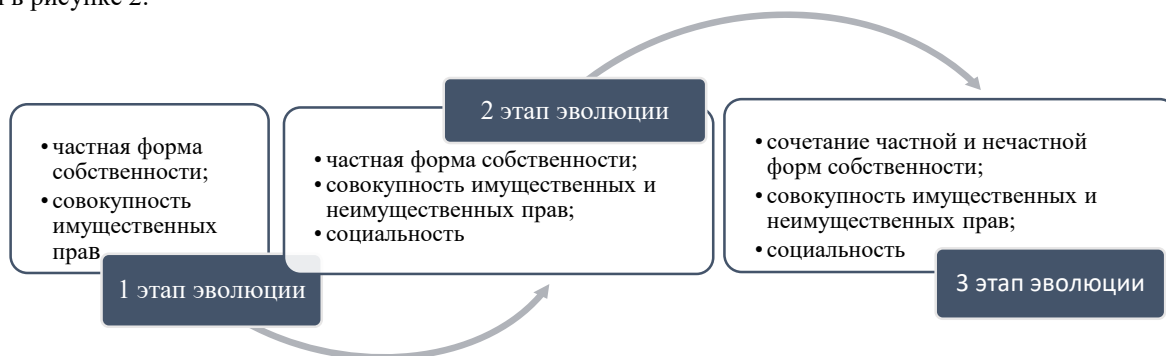

Рисунок 2. – Свойства и эволюционные этапы становления концепции ассоциированной собственности

При реализации договоров ГЧП государство выступает как производитель качественных общественных услуг, собственник капитала и эффективный менеджер в поиске решений; бизнес, также являясь собственником капитала, берет на себя обязательства в разрешении социально-экономических проблем через освоение новых возможностей и рынков, разработку и применение новых технологий, улучшение стандартов затрат на производство, снижение неблагоприятного воздействия производства на окружающую среду и др. Критерием эффективности договора ГЧП служит созданная бизнесом стоимость социального или инфраструктурного блага. Ввиду ассоциированного характера она подлежит распределению между бизнесом как возврат вкладчикам финансового капитала и государством – вкладчиком других форм капитала.

⁶ URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=120938&lang=ru.

⁷ URL: <https://www.old.mf.gov.md/actnorm/contabil/standartnew/>.

Уместно подчеркнуть, что государство реализует возможность исполнить свое имущественное право только при условии достижения бизнесом определенной стадии своего развития, которая в системо-эволюционной теории Глазла – Ливерхуда обозначена как ассоциативная [6]. Отметим, что продвижение ГЧП является объективной необходимостью для реализации модели устойчивого развития, что и закреплено в качестве одной из 17 целей ее концепции.

Итак, вышеизложенным обосновывается гипотеза Н1: концепция ассоциированной собственности послужила катализатором эволюции капитала бизнеса – от его узкого понятия финансового капитала к понятию ассоциированного капитала, что в свою очередь требует применение особого подхода в установлении периметра информативности финансовой отчетности.

В общеэкономических теориях трактовка капитала не претерпела существенных изменений. Однако по мере развития экономических отношений, в рамках субъектов, осуществляющих хозяйственную деятельность, постепенно:

- индивидуальная частная собственность трансформировалась в акционерную собственность, а далее – и в ассоциированную;
- произошло отделение менеджеров, призванных эффективно использовать предоставленный капитал, от его собственников (инвесторов и акционеров);
- сместился акцент заинтересованности собственников со стоимости принадлежащего им имущества на стоимость капитала – их совокупных прав, подлежащих исполнению;
- пришло понимание бизнесом его социальной ответственности, предусматривающей право максимизации прибыли собственников финансового капитала только после признания интересов социальных субъектов и экологического воздействия и, в этой связи, выполнения деловых обязательств.

Так, экономическое благо, воплощаемое в ассоциированной собственности бизнеса, находит свое отражение в разделе Баланса «Активы». Одновременно с этим, согласно методологии бухгалтерского учета, в соответствующем разделе должны быть отражены и адекватные содержанию ассоциированной собственности источники ее образования – ассоциированного капитала. При современном технологическом укладе ассоциированная собственность формируется за счет вкладов собственников, под воздействием β -активности наемных работников и от взаимодействия с окружающей средой, что предопределяет органическое взаимодействие экономического, социального и экологического аспектов деятельности, при котором бизнес стал рассматриваться как трехкомпонентная система. Данная трактовка бизнеса предусматривается концепцией устойчивого развития. Одна часть ассоциированного капитала представлена финансовым капиталом бизнеса, сформированным за счет вкладов собственников. Однако, эволюция экономических отношений и развитие производительных сил привели к таким явлениям, как передача собственником функции управления и признание прав собственности за наемными работниками отдельной категории. Как отмечает Т. Пикетти, в результате изменения переговорных позиций труда (человеческого фактора) и финансового капитала доля финансового капитала сократилась за счет возникновения человеческого капитала – источника другой части ассоциированной собственности [9].

На ряду с этим усилилось взаимодействие и усложнились взаимосвязи между бизнесом и государством – собственником природных ресурсов. Как выше было указано, в рамках договоров ГЧП государство становится вкладчиком в ассоциированный капитал бизнеса и, зачастую, природного капитала. Нельзя не согласиться с мнением Л. Мизеса в части того обстоятельства, что и сегодня информация об изменении денежного эквивалента земли в финансовой отчетности отсутствует, несмотря на представление в ней общей её стоимости [8, с. 671]. Это означает, что финансовая отчетность не показывает, как деятельность бизнес-единицы повлияла на способность земли участвовать в процессе производства: сохранилась ли эта способность или деятельность привела к уменьшению объективной потребительской ценности земли, и, как следствие, к снижению стоимости капитала в целом. Под воздействием признания ассоциированной собственности появляются новые формы капитала, «драйверы» её стоимости – человеческий как разновидность социального капитала и природный капитал. Этот факт предопределяет изменения в структуре ассоциированного капитала бизнеса, поскольку, наряду с финансовым, необходимо признать и новые формы ассоциированного капитала бизнеса.

Заключение. На основании результатов исследования в данной работе формулируются основные выводы:

- 1) социально-экономическая парадигма основывается на трактовке ассоциированной собственности, обладающей таким свойством, как социальность;
- 2) концепция ассоциированной собственности послужила катализатором эволюции капитала бизнеса и предопределила необходимость признания в финансовой отчетности таких форм капитала, как социальный и природный капитал.

К частным выводам исследования относятся следующие:

капитал бизнеса, являясь источником формирования ассоциированной собственности, обладает такими её свойствами, как двойственность и социальность;

2) признание трактовки ассоциированного капитала предопределяет изменение структуры капитала, а, следовательно, и актуализацию периметра информативности финансовой отчетности;

3) в целом система МСФО адаптирована к трактовке ассоциированной собственности, и на ее основе возможно формирование социально-экономической модели учета и финансовой отчетности;

важно продолжить работу по совершенствованию системы бухгалтерского учета и разработать методологию, отвечающую современным требованиям представления полезной финансовой отчетности для инвесторов и других заинтересованных лиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодяко, А.В. Проблемы развития методологии учета и контроля в условиях институциональной экономики инновационного типа : в 3 т. / А.В. Бодяко. – М. : РУСАЙНС, 2017. – Т. 3: О перспективах «цифрового формата» учета, контроля и отчетности. – 256 с.
2. Валлерстайн, И. Конец знакомого мира: Социология XXI ; [пер. с англ.] / И. Валлерстайн. – М. : Логос, 2004. – 368 с.
3. Всемирная история экономической мысли. В 6 т. / МГУ им. Ломоносова. – М. : Мысль, 1988. – Т. 2: От Смита и Рикардо до Маркса и Энгельса. – 574 с.
4. Глазл, Ф. Динамичное развитие предприятия. Как предприятия-пионеры и бюрократия могут стать эффективными ; [пер. с нем] / Ф. Глазл, Б. Ливерхууд. – Калуга : Духовное познание, 2000. – 264 с.
5. Кондратьев, Э.В. Системно-институциональное развитие управленческого персонала предприятия: теория и эффективность / Э.В. Кондратьев. – Пенза : ПГУФС, 2012. – 394 с.
6. Красникова, Е.В. Акционерная собственность как фактор долголетия капитализма / Е.В. Красникова, А.М. Хаматханова, – М. : Экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 2018. – 184 с.
7. Кузнецова, Л.В. (2012) Модели современного корпоративного управления [Электронный ресурс] / Л.В. Кузнецова // Российское предпринимательство. – 2012. – № 15(213). – С. 66–70. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modeli-sovremennogo-korporativnogo-upravleniya>.
8. Мизес, Л. фон. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории / Л. фон Мизес ; пер. с 3-го испр. англ. изд. А.В. Куряева. – Челябинск : Социум, 2005. – 877 с.
9. Пикетти, Т. Капитал в XXI веке / Т. Пикетти ; пер. с франц. А.Л. Дунаева. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2015. – 592 с.
10. Соколов, Я.В. История бухгалтерского учета : учеб. / Я.В. Соколов, В.Я. Соколов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Магистр, 2009. – 287 с.
11. Шеве, З.Н. Понятие собственности в социально-философском смысле [Электронный ресурс] / З.Н. Шеве // Вестн. Башкир. ун-та. – 2011. – Т. 16, № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-sobstvennosti-v-sotsialno-filosofskom-smysle>.
12. Электронная библиотека ИФ РАН. Новая Философская энциклопедия. Собственность. [Электронный ресурс] URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH593c9d4cb1cc4c7497d259>.
13. Pilon, M., Brouard, F. Conceptualizing accountability as an integrated system of relationships, governance, and information. [Электронный ресурс] / M. Pilon, F. Brouard // Financial Accountability & Management (2022) URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1111/faam.12323>.

Поступила 01.09.2022

THE INTERPRETATION OF ASSOCIATED PROPERTY AND ITS ROLE IN THE DEVELOPMENT OF THE CONCEPT OF BUSINESS CAPITAL

I. GOLOCHALOVA
(Moldova State University, Chisinau)

A large number of studies are aimed at solving the issues of usefulness of financial reporting, optimal correlation of requirements for information disclosure and improvement of the methodology of its preparation. Factors determining the content of financial reporting include ownership relations under the socio-economic paradigm. In this regard, the purpose of the work is to study the concept of associated ownership, the stages of its evolution, as well as its impact on the concept of capital of the XXI century. To achieve the purpose of the study, the author has put forward and substantiated the hypothesis The concept of associated ownership is a catalyst for the evolution of business capital. The study is conducted on the basis of general scientific and special methods: system approach, analysis, synthesis, modeling, study of special literature, comparison.

The study has scientific significance for determining the prospects for improving the methodology of the national accounting and reporting system. The article presents the author's position on the impact of the interpretation of associate ownership on the modernization of financial reporting.

Keywords: socio-economic paradigm, Financial Statements, associate property, associate capital, methodology of IFRS.

УДК 339.13

DOI 10.52928/2070-1632-2022-62-12-16-19

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕПЕЙ ПОСТАВОК В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЯЮЩЕЙСЯ ВНЕШНЕЙ СРЕДЫ

канд. экон. наук, доц. О.С. ГУЛЯГИНА

(Белорусский государственный экономический университет, Минск)

ORCID <https://orcid.org/0000-0002-3739-0650>

Изучены понятия «оцифровка», «цифровизация», «цифровая трансформация» с позиции различных авторов, выявлены сходства и различия между ними. Отмечено, что цифровая трансформация предполагает уже фундаментальное переосмысление того, как организованы бизнес-процессы в цепи и как они взаимодействуют с окружающей средой. Выделены цифровые технологии, составляющие базовый инструментарий цифровой трансформации. Рассмотрен вопрос обеспечения оптимального уровня цифровизации в цепях. Также в статье выделены вызовы, с которыми сталкивается цифровая трансформация цепей поставок на современном этапе.

Ключевые слова: цепь поставок, управление цепью поставок, оцифровка, цифровизация, цифровая трансформация цепей поставок, модель зрелости компании Gartner, цифровые технологии.

Введение. Актуальность и результативность внедрения в деятельность компаний концепции управления цепями поставок доказана реальными зарубежными и отечественными примерами. Важнейшей задачей сегодня можно считать повышение устойчивости цепей в современных реалиях нестабильности, неопределенности, сложности и неоднозначности. И здесь одним из самых перспективных направлений уже не первый год считается цифровая трансформация цепей поставок.

В рамках данного исследования перед нами стояла задача четко определить: что же подразумевает под собой процесс цифровой трансформации, всегда ли его внедрение актуально для цепей поставок и позволяет повысить их эффективность и с какими барьерами и вызовами данный процесс столкнулся сегодня.

Основная часть. На сегодняшний день в литературе предложено достаточное количество трактовок цифровой трансформации. При этом некоторые специалисты категорически против конкретизации данного понятия в устойчивом определении, обосновывая это тем, что эволюция цифровых технологий продолжается и содержание данного термина эволюционирует вместе с ними.

В рамках проведенного теоретического исследования мы столкнулись с тем, что чаще всего в литературе выделяется не одно, а целых три понятия: «оцифровка», «цифровизация», «цифровая трансформация». Так, И.Д. Афанасенко рассматривает оцифровку, как «технический термин, относящийся к процессу преобразования аналоговых данных в цифровые, например, сканирование бумажных оригиналов и создание цифровых образцов документов» [1, с. 20]. В работах Ю.И. Грибанова «оцифровка представляет собой перевод всех имеющихся и используемых данных в цифровой формат» [2, л. 32]. Схожего мнения придерживается и С.А. Хмельницкая, которая трактует данное понятие, как «перевод информации на цифровые носители без изменения содержания и качества информации (ярким примером оцифровки является перевод информации, содержащейся в бумажных документах в электронный вид без изменения самого процесса документооборота)» [3, с. 15]. Иной смысл те же авторы закладывают в понятие «цифровизация». С позиции И.Д. Афанасенко, – «процесс принятия новой формы подачи данных, рост использования цифровых или компьютерных технологий на отдельном предприятии, в отрасли или в целом по стране» [1, с. 20]. С точки зрения Ю.И. Грибанова, – «настройка и реструктуризация каналов коммуникаций пользователей цифровых технологий (формирование цифрового пространства взаимодействия пользователей цифровых технологий)» [2, с. 32]. У С.А. Хмельницкой – «создание инновационного продукта или услуги, появление новых путей создания добавленной ценности и потребительских свойств» [3, с. 15]. The Boston Consulting Group дает следующую трактовку – «использование возможностей онлайн и инновационных цифровых технологий всеми участниками экономической системы – от отдельных людей до крупных компаний и государств» [4]. Что касается «цифровой трансформации», то в процессе исследования нами были изучены труды Н.А. Гвилии, С.А. Хмельницкой, В.И. Сергеева, Ю.И. Грибанова и В. Месропян. С позиции указанных авторов «цифровая трансформация» – это:

– «организационная трансформация, которая интегрирует цифровые технологии и бизнес-процессы в цифровую экономику» [5, с. 7];

– «процесс внедрения цифровых технологий в бизнес-процессы экономических систем в общем и логистических систем в частности, а также изменение и совершенствование существующих бизнес-процессов, управленческих подходов, корпоративной культуры, коммуникаций с внешней средой» [3, с. 15];

– «полная смена парадигмы в управленческой культуре и операциях, ведь речь идет не только о покупке и установке новейшего цифрового инструментария, но и о создании новой системы ценностей, нового кодекса, нового цифрового мышления» [6, с. 36];

– «процесс коренного преобразования концепции и формата функционирования социально-экономических систем всех уровней, посредством оцифровки – перевода всех ресурсов в цифровой формат, внедрения и формирования пула цифровых технологий, цифровизации – создания сетевых платформ интеграции и взаимодействия пользователей цифровых технологий, в целях достижения устойчивого и долгосрочного существования в динамичных условиях цифрового пространства» [2, л. 31];

– «это революционные изменения бизнес-моделей на основе использования цифровых платформ, которые приводят к радикальному росту объемов рынка и конкурентоспособности компаний» [7].

В результате теоретического анализа понятий «оцифровка», «цифровизация» и «цифровая трансформация» можно сделать вывод о наличии некоторого сходства и различий между ними. Все они предполагают переход в новый цифровой формат работы, но вот масштаб изменений в каждом понятии заложен свой. Оцифровка направлена на совершенствование существующих бизнес-процессов в цепи поставок посредством их точечного перевода в цифровой формат, то есть по своей сути бизнес-процессы никаких изменений не претерпевают. Цифровизация позволяет формировать цифровое пространство бизнес-процессов в цепи, т.е. предполагается не просто перевод бизнес-процессов в цифровой формат, но и формирование неких сетевых платформ взаимодействия всех заинтересованных участников. Цифровая трансформация подразумевает и цифровой формат бизнес-процессов, и наличие цифрового пространства в цепи, но при этом выходит за рамки одних лишь технологий и отражает направление мышления, охватывающее непрерывные инновации, принятие решений на равных условиях и интеграцию технологий во все аспекты бизнеса. Таким образом, цифровая трансформация предполагает фундаментальное переосмысление того, как организованы бизнес-процессы в цепи поставок и как они взаимодействуют с окружающей средой. Иными словами, цифровая трансформация – это не столько технологии, сколько изменение мышления в новых условиях. При этом цифровые технологии являются неотъемлемой составляющей цифровой трансформации.

Тут необходимо корректно выделить именно те технологии, которые относятся к цифровым. Заметим, что в литературе часто встречается ошибочное мнение, что к цифровым технологиям относятся, например, беспилотный транспорт, складские и промышленные роботы и др. Все это относится к автоматизации бизнес-процессов. В свою очередь, автоматизация представляет собой «одно из направлений научно-технического прогресса, использующее саморегулирующие технические средства и математические методы с целью освобождения человека от участия в процессах получения, преобразования, передачи и использования энергии, материалов, изделий или информации, либо существенного уменьшения степени этого участия или трудоёмкости выполняемых операций» [8]. Цифровая трансформация, как уже было показано выше, имеет другую сущность.

Проанализировав труды таких авторов как, Грибанов Ю.И., Афанасенко И.Д., Хмельницкая С.А., Гвилия Н.А., Сергеев В.И., Месропян В. и др., мы пришли к выводу, что к основным цифровым технологиям, составляющим базовый инструментарий цифровой трансформации, можно отнести: Blockchain (блокчейн), Cloud Services (облачные технологии), Big Data (большие данные), IoT (интернет вещей), Machine Learning (машинное обучение), Mobile App (мобильные технологии), Augmented reality (дополненная реальность), Virtual reality (виртуальная реальность), Digital Twins (цифровые двойники). Они тесно взаимосвязаны между собой и должны использоваться совместно для получения дополнительных конкурентных преимуществ. Например, использование данных, полученных от IoT сочетается с технологией Big Data, а для быстрого доступа к ним могут применяться облачные сервисы. При этом безопасность хранения и передачи информации для обработки обеспечивает технология Blockchain. Заметим, что применение данного инструментария на этапе оцифровки не имеет необходимости, а уже в рамках цифровизации и далее – цифровой трансформации приобретает последовательно рекомендательный и обязательный характер.

Основное предназначение цифровой трансформации заключается в появлении новых эффективных путей создания ценности, появлении новых высокопроизводительных бизнес-процессов и преобразовании бизнеса в целом. С нашей точки зрения, именно цифровая трансформация бизнес-процессов позволяет сегодня компаниям как отдельным звеньям цепей поставок планомерно и бесшовно переходить на каждый следующий уровень зрелости по шкале Gartner согласно модели зрелости управления бизнес-процессами «Business Process management Maturity Model (BPM MM)» [9]. Следует отметить, что модель из шести стадий зрелости, предложенная компанией Gartner, призвана помочь преодолеть трудности на пути реализации преимуществ управления бизнес-процессами и сформировать корпоративную стратегию их управления. Так, на начальном уровне шкалы Gartner (Acknowledge Operations Inefficiency) появляется понимание, что определенных улучшений в бизнесе невозможно достичь традиционными методами. Далее (Process Aware) в процессе поиска путей фундаментальных улучшений своих операций компания приобретает озабоченность собственными процессами. Следующая ступень (Intraprocess Automation and Control) – компания берет под контроль и автоматизирует отдельные процессы. Как отмечалось выше, автоматизация предполагает внедрение саморегулирующих технических средств и математических методов с целью освобождения человека от участия в некоторых процессах или снижения уровня его участия. Заметим, что автоматизация бизнес-процесса сегодня не осуществляется без его предварительной оцифровки (рисунок 1). На следующем уровне (Interprocess Automation and Control) происходит расширение границ управляемых процессов, что в итоге приводит к интеграции их сначала между собой, а затем с процессами заказчиков и партнеров.

В современных реалиях именно формирование единого цифрового пространства позволяет компаниям обеспечивать качественное прозрачное эффективное взаимодействие компаний в рамках отдельной цепи поставок. Следовательно, можно сделать вывод о логичности внедрения цифровизации на данном уровне. На пятой стадии (Enterprise Valuation Control) накопленная компетенция позволяет настраивать исполнение процессов в цепи поставок под стратегические цели организации. Здесь можно говорить о важности повышения цифрового взаимодействия компаний в рамках цепи поставок, более серьезном внедрении цифровых технологий в работу цепи и подготовке компаний к кардинальным изменениям в их взаимодействии, т.е. подготовке к реинжинирингу бизнес-процессов. И, наконец, последний шестой уровень (Agile Business Structure) отличается тем, что компания научилась перестраивать процессы в таком темпе, что продолжает оставаться лидером при изменениях условий

бизнеса. Именно на данной стадии можно констатировать важность цифровой трансформации бизнес-процессов, т.е. полную смену парадигмы в управлении бизнес-процессами, создание новой системы ценностей, нового кодекса и нового цифрового мышления. Такая трансформация позволит сделать бизнес-процессы в цепи поставок прозрачными безопасными гибкими, а деятельность всей цепи поставок – максимально эффективной.

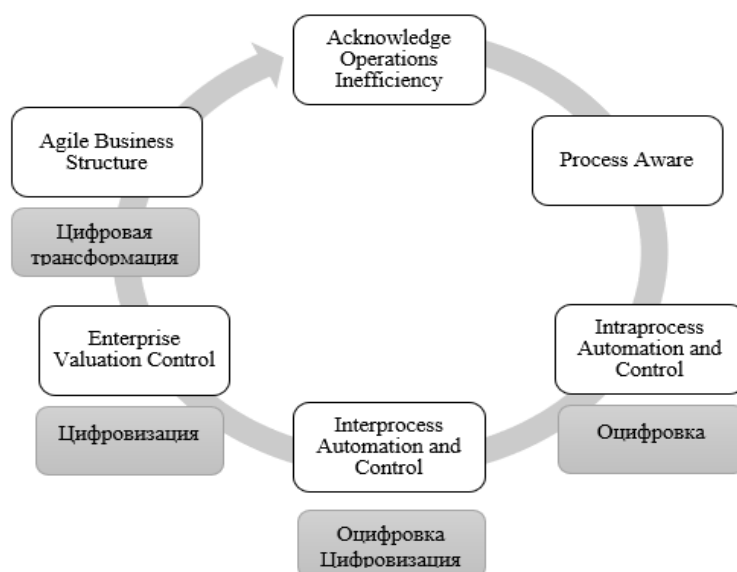

Рисунок 1. – Оцифровка, цифровизация и цифровая трансформация в модели зрелости «Business Process management Maturity Model (BPM MM)»

Источник: составлено на основе [10, с. 86].

При этом заметим, что важным моментом для перехода компании на следующий уровень зрелости является ее готовность к такому «переходу». То же самое можно сказать и про цифровизацию. Отдельные компании, как и целые цепи поставок, должны быть готовы технологически, технически, организационно и психологически к процессу оцифровки, цифровизации или же цифровой трансформации. Спонтанность и неподготовленность процессов внедрения отдельных инструментов цифровизации без осмысленной и системной концептуальной проработки бизнес-процессов и подготовки соответствующей базовой программной платформы могут привести не только к появлению отдельных, связанных с информационными технологиями, проблем и рисков, но к нарастанию так называемого «цифрового хаоса», являющегося следствием фрагментарного, поверхностного внедрения цифровых технологий в логистических системах и грозящего потерей управляемости в цепях поставок. В качестве ключевых рисков «цифрового хаоса» в цепях поставок выделяют [11, с. 24]: возрастание неопределенности будущего, размывание традиционных отраслей и рынков, проблемы синхронизации в цепях поставок, организационное сопротивление цифровизации, дефицит специалистов, сбои в работе блокчейн-технологий. На то, что подобные риски в цепях поставок достаточно высоки, согласно данным отчёта международной консалтинговой компании Deloitte, указывает более 60% топ-менеджеров производственных и торговых компаний.

Кроме того, стоит отметить, что цифровая трансформация цепей поставок, как и их цифровизация и даже оцифровка, в современных реалиях сталкиваются с рядом серьезных вызовов, к которым можно отнести:

- непредсказуемые разрывы в цепях поставок, вызванные геополитическими играми на мировой арене, а также возникающие под влиянием пандемии COVID19;

- усложнение и удорожание логистики в мировых цепях поставок;

- появление ограничений для отдельных участников в мировом информационном пространстве;

- искусственное ограничение прозрачности в цепях поставок;

- ограниченный доступ для некоторых участников цепей поставок не только к новейшим технологиям, но и к стандартным программным продуктам, цифровым площадкам и иным составляющим цифрового мира и др.

Все это, с одной стороны, тормозит цифровизацию цепей поставок, без которой можно ожидать замедление движения материальных потоков на глобальном уровне, снижение гибкости и прозрачности цепей, повышение стоимости конечного продукта, увеличение ошибок, разрывов, поломок, недобросовестного партнерства, а с другой стороны, свидетельствует о крайней важности ускорения цифровизации.

Заключение. Таким образом, в процессе исследования нами было выявлено три понятия: «оцифровка», «цифровизация» и «цифровая трансформация», которые отличаются по масштабу заложенных в них изменений. По результатам исследования можно сделать вывод, что именно цифровая трансформация позволит цепям поставок отвечать оперативно на вызовы рынка, адаптироваться к постоянно изменяющимся условиям и даст больше возможностей для повышения своей эффективности и интенсификации своего инновационного развития. Однако цепи поставок должны быть готовы технологически, технически, организационно и психологически

к такому масштабу изменений. Неподготовленность к внедрению цифровых технологий может привести к негативному эффекту – возрастанию «цифрового хаоса» и, как следствие, проблемам синхронизации в цепях, снижению прозрачности, надежности и гибкости цепей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасенко, И.Д. Цифровая логистика : учеб. / И.Д. Афанасенко, В.В. Борисова. – СПб. : Питер, 2019. – 269 с.
2. Грибанов, Ю.И. Цифровая трансформация социально-экономических систем на основе развития института сервисной интеграции : дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05 / Ю.И. Грибанов ; ФГБОУ ВО «Санкт-Петерб. гос. экон. ун-т». – СПб., 2019. – 355 л.
3. Хмельницкая, С.А. Исследование специфики цифровой трансформации логистического бизнеса / С.А. Хмельницкая, А.Е. Бореико, И.С. Громов // Логистика и управление цепями поставок. – 2021. – № 1. – С. 14–22.
4. The Boston Consulting Group, 2017 «Россия 2025: от кадров к талантам» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bcg.com/ru-ru/russia-2025-from-staff-to-talent>. – Дата доступа: 10.05.2022.
5. Гвилия, Н.А. Концептуальный подход цифровой трансформации логистического менеджмента корпораций с учетом теории динамических возможностей / Н.А. Гвилия, Т.Г. Шульженко // Риск: ресурсы, информация, снабжение, конкуренция. – 2021. – № 1. – С. 6–11.
6. Сергеев, В. Проблема видимости цепи поставок и использование концепции supply chain control tower / В. Сергеев, И. Сергеев, К. Хлобыстова // Управление цепями поставок. – 2020. – № 3. – С. 35–43.
7. Месропян, В. Цифровые платформы – новая рыночная власть. [Электронный ресурс] / В. Месропян // Портал Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. – Режим доступа: <https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=46781&p=attachment>. – Дата доступа: 8.12.2021.
8. Воройский, Ф.С. Информатика : энцикл. систематиз. сл.-справ. / Ф.С. Воройский. – М. : Физматлит, 2007. – 760 с. (Введение в современные информационные и телекоммуникационные технологии в терминах и фактах).
9. Баскаков, А.В. Модель зрелости как инструмент развития процесса безопасности в организации. [Электронный ресурс] / А.В. Баскаков // Портал Школы IT-менеджмента. – Режим доступа: <http://journal.itmane.ru/node/913>. – Дата доступа: 25.10.2021.
10. Гулягина, О.С. Оцифровка, цифровизация и цифровая трансформация в модели зрелости «Business Process Management Maturity Model» / О.С. Гулягина // Логистические системы в глобальной экономике : материалы XII Междунар. науч.-практ. конф., Красноярск, 31 марта – 1 апреля 2022 г. / Сибир. гос. ун-т науки и технологий им. акад. М.Ф. Решетнева. – Красноярск, 2022. – С. 84–86. URL: <https://www.sibsau.ru/scientific-publication/>.
11. Дыбская, В.В. Цифровые технологии в логистике и управление цепями поставок: аналитический обзор / В.В. Дыбская, В.И. Сергеев, Н.Н. Лычкина. – М.: Издат. дом Высшей школы экономики, 2020. – 190 с. DOI: <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2348-3>.

Поступила 19.08.2022

**DIGITAL TRANSFORMATION OF SUPPLY CHAINS
IN THE MODERN CONDITIONS OF A CHANGING ENVIRONMENT**

O. HULIAHINA

(Belarus State Economic University, Minsk)

The article examines the concepts of "digitization", "digitalization", "digital transformation" from the standpoint of various authors. Similarities and differences between them are revealed. It is noted that digital transformation already involves a fundamental rethinking of how business processes are organized and how they interact with the environment. The digital technologies that make up the basic tools for digital transformation are highlighted. The issue of ensuring the optimal level of digitalization in chains is considered. The article also highlights the challenges faced by the digitalization of supply chains at the present stage.

Keywords: supply chain, supply chain management, digitization, digitalization, digital transformation of supply chains, Gartner maturity model, digital technologies.

УДК 311.14:331.52

DOI 10.52928/2070-1632-2022-62-12-20-27

СТАТИСТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ВОСПРОИЗВОДСТВА ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА В КОНТЕКСТЕ ДОСТИЖЕНИЯ ПРИОРИТЕТОВ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

А.В. КОРОЛЁНОК*(Белорусский государственный экономический университет, Минск)*

Представлен анализ существующих подходов к оценке трудового потенциала. Обозначены преимущества, недостатки практического применения выделенных методологических подходов. Автором обоснована и разработана методика количественной оценки воспроизводства трудового потенциала на основе системы частных и интегральных показателей, принимая во внимание установленные императивы устойчивого развития Республики Беларусь. Предлагаемый подход к оценке трудового потенциала представляет научный и практический интерес, так как позволяет получить комплексную оценку трудового потенциала с позиции достижения приоритетов устойчивого развития, проанализировать его динамику, выявить сильные и слабые стороны его развития на каждой стадии воспроизводства. Полученные результаты могут быть использованы при реализации и оценке эффективности управленческих решений.

Ключевые слова: *трудовой потенциал, устойчивое развитие, воспроизводство трудового потенциала, система показателей оценки трудового потенциала, интегральный показатель.*

Введение. Впервые категория «трудовой потенциал» появилась в научной литературе в 70 – 80-е гг. XX в., что было обусловлено общим развитием экономической науки и введением ключевого понятия «потенциал». Несмотря на большое количество публикаций, посвященных трудовому потенциалу, в современной экономической науке не существует общепризнанной интерпретации данной категории, вследствие чего существуют разнообразные теоретические и методологические подходы к его изучению. Остаются недостаточно проработанными вопросы полноты и качества статистического учета и использования инструментария анализа и оценивания информационных ресурсов, отражающих характеристики трудового потенциала на каждой стадии его воспроизводства. Все вышеперечисленные обстоятельства обуславливают необходимость обобщения и систематизации теоретических аспектов, а также совершенствование методических подходов к оцениванию трудового потенциала на основе имеющегося опыта в данном виде статистической деятельности.

Основная часть. Как показано в предыдущих работах автора [5], категория «трудовой потенциал» является объектом изучения многих наук: экономики, демографии, психологии, статистики. При этом в экономической науке различают ресурсный, факторный и комбинированный подходы, – выбор подхода зависит от целей конкретного исследования.

Научная проблема настоящего исследования связана с развитием теоретических и методологических аспектов проведения статистического исследования трудового потенциала. В связи с внедрением в статистическую практику стран новых международных методологических стандартов в области статистики трудовой деятельности, занятости и недоиспользования рабочей силы, возникла необходимость пересмотра и уточнения категории «трудовой потенциал», с целью совершенствования его статистического анализа и оценки, а также согласованности с международным стандартом – СНС 2008 г. Гармонизация статистической оценки трудового потенциала с международными стандартами учета и статистики устанавливает форму и метод описания объекта, определяет выбор уровня обобщения, фиксирует набор составляющих его характеристик, которые составляют границу подробности описания объекта.

Трудовой потенциал рассматривается как всё население страны, обладающее совокупностью характеристик, позволяющих осуществлять все формы трудовой деятельности в зависимости от включения в систему социально-экономических и трудовых отношений, находящееся на стадиях формирования, распределения и использования.

В настоящее время важнейшей методологической проблемой является отсутствие общепринятой методики оценки трудового потенциала. Методические разработки по оценке трудового потенциала страны, отдельных регионов приведены в научных работах Е.А. Антиповой [17], Е.А. Ванкевич [4], Р.И. Капелюшникова [9], О.А. Лабейко [6], Г.В. Леонидовой [7], Б.А. Манака [8], А.С. Панкратова [10], А.М. Панова [11], М.И. Пилуй [12], Е.А. Чекмаревой [11], и др. Для оценки трудового потенциала в ранние периоды исследования преобладал натуральный подход, согласно которому трудовой потенциал определяется на основании совокупности частных показателей, характеризующих его структурные компоненты [9]. Для характеристики трудового потенциала с количественной стороны, как правило, используются такие показатели, как численность трудовых ресурсов, численность рабочей силы, численность занятых, в том числе по видам экономической деятельности и др. Качество трудового потенциала оценивается с помощью показателей, характеризующих уровень образования населения, уровень заболеваемости, участие в инновационной деятельности, текучесть кадров, уровень заработной платы и др. Посредством сравнения полученных фактических значений с некоторым эталоном, как правило, делают выводы о величине трудового потенциала или тенденциях его развития.

Широкое применение методов потенциальной демографии в исследовании трудового потенциала определили новый этап в разработке методики его оценки. Опираясь на показатель жизненного потенциала, многие исследователи стали рассматривать трудовой потенциал как жизненный потенциал населения за период трудовой деятельности на данном уровне экономической активности и смертности [13]. В 90-х гг. XX в. С.И. Пирожков, исследуя категорию трудового потенциала, построил таблицы продолжительности трудового периода для населения Украины, состоящего из комбинации таблиц смертности населения и повозрастных показателей занятости. Практическая значимость демографического подхода к оценке трудового потенциала заключается в универсальности единицы измерения – человеко-годы, которая может применяться для любой дифференцированной совокупности населения, обладающей соответствующей возрастной и социальной структурами. Такой показатель позволяет точнее учесть тот очевидный факт, что разные люди в пределах одного и того же периода времени проживают разные его доли. Поэтому они вносят разный вклад в изменение, в данном случае, трудового потенциала и в различной степени подвержены риску наступления тех или иных событий в течение этого периода. Это определяет тот индивидуальный вклад, который каждый вносит в общее изменение численности населения за период, подверженность риску наступления тех или иных демографических событий. При несомненных достоинствах демографического подхода следует отметить и некоторые недостатки. Одним из основных, на наш взгляд, является ограниченный круг показателей, используемых для оценки такого многогранного понятия, как трудовой потенциал, а также отсутствие в открытом доступе статистической информации для построения таблиц трудовой деятельности населения.

Некоторые авторы используют подход, связанный с определением стоимости трудового потенциала. Например, В.Н. Авдеев и В.А. Котлов определяют трудовой потенциал как суммарную величину затрат труда и расходов, связанных с обучением персонала, переподготовкой и повышением квалификации [1]. С.М. Бухонова, Ю.А. Дорошенко предлагают представить трудовой потенциал как общую величину доходов, которые могут быть получены от приложения совокупной массы труда в течение определенного периода в условиях, обеспечивающих наиболее эффективное их использование [3]. Предполагается, что величина совокупного дохода, полученного работником за свой труд, суммарно должна обеспечить возможность расширенного воспроизводства его рабочей силы на протяжении всего периода ее функционирования. Таким образом, доход от труда как одного из факторов производства приравнивается к сумме расходов, которые будут иметь место в процессе воспроизводства рабочей силы.

В последнее время в научной литературе сформировались различные подходы и методы комплексной оценки трудового потенциала, основанные на построении интегрального показателя (индикатора) [6; 9; 11; 18; 19]. В отличие от частных индикаторов, которые описывают те или иные стороны трудового потенциала, интегральный позволяет получить результат в виде одного показателя, в котором объединяются количественные и качественные оценки структурных компонентов изучаемого явления. При помощи комплексной оценки можно проследить основные тенденции развития трудового потенциала и выявить системные различия в его формировании, распределении и использовании. Следует отметить, что главной особенностью интегральных оценок является их субъективность, поскольку для их расчета используют различные методики, которые могут отличаться друг от друга как составом и числом показателей, так и математическим выражением интегрального показателя анализируемого социально-экономического явления [15; 16]. При всем разнообразии методов и подходов в создании интегрального показателя, можно выделить ряд общих этапов процесса.

Основой всех подходов и методов построения интегрального показателя является разработка системы базовых показателей, характеризующих состояние изучаемого явления и определение способа их измерения. На следующем этапе решается вопрос нормирования разноименных базовых показателей, под которым понимается способ приведения исходных данных к безразмерному виду, единому диапазону, при котором возможно их сравнение. На третьем этапе обосновывается форма выражения интегрального показателя через частные. При формировании интегрального показателя исключительно важен вопрос математической формы объединения базовых показателей. На основе полученных нормированных значений производится агрегирование частных критериев в разрезе компонентов. Агрегирование может осуществляться одним из двух способов: аддитивным или мультипликативным. Выбор способа агрегирования зависит от характера взаимосвязи показателей, формирующих каждый компонент объекта исследования. Заключительным этапом исследования является оценка уровня изучаемого явления и интерпретация полученных результатов.

Наиболее используемыми являются методики оценки трудового потенциала, основанные на принципах расчета индекса человеческого развития. Исследователи Л.А. Попова и М. Терентьева в качестве базовых индикаторов для оценки трудового потенциала используют такие показатели, как: продолжительность трудовой жизни населения региона, уровень занятости населения, фондовооруженность труда, валовой региональный продукт на душу населения и уровень профессионального образования [14]. Для нормирования показателей используется метода «максимум-минимум». Интегральный показатель развития трудового потенциала региона определяется как средняя арифметическая величина из значений частных индексов. Согласно Н.М. Римашевской, интегральный индекс качества трудового потенциала строится по пяти базовым индикаторам: количественное измерение трудового потенциала, здоровье, образование, квалификация работников, производительность труда [16]. Г.В. Якшибаева предложила методику системного анализа трудового потенциала на основе построения интегрального показателя, который строится по пяти индикаторам: доля трудоспособного населения в общей численности, уровень образования и квалификации, уровень заработной платы, оснащенность труда, уровень занятости [21].

Сопоставляя фактическое, минимальное и максимальное значения данных индикаторов выводится интегральный индекс, принимающий значения от 0 до 1. Предложенная методика позволяет осуществлять сравнительный анализ индекса развития трудового потенциала и частных его составляющих в разрезе регионов по сравнению со среднереспубликанским уровнем. В работе Н.М. Чурсиной реализуется подход, основанный на оценке демографической, экономической и образовательной компонент трудового потенциала. Агрегирование частных индикаторов осуществляется методом многомерной средней [20]. Авторы Г.Р. Баймурзина и Ф.М. Мирзабалаева предлагают оценивать трудовой потенциал с позиции эффективности реализации трудового потенциала. Для решения данной задачи исследователи разработали и рассчитали индекс эффективности реализации трудового потенциала для российских регионов. [2].

Перечисленные методики позволяют сопоставлять и сравнивать между собой различные регионы и территории по уровню развития трудового потенциала, анализируя потенциальные возможности трудовой деятельности населения, с учетом численности и качества трудового потенциала в целом. Преимуществом перечисленных выше подходов является использование данных официальной статистики и простота расчёта интегрального показателя. К сожалению, в некоторых работах сохраняется односторонность исследования, не уделяется должное внимание структуре трудового потенциала, оценке состояния и его развития на каждой стадии воспроизводства.

Ряд исследователей (В.А. Ильин, Н.А. Смирнова, Г.В. Леонидова, К.А. Гулин, В.В. Давыдова, Г.Н. Волков, В.К. Бочкарева, Н.М. Римашевская, М.А. Мясоедова, А.М. Панов, Шаталова и др.) для комплексной оценки трудового потенциала региона используют качественный подход, ориентированный на получение субъективной информации посредством анкетирования и проведения опроса среди трудоспособного населения и использования вероятностных гипотез [7; 11; 18]. Данная концепция направлена на оценку качественных характеристик населения трудоспособного возраста. Например, в работе Г.В. Леонидовой, В.А. Ильина и других согласно методике оцениваются такие структурные компоненты трудового потенциала, как физическое и психическое здоровье населения, когнитивный потенциал, творческие способности, коммуникабельность, культурный и нравственный уровень, потребность в достижении. Результаты опросов в рамках проведенных социологических исследований оцениваются с помощью шкалы Лайкерта. Интегральная оценка компонентов трудового потенциала рассчитывается по средней геометрической простой. Предложенная методика позволяет наиболее полно оценить качественные характеристики трудового потенциала, однако в этих работах не рассматриваются социально-экономические и демографические показатели, а также показатели, характеризующие эффективность использования трудового потенциала на заданной территории. Кроме того, следует учитывать, что реализация данной методики предполагает проведение специально-организованных статистических наблюдений, что требует более серьезной предварительной работы по подготовке анкет и технического задания, грамотному определению выборки, организации опроса и формированию базы данных.

Таким образом, на сегодняшний день для объективной оценки трудового потенциала применяется целый ряд методов нормирования и агрегирования. Каждый из них имеет свои достоинства и недостатки, но ни один не является общепринятым. Это свидетельствует о необходимости дальнейшего поиска и разработки методов оценки трудового потенциала.

В сентябре 2015 г. Генеральной Ассамблеей ООН была принята Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. (далее – Повестка дня до 2030 г.), представляющая собой план по достижению Целей устойчивого развития (ЦУР), которые призваны стимулировать деятельность в областях, имеющих первостепенное значение для человечества и планеты [15]. Одним из важных условий достижения целей в области устойчивого развития является эффективный мониторинг этого процесса, который позволяет правительствам, международным организациям, гражданскому обществу определять приоритетные направления деятельности, разрабатывать меры и понимать ключевые проблемы реализации задач устойчивого развития. Республика Беларусь выразила приверженность Повестке дня до 2030 г. Отправной точкой для ее реализации на национальном уровне стало утверждение Правительством в 2015 г. Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития (далее – НСУР-2030), определившей основные ориентиры, которые предполагается достичь к 2030 г.¹ Главными факторами устойчивого развития республики обозначены «человеческий, научно-производственный и инновационные потенциалы, природные ресурсы и выгодное географическое положение страны».

Трудовой потенциал как важная составляющая человеческого потенциала является одним из ключевых факторов устойчивого экономического роста и инновационного развития страны. В контексте устойчивого развития Республики Беларусь рассматриваются вопросы приоритетной значимости реализации таких мер социально-экономической политики, как совершенствование системы образования с учетом мировых тенденций развития; укрепление здоровья населения; снижение смертности, особенно населения трудоспособного возраста, обеспечение высоких жизненных стандартов населения и др. Согласно НСУР-2030 развитие трудового потенциала предполагает улучшение его качества в соответствии с потребностями экономики, позволяющие повысить его конкурентоспособность и эффективность использования. Реализация указанных мер проводимой политики будет содействовать укреплению трудового потенциала страны, улучшению его качественных характеристик, более рациональному распределению и эффективному использованию.

¹ URL: <https://economy.gov.by/uploads/files/NSUR2030/Natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-Respubliki-Belarus-na-period-do-2030-goda.pdf>.

В этом контексте перспективным направлением является создание и развитие методики комплексной статистической оценки воспроизводства трудового потенциала в соответствии с приоритетными направлениями устойчивого социально-экономического развития страны. Применение такого подхода к оценке трудового потенциала позволит оценить не только состояние системы, т.е. установить специфику его формирования, распределения и использования в экономике, но и его развитие с точки зрения заданных ориентиров. Под развитием трудового потенциала в данном исследовании автор понимает степень соответствия количественных и качественных характеристик трудового потенциала потребностям экономики. Методика статистической оценки воспроизводства трудового потенциала основана на реализации авторского подхода, включающего 5 последовательных этапов:

1. Обоснование системы базовых показателей для оценки трудового потенциала на каждой стадии воспроизводства: формирования, распределения и использования (определение показателей-стимулянтов и дестимулянтов).
2. Выбор способа нормирования значений базовых показателей.
3. Выбор способа агрегирования нормированных значений базовых показателей на каждой стадии воспроизводства.
4. Выбор способа объединения агрегированных показателей в единый интегральный показатель.
5. Анализ и интерпретация полученных результатов интегральной оценки трудового потенциала

Согласно авторскому подходу к определению категории «трудовой потенциал», на первом этапе базовые показатели, отражающие ключевые аспекты исследуемого объекта, были сгруппированы по стадиям воспроизводства трудового потенциала. Отбор показателей осуществлялся в соответствии со следующими критериями:

- соответствие целевому назначению решаемой задачи;
- выборка должна быть компактна (показатели наиболее значимых аспектов исследуемого объекта);
- в случае отсутствия показателей, прямо характеризующих объект, допустимо включение аналогов;
- показатели должны быть доступны в официальной статистике, иметь числовые значения в одной из информационных баз.

Предварительный анализ отдельных компонентов трудового потенциала позволил выявить наиболее значимые показатели, которые могут быть использованы в качестве базовых при построении интегрального показателя (таблица 1).

Ввиду сложившейся тенденции сокращения масштабов трудового потенциала Республики Беларусь встаёт острая необходимость поиска и выявления резервов увеличения ресурсов труда. Важнейшими факторами изменения количественных параметров трудового потенциала являются рождаемость, смертность и возрастная структура населения. Качественные параметры трудового потенциала на стадии формирования описываются показателями, характеризующими уровень образования и здоровья населения. Для оценки воспроизводства трудового потенциала Республики Беларусь разработана иерархическая система показателей, которая состоит из интегрального показателя, трех агрегированных показателей и набора базовых показателей, характеризующих соответственно уровень трудового потенциала на стадиях формирования, распределения и использования (рисунок 1).

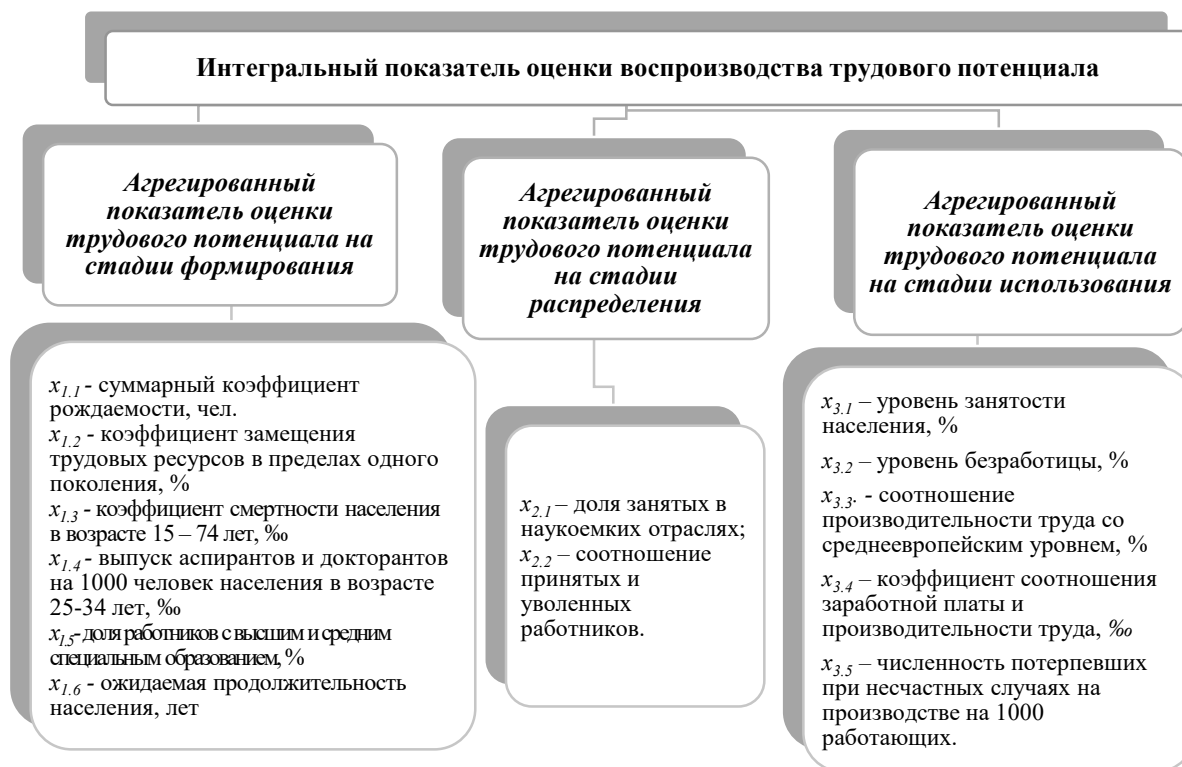

Рисунок 1. – Иерархическая система статистических показателей для оценки воспроизводства трудового потенциала

Таблица 1. – Система показателей для оценки воспроизводства трудового потенциала в Республике Беларусь

Показатель	Характеристика	Эталонное значение
Блок показателей «Формирование трудового потенциала»		
Суммарный коэффициент рождаемости (СКР)	Характеризует среднее число рождений у одной женщины в типичном поколении на протяжении всего репродуктивного периода при сохранении в каждом возрасте уровня рождаемости того года, для которого вычисляется показатель. Позволяет одним числом охарактеризовать тип воспроизводства населения, т.е. степень реализации простого воспроизводства населения	2,15
Коэффициент замещения трудовых ресурсов в пределах одного поколения (КТЗ)	Характеризует будущее замещение трудового потенциала, его наиболее активной части – населения в трудоспособном возрасте в пределах одного поколения, рассчитывается как отношение численности населения, которая в будущем должна вступить в трудоспособный возраст, к численности выбывающего (за один и тот же промежуток времени)	1,0
Коэффициент смертности населения в возрасте 15–74 лет	Уровень смертности населения в возрасте 15–74 лет определяет динамику потерь трудового потенциала республики. Исходя из тенденций демографического развития многих европейских стран, географической близости со странами ЕС представляется обоснованным сравнить позиции Республики Беларусь по отдельным индикаторам оценки трудового потенциала в контексте европейских индикаторов социально-экономического развития. Сравнение эталонные возрастные уровни смертности с фактическими значениями, получим итоговый показатель – степень реализации потенциала снижения смертности (СРПС), характеризующий в какой мере реализован потенциал снижения смертности населением. Данный показатель определяется по формуле $СРПС = \frac{\sum m_{x-5x}^0}{\sum m_{x-5x}} = \frac{M'}{M}$ где m_x – коэффициент смертности фактического населения в возрасте x лет; m_x^0 – коэффициент смертности эталонного населения в возрасте x лет; S_x – среднегодовая численность фактического населения в возрасте x лет; M – число умерших в фактическом населении в возрасте 15–74 лет; M' – число умерших в фактическом населении в возрасте 15–74 лет при условии возрастной смертности эталонного населения	Среднее значение по странам ЕС
Выпуск аспирантов и докторантов на 1000 человек населения в возрасте 25–34 лет	Характеризует возможность инновационного развития; открытость, совершенство и привлекательность национальных исследовательских систем.	Среднее значение по странам ЕС
Доля работников с высшим и средним специальным образованием	Оценивает конкурентоспособность рабочей силы	59-60 % НСУР-2030
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	Позволяет в наиболее общем виде оценить состояние здоровья населения	77 лет НСУР-2030
Блок показателей «Распределение трудового потенциала»		
Доля занятых в наукоемких отраслях	Характеризует процессы, связанные с повышением эффективности и рационализации структуры занятости с учетом направлений инновационного развития производственных отраслей и высокотехнологичных наукоемких услуг. Рост доли занятости в наукоемких отраслях может означать, что страна движется в сторону экономики, основанной на знаниях. В качестве эталона принимается максимально достигнутый уровень показателя на протяжении всего рассматриваемого периода	Максимальное значение за весь период наблюдения
Соотношение принятых и уволенных работников	Определяет оперативность восполнения работников. Рассчитывается путем деления численности принятых работников в отчетном периоде на численность работников, уволенных за этот период	1,0
Блок показателей «Использование трудового потенциала»		
Уровень занятости населения в возрасте 15–74 лет	Рассчитывается отношением численности занятого населения к численности населения обслеваемого возраста. Был принят в качестве одного из четырех показателей для измерения прогресса в решении задачи ЦУР – «обеспечить полную и производительную занятость и достойную работу для всех, в том числе женщин и молодежи». В качестве эталона принимается максимально достигнутый уровень показателя на протяжении всего рассматриваемого периода	Максимальное значение за весь период наблюдения
Уровень безработицы	Уровень безработицы определяется отношением численности безработных, по методологии МОТ, к численности рабочей силы. Служит индикатором доступа к занятости и емкости рынка труда	4,5 % НСУР-2030
Производительность труда	Отражает эффективность использования факторов производства в экономике для производства товаров и услуг и позволяет оценивать экономический рост, конкурентоспособность и качество жизни в стране. Согласно НСУР-30 приоритетным направлением развития экономики является рост производительности труда за счет ускорения развития высокотехнологичных производств и услуг. В качестве целевого ориентира используется коэффициент соотношения производительности труда в Республике Беларусь со среднеевропейским уровнем	Коэффициент соотношения 50% НСУР-2030
Соотношение среднемесячной заработной платы со среднестатистическим минимальным потреблением бюджета	Служит индикатором достойной и адекватной оплаты труда и характеризует возможность для воспроизводства и развития трудового потенциала	Максимальное значение за весь период
Численность потерявших при несчастных случаях на пр-е на 1000 работающих	Индикатора для оценки условий труда. Рост показателя во времени свидетельствует об ухудшении условий труда, и, следовательно, неэффективном использовании трудового потенциала	Минимальное значение за весь период

Нормирование показателей проводилось с использованием эталонного подхода, который предполагает преобразование данных путем их выражения через отношение к референтной (эталонной) величине. При использовании метода предельно критических значений трудовой потенциал рассматривается как система, имеющая в своем составе важные элементы, между которыми существуют связи вероятностного (как правило, статистического) характера. Выход элементов из нормального состояния приводит систему к потере устойчивости и связности. Система по ряду ключевых параметров имеет границы, выход за которые будет означать ее разрушение.

Для определения пороговых значений могут использоваться следующие методологические основания:

- научное эмпирическое и теоретическое обоснование, построенное на результатах объективного изучения рассматриваемых объектов и их взаимодействий (например, максимальное или среднее значение данного показателя в стране или конкретном регионе, фактическое значение за базовый период или другой временной отрезок);
- нормативно-политическое обоснование, когда пороговые значения определены на национальном уровне и отражены в программах социально-экономического развития;
- экспертные оценки допустимых пределов изменения рассматриваемых показателей;
- зарубежные аналоги (по косвенным признакам в рамках кластеров устойчивого сходства);
- исторические аналогии, в частности выбор эталонного года.

Следует отметить, что состав базовых показателей может быть пересмотрен в зависимости от цели исследования и доступности показателей в официальной статистике.

Расчет нормализованного показателя по способу «отношение к референтному значению» в зависимости от направленности показателей можно представить в следующем виде:

- нормализация показателей, имеющих положительную направленность, определяется по формуле (1):

$$I_i = \frac{x_i^{fact}}{x_i^{эталон}}; \quad (1)$$

- показатели, имеющие обратную направленность, нормируются по формуле (2):

$$I'_i = \frac{x_i^{эталон}}{x_i^{fact}}, \quad (2)$$

где $x_i^{эталон}$ – эталонное значение показателя.

Сравнение фактического и эталонного значений позволит выявить степень достижения уровня «эталонного потенциала», величина которого определяется пороговыми (эталонными) значениями каждого из базовых показателей в соответствии с приоритетными направлениями устойчивого развития Республики Беларусь.

Что касается агрегирования частных индикаторов, то выбор основывается на предположении, что показатели являются взаимозаменяемыми, т.е. низкое значение одного может быть компенсировано более высоким значениями других показателей. Поэтому в расчете частных индексов целесообразно использовать формулу средней арифметической, поскольку внутри каждого блока заменимость показателей выше, чем между блоками:

$$I_j = \frac{\sum_{i=1}^n I_i}{n}, \quad j = 1, 2, 3, \quad (3)$$

где n – число нормированных частных показателей по каждому блоку.

Для расчета интегрального показателя используется средняя геометрическая взвешенная из частных агрегированных показателей. Это позволит в меньшей степени компенсировать низкие значения индекса одного блока большими значениями индексов других блоков:

$$LPI = \sqrt[m]{\prod_{j=1}^m I_j}, \quad j = 1, 2, 3. \quad (4)$$

Апробирование предложенной методики выполнено на основе данных, характеризующих воспроизводство трудового потенциала Республики Беларусь за 2015 – 2019 гг. Расчет интегрального индекса ограничен 2019 г. ввиду отсутствия в официальной статистике данных, характеризующих отдельные аспекты формирования трудового потенциала. Результаты расчетов приведены в таблице 2.

Таблица 2. – Агрегатные и интегральный показатели оценки воспроизводства трудового потенциала Республики Беларусь за 2015 – 2019 гг.²

Показатель оценки трудового потенциала	2015	2016	2017	2018	2019
Агрегированный показатель на стадии формирования	0,739	0,740	0,729	0,738	0,733
Агрегированный показатель на стадии распределения	0,843	0,901	0,984	0,987	0,995
Агрегированный показатель на стадии использования	0,809	0,761	0,785	0,793	0,823
Интегральный показатель воспроизводства трудового потенциала	0,796	0,798	0,826	0,833	0,843

² URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika>.

В целом за рассматриваемый период произошел рост интегрального показателя, что может свидетельствовать о положительных изменениях в данной сфере и приближении базовых и агрегированных показателей, характеризующих воспроизводство трудового потенциала, к эталонному. Вместе с тем, комплексная оценка по первому блоку показателей свидетельствует о том, что эталонное значение на стадии формирования трудового потенциала достигнуто лишь на 73,3% (по данным за 2019 г.), причем за рассматриваемый период произошло снижение агрегированного показателя. Размах вариации значимости показателей первой группы составляет от 10,2 до 12,1 п.п. Существенное несоответствие целевым нормативам отмечается по таким показателям, как уровень смертности населения в возрасте 15–74 лет (потенциал снижения смертности населением в возрасте 15–74 лет реализован в среднем на 50,5%) и выпуск аспирантов и докторантов (образовательный потенциал для инновационного развития реализован в среднем на 49,5%). Названные проблемы вызывают необходимость реализации программ социально-экономического развития, направленных в первую очередь на совершенствование системы образования с учетом мировых тенденций и снижения смертности населения.

За анализируемый период отмечается рост и высокие оценки развития трудового потенциала на стадии распределения. На стадии использования эталонное значение в 2019 г. было достигнуто на 82,3% и, как видно из данных таблицы, наблюдается рост интегрального показателя. На формирование данного индикатора положительное влияние оказали факторы, характеризующие уровень использования трудового потенциала, в то время как показатели эффективности его использования оказались далеки от эталонных значений. Так, по показателю «соотношение производительности труда со среднеевропейским уровнем», эталонное значение достигнуто в среднем за период на 33,7%. Вариация значимости факторов по данному блоку составила от 15,4 до 17,8 п.п.

Заключение. Предлагаемый подход к оценке трудового потенциала представляет научный и практический интерес, так как позволяет получить комплексную оценку воспроизводства трудового потенциала с позиции достижения приоритетов устойчивого развития, проанализировать его динамику, выявить сильные и слабые стороны развития на каждой стадии воспроизводства. Полученные результаты могут быть использованы при реализации и оценке эффективности управленческих решений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеев, В.Н. Производственный потенциал промышленного предприятия / В.Н. Авдеев, В.А. Котлов. – М. : Экономика, 1989. – 240 с.
2. Баймурзина, Г.Р. Индекс эффективности реализации трудового потенциала как показатель качества социально-трудовой среды (региональный аспект) / Г.Р. Баймурзина, Ф.М. Мирзабалаева // Проблемы развития территории. – 2017. – Вып. 2(88). – С. 106–121.
3. Бухонова, С.М. Теоретические и методические основы экономической оценки трудового потенциала / С.М. Бухонова, Ю.А. Дорошенко // Российское предпринимательство. – 2004. – № 6(54). – С. 154.
4. Ванкевич, Е.В. Инновационное развитие Беларуси – размышления о выборе пути построения экономики знаний / Е.В. Ванкевич // Белорусский экономический журнал. – 2015. – № 1. – С. 146–150.
5. Королёнок, А.В. Теоретико-методологические аспекты статистического изучения трудового потенциала / А.В. Королёнок // Вестник БГЭУ. – 2018. – № 1. – С. 42–52.
6. Лабейко, О.А. Методика комплексной оценки трудового потенциала населения с инвалидностью / О.А. Лабейко, Ю.С. Ненахова // Проблемы управления. – 2020. – № 2(76). – С. 77–83.
7. Леонидова, Г.В. Трудовой потенциал населения: методологические аспекты исследования / Г.В. Леонидова // Вопросы территориального развития. – 2013. – Вып. 7. – С. 1–11.
8. Манах, Б.А. Регионы Беларуси: особенности демографического развития и трудовой потенциал сельской местности: монография / Б.А. Манах. Е.А. Антипова. – Минск : БГПУ, 2007. – 232 с.
9. Одегов, Ю.Г., Экономика труда : учебник и практикум для академического бакалавриата / Ю.Г. Одегов, Г.Г. Руденко. – 2-е изд. пер. и доп. – М. : Юрай, 2014. – 423 с.
10. Панкратов, А.С. Управление воспроизводством трудового потенциала / А.С. Панкратов. – М. : Изд-во МГУ, 1988. – 279 с.
11. Панов, М.М. Трудовой потенциал сельских территорий Вологодской области: состояние и проблемы развития / М.М. Панов, Е.А. Чекмарева // Вопросы территориального развития. – 2014. – № 10(20). – С. 1–14.
12. Пилуй, М.П. Трудовые ресурсы Беларуси: прогноз формирования и использования / М.П. Пилуй // Экономик, труд, бухгалтер [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://aqm.by/stati/economika-tryd-buh/trudovye-resursy-belarusi-prognoz-formirovaniya-i-ispolzovaniya>. – Дата доступа: 14.05.2021.
13. Пирожков, С.И. Трудовой потенциал в демографическом измерении / С.И. Пирожков. – Киев : Наукова думка, 1992. – С. 16.
14. Попова, О.А. Теоретические аспекты организации системы мониторинга социально-экономической системы региона / О.А. Попова, В.Е. Сактоев, Н.А. Малиновская // Перспективы науки – 2014. – № 9(60). – С. 113–120.
15. Потенциал устойчивого инновационного развития региона: концепция и практика многоаспектной оценки / Н.В. Агабекова [и др.] ; под ред. Н.В. Агабековой. – Минск : БГАТУ, 2021. – 204 с.
16. Качество трудового потенциала в регионах России / Н.М. Римашевская [и др.] // Народонаселение. – 2012. – № 3. – С. 111–127.
17. Состояние и перспективы демографического развития Республики Беларусь / Е.А. Антипова [и др.] ; под ред. Т.И. Мирановой, С.В. Рязанцева. – Минск : ВИЗА групп, 2017. – 172 с.
18. Трудовой потенциал региона: состояние и развитие / В.А. Ильин [и др.] – Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2004. – 107 с.
19. Некоторые подходы к построению интегральных индексов экономического развития России / А.А. Френкель [и др.] // Экономика и предпринимательство. – 2015. – № 11 (ч. 1). – С. 86–91.

20. Чурсина, Н.М. Оценка трудового потенциала региона в контексте обеспечения сбалансированности структуры рынка труда / Н.М. Чурсина // БІЗНЕСІНФОРМ. – 2013. – № 9. – С. 143–149.
21. Якшибаева, Г.В. Трудовой потенциал республики: количественно-качественная характеристика / Г.В. Якшибаева // Экономика и управление. – 2007. – № 3. – С. 57 – 65.

Поступила 19.09.2022

**STATISTICAL ASSESSMENT OF THE REPRODUCTION OF LABOUR POTENTIAL
IN THE CONTEXT OF ACHIVING THE PRIORITIES OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT
OF THE REPUBLIC OF BELARUS**

A. KARALIONAK
(Belarus State Economic University, Minsk)

The article presents an analysis of existing approaches to the assessment of labour potential. The advantages and disadvantages of practical application of the selected methodological approaches are indicated. The author substantiates and develops a method of quantitative assessment of the reproduction of labour potential on the basis of a system of private and integral indicators, taking into account the established imperatives of sustainable development of the Republic of Belarus. This approach to the assessment of labour potential allows to get a comprehensive assessment of labour potential from the standpoint of achieving the priorities of sustainable development, to analyze its dynamics, to identify strengths and weaknesses of its development at each stage of reproduction. The obtained results can be used in the implementation and evaluation of the effectiveness of management decisions.

Keywords: *labour potential, sustainable development, reproduction of labour potential, system of indicators of assessment of labour potential, integral indicator.*

УДК 334.72.4(476)

DOI 10.52928/2070-1632-2022-62-12-28-34

МАЛОЕ ПРАДПРЫМАЛЬНІЦТВА: НАПРАМКІ РОСТУ ДЗЕЛАВОЙ АКТЫЎНАСЦІ

*канд. экан. навук, дац. Г.К. КРАМАРЭНКА
(Брэсцкі дзяржаўны тэхнічны ўніверсітэт)*

У артыкуле прыведзены высновы даследавання асаблівасцей развіцця мікра- і малых прадпрыемстваў (МП) у краінах ЕС і Беларусі за 2005 – 2020 гг. Дынаміка асноўных паказчыкаў дзейнасці МП прыведзена ў кантэксце аналізу ўмоў вядзення бізнэсу ў гэтых краінах. Прадстаўлена група мер дзяржаўнага рэгулявання МП з пазіцыі іх узаемасувязі з асноўнымі напрамкамі ўдзелу МП у вырашэнні рэгіянальных эканамічных задач. Па даных анкетавання кіраўнікоў МП аўтарам выдзелены праблемы дзейнасці МП. Прапанавана метадыка разліку інтэнсіўнасці развіцця МП і ацэнкі яго ўплыву на рост эканомікі з пазіцыі ствараемага прадукта для ўдакладнення існуючага метадычнага інструментарыя прагназавання развіцця МП. Даследаванне накіравана на выкарыстанне ў большай меры патэнцыялу МП Беларусі.

Ключавыя словы: мікра- і малых прадпрыемствы, дзелавое асяроддзе, дзяржаўнае рэгуляванне прадпрымальніцтва.

Уводзіны. Ва ўмовах міжнародных санкцый, якія прадугледжваюць абмежаванні на гандлёвую і эканамічную дзейнасць прадпрымальнікаў Беларусі з замежнымі краінамі, роля мікра- і малых прадпрыемстваў (МП) у рашэнні задачы імпартазамышчэння надзвычай высокая, нельга яе недаацэньваць. У гэтым пытанні МП могуць дапамагчы эканоміцы за кошт паставак на ўнутраны рынак падобных тавараў айчынай вытворчасці, тым самым забяспечваючы працай мясцовае насельніцтва і памяншаючы залежнасць ад імпарту¹. Дзякуючы гэтаму, МП здольныя знізіць залежнасць ад санкцыйных абставін. Удзел малога бізнэсу ў імпартазамышчэнні ў галінах эканомікі магчымы толькі ў выпадку наяўнасці адпаведных вытворчых магутнасцей і выпуску канкурэнтаздольнай прадукцыі па рыначных цэнах. Зніжэнне імпортнай залежнасці краіны магчыма за кошт выкарыстання МП інавацый і стымулявання інвестыцый у галінах эканомікі, стварэння новых вытворчасцей.

У Беларусі існуюць праблемы, якія ўплываюць на развіццё МП. Неабходна выявіць найважнейшыя з іх і магчымасці іх рашэння. У сувязі з гэтым узнікае неабходнасць частковага ўдасканалення існуючай сістэмы дзяржаўнай падтрымкі МП. Мэтай даследавання з'яўляецца аналіз становішча вопыту развіцця і падтрымкі МП замежных краін, а таксама выяўленне магчымасці яго прымянення ў беларускіх умовах.

Асноўная частка. Малое прадпрымальніцтва з'яўляецца асновай эканомікі, якая функцыянуе па законах попыту і прапановы з перавагай прыватнай уласнасці і свабоды выбару. МП маюць патэнцыял у вырашэнні эканамічных (эфектыўнае выкарыстанне рэсурсаў) і сацыяльных (беднасць, гендэрная няроўнасць, высокі ўзровень беспрацоўя, інш.) праблем. Яны забяспечваюць стварэнне новых працоўных месцаў, папаўненне бюджэту, развіццё наватарства і інавацыйнай дзейнасці. Таксама яны ўносяць пэўны ўклад у фарміраванне канкурэнтнага асяроддзя² [2, с. 135], што для развіцця эканомікі мае першаснае значэнне.

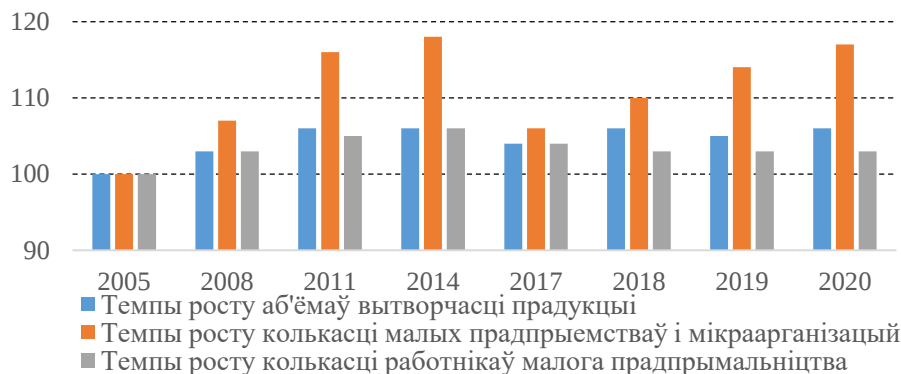
Уплыў МП на эканоміку Беларусі і неабходнасць удасканалення дзелавога асяроддзя МП падкрэслівалі многія вучоныя. У навуковых працах В.Л. Сімановіч, М.І. Балашэвіч, Т.П. Быкавай, В.Я. Лялінай, У.І. Ляшэнкі, К.В. Паўлавай, В.В. Хахулінай, І.В. Мальгінай, В.В. Тышлека, Г.А. Яшавай, В.Г. Вайнулавай і інш. былі дэталёва разгледжаны дадзеныя пытанні з пазіцыі навуковых інтарэсаў гэтых вучоных. Так, В.Л. Сімановіч раскрывае дадзеную праблему з пазіцыі ўплыву інавацыйнай дзейнасці МП на развіццё рэгіянальнай эканомікі. На думку М.І. Балашэвіча, МП шмат у чым вызначаюць тэмпы эканамічнага росту, занятасці насельніцтва, вызначаюць структуру і якасць ВУП. Т.П. Быкава вывучае ролю МП у прыцягненні фінансавых сродкаў у нацыянальную эканоміку, акцэнтуючы ўвагу на пытаннях аб суадносінах дзяржаўнага рэгулявання і самарэгулявання МП. К.В. Паўлаў вывучае перспектывы ўдзелу МП у працэсе прыстасавання эканомікі і сацыяльнай сферы да сучасных рэалій. Шэраг іншых беларускіх вучоных акцэнтуюць увагу на інвестыцыйным патэнцыяле МП, выкарыстанні імі інвестыцыйных рэсурсаў рэгіёну [1, с. 20; 2, с. 102]. У цэлым, пры аглядзе навуковых прац у гэтай галіне можна вызначыць наступныя падыходы да абгрунтавання ўплыву МП на эканоміку Беларусі: разглядаюцца аспекты ўплыву ў іх сукупнасці і ўзаемасувязі; дэталёва аналізуюцца асобныя аспекты ўплыву МП на эканоміку Беларусі (эканамічны, фінансавы, кіраўнічы, псіхалагічны, сацыяльны, інш.). У дадзеным артыкуле будуць прыведзены высновы з праведзенага даследавання заканамернасцей развіцця мікра- і малых прадпрыемстваў у замежных краінах і Беларусі за 2005 – 2020 гг.; будуць выяўлены магчымыя кірункі росту дзелавой актыўнасці беларускіх МП з улікам становішча вопыту замежных краін па падтрымцы дзейнасці такіх суб'ектаў.

Роля і месца МП у сістэме эканамічных адносін, канкурэнтаздольнасці эканомікі, нацыянальнай бяспекі ў многім залежаць ад узроўню развіцця нацыянальнай эканомікі, гісторыка-культурных асаблівасцей краіны. Аналіз дзейнасці МП у краінах ЕС за 2005 – 2020 гг. прывёў к наступным вынікам. Так, у ЕС сярэдняя колькасць работнікаў МП складае не больш за 20 чалавек. МП забяспечваюць 2/3 прыросту новых працоўных месцаў. Доля

¹ DOI: <https://doi.org/10.46782/1818-4510-2022-1-17-34>.

² DOI: <https://doi.org/10.29235/1817-7204-2020-58-2-135-142>.

МП у ВУП складае каля 55% [1, с. 28]. У ЕС існуюць наступныя крытэрыі вызначэння МП: колькасць працуючых – не больш за 49 чалавек; таваразварот – не больш за 40 млн. еўра; балансавы кошт актываў – не больш за 27 млн. еўра. На малюнку 1 прыводзяцца і супастаўляюцца тэмпы росту аб'ёмаў вытворчасці, колькасці МП, колькасці работнікаў МП у ЕС за 2005 – 2020 гг. Дадзеныя паказчыкі адлюстроўваюць інтэнсіўнасць развіцця МП. Найбольшыя значэнні іх прыпадаюць на 2011, 2014 і 2020 гг.³.

Малюнак 1. – Паказчыкі дзейнасці МП у эканоміцы ЕС, %

Па дадзеных дыяграмы відаць, што ў ЕС за 2005 – 2020 гг. назіраецца рост колькасці МП, які ў сярэднім па краінах склаў 106% у год. Для МП характэрна высокая шчыльнасць у разліку на 1000 жыхароў. У сярэднім па краінах яна вагаецца ад 35 да 55 МП. Найбольш высокія значэнні паказчыка дасягае ў Чэхіі – 86, у Партугаліі – 83, у Іспаніі – 72, у Італіі – 68, у Швецыі – 65 [1, с. 28], дзе шматбакова стымулюецца самазанятасць, падтрымліваецца арганізацыя ўласнай справы. Для параўнання, доля буйных прадпрыемстваў у агульнай колькасці суб'ектаў прадпрыемстваў у ЕС складае да 1%, а іх шчыльнасць у разліку на 10000 жыхароў – у сярэднім па краінах 1 суб'ект [1, с. 28]. МП у ЕС працаўладкоўвае каля 45% насельніцтва. У большай колькасці гэта жыхары буйных гарадоў, занятыя ў сферы паслуг. За 2005 – 2020 гг. выяўлены адносна ўстойлівыя штогадовыя тэмпы росту колькасці работнікаў МП, якія ў сярэднім па краінах ЕС склалі каля 102,5% у год. У 2020 г. значную занятасць насельніцтва на МП мелі Германія (54%), Францыя (53%), Швецыя (47%), Аўстрыя (52%), Польшча (47%)⁴, а сярэдняя колькасць занятых на адным мікрапрадпрыемстве склала 4 чалавекі, на адным малым прадпрыемстве – каля 15 чалавек (табліца 1). Такія паказчыкі адлюстроўваюць вытворчую моц прадпрыемстваў. Для параўнання, адно буйное прадпрыемства забяспечыла працай каля 670 чалавек.

Табліца 1. – Сярэдняя колькасць занятых на адным МП у замежных краінах, 2019 – 2020 гг.^{5*}

Краіна	Насельніцтва, млн. чал.	Сярэдняя колькасць занятых, чал.	Адхіленне ад сярэдняга знач. паказчыка, чал.
Аўстрыя	8,92	15	+7 (187,50 %)
Бельгія	11,56	7	-1 (87,50 %)
Данія	5,83	9	+1 (112,50 %)
Фінляндыя	5,53	5	-3 (62,50 %)
Францыя	67,39	7	-1 (87,50 %)
Германія	83,24	9	+1 (112,50 %)
Грэцыя	10,72	5	-3 (62,50 %)
Ірландыя	5,00	9	+1 (112,50 %)
Італія	59,55	4	-4 (50,00 %)
Люксембург	0,63	11	+3 (137,50 %)
Нідэрланды	17,44	11	+3 (137,50 %)
Партугалія	10,31	5	-3 (62,50 %)
Іспанія	47,35	5	-3 (62,50 %)

Дадзеныя табліцы 1 паказваюць, што на доследных прадпрыемствах працавала ў 2019 – 2020 гг. у сярэднім ад 4 да 15 супрацоўнікаў (гэта тыповая характарыстыка МП). Найбольшае значэнне паказчыка было дасягнута ў Аўстрыі, Люксембургу, Нідэрландах, што звязана з умовамі ўнутранага рынку гэтых краін (тут пакупніцкая здольнасць спажываўцоў вышэйшая за сярэднюю па краінах ЕС).

³ URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/849659ce-dadf-11eb-895a-01aa75ed71a1>. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/tgm/refreshTableAction.do?tab=table&plugin=1&pcode=tec00011&language=en>.

⁴ Там жа.

⁵ URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/tgm/refreshTableAction.do?tab=table&plugin=1&pcode=tec00011&language=en>.

У ЕС уклад МП у ВУП высокі. Яго сярэдняе значэнне складае каля 35%; па галіновай структуры: у сферы паслуг – каля паловы ВУП краіны, у прамысловасці – сёмую частку (каля 15%). МП вырабляюць кожны трэці прадукт (кожны сёмы тавар або аказваюць кожную другую паслугу)⁶ [1, с. 28–29]. МП у краінах араентаваны на захаванне культурнай спадчыны, прыкмет ідэнтычнасці ў вытворчасці тавараў і паслуг. У цэлым, аналіз паказчыкаў дзейнасці МП у эканоміцы краін ЕС вызначыў асноўныя фактары іх фарміравання: прыватная ўласнасць мае на ўвазе вялікую адказнасць за вынік прадпрымальніцкай дзейнасці; гнуткасць вытворчых магчымасцей МП садзейнічае павышэнню вынікаў прадпрымальніцкай дзейнасці; інавацыі ўкараняюцца хутчэй у параўнанні з сярэднімі і буйнымі прадпрыемствамі; тэхналагічныя інавацыі больш актыўна выкарыстоўваюцца ў арганізацыі працы; дзейнасць МП дазваляе рэалізоўваць інвестыцыі ў найкарацейшыя строки; канкурэнцыя паміж МП пашырае выбар для спажывцоў; высокая прыстасаванасць да рыначных умоў і зменлівасці спажывецкага попыту; злучэнне ўласніка і кіраўніка ў адной асобе спрыяеюць прадпрымальніцкай ініцыятыве; невялікая колькасць супрацоўнікаў спрыяе карпаратыўнасці і ўзаемадапамозе; для дзейнасці МП характэрна высокая хуткасць абмену дзелавой інфармацыі; малая забяспечанасць рэсурсамі спрыяе іх эканомнаму выкарыстанню.

Краіны ЕС дэманструюць прыклад шматбаковай дзяржаўнай палітыкі рэгулявання МП [1, с. 20–23]. Трэба адзначыць, што праблемы, на вырашэнне якіх накіравана дзяржаўнае рэгуляванне, у краінах ЕС падобныя. Адрозненні – у непасрэдных механізмах рэалізацыі дзяржаўнай палітыкі, ў арганізацыі тых ці іншых мерапрыемстваў. Галоўнымі мэтамі рэгулявання МП з’яўляюцца развіццё прадпрымальніцкіх сувязей і ўнутранага рынку, форм замежнай дзелавой актыўнасці МП, узаемадзеяння паміж прадпрыемствамі. У ЕС рэгуляванне МП ажыццяўляецца на чатырох узроўнях: паміж усімі краінамі ЕС, рэгіянальным, нацыянальным і мясцовым. Паміж усімі краінамі ЕС палітыка падтрымкі МП арыентавана на канкрэтнага чалавека, фірму і грамадства. Яе галоўнай мэтай з’яўляецца стварэнне адзінага рынку шляхам уніфікацыі заканадаўчай базы па МП, узаемадзеянне краін па стварэнні аб’яднанняў прадпрымальнікаў, камерцыялізацыі інавацый і стварэнні ўмоў для іх распрацоўкі. Для павышэння канкурэнтаздольнасці МП распрацоўваецца спецыяльнае заканадаўства. У ЕС створана Бюро па збліжэнні прадпрыемстваў, дзейнічае Еўрапейская асацыяцыя венчурнага капіталу (гэта еўрапейскі сектар прамых інвестыцый, венчурнага капіталу і інфраструктуры), Камітэт па спрашчэнні працэдур выдзення бізнэсу (створаны ў 2006 г.), Камітэт па садзейнічэнні бізнэсу, сетка інфармацыйных цэнтраў (яны рэалізуюць меры па росце канкурэнтаздольнасці мясцовых МП за кошт скарачэння бюракратычных працэдур, ліквідацыі нарматыўных бар’ераў, інш.). У мэтах рэгулявання МП укаранены юрыдычныя мадэлі: Еўрапейскі пул эканамічных інтарэсаў, Еўрапейская акцыянерная кампанія (яны вырашаюць задачы груп прадпрымальнікаў), інш. Усё гэта дае магчымасць МП вырашаць праблемы супярэчнасцей нацыянальных прававых сістэм. Рэгіянальная падтрымка МП ажыццяўляецца на аснове спецыяльных праграм, якія аб’ядноўваюць прыватных і/або дзяржаўных партнёраў для вырашэння надзённых праблем бізнэсу (напрыклад, у краінах Балтыйскага рэгіёну створаны Ганзейскі парламент (1994 г.), які мае адну з лепшых мадэляў у ЕС па абароне правоў прадпрымальнікаў). Задачами рэгіянальнай палітыкі рэгулявання МП з’яўляюцца: падтрымка МП, больш уразлівых да негатыўных знешніх умоў, у рэгіёнах з нізкім узроўнем даходаў прадпрымальнікаў і нізкімі тэмпамі эканамічнага росту; падтрымка міжнароднай дзейнасці і міжнароднага супрацоўніцтва МП; пошук шляхоў атрымання прадпрымальнікамі і насельніцтвам высакаякаснай і інклюзіўнай адукацыі, прафесійнай падрыхтоўкі; абмен досведам дзелавога жыцця паміж МП (усё гэта арыентавана на рэгіянальныя асаблівасці МП). Аказваюцца розныя меры падтрымкі: арганізуюцца трэнінгі; ажыццяўляецца трансфер інавацый; праводзяцца навукова-даследчыя працы; бізнэс-форумы і інш. [1, с. 20–23].

Палітыка рэгулявання МП у ЕС зведала разнастайныя змены ў сувязі з эканамічнымі і палітычнымі фактарамі. Асноўныя напрамкі дзяржаўнай палітыкі рэгулявання МП у кантэксце аналізу ўмоў выдзення бізнэсу ў краінах ЕС згрупаваны наступным чынам: фінансава-кредытная, інвестыцыйная і падаткавая падтрымка; прыцягненне да выканання дзяржаўных заказаў; падтрымка экспертнай дзейнасці; падтрымка навуковых даследаванняў і развіцця навукі; кадравая падтрымка; падтрымка МП, якія працуюць у сацыяльным сектары (табліца 2).

Табліца 2. – Асноўныя напрамкі дзяржаўнай палітыкі рэгулявання МП у ЕС⁷

Напрамкі	Сутнасць
1	2
Фінансава-кредытная і інвестыцыйная падтрымка	1. Выплата прэмій, якія залежаць ад вынікаў працы, паспяховым бізнэсмэнам за стварэнне бізнэсу. 2. Нізкія працэнтныя стаўкі па крэдытах МП на ўвесь тэрмін крэдытавання, працяглыя тэрміны крэдытавання (больш за пяць гадоў), разнастайная лінейка крэдытаў. 3. Гарантаванне дзяржавай (або спецыялізаванымі фінансавымі інстытутамі) да 60 – 80% крэдытаў МП з розным узроўнем прадуктыўнасці працы і ў розных галінах вытворчасці. 4. Прадастаўленне венчурнага капіталу маладым прадпрымальнікам і студэнтам у тэхналагічнай галіне, паслугі настаўнікаў у гэтай галіне. 5. Развіццё факторынгу з яго сегментаваннем па рэгіёнах (тэрыторыях), тыпах і прымяненнях
Падаткавая падтрымка, у т.л. дапамога у падрыхтоўцы падатковых дэкларацый	1. Вызваленне ад шэрагу падаткаў прадпрымальнікаў на пачатковым этапе. 2. Зніжэнне карпаратыўнага падатку на працу першых пяці гадоў працы. 3. Зніжэнне падаткавых ставак для МП у параўнанні з іншымі суб’ектамі прадпрымальніцтва. 4. Кансультаванне МП у падрыхтоўцы падаткавых дэкларацый

⁶ Гл. спасылку № 5.

⁷ Там жа.

Канчатаяк табліцы 2.

1	2
Прыцягненне МП да выканання дзяржаўных заказаў	1. Заканадаўчае рэзерваванне вытворчасці пэўнага пераліку тавараў і работ МП. 2. Прыцягненне МП да выканання дзяржаўных заказаў у абароннай прамысловасці, іншых галінах эканомікі
Падтрымка экспертнай дзейнасці МП, у т.л. індывідуальная падтрымка мясцовых МП на замежным рынку	1. Кансультаванне па экспертнай дзейнасці і льготнае крэдытаванне экспертных праектаў. 2. Дапамога ў прыцягненні спецыялістаў, падаткавыя льготы і вызваленне МП ад пэўных патрабаванняў для выхаду на замежны рынак. 3. Кансультацыі па выкарыстанні ІТ, неабходных для выхаду МП на замежны рынак, для вырашэння спецыфічных патрэб замежнага рынку
Падтрымка навуковых даследаванняў, развіцця навукі	1. Прыняцце спецыяльных рэгіянальных праграм падтрымкі навуковых даследаванняў, дапамога ў навукова-даследчых і даследча-канструктарскіх працах, грантавае фінансаванне. 2. Прадастаўленне навукаёмістым МП службовых, гандлёвых і іншых памяшканняў, дзелавой кантактнай інфармацыі. 3. Стварэнне і развіццё шматсектарных або арыентаваных на канкрэтную галіну “тэхнапаркаў”, “бізнэс-інкубатораў”, “прамысловых вулляў”
Кадровая падтрымка; падтрымка МП, якія працуюць у сацыяльным сектары	1. Дзяржаўнае стымуляванне росту колькасці работнікаў МП. 2. Развітая сетка навучальных устаноў і бізнэс-школ. 3. Дзеянне праграм падрыхтоўкі кадраў вышэйшай кваліфікацыі, спецыялістаў з сярэдняй спецыяльнай адукацыяй. 4. Платформы электроннага навучання з анлайн-курсамі для ўсіх спецыялізаваных відаў прадпрыемальніцкай дзейнасці (па прадметных абласцях)

Крыніца: [1].

У цэлым, замежны вопыт дзяржаўнага рэгулявання МП заслугуе ўсебаковага вывучэння і выяўлення магчымасцей выкарыстання станоўчага вопыту ў айчынай практыцы.

Аналіз дзейнасці МП у Беларусі і параўнанне яго асноўных паказчыкаў з аналагічнымі паказчыкамі МП шэрагу краін ЕС, мэтавымі значэннямі асноўных паказчыкаў дзейнасці МП, якія ўстаноўлены ў Дзяржаўных праграмах падтрымкі МП, паказалі, што ўплыў дзейнасці МП на стан эканомікі ў рэгіёнах і нацыянальную эканоміку невялікі. У параўнанні з ЕС, у Беларусі склалася іншая сітуацыя. Унёсак МП у ВУП істотна ніжэйшы – каля 16%. Для параўнання, нават у краінах-партнёрах – 20 і 19% (Расія і Казахстан адпаведна) [1]. Гэты ўнёсак не адпавядае патрэбам эканомікі. За апошнія дзесяцігоддзі ў Беларусі ўмовы для выдзялення бізнэсу прыкметна палепшыліся, што з’яўляецца вынікам дзеяння праграм дзяржаўнай падтрымкі прадпрыемальніцтва. Аднак да паказчыкаў прыведзеных краін беларускім МП яшчэ далёка. Колькасць стратных МП у рэспубліцы значная. Кожнае пятае МП стратнае⁸. Агульныя звесткі пра дзейнасць МП краіны прыведзены ў табліцах 3, 4 (на прадставе даных Белстата⁹).

Табліца 3. – Агульныя эканамічныя паказчыкі дзейнасці МП Беларусі

Паказчыкі	2005	2008	2010	2012	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Колькасць МП, адз.	32243	60719	84164	97444	105047	105067	107726	108977	108542	109186
Аб’ём вытворчасці прадукцыі, млрд. руб.	10332	25374	43657	157894	224361	26297*	31002*	36014*	41771*	45996*
Аб’ём прамысловай вытворчасці, млрд. руб.	4371	10750	14852	64768	68112	8205,1*	9513,3*	11364*	12572*	14149*
Інвестыцыі ў асноўны капітал, млрд. руб.	1033	4888	14928	40354	49422	4819*	4757*	5973*	7991*	8286*
Выручка ад рэалізацыі тавараў і паслуг, млрд. руб.	31768	70159	126388	413319	632689	71023*	90602*	108440*	111453*	110654*
Знешнегандлёвая дзейнасць, млн. дол. ЗША	6973	12113	20279	26314	19138	17149	23087	28487	27209	21090

* – млн. руб. (з улікам маштабу дэнамінацыі)

Табліца 4. – Дадзеныя дзейнасці МП Беларусі ад агульных рэспубліканскіх паказчыкаў, %

Паказчыкі	2005	2008	2010	2012	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Валавы ўнутраны прадукт	7,9	9,3	12,3	15,1	13,7	14,2	14,9	14,7	15,6	15,6
Аб’ём прамысловай вытворчасці	7,0	8,2	8,9	10,5	9,3	10,1	10,2	10,4	11,0	12,0
Інвестыцыі ў асноўны капітал	6,9	13,1	27,0	26,1	23,5	25,8	22,6	23,9	27,7	28,0
Выручка ад рэалізацыі тавараў і паслуг	21,2	20,7	27,9	26,7	28,2	28,9	31,6	32,2	30,9	29,6
Знешнегандлёвая дзейнасць	21,3	16,7	33,7	28,5	33,6	33,6	36,4	39,5	37,6	34,1

⁸ URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/strukturnaja_statistika.⁹ Там жа.

У Беларусі станоўчымі вынікамі дзяржаўнай палітыкі развіцця дзейнасці МП з'яўляюцца рост колькасці МП на 238,6% за перыяд 2005 – 2020 гг. (на 76 943 адз.), рост аб'ёму вытворчасці з 10 332 млрд руб. да 45 996 млн. руб. (з улікам маштабу дэмінацыі). Агульны аб'ём прамысловай вытворчасці МП павялічыўся ў 18 разоў у параўнанні з 2005 г. У 2020 г. ён склаў 14 149 млн. руб. (з улікам маштабу дэмінацыі), г. зн. 12% ад агульнага аб'ёму прамысловай вытворчасці ў рэспубліцы. Штогод расце ўнёсак МП у знешнегандлёвы зварот краіны. Рост інвестыцый МП у асноўны капітал сведчыць пра павелічэнне іх матэрыяльна-тэхнічнай базы. У цэлым, аналіз паказчыкаў табліц 3, 4 і асаблівасцей дзейнасці МП у Беларусі за 2005 – 2020 гг. дазваляе сцвяржаць наступнае: назіраюцца высокія тэмпы росту колькасці мікрапрадпрыемстваў, гэта суправаджаецца зніжэннем тэмпаў росту колькасці малых прадпрыемстваў; за прыведзены перыяд МП сканцэнтраваны ў сферах, якія не патрабуюць высокай кваліфікацыі і спецыяльных ведаў (больш за 40% прадпрыемстваў занятыя аптвым і рознічным гандлем), галіновая структура МП застаецца стабільнай; назіраецца нераўнамернасць тэрытарыяльнага развіцця МП (засяроджванне МП у сталіцы і абласных цэнтрах); назіраецца значная колькасць стратных МП (у рэстараным і гасцінічным бізнэсе – 42%, у гандлі – 23%, у прамысловасці – 21%); колькасць работнікаў МП павялічваецца ў 2,5 разы, аднак большая частка насельніцтва рэспублікі занятая на буйных і сярэдніх прадпрыемствах; па галінах эканомікі размяшчэнне колькасці работнікаў МП у працэнтах ад агульнага рэспубліканскага паказчыка змяняецца нязначна; дынаміка змяненняў вытворчых паказчыкаў МП часта звязана са зменай колькасці МП і іх структурнага складу [1, с. 126–127]. Такія характарыстыкі назіраюцца напрацягу ўсяго даследаванага перыяду.

Даследаванне таксама ўключыла спробы вызначыць асноўныя праблемы дзейнасці МП у Беларусі. У табліцы 5 прыведзены даныя анкетавання прадпрыемстваў, кіраўнікоў суб'ектаў інфраструктуры падтрымкі малога прадпрыемства ў Беларусі [1, с. 87]. Можна ўбачыць, што развіццё МП у Беларусі стрымліваецца мноствам фактараў. Пералічаныя ў табліцы 5 праблемы дзейнасці МП, выдзеленыя кіраўнікамі прадпрыемстваў, характарызуюць умовы развіцця малога прадпрыемства ў Беларусі.

Табліца 5. – Асноўныя праблемы дзейнасці МП у Беларусі

Назва праблемы	Адказы асоб анкетавання
Крэдытаванне дзейнасці	Праблемы закладной маёмасці, высокія працэнтныя стаўкі, аб'ём выдадзеных крэдытаў, абмежаваная крэдытная лінейка, умовы паручыцельства па крэдытах, высокія штрафы за невыкананне ўмоў крэдытнага дагавору, парадак пагашэння працэнтаў і асноўнага абавязку, інш.
Затрымкі тэрмінаў аплаты пакупнікам пастаўленай прадукцыі, колькасць даўжнікоў па аплаце пастаўленай прадукцыі	Малая колькасць пакупнікоў (партнёраў), высокая залежнасць ад заказчыкаў, галіновыя рызыкі, нізкія штрафы за парушэнне тэрмінаў пастаўкі прадукцыі па ўмовах тэндэру, інш.
Складанасці па арэндзе маёмасці, высокая арэндная плата	Высокая арэндная плата за тэрытарыяльна выгадна размешчаную маёмасць, складанасці ў парадку арэнды маёмасці, тэрміны арэнды
Вялікая колькасць адміністрацыйных працэдур	Праблемы выканання працэдур атрымання ліцэнзій, сертыфікацыі выпуску, маркіроўкі, тэхнічнай экспертызы, інш.
Высокая канкурэнцыя	Шматлікасць канкурэнтаў на рынку, рэклама, асартымент, інш.
Высокія штрафы	Высокія штрафы за парушэнні, выяўленыя пры правядзенні кантрольна-наглядных мерапрыемстваў, за парушэнні правілаў тэхнікі бяспекі; кіраўніцтва прадпрыемстваў лічыць, што з боку дзяржавы ўзмацняюцца кантрольна-наглядныя функцыі
Адток працоўных з прафесійнымі навыкамі, выпускнікоў ВНУ ў іншыя краіны	Адток і дэфіцыт кваліфікаваных рабочых, неабходнасць перападрыхтоўкі рабочых у сувязі з умовамі працы, магчымасць выканання работ вахтовым метадам у РФ, Польшчы; адток выпускнікоў ВНУ ў РФ, Польшчу, высокая цяжасць маладых кадраў, інш.
Іншыя	Цяжасці прымянення дзеючага заканадаўства, цяжасці ўкаранення ІТ эканамічнага і іншага прызначэння, памылкі ў бухгалтарскім ўліку і справаздачнасці, абмежаваныя навыкі ў маркетынгу, цяжасці пабудовы дзелавых адносін з партнёрамі, недастатковы ўзровень ведаў і кампетэнцый, цяжасці пошуку дзелавой інфармацыі, інш.

Крыніца: [1, с. 87; 5–7].

Пазначаныя кіраўнікамі праблемы маюць важнае значэнне, таму што яны вызначаюць здольнасць такіх прадпрыемстваў прыстасоўвацца ва ўмовах рыначнай кан'юнктуры. Вызначаныя праблемы не з'яўляюцца крытычна значымі. Яны дапускаюцца ў дзелавым асяроддзі. На думку кіраўнікоў, яны больш сур'ёзныя ў параўнанні з унутранымі функцыянальнымі праблемамі. Усё ж, пазначаныя цяжасці патрабуюць ведаў для вырашэння іх у вядзенні гаспадарчай дзейнасці.

У ходзе даследавання стала відавочным, што для павышэння ўдзелу беларускіх МП у выкананні эканамічных задач, у тым ліку пераймання станоўчага вопыту развіцця МП замежных краін, неабходна ўдасканаленне метадычнага інструментарыя прагназавання развіцця МП, які дазваляў бы даць своечасовую практычную ацэнку намечаных змен у дзяржаўнай палітыцы. Распрацоўка такога інструментарыя пасадзейнічае і больш эфектыўнаму выкарыстанню рэгіянальных рэсурсаў. У якасці складовай часткі інструментарыя прапануецца выкарыстоўваць аўтарскі інструментарый методыкі даследавання змяненняў паказчыкаў гаспадарчай дзейнасці МП, які дасць

магчымасць колькасца ацэніць узаемазвязь фактарнага і асноўнага паказчыкаў іх дзейнасці. Метадычны інструментарый накіраваны на выяўленне значнасці доследнага фактарнага паказчыка для дынамікі асноўнага паказчыка дзейнасці МП. Прапанаваная методыка разліку інтэнсіўнасці развіцця МП і ацэнкі яго ўплыву на рост эканомікі краіны з пазіцыі створанага прадукта выкарыстоўвае апарат ацэнкі структурных змен у развіцці МП. Ужыванне прапанаванай методыкі дазваляе выявіць інтэнсіўнасць уплыву фактарных паказчыкаў развіцця МП на аб'ём створанага імі прадукта, ступень уплыву змен структуры МП па відах эканамічнай дзейнасці на агульны аб'ём гатовага прадукту ў краіне. Методыка ўключае пабудову крывых рухомасці змен доследных паказчыкаў і разлік каэфіцыентаў структурнага эфекту ад уведзеных новаўтварэнняў. Значэнне каэфіцыента структурнага эфекту ад магчымых змен паказа дынаміку інтэнсіўнасці ўплыву фактарнага паказчыка развіцця МП на асноўны паказчык. Прымяненне прапанаванай методыкі ў нейкай меры даць магчымасць удакладніць рэалізацыю інструментаў дзяржаўнага рэгулявання развіцця МП у адпаведнасці са спецыфікай іх развіцця. Методыка больш падрабязна прадстаўлена ў дысертацыйным даследаванні і апрабавана ў дзейнасці мясцовых улад г. Брэста і Брэсцкай вобласці [1, с. 109].

Заклучэнне. Дзяржаўная палітыка, што праводзіцца ў Беларусі, патрабуе развіцця канкурэнтнага асяроддзя праз дзейнасць малых прадпрыемстваў. Традыцыйна асноўнымі суб'ектамі нацыянальнай эканомікі з'яўляюцца буйныя прамысловыя прадпрыемствы, якія ва ўмовах міжнародных санкцый адносна павольна прыстасоўваюцца да новых фактараў. Рэалізацыя задачы імпартазамышчэння выклікае неабходнасць больш інтэнсіўнага развіцця МП. Даследаванне развіцця МП за 2005 – 2020 гг. дазволіла прасачыць існуючыя ўмовы выдзення гаспадаркі ў краінах ЕС. У Беларусі за гэты перыяд колькасць МП узрасла, аднак сярод іх назіраецца высокая стратнасць дзейнасці. Удзел МП у ВУП, прамысловай вытворчасці, забеспячэнні занятасці насельніцтва невысокі і недастатковы ва ўмовах існуючай падтрымкі малога бізнэса дзяржавай. Таксама ён недастатковы ў сучаснай рыначнай сітуацыі. Паказчыкі дзейнасці айчынных МП фарміруюцца пераважна малымі прадпрыемствамі (не мікрапрадпрыемствамі), сярод якіх фіксуецца высокая стратнасць дзейнасці. Можна зрабіць вынік, што МП не рэалізуюць магчымасці развіцця ў поўнай меры. На нашу думку, для сучаснай Беларусі найважнейшую ролю ў развіцці МП (сярод функцый кіравання) павінна адыгрываць планаванне, якое павінна грунтавацца на прагназаванні. Для павышэння дакладнасці прагназавання неабходны деталёвы аналіз цяперашніх і будучых дзелавых умоў. Прапанаваная методыка разліку інтэнсіўнасці развіцця МП і ацэнкі яго ўплыву на рост эканомікі краіны з пазіцыі створанага прадукта можа выкарыстоўвацца як складовая частка такога інструментарыя. Яна дазволіць праводзіць перыядычную ацэнку, што актуальна ў сувязі з няўстойлівасцю рыначных абставін.

Беларусь можа пераняць станоўчыя бакі рэгулявання МП замежных краін, аднак пры гэтым неабходна ўлічваць нацыянальныя эканамічныя, сацыяльныя і культурныя асаблівасці. Прымяненне метадычнага інструментарыя павысіць дакладнасць дзяржаўнай палітыкі і забяспечыць яе гнуткасць.

ЛІТАРАТУРА

1. Крамаренко, А.К. Малое предпринимательство в Республике Беларусь: методическое обеспечение и пути развития : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / А.К. Крамаренко. – Брест, 2019. – 216 л.
2. Крамаренко, А.К. Отдельные направления реализации государственного регулирования деятельности малого предпринимательства в Республике Беларусь / А.К. Крамаренко // Вестн. Брест. гос. техн. ун-та. Сер. Экономика. – 2018. – № 3(105). – С. 102–106.
3. Мальгина, И.В. Малое и среднее предпринимательство: цифровая экономика и трансформация / И.В. Мальгина // Проблемы управления. – 2019. – № 1. – С. 40–44.
4. Беляцкий, Н.П. «Квантовые скачки» бизнеса / Н.П. Беляцкий // Наука и инновации. – 2019. – № 11. – С. 64–68.
5. Бутеня, В.Е. Влияние инноваций и информационных технологий на трансформацию современного бизнеса / В.Е. Бутеня // Науч. тр. Белор. гос. экон. ун-та. – 2021. – Вып. 14. – С. 58–64.
6. Руденко, Л.Г. Государственная поддержка развития малого и среднего предпринимательства в условиях цифровизации / Л.Г. Руденко // Государственное регулирование экономики и повышение эффективности деятельности субъектов хозяйствования : материалы XV Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 25–26 апр. 2019 г. / Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь ; редкол.: Н. Л. Бондаренко [и др.]. – Минск, 2019. – С. 97–98.
7. Мальгина, И.В. Поддержка цифровизации малого и среднего предпринимательства / И.В. Мальгина // Наука и инновации. – 2021. – № 2. – С. 52–55.

Пастуіў 29.07.2022

МАЛОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО: НАПРАВЛЕНИЯ РОСТА ДЕЛОВОЙ АКТИВНОСТИ

*канд. экон. наук, доц. А.К. КРАМАРЕНКО
(Брестский государственный технический университет)*

В статье приведены выводы исследования особенностей развития микро- и малых предприятий (МП) в странах ЕС и Белоруссии за 2005 – 2020 гг. Динамика основных показателей деятельности МП приведена в контексте анализа условий ведения бизнеса в указанных странах. Представлена группа мер государственного

регулирования МП с позиции их взаимосвязи с основными направлениями участия МП в решении региональных экономических задач. По данным анкетирования руководителей МП автором выделены проблемы деятельности МП. Предложена методика расчета интенсивности развития МП и оценки его влияния на рост экономики с позиции производимого продукта для уточнения существующего методического инструментария прогнозирования развития МП. Исследование направлено на использование в большей мере потенциала МП Белоруссии.

Ключевые слова: микро- и малые предприятия, деловая среда, государственное регулирование предпринимательства.

SMALL BUSINESS: DIRECTIONS OF BUSINESS ACTIVITY GROWTH

A. KRAMARENKO

(Brest State Technical University)

The article presents the conclusions of the research of the micro and small enterprises (MSE) development in EU and Belarus for 2005–2020. The dynamics of the main MSE indicators are given in the context of the business conditions. The grouping of MSE regulation measures from the standpoint of their interconnection with the main areas of MSE participation in solving regional economic problems is presented. According to the survey of MSE heads, the author highlighted the problems of MSE. The method calculation of the economic development MSE and assessment of its influence on the economic growth from the position of the created product is proposed to clarify the existing methodological tools for forecasting the development MSE. The research is aimed at maximizing the MSE potential in Belarus.

Keywords: micro and small enterprises, business environment, government regulation of entrepreneurship.

УДК 338.242

DOI 10.52928/2070-1632-2022-62-12-35-42

**ДИАГНОСТИКА И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА****канд. экон. наук, доц. А.Р. ЛАВРИНЕНКО***(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)***ORCID <https://orcid.org/0000-0002-2104-6513>**

Наукоемкие организации, обладающие передовыми технологиями и высоким научно-техническим потенциалом, призваны играть особую стратегическую роль в обеспечении нового качества и темпов развития экономики страны. Основой развития инновационной восприимчивости в наукоемкой сфере является существующий научно-технический комплекс, представляющий собой совокупность организаций, осуществляющих научную, техническую и образовательную деятельность, и технологический комплекс, представленный действующими производственными организациями. Инновационный потенциал организаций является решающим фактором определяющим направление и интенсивность развития инновационной составляющей научно-технического предпринимательства. В связи с этим встает вопрос о выборе наиболее эффективного инструментария диагностики уровня инновационного потенциала организации на заданный момент и оценка его динамики в целях дальнейшего развития, позволяющая оперативно определить внутренние возможности, выявить резервы развития организации в целях повышения её инвестиционной привлекательности и рыночной стоимости.

Ключевые слова: инновационный потенциал, инновационное развитие, оценка инновационного потенциала организации.

Введение. В современных рыночных условиях к основным особенностям научно-технического предпринимательства относятся вовлечение в коммерческий и некоммерческий обмен достижений науки и техники, что способствует распространению производственного опыта организации на национальный и международный уровень, а также двойственная роль субъектов инновационного рынка, проявляющаяся в том, что организации, которые производят инновационный продукт, одновременно являются и его продавцами, предлагая его потребителям на конкурентной основе, и одновременно потребителями научно-технических достижений на рынке производителей такого рода продукции. Механизмом развития инновационной деятельности считается выбранная организационно-экономическая форма реализации, стимулирование ее проведения, формирование инновационных решений, методы их регулирования. Для обеспечения стабильного развития организации необходимо постоянно анализировать и повышать уровень инновационного потенциала, так как развитие инновационного потенциала ведет к развитию организации в целом и её отдельных подразделений, а также всех элементов производственной системы.

Сегодня инновационный потенциал играет существенную роль в обеспечении устойчивого функционирования организации и развитии научно-технического предпринимательства в Республике Беларусь. Инновационный потенциал организации – это степень ее готовности выполнить задачи, обеспечивающие достижение поставленной инновационной цели, т.е. степень готовности к реализации инновационного проекта или программы инновационных преобразований и внедрения инноваций. Развитие инновационного потенциала организации может осуществляться только через развитие всех ее подразделений, а также всех элементов производственно-хозяйственной системы. Целью оценки инновационного потенциала является возможность выбора и реализации инновационной стратегии организации, позволяющей укрепить ее положение на рынке. Оценка уровня инновационного потенциала организации позволит адекватно оценить возможность и готовность организации к осуществлению инновационной деятельности, проанализировать и спрогнозировать тенденции развития организации, выявить ее сильные и слабые стороны, подготовить рекомендации по формированию инновационной стратегии организации и механизмам ее реализации.

Основная часть. К общим факторам, оказывающим влияние на инновационную деятельность организации, относятся циклические колебания, влияние которых на экономику Республики Беларусь в результате процесса глобализации постоянно усиливается. В качестве специфических факторов выделяют состояние научно-технического потенциала производственной сферы, коммерческо-политические условия реализации конкретных продуктов инновационной деятельности на рынке, активность менеджеров. В целях формирования инновационного потенциала необходимо выделить факторы, способствующие внедрению инноваций и препятствующие инновационному развитию организации.

Факторы, способствующие внедрению инноваций¹:

– наличие резерва финансовых ресурсов позволяет руководителям организаций идти на риск, связанный с реализацией инновационных проектов без страха потери финансовой устойчивости организации;

¹ Радкевич, Л.А. Факторы инновационного развития предприятия / Л.А. Радкевич // Труды БГТУ. Сер. 7. Экономика и управление. – 2012. – № 7 – С. 216–219. – URL: <https://elib.belstu.by/bitstream/123456789/3599/1/060radkevich-l.-a.-faktory-innovatsionnogo-razvitiya-predpriyati.pdf>. Касперович, С.А., Радкевич Л.А. Стратегическое управление инновационной деятельностью предприятия // Труды БГТУ. Сер. 5. Экономика и управление. – 2013. – № 7. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskoe-upravlenie-innovatsionnoy-deyatelnostyu-predpriyatiya>.

- развитая инновационная инфраструктура в регионе и государстве способствует получению и обмену информации, необходимой для создания инноваций;
- благоприятный инновационный климат в организации способствует выработке новых идей и их инициативному внедрению;
- наличие инновационных идей создает возможность выбора направления развития организации и фокусировки управленческих решений;
- высокий уровень научно-технического развития определяет более низкий удельный уровень затрат на разработку инновационных продуктов и технологий, что создает стимулы к их внедрению;
- высокие потребности рынка на инновационную продукцию предопределяют спрос на нее, что обуславливает высокую эффективность инноваций;
- государственная поддержка инновационной деятельности (прямая и косвенная), создает дополнительные мотивы для перехода организаций на инновационный путь развития;
- лоббирование интересов производителей инновационной продукции позволит им получить дополнительные преимущества (например, монопольные) на ранних стадиях жизненного цикла, что снизит риск несостоятельности инновационного продукта;
- высокий уровень мотивации в инновационной деятельности создает направление для приложения усилий и, если усилия координированы, позволит достичь поставленных целей широкому кругу заинтересованных лиц;
- хорошее техническое обеспечение сотрудников, принимающих участие в разработке и реализации инновационных проектов, позволяет ускорить инновационный процесс, сократив непроизводительные затраты времени, следовательно, увеличить рентабельность вложенного капитала;
- поддержка творчества среди сотрудников должна разрушить стереотип оборота «инициатива наказуема», создав уверенность в востребованности творческих решений и адекватном вознаграждении за их реализацию;
- демократический подход к управлению создает предпосылки к высказыванию своих идей без страха быть невыслушанным или наказанным.

Выделим также факторы, препятствующие инновационной деятельности:

- недостаток финансовых ресурсов, который является не только причиной, но и следствием низкой инновационной активности, поскольку инновации сегодня – необходимый элемент для развития организации;
- высокий экономический риск инноваций является одним из важнейших сдерживающих факторов, устранение которого практически невозможно, однако существуют методы распределения риска или перенесения его на других лиц, но в этом случае придется делить и доходы;
- недостаточная платежеспособность населения определяет низкую емкость рынка на инновационную продукцию, следовательно, низкий спрос на нее и низкие доходы от разработки и внедрения инновационных проектов;
- антимонопольное законодательство не всегда делает исключения для инновационной продукции и создает ограничения для уровня её рентабельности, что снижает мотивацию производителя, поскольку инновации связаны с высоким экономическим риском;
- недостаток квалифицированных кадров создает препятствия при разработке инновационных проектов. Решение этой проблемы реализуется посредством тесного сотрудничества с высшими учебными заведениями, а также проведением кадровой политики, направленной на постоянное совершенствование квалификации персонала;
- слабый уровень развития инновационной инфраструктуры не позволяет организациям пользоваться современными финансовыми инструментами при реализации инновационных проектов, быстро и качественно получать необходимую информацию, обмениваться ей, что существенно замедляет инновационный процесс;
- невосприимчивость персонала к нововведениям является распространенной проблемой отечественных организаций, поскольку при внедрении инновационных проектов возникают дополнительные сложности в работе, однако зачастую не создаются стимулы;
- излишняя бюрократизация научных и технологических исследований снижает уровень мотивации к исследовательской деятельности, соответственно снижая скорость НИОКР и количество поступающих разработок;
- сложность в планировании инновационных процессов вызвана высокой степенью неопределенности реализации инноваций и создает препятствия для принятия управленческих решений;
- отсутствие заинтересованности в инновациях со стороны руководства и персонала организации вызвано угрозой наказания при провале инновационного проекта, отсутствием вознаграждения за инициативные проекты, возможностью сокращения части персонала в связи со значительным ростом производительности труда и т.п.;
- отсутствие коммерческих связей с производителями сырья и материалов, необходимых для инновационных проектов, также негативно влияет на инновационную активность организаций, значительно увеличивая себестоимость инновационной продукции и снижая тем самым получаемый доход;
- таможенное законодательство, которое не позволяет оперативно сотрудничать с зарубежными исследовательскими организациями.

Существует несколько подходов, используемых для оценки инновационного потенциала организации: ресурсный, результативный, целевой, системный².

² Вьюнова, Р.Р. Подходы к оценке инновационного потенциала предприятия // Общество: политика, экономика, право. – 2015. – № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-otsenke-innovatsionnogo-potentsiala-predpriyatiya>.

Рассмотрим подробнее каждый из подходов. На основе ресурсного подхода производится оценка различных компонентов, которые имеют разное функциональное назначение: финансовых, материально-технических, трудовых, информационных и т.д. Ресурсные возможности компонентов выступают основой для формирования инновационного потенциала организации. При ресурсном подходе оцениваются структурные параметры, которые характеризуют износ (физический и моральный), остаточную мощность, запас ресурсов, организационные средства (технологии). Однако у подхода есть существенный недостаток, так как с его помощью невозможно учесть все виды наличных ресурсов организации. К таким ресурсам следует отнести трудовые, потому что именно они не поддаются количественной оценке. К рассмотрению инновационного потенциала как к способности ресурсов приносить определенный результат в виде выручки, прибыли, рентабельности и т.п. позволяет подойти результативный подход. Недостаток данного подхода заключается в том, что не позволяет полностью учитывать все имеющиеся у организации средства, источники, запасы и возможности, с помощью которых организация достигает определенных результатов. На основе целевого подхода инновационный потенциал понимается как способность организации к обеспечению долговременного функционирования и достижению поставленных инновационных целей при имеющемся количестве и качестве ресурсов, т.е. способность организации осуществлять инновационную деятельность и достигать поставленных инновационных целей на основе применения системы наличных ресурсов.

Выбор подхода оценки – одна из наиболее важных и ответственных задач в процессе анализа инновационного потенциала организации. Сложность заключается в необходимости учета разного рода неопределенности. На практике при решении задач оценки субъектов хозяйственной и инновационной деятельности наиболее существенны следующие виды неопределенностей [1, с. 21]:

- неопределенность при формировании оценочной системы;
- неопределенность формирования базы оценки;
- неопределенность оценки по субъективным показателям системы;
- неопределенность при формировании пороговых значений показателей-фильтров;
- неопределенность в определении весов показателей оценки.

Исследовав отечественные и зарубежные подходы к оценке инновационного потенциала с учетом возможностей белорусской статистики и ограниченного количества критериев, предложена система показателей, отражающая научно-технические и производственно-финансовые характеристики организации. Перечень разработанных переменных гарантирует необходимую достаточную информацию о состоянии инновационного потенциала организации. Последовательно переменные были сопоставлены, удалено дублирование, что нам позволило сформулировать 14 показателей для обследования, сгруппированные по двум модулям: научно-технический, обеспечивающий прогресс и развитие организации, и производственно-финансовый, отражающий финансовые ресурсы и результативность инновационной деятельности. На основании данной системы показателей можно определить состояние инновационного потенциала организации, провести бенчмаркинг, выявить проблемные места и определить пути их корректировки.

Для интегральной оценки инновационного потенциала организации предлагаем адаптивную методику, позволяющую оценить величину инновационного потенциала организации, проанализировать сложившуюся ситуацию, выявить основные тенденции и приоритетные направления развития. Интегральная оценка инновационного потенциала позволяет свести совокупность разнородных показателей к единому обобщающему показателю, который позволяет сравнивать инновационные потенциалы различных организаций. Для оценки инновационного потенциала организации предлагается использовать интегральный показатель, состоящий из суммы модулей (формула (1)) [2, с. 45]:

$$IP = NT + PF, \quad (1)$$

где IP – инновационный потенциал организации.

Инновационный потенциал представляет собой совокупность ресурсов, необходимых для разработки и внедрения новшеств, а также их коммерциализации, которые определяются по формуле: корень квадратный из суммы квадратов (формула (2) и (3)):

$$NT = \sqrt{\sum_{i=1}^8 NT_i^2}, \quad (2)$$

где NT – научно-технический модуль.

$$PF = \sqrt{\sum_{i=1}^6 PF_i^2}, \quad (3)$$

где PF – производственно-финансовый модуль.

При расчете интегрального показателя оценки инновационного потенциала, показатели модулей приводятся к индексной форме методами нормирования.

По интерпретации оценки инновационного потенциала организаций предлагаем разработанную матрицу, выражающую 4 квадранта решений [3, с. 12]. Каждый из квадрантов имеет свою характеристику и ориентировочную принадлежность к различным отраслям экономики. Данный метод позволяет определить инновационный потенциал организации путем расчета итоговых значений, на основании индикаторов, которые наиболее точно способны охарактеризовать инновационное состояние организации. Каждый из квадрантов интерпретируется через значения научно-технического и производственно-финансового модулей (рисунок 1).

Квадрант № 4 – «Исследователь» Организации региона, имеющие НИКОР-инфраструктуру, но слабую производственную базу	Квадрант № 3 – «Победитель» Организации региона, у которых были отмечены лучшие значения показателей инновационного потенциала
Квадрант № 1 – «Теряющий» Организации региона с крайне низким производственно-финансовым и инновационным потенциалом	Квадрант № 2 – «Производственник» Организации региона, восприимчивые к инновациям, но они не имеют НИОКР инфраструктуры

Рисунок 1. – Группировка и размещение научно-технических организаций в квадрантах матрицы уровня развития инновационного потенциала

Квадрант матрицы № 1 определяет организации с крайне низким инновационным потенциалом. Эти организации находятся в невыгодном положении, имеют слабые позиции для осуществления научно-технической деятельности. Это не является отрицательным моментом для их деятельности, они могут быть успешными, занимать стабильное положение на рынке, в отрасли промышленности. Приоритетными направлениями у данных организаций являются совершенствование бизнес-процессов, незначительные изменения процессов, направленные на экономию ресурсов, модификация продуктовой линии. Внутренняя инфраструктура инновационной деятельности либо вовсе отсутствует, либо сокращена до небольшого количества работников, занятых исследованиями и разработками. Организации в этой категории начинают осознавать важность инноваций. Квадрант № 2 – это организации, восприимчивые к инновациям, но они не имеют НИОКР-инфраструктуры, для того, чтобы поддерживать свою инновационную деятельность. Квадрант № 3 показывает организации, у которых были отмечены лучшие значения показателей инновационного потенциала. У организаций, расположенных в квадранте «Победитель» имеются выделенные ресурсы для осуществления инновационной деятельности. Приоритетными направлениями инновационной деятельности у этих организаций являются разработка процессных инноваций, внедрение нового или улучшенного способа производства, создание на этой основе новых видов продукции, а также поиск и развитие новых направлений деятельности. Внутренняя инфраструктура инновационной деятельности представлена относительно большим числом работников, занятых исследованиями и разработками. Осуществление инновационной деятельности является одним из главных приоритетных направлений деятельности организации. Квадрант № 4 показывает организации, которые имеют НИКОР-инфраструктуру для инновационной деятельности, но имеют слабую производственно-технологическую базу для трансфера своих решений. Организации данного квадранта могут рассматриваться как доноры научно-технических, инновационных идей.

В соответствии с предлагаемой методикой продиагностируем инновационный потенциал организации научно-технического предпринимательства за период с 2019 по 2021 год. На основе проведенного анализа сформируем ряд рекомендаций, которые позволят повысить уровень научно-технического потенциала и эффективно осуществлять управление инновационным развитием организации.

В таблице 1 представлены исходные данные за 2019–2021 гг., на основании которых будут проводиться дальнейшие расчеты.

Таблица 1. – Исходные данные для проведения оценки инновационного потенциала научно-технической организации за 2019–2021 гг.

Показатель	Условн. обозн.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	Нормат. знач-е	Темп роста 2021/2020 г, %
1	2	3	4	5	6	7
Научно-технический модуль (НТ):						
1.1 Количество патентов и других нематериальных активов, в том числе поданные заявки на патенты в год, шт.	НТ1	15	17	23	35	135,3
1.2 Количество продуктов или технологий, защищенных патентами, полученными за последние три года, шт.	НТ2	6	7	9	22	128,6
1.3 Численность работников с ученой степенью (докторов, кандидатов наук), чел.	НТ3	63	63	61	118	96,8
1.4 Численность работников, занятых исследованиями и разработками, чел.	НТ4	75	75	78	196	104,0
1.5 Бюджет НИОКР организации, тыс. руб.	НТ5	136	244	305	424	125,0
1.6 Объем сторонних средств для НИОКР, тыс. руб.	НТ6	103	167	158	388	94,6
1.7 Объем заказов на НИОКР, полученных от сторонних организаций (УВО, НИИ), шт.	НТ7	35	43	71	158	165,1

Окончание таблицы 1.

1	2	3	4	5	6	7
1.8 Объем финансирования НИОКР за счет собственных средств, используемых компанией для проведения НИОКР, в процентах к выручке, без учета бюджетных средств, %	NT8	18	23	26	40	113,0
Производственно-финансовый модуль (PF):						
2.1 Количество внедренных инноваций, шт.	PF1	9	9	11	16	122,2
2.2 Объем отгруженной инновационной продукции (работ, услуг), тыс. руб.	PF2	130	210	303	270	144,3
2.3 Общий объем затрат (капитальные и текущие) на инновации, тыс. руб.	PF3	157	279	290	281	103,9
2.4 Количество приобретенных патентов, технологий и других объектов интеллектуальной собственности за последние 3 года, тыс. руб.	PF4	38	38	39	71	102,6
2.5 Объем экспорта инновационных товаров (работ, услуг), тыс. руб.	PF5	60	126	130	228	103,2
2.6 Объем затрат на оборудование, приборы и оснастку со сроком эксплуатации до 5 лет в процентах в общем объеме капитальных затрат, %	PF6	28	33	29	51	87,9

Для наглядности и сравнительного анализа построим графики за 2019 и 2021 гг. на основании рассмотренных в таблице 1 показателей (рисунки 2, 3), которые демонстрируют уровень каждой составляющей инновационного потенциала, также позволяют выявить проблемные места в развитии организации и разработать меры воздействия на конкретные показатели с целью повышения общего уровня инновационного потенциала организации.

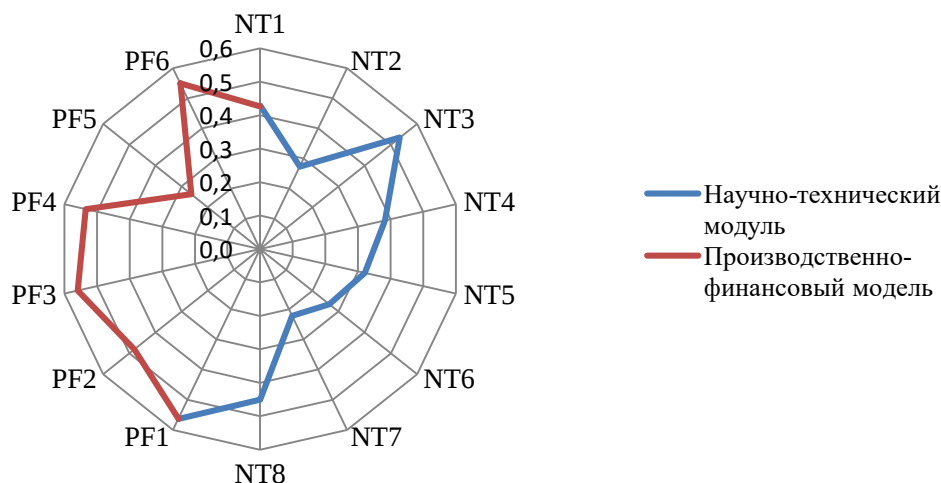

Рисунок 2. – Показатели инновационного потенциала научно-технической организации за 2019 год

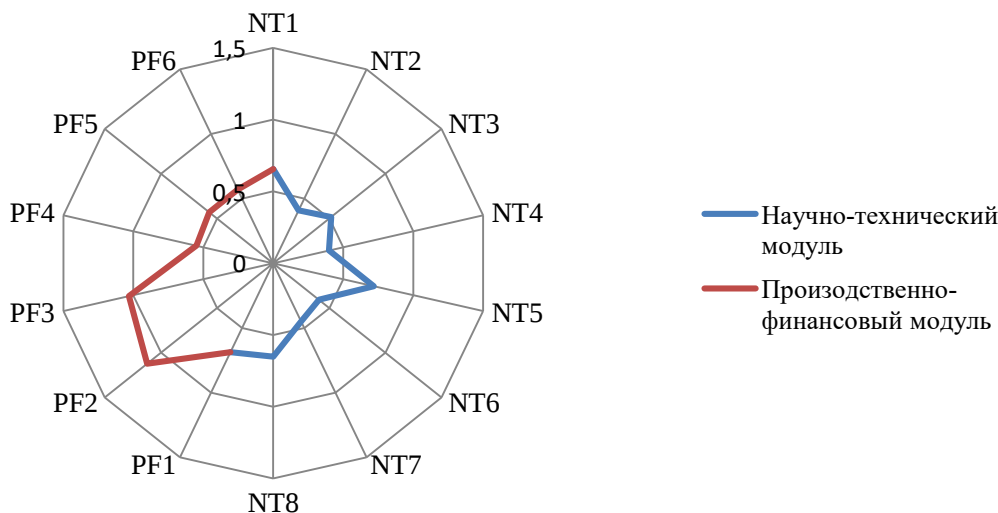

Рисунок 3. – Показатели инновационного потенциала научно-технической организации за 2021 год

Рассмотрев рисунок 2, следует отметить, что преобладают показатели производственно-финансового модуля, это говорит о том, что организация проводит модернизацию производственной линии и инвестирует средства в развитие производства. Показатели научно-технического модуля также стремятся к лидирующим позициям, но в организации наблюдается дефицит научных кадров и проектов для поднятия инновационного уровня развития.

На графике показателей инновационного потенциала организации за 2021 год видим, что ситуация незначительно изменилась, наблюдается рост количества патентов и других нематериальных активов, рост бюджета НИОКР организации, увеличение объема заказов на НИОКР, полученных от сторонних организаций, значительный рост объема отгруженной инновационной продукции (см. рисунок 3). Также видим, что сократилось количество работников с ученой степенью, уменьшился объем сторонних средств, привлеченных для НИОКР. Однако все же преобладают показатели производственно-финансового модуля, организация направляет свои возможности на модификацию продуктовой линии, внедрение инновационной техники и технологий, совершенствует бизнес-процессы в организации и стремится выйти на новый уровень инновационного развития.

Далее для точной оценки инновационного потенциала организации необходимо рассчитать интегральный показатель, состоящий из суммы научно-технологического и производственно-финансового модулей, после чего определить, к какому из четырех рассматриваемых выше квадрантов относится научно-техническая организация.

Расчеты производим на основании формул (1–3):

$$NT_{2019} = \sqrt{\frac{0,429^2 + 0,273^2 + 0,534^2 + 0,383^2 + 0,321^2}{0,265^2 + 0,222^2 + 0,450^2}} = \sqrt{1,114} = 1,06.$$

$$PF_{2019} = \sqrt{0,563^2 + 0,481^2 + 0,559^2 + 0,535^2 + 0,263^2 + 0,549^2} = \sqrt{1,518} = 1,23.$$

$$IP_{2019} = 1,06 + 1,23 = 2,29.$$

По аналогии рассчитаем показатели за 2020 и 2021 гг., построим сводную таблицу рассчитанных показателей инновационного потенциала и проследим динамику инновационного развития научно-технической организации за 2019–2021 гг. (таблица 2).

Таблица 2. – Динамика интегрального показателя инновационного развития научно-технической организации за 2019–2021 гг.

Наименование показателя	2019 г.	2020 г.	2021 г.	Темп роста 2020/2019 г., %	Темп роста 2021/2020 г., %
Научно-технический модуль	1,06	1,30	1,53	122,6	117,7
Производственно-финансовый модуль	1,23	1,71	1,94	139,0	113,5
Интегральное значение показателя инновационного потенциала	2,29	3,01	3,47	131,4	115,3

Из таблицы 2 видим, что организация проводит поступательные мероприятия по укреплению инновационного потенциала, это подтверждает заметный рост значений каждого модуля, например, значение научно-технического модуля в 2020 г. увеличилось на 22,6% по сравнению с прошлым годом, а производственно-финансового модуля – на 39,0%, что привело к повышению интегрального значения инновационного потенциала на 31,4%. В 2021 г. значение научно-технического модуля увеличилось на 17,7% по сравнению с прошлым годом, а производственно-финансового модуля – на 13,5%, что привело к повышению интегрального значения инновационного потенциала на 15,3%.

Рассматривая матрицу инновационного потенциала на рисунке 3, научно-техническая организация переместилась из квадранта «Теряющий» в квадрант «Производственный», это говорит об изменении видения организации и стремлении к повышению своего инновационного потенциала.

Проведенный анализ позволяет сформулировать рекомендации по управлению уровнем развития инновационного потенциала научно-технической организации (таблица 3).

Выполнение указанных рекомендаций позволит организации повысить уровень инновационного развития по основным стратегическим направлениям. Улучшение каждого из рассматриваемых показателей по отдельности приведет к повышению интегрального значения инновационного потенциала, однако для достижения наилучшего эффекта необходимо проведение рекомендуемых мероприятий в комплексе.

Таблица 3. – Рекомендации по управлению инновационным потенциалом научно-технической организации

Наименование показателя	Описание текущего значения показателя	Рекомендации по повышению значения показателя и его эффективности
Научно-технический модуль NT		
NT1 NT2	Значение показателя в организации находится на низком уровне, организация не обладает большим количеством патентов, лицензий, ноу-хау, технических проектов и образцов. Это связано с отсутствием высококвалифицированного персонала, занимающимся научными исследованиями и разработками	Необходимо создание научно-исследовательского отдела, в котором будут производиться исследования и разрабатываться новые инновационные проекты. Также необходимо повысить квалификацию научного персонала или привлечь со стороны новых специалистов и ученых, которые непосредственно будут заниматься исследованиями и разработками
NT3 NT4	Организация имеет небольшой штат ученых, докторов и кандидатов наук в количестве 58 человек, однако для проведения активной инновационной деятельности необходимо увеличить численность сотрудников, расширить направления их исследований	Привлечение персонала с ученой степенью на постоянное трудоустройство или заключение договоров с высшими учебными заведениями на временное предоставление персонала для проведения исследований и разработки инновационных проектов. Также необходимо отправлять имеющийся персонал на научные конференции, симпозиумы, семинары, конкурсы, курсы повышения квалификации
NT5 NT6 NT8	Финансирование НИОКР осуществляется в основном за счет собственных средств организации (это около 80% от общего финансирования НИОКР). Однако реализация инновационных проектов зачастую требует больших вложений, которыми организация не обладает, поэтому требуется дополнительное привлечение инвестиций со стороны. Также немаловажным является осуществление тщательного контроля над созданием и реализацией НИОКР	Создание в организационной структуре подразделения, осуществляющего управление инновационной деятельностью организации. Задачей этого подразделения является планирование и учет финансовых ресурсов организации, направленных на НИОКР, осуществление контроля над потоками проектов НИОКР и непосредственным процессом НИОКР. Проведение непрерывного мониторинга инновационного потенциала организации, анализ и прогнозирование тенденций инновационного развития, выявление слабых и сильных сторон. Привлечение инвесторов для реализации проектов НИОКР
NT7	Объем заказов на НИОКР, полученных от сторонних организаций, невелик. Это связано с тем, что организация не производит большого количества НИОКР и в большей степени приобретает готовые научно-технические разработки и образцы к другим организациям	Создание собственных научных разработок, которые способны заменить приобретенные, и последующая их реализация.
Производственно-финансовый модуль (PF)		
PF1 PF4	Количество внедренных инноваций находится на среднем уровне, однако организация внедряла инновации не только собственного производства, но и заимствованные у других организаций	Создание и разработка собственных НИОКР, улучшение имеющихся разработок и образцов
PF2 PF5	Объем отгруженной инновационной продукции невелик по отношению к общему объему отгруженной продукции	Создание инновационных продуктов и продвижение их на мировой рынок
PF3	Объем затрат на инновации достаточно высок, однако организация неэффективно расходует средства и не получает соответствующего результата от произведенных вложений	Рациональное и эффективное использование ресурсов и средств организации. Приобретение новейшего оборудования, машин, техники (модернизация). Привлечение опытного и квалифицированного персонала

Закключение. Таким образом, по результатам оценки инновационного потенциала можем заключить, что данная научно-техническая организация имеет возможность к восприятию инноваций, однако отсутствует соответствующая инфраструктура для создания и реализации НИОКР. Для наращивания инновационного потенциала необходимо обеспечить рост рынков сбыта инновационной продукции, увеличить численность персонала с ученой степенью, в том числе докторов и кандидатов наук, занимающихся научными исследованиями и разработками, привлечь инвесторов для реализации крупных инновационных проектов, повысить количество патентов, лицензий, ноу-хау, научных разработок. Также необходимо создать благоприятные условия для создания и внедрения инноваций в производственный процесс, обеспечить экономическую заинтересованность персонала в инновационном развитии организации и снизить риски утечки информации к конкурентам. Немаловажным для развития инновационного потенциала организации является корректно и четко сформулированная стратегия, которая должна быть направлена не только на получение больших объемов прибыли, но и на постоянное развитие и обновление организационных и производственных структур.

В ходе исследования апробирована методика диагностики инновационного потенциала, основанная на интегральной оценке инновационного потенциала, позволяющая определить инновационный потенциал организации, оценить текущую реализацию потенциала (динамика движения в матрице), провести сравнительный анализ инновационного потенциала научно-технической организаций. Преимущество применения данной методики определяется тем, что она интерпретирует инновационный потенциал организации не просто как сумму составляющих его показателей, а как интегральный комплекс, находящийся в объективной взаимосвязи. В результате диагностического анализа сформулированы направления развития инновационного потенциала для построения инновационной стратегии развития научно-технической организации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Морозова, Л.Э. Экспертные методы и технологии комплексной оценки экономического и инновационного потенциала предприятий : учеб. пособие / Л.Э. Морозова, О.А. Бортник, И.С. Кравчук. – М. : МГУПС, 2009. – 81 с.
2. Алексеев, А.А. Метод оценки инновационного потенциала региона с позиции формирования кластерной политики / А.А. Алексеев, Е.С. Дятлова, Н.Е. Фомина // Вопросы экономики и права. – 2012. – № 12. – С. 106–111.
3. Дятлова, Е.С. Методические подходы к оценке потенциала формирования промышленных кластеров : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Е.С. Дятлова ; Санкт-Петерб. гос. экон. ун-т. – СПб., 2013. – 18 с.

Поступила 08.09.2022

DIAGNOSTICS AND DIRECTIONS OF DEVELOPMENT OF INNOVATIVE POTENTIAL OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL ENTREPRENEURSHIP

A. LAVRINENKO
(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

Knowledge-intensive organizations with advanced technologies and high scientific and technical potential are called upon to play a special strategic role in ensuring a new quality and pace of development of the country's economy. The basis for the development of innovative susceptibility in the science-intensive field is the existing scientific and technical complex, which is a set of organizations that carry out scientific, technical and educational activities, and a technological complex, represented by existing production organizations. The innovative potential of organizations is a decisive factor determining the direction and intensity of development of the innovative component of scientific and technical entrepreneurship. In this regard, the question arises of choosing the most effective tool for diagnosing the level of an organization's innovative potential at a given moment and assessing its dynamics for the purpose of further development, which makes it possible to quickly determine internal capabilities, identify development reserves of the organization in order to increase its investment attractiveness and market value.

Keywords: *innovative potential, innovative development, assessment of the innovative potential of the organization.*

УДК 332.1

DOI 10.52928/2070-1632-2022-62-12-43-46

АНАЛИЗ ТУРИСТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА КАК ОСНОВА ОЦЕНКИ ЕГО ТУРИСТИЧЕСКОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ

канд. экон. наук, доц. **Е.П. ЛИСИЧЁНОК**

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

ORCID <https://orcid.org/0000-0001-9266-4872>

Представлено авторское видение взаимосвязи категорий «туристический потенциал» и «туристическая привлекательность». Изучены отдельные рейтинги городов Республики Беларусь, определяющие их туристическую привлекательность. Обоснован выбор в качестве объектов исследования ряда белорусских регионов, не являющихся столичными, но представляющих интерес для туриста: Полоцкий район и г. Полоцк, Браславский район и г. Браслав, Несвижский район и г. Несвиж, Кореличский район и г. Мир, Новогрудский район и г. Новогрудок. Выделен состав статистических показателей, которые могут быть использованы для оценки туристического потенциала региона. Проведён анализ туристического потенциала регионов по представленному перечню показателей. Выявлены сильные и слабые стороны туристического потенциала исследуемых регионов.

Ключевые слова: туристическая привлекательность, туристический потенциал, регион, рейтинги белорусских городов.

Введение. В соответствии с Законом Республики Беларусь «О туризме» основными целями государственного регулирования в сфере туризма в числе прочих являются: создание необходимых условий для внешней торговли туристическими услугами в соответствии с международными договорами Республики Беларусь, международно-правовыми актами, составляющими право Евразийского экономического союза, с учетом интересов участников туристической деятельности и субъектов туристической индустрии Республики Беларусь, а также формирование представления о Республике Беларусь как о стране, привлекательной для туристов, экскурсантов. Это свидетельствует об актуальности вопросов укрепления туристического потенциала государства и повышения его туристической привлекательности.

При этом не менее актуальным является изучение данных вопросов и на уровне региона. Так, Национальная стратегия развития туризма в Республике Беларусь до 2035 г. в числе приоритетов рассматривает развитие туристического бренда страны и брендов туристических территорий (повышение узнаваемости туристического продукта). Это возможно только благодаря изучению туристического потенциала данных территорий, выявлению их слабых и сильных сторон, что и будет служить предпосылкой для разработки брендов и активизации социально-экономического развития регионов.

Основная часть. Вопросам изучения туристической привлекательности авторами уделяется большое внимание. Однако, на наш взгляд, особо следует остановиться на соотношении таких категорий, как «туристическая привлекательность» и «туристический потенциал» и взаимосвязи между ними. Этот вопрос, безусловно, интересует отечественных и зарубежных авторов. Можно выделить авторские подходы к определению взаимосвязи между данными категориями (таблица 1).

Таблица 1. – Подходы авторов к выявлению взаимосвязи между категориями «туристическая привлекательность» и «туристический потенциал»

Автор, источник	Точка зрения
Е.В. Фролова, Е.Е. Кабанова [1]	Туристический потенциал – это только предпосылки организации туристической деятельности, в то время как туристическая привлекательность – это уже результат соответствующей деятельности по развитию и актуализации туристического потенциала, формированию соответствующей туристской инфраструктуры
Тетенькина О.Л. [2]	Чтобы понять суть туристической привлекательности территории, необходимо определить такую экономическую категорию, как «туризм». Феномен и экономический механизм туризма состоит из двух основных компонентов: заинтересованность путешественников (туристов) и характеристика самой территории. Первый компонент формирует туристский спрос, а второй описывает туристическое предложение. В общем и целом, можно говорить о том, что туристическое предложение также выражается другим понятием, часто используемым в научной экономической литературе – «туристический потенциал»
Луговая И.В.[3]	Туристская привлекательность региона характеризуется туристским потенциалом и туристскими рисками. Поскольку туристский потенциал и туристский риск, как и объем спроса, могут быть количественно измерены, можно говорить об уровне туристской привлекательности региона

Основные выводы по результатам выявления взаимосвязи между исследуемыми категориями таковы:

1. Понятия «туристическая привлекательность» и «туристический потенциал» не тождественны, однако очень тесно связаны друг с другом.
2. Туристический потенциал характеризует одну из сторон туристической привлекательности, которая является ключевой, так как определяет возможности региона в сфере развития туризма.

3. Для того, чтобы регион стал туристически привлекательным недостаточно обладать значимым туристическим потенциалом. Не имея соответствующих туристических ресурсов, регион не сможет ничего предложить своим потенциальным потребителям. Без полноценного и качественного туристского потенциала трудно создать высокую туристскую привлекательность территории. Поэтому, на наш взгляд, туристскую привлекательность частично можно охарактеризовать теми же показателями, что и туристский потенциал.

Для того, чтобы перейти к системе показателей оценки туристического потенциала, соответственно, и туристической привлекательности региона, определимся с объектами исследования. Для этого изучим существующие рейтинги белорусских городов и выделим те, что занимают наилучшие позиции.

Группой отечественных исследователей составлен рейтинг белорусских городов за 2021 год. При оценке городов принимались во внимание такие критерии, как натуральный прирост населения, доля жителей в пост-продуктивном возрасте, размер номинальной начисленной среднемесячной зарплаты, уровень зарегистрированной безработицы, доля собственных доходов в местных бюджетах, средний показатель инвестиций в основной капитал за последние 5 лет, количество преступлений, количество врачей, количество студентов дневной формы обучения, доступность информации со стороны госорганов, степень общественного участия, размер репрессий, существование англоязычной версии сайтов местных исполкомов, количество доступного жилья в городе по данным booking.com, экспертный рейтинг знаменитостей, количество объектов общественного питания..

В таблице 2 представлены ключевые результаты данного рейтинга.

Таблица 2. – Лидеры рейтинга белорусских городов 2021 года на основе интернет-источников

Областные города и промышленные центры		Города с населением меньше 100 тыс. чел.	
Название города	Балл из 100	Название города	Балл из 100
Минск	80,5	Слоним	52,2
Гродно	74,9	Кобрин	52,2
Брест	71,4	Мозырь	52,2
Солигорск	66,7	Сморгонь	52
Жодино	60,5		
Гомель	60,1		
Дзержинск	58,3		
Витебск	55,2		
Лида	54,3		
Новополоцк	54		
Могилёв	53,3		

Традиционно наиболее высокие позиции занимает столица Республики Беларусь город Минск. Также значимы позиции областных центров, особенно Гродно и Бреста. В целом почти все города, являющиеся центрами областей, вошли в первую десятку (кроме Могилёва), что представляется вполне закономерным, так как данные города являются лидерами по всем ключевым направлениям. Кроме областных центров в первую десятку вошли также крупнейшие промышленные центры Республики Беларусь: Солигорск, Жодино, Дзержинск, Лида и Новополоцк.

Обратимся к рейтингу самых красивых городов Беларуси. Именно этот фактор является важнейшим при характеристике туристической привлекательности (таблица 3).

Таблица 3. – Самые красивые города Республики Беларусь на основе интернет-источников

Место	Название города	Место	Название города	Место	Название города
1	Минск	7	Гомель	13	Кобрин
2	Гродно	8	Могилёв	14	Слоним
3	Пинск	9	Мир	15	Щучин
4	Витебск	10	Полоцк	16	Браслав
5	Несвиж	11	Каменец	17	Поставы
6	Брест	12	Новогрудок		

Сравнение данных рейтингов показывает, что Минск и областные центры являются туристически привлекательными, обладая значимым социально-экономическим потенциалом. Небольшие города, такие как, например, Несвиж, Мир и т.п. в большей степени известны своими туристическими объектами.

Автором проведено анкетирование, в рамках которого респондентам предлагалось выделить наиболее привлекательные для туристов города Беларуси (таблица 4).

Таблица 4. – Топ-10 наиболее привлекательных для туристов городов Республики Беларусь (по результатам анкетирования)

Место	Название города	Место	Название города
1	Минск	6	Мир
2	Гродно	7	Несвиж
3	Брест	8	Браслав
4	Гомель	9	Витебск
5	Полоцк	10	Новогрудок

Проведённое анкетирование подтвердило полученные выше результаты, свидетельствующие о том, что наиболее привлекательными городами для туристов являются Минск, областные центры, а также небольшие города, в которых расположены известные исторические и культурные объекты. Крупнейшие промышленные центры Республики Беларусь в меньшей степени являются туристически привлекательными вследствие отсутствия значимых культурных объектов и наличия экологических проблем, однако зачастую они отличаются более высоким уровнем жизни и доходов населения.

Дополним представленные выше результаты анализом отдельных показателей туристического потенциала регионов Республики Беларусь, представленных в таблице 5, опираясь на данные национального статистического комитета. Говоря об объектах анализа отметим, что поскольку г. Минск и областные центры будут изначально характеризоваться более высокой привлекательностью, целесообразно сравнить те города Республики Беларусь, которые не являются областными центрами, но относятся к числу туристически привлекательных. Нами были выбраны Полоцк (входит в состав Полоцкого района), Браслав (Браславский район), Несвиж (Несвижский район), Мир (Кореличский район) и Новогрудок (Новогрудский район).

Таблица 5. – Показатели оценки туристического потенциала и туристической привлекательности отдельных городов Республики Беларусь (данные за 2020 год)

Наименование показателя	Полоцк и район	Браслав и район	Несвиж и район	Мир и район	Новогрудок и район
1. Поступление иностранных инвестиций в реальный сектор экономики на 1 жителя, долл. США	57,31	29,15	0,876	1,15	33,32
2. Рентабельность продаж, %	5,3	2,4	11,3	8,6	10,5
3. Уровень зарегистрированной безработицы (на конец года) в процентах к численности рабочей силы	0,5	0,1	0,2	0,2	0,2
4. Численность практикующих врачей на 10000 населения	32,1	25,7	25,6	28,8	31,9
5. Розничный товарооборот на душу населения, руб.	5993,7	4096,6	4017,3	3254,7	4442,7
6. Торговая площадь магазинов на 10000 человек населения, м ²	7600,5	5607,4	6238,1	4728,9	7802,6
7. Число мест в объектах общественного питания на 10000 человек населения (на конец года)	805	1230	1231	1150	826
8. Удельный вес региона в областном экспорте услуг, %	4,55	0,50	0,03	0,14	1,11
9. Удельный вес региона в областном экспорте товаров, %	11,79	0,27	2,60	0,12	1,89

Источник: на основе данных Национального статистического комитета Республики Беларусь.

Далее проранжируем данные регионы, чтобы оценить общий уровень их туристического потенциала и туристической привлекательности. Полученные результаты представим в таблице 6.

Таблица 6. – Рейтинг городов Республики Беларусь по показателям туристического потенциала и туристической привлекательности

Наименование показателя	Ранг региона в 2020 году				
	Полоцк и район	Браслав и район	Несвиж и район	Мир и район	Новогрудок и район
1. Поступление иностранных инвестиций в реальный сектор экономики на 1 жителя	1	3	5	4	2
2. Рентабельность продаж	4	5	1	3	2
3. Уровень зарегистрированной безработицы	5	2	3	3	3
4. Численность практикующих врачей на 10000 населения	1	4	5	3	2
5. Розничный товарооборот на душу населения	1	3	4	5	2
6. Торговая площадь магазинов на 10000 человек населения	2	4	3	5	1
7. Число мест в объектах общественного питания на 10000 человек населения	5	2	1	3	4
8. Удельный вес города в областном экспорте услуг	1	3	5	4	2
9. Удельный вес региона в областном экспорте товаров, %	1	4	2	5	3
Сумма рангов	21	30	29	35	21
Итоговый ранг	1,5	4	3	5	1,5

Источник: на основе данных Национального статистического комитета Республики Беларусь.

Проведённые расчёты показали, что лидерами по совокупности исследуемых показателей туристического потенциала и туристической привлекательности являются Новогрудок в составе Новогрудского района (28014 жителей по данным на начало 2022 г.) и Полоцк в составе Полоцкого района (79896 жителей). Примерно одинаковые позиции занимают Несвиж и Браслав в составе соответствующих районов (15756 и 9427 жителей, соответственно). И наконец, наиболее слабые позиции у Мира (Кореличский район) (2124 человека начало 2022 г.).

В целом можно сделать вывод, что меньшие по численности города обладают несколько менее значимым туристическим потенциалом. Однако обращает на себя внимание тот факт, что Новогрудок, занимая одинаковые позиции с Полоцком по уровню туристического потенциала, значительно уступает последнему по числу жителей. При этом данные города являются лидерами по большинству показателей: поступление иностранных инвестиций в реальный сектор экономики на 1 жителя; численность практикующих врачей на 10000 населения; розничный товарооборот на душу населения, торговая площадь магазинов на 10000 человек населения и удельный вес в областном экспорте товаров и услуг. Слабые стороны туристического потенциала данных регионов связаны с недостаточной развитостью сети общественного питания.

Далее представим сильные и слабые стороны туристического потенциала исследуемых городов (таблица 7):

Таблица 7. – Сильные и слабые стороны туристического потенциала исследованных регионов

Регион	Сильные стороны	Слабые стороны
<i>Полоцк и Полоцкий район</i>	Значительный объём поступления иностранных инвестиций в реальный сектор экономики на 1 жителя. Значительная численность практикующих врачей на 10000 населения. Значительный розничный товарооборот на душу населения. Наибольший относительно других исследуемых регионов удельный вес в областном экспорте товаров и услуг.	1. Невысокая рентабельность продаж. 2. Более высокий чем в других исследуемых регионах уровень безработицы. 3. Небольшое число мест в объектах общественного питания.
<i>Новогрудок и Новогрудский район</i>	Достаточно высокий объём поступлений иностранных инвестиций в реальный сектор экономики на 1 жителя. Достаточно высокая рентабельность продаж. Существенная численность практикующих врачей на 10000 населения. Значительный розничный товарооборот на душу населения. Наибольшая торговая площадь магазинов на 10000 человек населения. Существенный удельный вес в областном экспорте услуг.	Относительно небольшое число мест в объектах общественного питания на 10000 человек населения
<i>Несвиж и Несвижский район</i>	Высокая рентабельность продаж относительно других исследуемых регионов. Значительное число мест в объектах общественного питания на 10000 человек населения. Значительный относительно других исследуемых регионов удельный вес в областном экспорте товаров.	Незначительные относительно исследуемых регионов объёмы поступления иностранных инвестиций в реальный сектор экономики на 1 жителя. Наименьшая относительно других регионов численность практикующих врачей на 10000 населения. Невысокий удельный вес в областном экспорте услуг.
<i>Браслав и Браславский район</i>	Невысокий относительно других исследуемых регионов уровень безработицы. Значительное число мест в объектах общественного питания на 10000 человек населения.	Невысокая рентабельность продаж. Невысокая обеспеченность врачами. Невысокий товарооборот на душу населения. Невысокий удельный вес в областном экспорте товаров и услуг.
<i>Мир и Кореличский район</i>	Имеет средние показатели рентабельности продаж, безработицы, численности практикующих врачей и числа мест в объектах общественного питания на 10000 человек населения	Незначительные объёмы поступления иностранных инвестиций. Наименьший розничный товарооборот на душу населения. Незначительная относительно других исследуемых регионов торговая площадь магазинов на 10000 человек населения. Низкий удельный вес региона в областном экспорте товаров

Заключение. Следует отметить, что укрепление туристического потенциала и повышение туристической привлекательности, на наш взгляд, предполагает активное развитие сферы услуг, финансовую стабильность региона, снижение уровня безработицы, активизацию социально-экономического развития региона, повышение его финансовой самостоятельности и роли в развитии области и республики в целом. Следствием этого станет и более активное привлечение в регион иностранных инвестиций, а значит регион станет более инвестиционно-привлекательным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фролова, Е.В. Развитие туристической привлекательности российских территорий: современные тенденции и управленческие практики / Е.В. Фролова, Е.Е. Кабанова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 1(43). – С. 153–169.
2. Тетенькина, О.Л. К вопросу об определении понятия «Туристическая привлекательность региона» / О.Л. Тетенькина // Экономика и современный менеджмент: теория и практика. – 2013. – № 27. – С. 198–202.
3. Луговая, И.В. Туристская привлекательность региона как маркетинговое понятие / И.В. Луговая // Брендинг малых и средних городов России: опыт, проблемы, перспективы : материалы Всерос. заочн. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 2014. – Екатеринбург : УрФУ, 2014. – С. 37–41.

Поступила 07.09.2022

ANALYSIS OF THE TOURISM POTENTIAL OF A REGION AS A BASIS FOR ASSESSING ITS TOURISM ATTRACTIVENESS

A. LISICHONAK
(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

The author's vision of the relationship between the categories "tourist potential" and "tourist attractiveness" is presented. Individual ratings of Belarusian cities determining their tourist attractiveness are studied. The choice of a number of Belarusian regions, which are not metropolitan areas, but are of interest for tourists, as objects of research is substantiated. These are: Polotsk District and Polotsk City, Braslav District and Braslav City, Nesvizh District and Nesvizh City, Korelich District and Mir City, Novogrudok District and Novogrudok City. The structure of statistical indicators that can be used to assess the tourist potential of the region is highlighted. The analysis of the tourist potential of the regions according to the presented list of indicators was carried out. Strengths and weaknesses of the tourism potential of the regions under study are identified.

Keywords: tourist attractiveness, tourist potential, region, ratings of Belarusian cities.

УДК 657.2

DOI 10.52928/2070-1632-2022-62-12-47-51

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ И ОЦЕНКА БИОМАССЫ КОММУНАЛЬНЫХ ОТХОДОВ

*канд. экон. наук, доц. Е.Б. МАЛЕЙ, Р.О. ТРУБОВИЧ**(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)**Елена Малей ORCID <https://orcid.org/0000-0002-5331-0032>**Рената Трубович ORCID <https://orcid.org/0000-0003-2455-705X>*

Исследованы дефиниции категории «биомасса» в контексте циркулярной экономики и возобновляемой энергетики. Обозначены свойства, состав и виды биомассы коммунальных отходов как вторичного энергетического ресурса. Научно обоснован подход к стоимостной оценке и возможность признания биомассы коммунальных отходов активом организаций, осуществляющих захоронение коммунальных отходов и добычу свалочного газа на необорудованных полигонах. Предложено авторское понятие «биомассы коммунальных отходов» как нового объекта бухгалтерского учета.

Ключевые слова: органические коммунальные отходы, биомасса коммунальных отходов, вторичный энергетический ресурс, циркулярная экономика, возобновляемая энергетика.

Введение. Развитие циркулярной экономики в Республики Беларусь вызвано экологическими проблемами, неконтролируемым ростом накопления твердых коммунальных отходов (ТКО) на необорудованных полигонах и истощением природных ресурсов. В основу циркулярной или так называемой «безотходной» экономики положена концепция, нацеленная на сокращение образования, повторное использование и переработку отходов. Переработка, использование отходов подразумевает возврат отдельных компонентов отходов, обладающих потребительскими свойствами, в хозяйственный оборот в качестве сырья для производства продукции, энергии. На сегодняшний день в Республике Беларусь особую актуальность приобретает переработка отсортированных органических коммунальных отходов различными способами сбраживания в целях производства биогаза и компоста.

Согласно Национальной стратегии по обращению с твердыми коммунальными отходами и вторичными материальными ресурсами в Республике Беларусь к 2035 г. уровень использования органической части твердых коммунальных отходов должен составить 23%¹. Однако, твердые бытовые отходы продолжают попадать на необорудованные полигоны в смешанном виде. Из органической части отходов образуется свалочный газ в недрах полигона, который бесконтрольно выделяется в атмосферу, нанося ущерб окружающей среде. Добыча свалочного газа, с одной стороны, является действенным методом в решении экологической проблемы, с другой стороны, позволяет превратить запасы свалочного газа из экологической угрозы в возобновляемый энергетический ресурс. В Беларуси функционирует порядка семи добывающих установок с биогазовыми электростанциями, позволяющие повторно вовлечь в производственные процессы ресурсы необорудованных полигонов.

Развитие безотходной экономики и возобновляемой энергетики на необорудованных полигонах повышает интерес со стороны заинтересованных лиц к различной учетной информации. Однако, в настоящее время в бухгалтерском учете и финансовой отчетности организаций, осуществляющих захоронение коммунальных отходов и добычу свалочного газа, отсутствуют данные о запасах органических отходов полигона как о входящем ресурсе в процесс производства энергии. В информации о поступлении органических коммунальных отходов, сформировавшихся их запасах и преобразовании в свалочный газ заинтересованы организации, осуществляющие его добычу с последующим производством электроэнергии. В свою очередь, добывающие организации, не владея достаточной информацией об экономическом потенциале полигона, откачивают свалочный газ, учитывая только фактические затраты на его добычу и производство энергии. Игнорируя учет использования энергетического ресурса у добывающих организаций, искажается показатель себестоимости производимой энергии, доходы организации и формируемый финансовый результат. В информации об использовании органических коммунальных отходов заинтересованы органы местного и общегосударственного управления, отвечающие за развитие обращения с коммунальными отходами и возобновляемую энергетику. Существующая недостаточная информативность со стороны организаций приводит к снижению их инвестиционной привлекательности, что в определенной степени сдерживает развитие циркулярной экономики.

Необходимость развития учетно-аналитического обеспечения для организаций, осуществляющих захоронение коммунальных отходов и добычу свалочного газа, первоначально требует исследования экономической сущности органических коммунальных отходов как объекта бухгалтерского учета и их стоимостной оценки.

Основная часть. В специальной литературе, нормативно-правовых актах Республики Беларусь и стран ближнего зарубежья, наряду с категорией «органические коммунальные отходы», встречается понятие «биомасса коммунальных отходов», которые, зачастую, отождествляются. Закон Республики Беларусь «Об обращении с отходами» определяет отходы как «предметы или вещества, образующиеся в процессе осуществления экономической деятельности, жизнедеятельности человека и не имеющие определенного предназначения по месту их

¹ URL: <http://www.mjkk.gov.by/uploaded/2018/BMP2035.pdf>.

образования либо утратившие полностью или частично потребительские свойства»². На наш взгляд, отсутствие «потребительских свойств» у вещества или «предназначения по месту образования» свидетельствует о том, что «органические коммунальные отходы» рассматривать как экономическую категорию не представляется возможным. В то время, как «наличие потребительских свойств» у вещества свидетельствует о потенциальных экономических выгодах (при возможном повторном его использовании), что позволяет данную категорию определять не как «отход», а как «ресурс». «Биомасса коммунальных отходов», являясь веществом, обладающим потребительскими свойствами и участвующим в технологическом процессе производства электроэнергии на необорудованном полигоне, является ничем иным, как ресурсом. В этой связи на первом этапе исследования определим экономическую сущность биомассы коммунальных отходов как объекта бухгалтерского учета.

Рассмотрим существующие дефиниции данной категории. В Национальной стратегии по обращению с твердыми коммунальными отходами и вторичными материальными ресурсами Республики Беларусь не дается определения понятию «биомасса». В Законе Республики Беларусь «О возобновляемых источниках энергии»³ сделан акцент на древесной биомассе в связи с тем, что отходы лесных хозяйств в республике являются наиболее потребляемым сырьем в производстве тепла. При этом Законом также устанавливается возможность использования иных видов биомассы в производстве энергии. В Руководстве по энергетической статистике Международного энергетического агентства Республики Беларусь, определены следующие виды биомассы: растительного или животного сырья, получаемого в результате сельскохозяйственной, лесохозяйственной деятельности и связанных с ними отраслей промышленности, а также продуктов жизнедеятельности организмов или органических промышленных и бытовых отходов⁴. Федеральным Законом от 26.03.2003 N 35-ФЗ «Об электроэнергетике» установлено, что биомасса, включает в себя специально выращенные для получения энергии растения, в том числе деревья, а также отходы производства и потребления. В специальной литературе «биомасса» рассматривается с позиции органических веществ растительного и животного происхождения. Олешкевич М.М., Руденя А.С. указывают на следующие основные источники образования биомассы: 1) отходы переработки древесины; 2) отходы растениеводства; продукция энергетического растениеводства (кукуруза, рапс); 3) отходы животноводства (навоз); 4) городские стоки и мусор (твердые коммунальные отходы)⁵. Такие авторы, как Говорушко С.М., Плачкова С.Г., Плачков И.В., Соуфера С., Заборски О. выделяют, так называемую, первичную и вторичную «биомассу» [1]. К первичной относятся растения (сучья, трава и другие), животные, микроорганизмы и т.д. Вторичная включает в себя отходы при переработке первичной биомассы и отходы жизнедеятельности (потребления) человека и животных⁶.

Таким образом, «биомасса» представляет собой органические вещества, в состав которой входят: отходы сельскохозяйственного производства, промышленности, в том числе лесной, деревообрабатывающей и пищевой; отходы коммунального хозяйства (отходы потребления и производства). Основными видами «первичной биомассы» являются: отходы лесного хозяйства, растениеводства и животноводства; выращиваемые энергетические культуры. Соответственно, к «первичной биомассе» коммунальных отходов можно отнести отходы (мусор) парков, скверов и дворов (сучья, листва, трава). Органические коммунальные отходы, в состав которых входят отходы потребления и производства (подобные отходам жизнедеятельности человека) относятся ко «вторичной биомассе», которая включает преимущественно пищевые и иные отходы органического происхождения.

Биомасса коммунальных отходов как вторичный ресурс в безотходном цикле может иметь одновременно и материальную, и энергетическую ценность, которая определяется из намерений дальнейшего использования ресурса. Чистые/отсортированные органические отходы в международной практике используют в производстве биогаза, компоста или удобрений. Компост и удобрения, получаемые из биомассы органических отходов, свидетельствуют о материальной ценности вторичного ресурса. Возможность получения биогаза свидетельствует о наличии энергетического потенциала в биомассе коммунальных отходов. Соответственно, «биомасса коммунальных отходов» представляет собой вторичный материальный или энергетический ресурс в зависимости от применяемого метода переработки в циркулярной экономике. В Республике Беларусь биомасса коммунальных отходов, попадающая на необорудованный полигон в составе смешанных ТКО, обладает энергетическим потенциалом, так как со временем трансформируется в биогаз.

Биомасса коммунальных отходов может выступать активом организации, если удовлетворяет критериям признания актива. В соответствии с Законом Республики Беларусь «О бухгалтерском учете и отчетности» под активами понимают: «имущество, возникающее в организации в результате совершенных хозяйственных операций, от которого организация предполагает получение экономических выгод»⁷. Так, в Республике Беларусь выделяют следующие критерии актива: 1) наличие экономических выгод, 2) наличие имущественного права на объект – права владения, пользования, распоряжения (права собственности).

² URL: <https://enp.by/zakon-ob-obrashchenii-s-othodami/>.

³ URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=h11000204>.

⁴ URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/okruzhayushchaya-sreda/sovmestnaya-sistema-ekologicheskoi-informatsii2/g-energetika/g-4/?special_version=Y.

⁵ URL: <https://energy.bntu.by/jour/article/view/13/9>.

⁶ URL: <http://energetika.in.ua/ru/books/book-5/part-3/section-5>.

⁷ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h11300057>.

Рассмотрим возможность признания биомассы коммунальных отходов активом организации согласно выделенным критериям. Потенциальные экономические выгоды от использования биомассы коммунальных отходов напрямую зависят от задач деятельности субъекта хозяйствования в системе обращения с коммунальными отходами. Например, в отечественной практике организации, осуществляющие захоронение коммунальных отходов на старых необорудованных полигонах имеют возможность получения экономических выгод при передаче содержимого полигона переработчику на условиях платного договора аренды по эксплуатации полигона. Организации, добывающие свалочный газ из недр полигона, ожидают естественного преобразования биомассы коммунальных отходов в запасы биогаза, использование которого в дальнейшем производстве электроэнергии предполагает получение экономических выгод. Таким образом, биомасса коммунальных отходов, контролируемая организациями, позволяет получать экономические выгоды в будущем. Следовательно, первый критерий (получение экономических выгод) для признания биомассы коммунальных отходов активом согласно требований национального законодательства выполняется.

Рассмотрим второй признак признания актива – наличие имущественного права на объект. В соответствии с Законом Республики Беларусь «Об обращении с отходами» правом собственности на отходы обладает их производитель⁸. В этой связи биомасса коммунальных отходов не может быть включена в состав активов, так как организации, осуществляющие захоронение и переработку коммунальных отходов, не обладают правом собственности на них или другими вещными правами. Отражение имущества, на которое имеется право собственности, в качестве активов бухгалтерского баланса является фундаментальным условием статического бухгалтерского учета. Цель статического учета – определение возможности покрытия долгов активами, поэтому отражение в активе баланса ценностей, не составляющих права собственности, признается невозможным [2, с. 49]. В свою очередь, МСФО принимают динамическую теорию бухгалтерского учета, в основу которой положен принцип отражения в балансе всех используемых активов, независимо от права собственности на них [2, с. 33]. Закон Республики Беларусь «О бухгалтерском учете и отчетности» устанавливает принцип «приоритет содержания над формой» при подготовке финансовой отчетности, то есть, информация должна отражать правдивую реальность событий, основываясь не только на юридической, но и на экономической составляющей. Так как информация о вторичном ресурсе является значимой для различных пользователей бухгалтерской отчетности, полагаем допустимым применение динамической теории бухгалтерского учета для признания биомассы отходов коммунального хозяйства в качестве актива.

В соответствии с требованиями национального законодательства и МСФО (IAS) 1 «Представление финансовой отчетности» биомасса коммунальных отходов должна быть определена как краткосрочный или долгосрочный актив. У организаций, осуществляющих исключительно захоронение коммунальных отходов, как такового производственного процесса на необорудованном полигоне нет. Биомасса разлагается под воздействием микроорганизмов, в результате чего переходит в газообразное состояние. Этот процесс протекает достаточно медленно, превышая рамки общепринятого операционного цикла (более 12 месяцев), что ставит под сомнение возможность отнести исследуемый актив к краткосрочному. Тем не менее, считаем правомерным признание биомассы коммунальных отходов на необорудованных полигонах краткосрочным активом, так как поступившие на полигон органические отходы в составе смешанных ТКО, в конечном итоге, выступают сырьем в производстве электроэнергии.

Итак, для организаций, эксплуатирующих необорудованные полигоны, *биомасса коммунальных отходов как объект бухгалтерского учета представляет собой органические вещества в составе коммунальных отходов, обладающие энергетическим потенциалом, изменяющие под воздействием естественных процессов материально-вещественную неоднородную форму на газообразную, впоследствии возможную к использованию в процессе производства энергии. К биомассе коммунальных отходов следует относить первичную биомассу – отходы парков, скверов и дворов растительного происхождения, и вторичную биомассу – отходы потребления и производства (подобные отходам жизнедеятельности человека), основную часть которых составляют преимущественно пищевые отходы. Согласно динамической теории баланса биомасса коммунальных отходов должна отражаться в бухгалтерском учете и формах финансовой отчетности в составе краткосрочных активов.*

Таким образом «первичная» и «вторичная» биомасса коммунальных отходов может быть признана краткосрочным активом организаций, осуществляющих захоронение коммунальных отходов на необорудованных полигонах. Необходимость раскрытия в учете информации о биомассе коммунальных отходов оправдана стремлением привлечь инвестиции с целью приобретения оборудования для переработки имеющихся запасов органики или с целью привлечения сторонних перерабатывающих организаций. Признание первичной и вторичной биомасс коммунальных отходов активом организации возможно непосредственно на объектах захоронения, после их взвешивания, а также при наличии установленного морфологического состава поступающих смешанных ТКО на полигон и удельного веса органического вещества в их общей массе, которые могут быть определены в соответствии с методическими рекомендациями по определению морфологического состава твердых коммунальных отходов в городах с различной степенью благоустройства жилищного фонда в Республике Беларусь⁹.

Далее рассмотрим подходы к стоимостной оценке исследуемого актива. Важно отметить, что в соответствии с Инструкцией по бухгалтерскому учету запасов в Республике Беларусь запасы принимаются к учету по

⁸ URL: <https://enp.by/zakon-ob-obrashchenii-s-othodami/>.

⁹ URL: https://vtoroperator.by/sites/default/files/doc/metodicheskie_rekomendacii_po_opredeleniyu_morfologicheskogo_sostava_tko.pdf.

фактическим затратам, которые включают стоимость приобретаемого сырья(товара), затраты, связанные с заготовкой, транспортировкой, и прочие затраты, включаемые в фактическую стоимость запаса¹⁰. Однако для организаций, осуществляющих исключительно деятельность по захоронению отходов, в целях соблюдения сопоставимости дохода и расходов, получения достоверного финансового результата от текущей деятельности, затраты, связанные с доставкой и погрузкой отходов на полигон, в том числе их органической части, следует учитывать обособленно в качестве расходов периода, не включая их в первоначальную стоимость актива. Следует отметить, что рассматриваемый ресурс поступает на необорудованные полигоны безвозмездно. Как таковой рыночной стоимости биомассы коммунальных отходов на сегодняшний день не существует в связи с отсутствием рынка и сделок по данному ресурсу. Тем не менее, биомасса коммунальных отходов как ресурс в циркулярной экономике имеет некую «остаточную» стоимость в цепочке преобразования веществ «товар – коммунальные отходы – биомасса коммунальных отходов». Международным стандартом IFRS 13 «Оценка справедливой стоимости» прописано, что при определении справедливой стоимости актива используется информация о рынке, который является для данного актива основным, а в случае его отсутствия – о наиболее выгодном рынке¹¹. При рыночном подходе используются цены и другая соответствующая информация, основанная на результатах рыночных сделок, связанных с идентичными или сопоставимыми активами. Так как рынок органической части ТКО в отечественной практике не развит, представляется целесообразным рассмотреть ценность биомассы коммунальных отходов, ссылаясь на ее качественные характеристики (энергетический потенциал) и справедливую стоимость идентичного (сопоставимого) ресурса на ином рынке.

В отечественной и международной биогазовой индустрии, кроме органических отходов ТКО, достаточно эффективно перерабатываются отходы животноводческих ферм в специализированных установках – биореакторах, с последующим производством энергии. Твердые коммунальные отходы по содержанию органических веществ и энергетическому потенциалу сопоставимы с подстилочным навозом [3], сочетая в себе такие элементы, как белки, липиды, углеводы, нуклеиновые кислоты и др. В этой связи рассмотрим подстилочный навоз в качестве сопоставимого актива (эталонного сырья). Ценность биомассы определяется ее энергетическим потенциалом в производстве горючего вещества, которая характеризуется объемом образования биогаза и содержанием в нем метана. Органические коммунальные отходы и эталонное сырье имеют свои отличительные характеристики. Например, наибольший выход метана (70%) обеспечивает навоз свиной. Из 1 кг навоза крупного рогатого скота выходит 0,34 м³ биогаза, содержащего 65% метана. Выход биогаза из коммунальных отходов превышает выход биогаза из навоза крупного рогатого скота на 0,06 м³ с 1 кг сырья с одинаковым содержанием метана¹². Итак, экономическая ценность биомассы коммунальных отходов может быть определена по уровню энергетического потенциала органических коммунальных отходов в энергетическом потенциале эталонного сырья (навоза) и его текущей рыночной стоимости.

Первичная биомасса, попадающая на необорудованный полигон, имеет также свою энергетическую ценность и подлежит экономической оценке. Несмотря на то, что она на полигон попадает в чистом виде, при захоронении органические отходы смешиваются с остальными ТКО, создавая единый целостный субстрат. Реальный выход биогаза смешанного органического субстрата превышает расчетный по отдельным элементам органических веществ. Это происходит в результате синергетического эффекта, когда компоненты органических веществ усиливают действия друг друга. Поэтому, считаем уместным листья, траву, сучья, прочий органический мусор попадающий на необорудованный полигон рассматривать как единый субстрат, входящий на полигон, и оценивать по стоимости, как и вторичную биомассу – по уровню энергетического потенциала биомассы коммунальных отходов в энергетическом потенциале эталонного сырья (биомассы животноводства – навоза) и текущей рыночной стоимости эталонного сырья.

Заключение. Результатом проведенного исследования является научно обоснованное признание нового объекта бухгалтерского учета «биомасса коммунальных отходов», которая представляет собой органические вещества в составе коммунальных отходов, обладающие энергетическим потенциалом, изменяющие под воздействием естественных процессов материально-вещественную неоднородную форму на газообразную, впоследствии возможную к использованию в производстве энергии. К биомассе коммунальных отходов следует относить первичную биомассу – отходы парков, скверов и дворов растительного происхождения, и вторичную биомассу – отходы потребления и производства (подобные отходам жизнедеятельности человека), основную часть которых составляют, преимущественно, пищевые отходы. В рамках динамической теории баланса биомасса коммунальных отходов должна отражаться в бухгалтерском учете и финансовой отчетности в составе краткосрочных активов. Биомассу коммунальных отходов предложено оценивать в бухгалтерском учете по справедливой стоимости, определяемой по уровню энергетического потенциала биомассы коммунальных отходов в энергетическом потенциале эталонного сырья (биомассы животноводства – навоза) и его текущей рыночной стоимости.

Отражение в бухгалтерском учете информации о поступлении, запасах биомассы коммунальных отходов в недрах полигона и использовании её энергетического потенциала в производстве энергии обеспечит заинтере-

¹⁰ URL: https://www.minfin.gov.by/upload/accounting/acts/postmf_121110_133.pdf.

¹¹ URL: https://www.accaglobal.com/cis/ru/qualifications/dipifr-rus/exam_structure/technical-articles/IFRS13_fair_value_measurement.html.

¹² Обогащение биогаза. Экологичные технологии для надежного будущего. URL: <https://www.airproducts.ua/Biogas-brochure.pdf>.

сованных лиц необходимой информацией, позволяющей оценивать экономический потенциал полигона; учитывать остаточную стоимость органических отходов (в цепочке преобразования веществ «товар – отходы – вторичный ресурс») в производстве энергии; проводить анализ уровня использования вторичного ресурса в общей стоимости энергетических ресурсов региона, области или республики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соуфера, С. Биомасса как источник энергии / С. Соуфера, О. Заборски ; под ред. Я.Б. Черткова. – М. : Мир, 1985. – 368 с.
2. Ришар, Ж. Бухгалтерский учет: теория и практика : [пер. с фр.] / Ж. Ришар ; под ред. Я.В. Соколова. – М. : Финансы и статистика, 2000. – 158 с.
3. Ягодин, Б.А. Агрохимия / Б.А. Ягодин, Ю.П. Жуков, В.И. Кобзаренко ; под ред. Б.А. Ягодина. – М. : Колос, 2002. – 584 с.

Поступила 02.09.2022

ECONOMIC ESSENCE AND EVALUATION OF BIOMASS OF MUNICIPAL WASTE

E. MALEI, R. TRUBOVICH
(*Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk*)

Definitions of the category "biomass" in the context of the circular economy and renewable energy are investigated. The properties, composition and types of "biomass of municipal waste" as a secondary energy resource are indicated. The approach to cost estimation and the possibility of recognizing the "biomass of municipal waste" as an asset of organizations engaged in the disposal of municipal waste and the extraction of landfill gas at unequipped landfills is scientifically substantiated. The author's definition of "biomass of municipal waste" as a new object of accounting is proposed.

Keywords: organic municipal waste, biomass of municipal waste, secondary energy resource, circular economy, renewable energy

КОНТРОЛЬ ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТОВ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ

канд. экон. наук, доц. Л.В. МАСЬКО, П.И. ПАНЬКОВ

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

Людмила Масько ORCID <https://orcid.org/0000-0003-3823-1886>

Павел Панков ORCID <https://orcid.org/0000-0002-5499-1255>

Исследование посвящено проблеме контроля экологической составляющей деятельности компании и рассматривает контроль эффективности по экологическим вопросам, проблемы выбора ключевых показателей, соответствующих целям устойчивого развития, и представления их в единой форме отчетности. В частности, были предложены концептуальные основы определения эколого-экономических показателей, соответствующих целям устойчивого развития организации. Предложенные критерии отнесения деятельности к определенной категории риска (определенному классу) будут способствовать его идентификации в процессе контроля экологических вопросов. Авторы провели исследование современного состояния информационно-аналитического обеспечения контроля эколого-экономических показателей в Беларуси. Разработанное приложение к финансовой отчетности «Экологический отчет» будет способствовать установлению важности экологических вопросов в деятельности организации при проведении контроля эколого-экономических показателей, повышению эффективности контрольных мер в области охраны окружающей среды и предотвращения ущерба, нанесенного окружающей среде предшествующей деятельностью.

Ключевые слова: эколого-экономические показатели, формы контроля, области контроля, оценка эффективности, экологическая составляющая деятельности, информационно-аналитическое обеспечение контроля.

Введение. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития на период до 2030 г.¹ определяет цели, этапы и направления перехода Республики Беларусь к постиндустриальному обществу и инновационному развитию экономики, при повышении стандартов жизни человека и обеспечении благоприятной окружающей среды. С целью обеспечения равновесия между социальным, экономическим и экологически безопасным развитием страны Стратегия призвана устранить имеющиеся дисбалансы и создать фундамент для дальнейшего устойчивого развития. В этой связи деятельность субъекта хозяйствования должна быть направлена на максимальное устранение управленческих рисков, в том числе в сфере природопользования и природоохранной деятельности. Контроль как одна из основных функций системы управления должен осуществляться на основе наблюдения за хозяйственной деятельностью субъекта с целью обеспечения его оптимального функционирования [1].

В практике субъектов хозяйствования контроль может быть реализован в различных предметных областях, но первоочередной задачей, по нашему мнению, будет создание системы внутреннего контроля, которая способна обеспечить представление прозрачной информации для стейкхолдеров организации. Правилами аудиторской деятельности Республики Беларусь «Понимание деятельности, системы внутреннего контроля аудируемого лица и оценка риска существенного искажения бухгалтерской (финансовой) отчетности»² определено, что: «Система внутреннего контроля – совокупность методов управления, организационных мер, методик и процедур, принятых и осуществляемых собственниками, руководством и другими работниками аудируемого лица». По нашему мнению, система внутреннего контроля аудируемого лица не всегда эффективна в части соблюдения требований по природопользованию и природоохранной деятельности, что подтверждается результатами проверок контролирурующих органов. Например, в Республике Беларусь Министерством природных ресурсов и охраны окружающей среды и его территориальными органами формируются по каждой сфере контроля (надзора), отнесенной законодательством о контрольной (надзорной) деятельности к сфере контроля (надзора), перечни субъектов с риском³. В данной работе предлагаются критерии отнесения деятельности к определенной категории риска (определенному классу), применение которых будет способствовать выявлению субъектов с риском при проведении контроля экологических вопросов организации.

Кроме выявления рисков в процессе контроля экологических вопросов в организации актуальным остается и аспект контроля эффективности проводимых мероприятий. Отсутствие концептуальных основ оценки эффективности природоохранной деятельности и природопользования на предприятиях в ряде случаев не позволяет правильно установить индикаторы, по которым будет оцениваться эффективность. При этом процесс оценки эффективности осложняется тем, что измерение экологических эффектов отличается от стандартных экономических индикаторов. В этой связи требуется дальнейшее совершенствование концептуальных основ контроля эколого-экономических показателей деятельности субъектов хозяйствования.

¹ URL: <https://economy.gov.by/uploads/files/NSUR2030/Natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-Respubliki-Belarus-na-period-do-2030-goda.pdf>.

² URL: https://minfin.gov.by/upload/audit/rules/postmf_291208_203.pdf.

³ URL: <https://minpriroda.gov.by/uploads/files/prikaz-47-OD-Kriterii-1-2-3.pdf>.

Также в контексте контроля эффективности экологических вопросов организации значимым является правильный подбор источников информации. Изучение учредительных документов организации в совокупности с правоустанавливающими документами позволяет установить наличие (отсутствие) природопользования или природоохранной деятельности. В качестве информационного обеспечения предлагается информационная форма «Экологический отчет», благодаря которой возможно установить существенность экологических вопросов в деятельности организации и оценить их влияние на показатели отчетности, что будет способствовать повышению эффективности осуществляемого контроля.

В рамках данного исследования использованы общенаучные методы познания: анализ, синтез, обобщение, индукция, дедукция, наблюдение; методы теоретического исследования: идеализация, формализация, метод логического и сравнительного анализа. Теоретической и методологической основой исследования являются нормы Международных стандартов аудита, а также Международные стандарты высших органов аудита, действующее законодательство Республики Беларусь, Разработки ООН по экологическому направлению, материалы периодической печати.

Основная часть. Контроль эффективности экологической составляющей деятельности организации.

Контроль в практике субъектов хозяйствования реализуется на различных уровнях и может принимать различные формы. Многообразие взглядов на сущность контроля в организации представлено в исследованиях многих авторов. Например, в работе Щипанской Е.В. отмечено, что: «в научной литературе контроль представляется как функция, деятельность, процесс, процедура, оценивание, проверка, система, мероприятие, мера и другое, что отражает многочисленные ракурсы исследования контроля в производственных системах» [2]. Чаще всего в современных условиях контроль на предприятии рассматривается в контексте построения и совершенствования системы внутреннего контроля. Как отмечают Машкин Е.И. и Козлова Т.В., «сущность системы внутреннего контроля раскрывают следующие определения: контроль – это система целенаправленных действий по установлению степени соответствия процесса функционирования объекта управления принятым управленческим решениям и направлен на успешное достижение поставленных целей; внутренний контроль – это система мер, организованных руководством предприятия и осуществляемых на предприятии с целью наиболее эффективного выполнения всеми работниками своих обязанностей при совершении хозяйственных операций» [3].

Таким образом, исходя из сущности внутреннего контроля и его назначения в системе управления, можно утверждать, что внутренний контроль – это совокупность средств, обеспечивающих условия формирования и развития качественного процесса управления в достижении поставленных целей предприятия. Если обратиться к более стандартизированным источникам, то, например, в International Standard on Auditing (ISA) 315 «Identifying and Assessing the Risks of Material Misstatement through Understanding the Entity and Its Environment»⁴ определено, что «Система внутреннего контроля – совокупность методов управления, организационных мер, методик и процедур, принятых и осуществляемых собственниками, руководством и другими работниками аудируемого лица, для обеспечения:

- эффективности, результативности и соответствия законодательству хозяйственных операций;
- сохранности активов;
- выявления, исправления и предотвращения искажений информации на уровне финансовой отчетности в целом и на уровне предпосылок ее подготовки;
- достоверности финансовой отчетности аудируемого лица».

Считаем, что в практике субъектов хозяйствования контроль может иметь разные направления. В связи с этим, первоочередной задачей организации будет создание такой системы внутреннего контроля, благодаря которой возможно обеспечить представление прозрачной информации для стейкхолдеров. Более формально эта цель может быть выражена следующим образом: руководство и, если уместно, лица, отвечающие за корпоративное управление, отвечают также за разработку и внедрение системы внутреннего контроля для обеспечения составления финансовой отчетности в соответствии с применимой концепцией подготовки финансовой отчетности [4].

Также существуют другие определения контроля в организации, например, в стандартах, предлагаемых Комитетом спонсорских организаций Комиссии Тредвея⁵, «внутренний контроль имеет широкое определение как процесс, осуществляемый органом управления организации или другими сотрудниками, с целью получить информацию относительно выполнения следующих задач: эффективность и рациональность деятельности, достоверность финансовой отчетности, соблюдение законов и нормативных актов».

Если рассмотреть контроль как функцию управления, то необходимо кратко рассмотреть сущность данного процесса в организации. Если управление рассматривается не как единовременное действие, а как серия непрерывных взаимосвязанных действий, т.е. процессов, соответствующих управленческим функциям. Данный подход к управлению был изначально сформулирован А. Файолем, и впоследствии нашел отражение в работах многих авторов. Базовые функции управления отражают содержание управленческого процесса на любом предприятии и не зависят от специфики объекта управления, они реализуются на всех уровнях управления предприятием и во всех видах его деятельности. К базовым функциям управления относятся планирование, организация, мотивация и контроль [5]. Как отмечает Айдынов Р.Э., «функция контроля очень специфична, если сравнивать её с остальными функциями управления. Если, к примеру, планирование занимается постановкой задач, а организация обеспечением

⁴ URL: https://eis.international-standards.org/standards/iaasb/2020?section=MASTER_16#MASTER_16.

⁵ URL: <https://www.coso.org/sitepages/guidance-on-enterprise-risk-management.aspx?web=1>.

того, чтобы выполнение этих задач стало возможным, контроль характерен свойством универсальности, он в целом охватывает всю деятельность предприятия. Основная задача контроля – проверка безошибочности работы, а также обеспечение работы таким образом, чтобы она была максимально продуктивна» [6].

Контроль в практике субъектов хозяйствования может быть направлен на различные предметные области, например, контроль качества, контроль охраны труда, контроль технологического процесса и т.д. Однако, если рассматривать предприятие как субъект, который взаимодействует с внешними стейкхолдерами, предоставляющими финансирование, – инвесторами и кредиторами, – то контроль будет направлен в первую очередь на предоставление прозрачной информации о деятельности данного предприятия. В этой связи контроль в практике субъектов хозяйствования можно систематизировать следующим образом (рисунок 1).

Рисунок 1. – Формы и области контроля в практике субъектов хозяйствования

Источник: составлено на основе [5–7].

Таким образом, контроль в организации может иметь различные направления, в том числе контроль достоверности финансовой отчетности, сохранности активов, соответствия законодательным нормам (комплаенс-контроль), а также контроль эффективности проводимых мероприятий. По нашему мнению, контроль эффективности проводимых мероприятий является не менее важным видом контроля, чем прочие, так как в отсутствие или недостаточности контроля эффективности накапливаются скрытые проблемы с исполнением запланированных мероприятий, что создает скрытые риски для устойчивого развития организации. Поэтому далее более подробно рассмотрим вопрос контроля эффективности в деятельности субъектов хозяйствования.

Контроль эффективности проводимых мероприятий позволяет оценить полноту выполнения поставленных задач и основывается на сравнении фактически достигнутых показателей с плановыми. В качестве критериев оценки эффективности используются различные показатели, объединяемые понятием KPI – key performance indicators. Однако в ряде случаев бывает сложно определить достижимые значения KPI, а также состав данных индикаторов эффективности. Для того, чтобы правильно определять, какие KPI будут отражать эффективность при достижении поставленных целей, необходимо более подробно рассмотреть понятие эффективности. В хозяйственной практике понятие «эффективность» рассматривается на основе сопоставления конечного результата с затратами, израсходованными на его достижение. Собственно, экономический эффект – определенная форма результата – конечный результат. Вторая переменная при оценке эффективности, с которой соотносится полученный эффект, – либо ресурсы, либо затраты. При оценке экономической эффективности на уровне хозяйствующего субъекта оправдан затратный подход, так как он учитывает потребленные ресурсы, которые непосредственно связаны с получением данного результата [8]. Разработанная учеными система показателей эффективности использования ресурсов – капитала, а также основных и оборотных средств – представляет собой систему коэффициентов, которые позволяют выявить результаты использования ресурсов или тенденции, характеризующие эффективность производственной деятельности предприятия [9].

В отличие от управления экономическими и производственными показателями предприятия, когда эффективность функционирования оценивается в большей степени производственными показателями (рентабельность, производительность труда и т.д.), эффективность социальной или экологической сферы промышленных организаций должна оцениваться с учетом других видов эффекта [10]. В этой связи для субъектов хозяйствования может быть актуальным изучение практики оценки эффективности в рамках контроля государственных программ, закрепленной в стандартах ISSAI 3000⁶ и объединенной методологией аудита эффективности. В отличие от финансового аудита, она фокусируется на результатах, а не на отчетности; и, в отличие от аудита соответствия требованиям, касается в основном целей, выходящих за рамки государственных регулирующих мер и концепций экономической эффективности и производительности.

⁶ URL: <https://www.issai.org/pronouncements/issai-3000-performance-audit-standard/>.

Как отмечает Кэмерон К., каждое суждение об эффективности должно отвечать на определенный список вопросов, после чего могут быть определены приемлемые критерии эффективности [11]. В таблице 1 представим данные вопросы и предложим ответы в контексте оценки эффективности экологической составляющей деятельности предприятия.

Таблица 1. – Концептуальная основа оценки эффективности экологической составляющей деятельности субъектов хозяйствования

Вопросы при оценке эффективности	Предлагаемые ответы
1. С чьей точки зрения оценивается эффективность (например, сотрудники, клиенты, акционеры)?	С точки зрения общества, и институтов, принявших на себя обязательства в сфере экологии
2. На какой сфере деятельности сосредоточено суждение?	Природопользование, природоохранные мероприятия, влияние на окружающую среду
3. Какой уровень анализа используется?	Уровень влияния конкретного предприятия на окружающую среду
4. Какова цель оценки эффективности?	Выполнение принятых обязательств по соблюдению целевых экологических показателей
5. Какие временные рамки используются?	Обычно совпадает с годовым периодом планирования
6. Какой тип данных используется для оценок?	Показатели финансовой отчетности и данные аналитического учета, результаты замеров, проб и т.д.
7. Каков ориентир оценки эффективности?	В зависимости от вида природопользования: соблюдение установленных лимитов и степень их превышения

Источник: составлено на основе [11].

Таким образом, контроль эффективности должен проводиться в четко очерченных границах времени и места с определением целей и задач контроля, а также должен основываться на подходящих критериях эффективности. Сложность связана с достижением неэкономических эффектов. Одно из направлений такого контроля – это контроль эффективности природопользования на основе эколого-экономических показателей.

Информационно-аналитическое обеспечение контроля экологических вопросов организации. Современный этап развития Республики Беларусь характеризуется социальной направленностью его экономических преобразований. Однако системный подход к методике контроля экологических вопросов в Республике Беларусь отсутствует. В результате не представляется возможным достоверно в полном объеме оценить влияние на отчетность организации экологических аспектов ее деятельности.

Если обратиться к глобальной повестке на основе целей устойчивого развития ООН⁷, то можно отметить высокую значимость экологических вопросов: необходимо рационально использовать водные ресурсы (Цель 6), принимать меры по замедлению глобального потепления (Цель 13), бороться с опустыниванием и эффективно управлять лесными ресурсами, предотвращать процесс деградации земель и утраты биоразнообразия (Цель 15). Также значимость экологических вопросов можно проследить на уровне глобальных исследований, посвященных измерению влияния человека на окружающую среду, например, исследования в рамках программы Экологический след (Ecological Footprint⁸): «Экологический след – это показатель, характеризующий потребление человечеством ресурсов Земли, который представляет собой площадь в гектарах биологически продуктивной поверхности Земли, необходимой для производства потребляемых нами ресурсов и переработки отходов». Представим в таблице 2 информацию некоторых стран мира по разнице биологического потенциала и экологического следа.

Таблица 2. – Информация по разнице биологического потенциала и экологического следа в 2021 году

Главные «страны-потребители» импортируют и потребляют количество ресурсов больше, чем может предоставить им природа	Экологически устойчивые страны страны с низким уровнем потребления и развитые страны с относительно небольшой численностью населения, богатые природными ресурсами
1. Объединённые Арабские Эмираты: -9,831 2. Катар: -8,000 3. Кувейт: -5,929 4. Бельгия: -6,656 5. Нидерланды: -5,166 6. Южная Корея: -4,534 7. Израиль: -4,500 8. Саудовская Аравия: -4,295 9. Япония: -4,130 10. США: -4,128	1. Габон: 27,878 2. Боливия: 16,262 3. Конго: 12,303 4. Монголия: 9,604 5. Парагвай: 8,050 6. Канада: 7,906 7. Австралия: 7,874 8. Центральная Африканская Республика: 7,122 9. Финляндия: 6,305 10. Бразилия: 6,080
На территории СНГ этот показатель положительный только у России (1,339) (биологический потенциал: 5,75; экологический след: 4,41) и Киргизии (0,100). Отрицательный: Казахстан -0,534; Беларусь: -0,515; минимальные значения у Украины (-1,100) и Азербайджана (-1,105).	

Источник: составлено на основе отчета «Экологический след»⁸.

Республика Беларусь потребляет ресурсов больше, чем предоставляет ей природа. В связи с этим важно подчеркнуть значение выполнения положений Стратегии в области охраны окружающей среды Республики Беларусь на

⁷ URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/sustainable-development-goals>.

⁸ URL: https://data.footprintnetwork.org/?_ga=2.3303090.328979853.1640376624-1870137153.1640376624#/.

период до 2035 г., которой установлено: «В развитии национальной экономики планируется реализация стратегического направления по переходу к моделям «зеленой экономики» и циркулярной экономики. Эти модели ориентированы на максимальную замену использования невозобновляемых природных ресурсов возобновляемыми, ресурсо- и энергосбережение, минимизацию образования и полноту использования отходов⁹». Данные положения обосновывают необходимость развития методик контроля экологических вопросов организации, основой которых должен выступать риск-ориентированный подход. Считаем, что при проведении контроля экологических вопросов организации критериями отнесения деятельности к определенной категории риска (определенному классу) могут выступать:

- ошибки в финансовой отчетности организации, связанные с несоблюдением ими требований экологического законодательства;
- дополнительные затраты, связанные с влиянием различных экологических требований к выпускаемым организацией продукции, работам, услугам;
- дополнительные затраты, связанные с реакцией у заказчиков, к выпускаемым организацией продукции, работам, услугам;
- ошибки в финансовой отчетности организации, связанные с дополнительными затратами при соблюдении ими требований экологического законодательства.

По нашему мнению, с целью снижения риска необнаружения существенных искажений финансовой отчетности по экологическим вопросам, методика контроля достоверности данной информации на предприятиях должна учитывать предлагаемые критерии. В результате будет возможно установить определенную категорию риска деятельности организации, что позволит усилить эффективность применяемых контрольных мероприятий для достижения целей глобального устойчивого развития.

В современных условиях отмечается существенный рост потребности пользователей информации в соответствующих эколого-ориентированных данных. Представление информации о проводимых природоохранных мероприятиях и использовании природных ресурсов предприятиями, а также контроль достоверности представленной информации имеет большое значение для достижения целей глобального устойчивого развития, потому что предприятия с одной стороны являются крупными потребителями природных ресурсов, с другой – могут аккумулировать значительный объем средств для реализации природоохранных мероприятий. В этой связи важным аспектом является наличие и прозрачность отчетности о проводимых природоохранных мероприятиях. Значимость представления прозрачной информации об экологических вопросах подтверждается работой в рамках глобального партнерства финансовых учреждений (PCAF¹⁰), которые совместно работают над разработкой и внедрением согласованного подхода к оценке и раскрытию информации о выбросах парниковых газов, связанных с их кредитами и инвестициями, например, по вопросам глобального потепления, что было отмечено в The Glasgow Climate Pact¹¹.

Очевидно, что для формирования полноценной картины влияния промышленного производства на окружающую среду, нужно не только аккумулировать информацию о предоставляемых кредитах и инвестициях со стороны банковского сектора, но и проводить дальнейшую работу по совершенствованию подходов к представлению информации об экологических вопросах на предприятиях, которые непосредственно участвуют в процессе природопользования. Для выявления уровня современного состояния учетно-аналитического обеспечения контроля экологических вопросов организаций Республике Беларусь было проведено исследование в области природоохранной деятельности и природоохранных мероприятий. Результаты представлены на рисунке 2.

Рисунок 2. – Учетно-аналитическое обеспечение контроля экологических вопросов в Республике Беларусь

По результатам исследования можно сделать следующий вывод: отсутствие данных о природоохранной деятельности организации негативно влияет на экологизацию микроэкономических и макроэкономических показателей. Считаем, следует обратить особое внимание на степень урегулирования нормативными правовыми

⁹ URL: <https://www.minpriroda.gov.by/ru/strategiya35-ru/>.

¹⁰ URL: <https://carbonaccountingfinancials.com/files/downloads/PCAF-Global-GHG-Standard.pdf>.

¹¹ URL: <https://unfccc.int/process-and-meetings/the-paris-agreement/the-glasgow-climate-pact/cop26-outcomes-transparency-and-reporting>.

актами порядка учетно-аналитического обеспечения природоохранной деятельности организаций Республики Беларусь. Также, отсутствие отдельных форм финансовой отчетности, содержащих информацию о природоохранной деятельности организации, лишает необходимой и полезной информации пользователей, принимающих решения по устойчивому развитию экономики. Результаты проведенного исследования обосновывают предлагаемую авторами форму приложения финансовой отчетности — «Экологический отчет» [12]. Показатели этого отчета *агрегированы* по видам экологических активов и обязательств субъектов хозяйствования и *структурированы* в разрезе природопользования и природоохранной деятельности.

Сравнение итоговых сумм отчета (Экологический результат) по позициям экологические активы (всего) и экологические обязательства (всего) позволит достоверно установить существенность влияния экологических вопросов на финансовую отчетность организации. В свою очередь это может являться основой принятия решения в процессе осуществления контроля о первоочередности проверки экологических вопросов: с экологических активов или экологических обязательств. В результате достигается цель — наличие и прозрачность учетно-аналитического обеспечения контроля экологических аспектов деятельности организаций.

Считаем, что благодаря интеграции отдельных показателей в единую форму «Экологический отчет» достигается синергетический экономический эффект разработанного приложения — полученная информация приобретает новые качества, которые способны повысить эффективность контроля экологических вопросов. Синергетический эффект экологической составляющей отразит повышение ресурсосбережения. Важно отметить, что предлагаемая форма «Экологический отчет» аккумулирует информацию, содержащую новые качества и будет являться одним из значимых источников на этапе планирования контроля экологических вопросов организации. Документ «Экологический отчет» в совокупности с другими необходимыми документами может иметь важное значение при принятии решений инвесторами по предоставлению инвестиций или банками по открытию кредитных линий для финансирования различных проектов организации.

Как отмечается в исследовании Pucheta-Martínez & Gallego-Álvarez, в странах с развитой рыночной экономикой, где значительная доля финансирования привлекается через фондовый рынок, компании в большей степени заинтересованы в раскрытии информации об экологических вопросах. Тем самым компании стремятся улучшить свою репутацию ответственных субъектов хозяйствования, ориентированных на достижение целей устойчивого развития [13]. В то же время, в странах с неразвитым фондовым рынком мотивация к раскрытию полной и прозрачной информации об экологических вопросах у компаний снижается. Кроме этого на мотивы фирм при подготовке информации об экологических вопросах влияют институциональные факторы, особенно — отрасли, специфические для страны и фирмы факторы, связанные с организационной структурой, а также типом и расположением рынков [14]. Несмотря на различия между странами и отраслями можно выделить ряд общих причин, снижающих мотивацию компаний к раскрытию полной и прозрачной информации об экологических вопросах. В том числе к ним относятся проблемы с увеличением издержек на сбор и обработку соответствующей информации, а также сложности выбора правильных индикаторов [14]. Поэтому предлагаемые авторами подходы к определению критериев для контроля эффективности экологической составляющей деятельности предприятия и форма «Экологический отчет» будут актуальны не только для Республики Беларусь, но и для хозяйствующих субъектов в других странах, так как позволяют организациям снизить издержки на составление отчетности по экологическим вопросам за счет интеграции с учетной системой и обеспечивают понятную информационную основу для менеджмента организации.

Заключение. По результатам проведенного исследования были систематизированы формы контроля в практике субъектов хозяйствования, и отдельно выделены те формы контроля, которые являются основой взаимодействия с внешними стейкхолдерами. В результате было установлено, что контроль эффективности является не менее важной формой контроля во взаимодействии с внешними стейкхолдерами, чем, например, контроль достоверности финансовой отчетности или сохранности активов. При этом в ходе исследования было отмечено, что отсутствие концепции контроля эффективности не позволяет правильно определить индикаторы для последующей оценки полученных эффектов, что особенно важно, когда эффекты имеют неденежный характер и связаны с экологическими вопросами.

Учитывая данные аспекты, была предложена концепция оценки эффективности экологической составляющей деятельности предприятия, представленная в рамках ответов на вопросы, лежащие в основе любой концепции эффективности. Опираясь на данную концепцию, организации, а также государство, принимающее на себя обязательства в области природоохранных мероприятий, смогут подходить к определению целевых экологических индикаторов более обоснованно, избегая ненужных ошибок. Также, в целях предотвращения ошибок, снижения риска существенных искажений финансовой отчетности по экологическим вопросам деятельности и разработки методов их контроля, было предложено применять критерии отнесения деятельности к определенной категории риска (определенному классу). Применяя предложенные критерии можно было бы установить определенную категорию риска деятельности организации. Это повысит эффективность применяемых мер контроля, будет способствовать достижению целей глобального устойчивого развития.

По нашему мнению, информация об эколого-экономических показателях должна предоставляться в отчетных формах организаций, что обеспечивало бы современные потребности пользователей в таких данных. В связи с этим изучение процедуры формирования показателей предлагаемой формы «Экологического отчета» и их синергетического эффекта представляется актуальным, а полученные результаты имеют практическую значимость. На их основании можно сделать вывод, что полученный синергетический экономический эффект характеризует

финансово-экономическую устойчивость организации, а эффект экологической составляющей деятельности заключается в повышении ресурсосбережения. В целом, предлагаемые разработки направлены на улучшение контроля эколого-экономических показателей деятельности организации, выявление и решение возникающих проблем, ошибок, деструктивных аспектов деятельности организации, их устранение и предотвращение в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Matukova, H. Eco-Controlling: Prospects for the Environmental Policy in Enterprise Management / H. Matukova, V. Khrapkina, N. Bahashova, D. Matukova-Yaryha, A. Levitskaia // In proceeding of IV International Scientific Congress «Society of Ambient Intelligence – 2021»: Kyiv, Ukraine. – 2021. – P. 1–7. DOI: <https://doi.org/10.1051/shsconf/202110005011>.
2. Щипанская, Е.В. Совершенствование внутреннего контроля в системе управления качеством организации на основе процессного и риск-ориентированного подходов : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Е.В. Щипанская. – СПб., 2019. – 186 с.
3. Машкин, Е.И. Актуальность интеграции систем внутреннего контроля в системы управления предприятием / Е.И. Машкин, Т.В. Козлова // Экономика и политика. – 2013. – № 6. – С. 74–79.
4. Pankou P. The control of transactions with derivatives in the non-financial organizations in the Republic of Belarus // L. Masko, P. Pankou // Proceedings of the conference New Challenges of Economic and Business Development 2019 (University of Latvia, Riga), 16-17 may 2019. – P. 544–555.
5. Мескон, М. Основы менеджмента / М. Мескон, М. Альберт, Ф. Хедоури ; общ. ред. Л.И. Евенко ; пер.: М.А. Майорова [и др.]. – М. : Дело, 1998. – 800 с.
6. Айдынов, Р.Э. Функции управления / Р.Э. Айдынов // Бизнес-образование в экономике знаний. – 2017. – № 1. – С. 4-10.
7. Ким, С.А. Теория управления : учеб. / С.А. Ким. – М. : Дашков и К°, 2019. – 240 с. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=57330>.
8. Сорокин, С.Л. Эффективность внешнеэкономической деятельности: понятие, измерение и оценка : моногр. / С.Л. Сорокин. – Гродно : ГрГУ, 2011. – 130 с. URL: <https://elib.grsu.by/katalog/158705-338962.pdf>.
9. Kostakiy, A.D. The system of balanced indicators as a tool for improving the efficiency of enterprises / A.D. Kostakiy // Bulletin of the Pridnestrovian University, Tiraspol. – 2018. – № 3 (60). – P. 183–189.
10. Malei, A. Business's corporate social responsibility at the post-soviet area: features of assessing the effectiveness of an industry organization's social sphere / A. Malei, K. Afanasyeva // Proceedings of the International Scientific Conference SOCIETY. INTEGRATION. EDUCATION, Rezekne Academy of Technologies, Latvia. – 2021. – P. 367–388. DOI: <https://doi.org/10.17770/sie2021vol6.6358>.
11. Cameron, K. Organizational Effectiveness / K. Cameron // Wiley Encyclopedia of Management. – P. 1–4. DOI: <https://doi.org/10.1002/9781118785317.weom110>.
12. Масько, Л.В. Бухгалтерский учет и аудит экологических активов и обязательств / Л.В. Масько. – Новополоцк : ПГУ, 2015. – 224 с.
13. Pucheta-Martínez, M.C. Environmental reporting policy and corporate structures: An international analysis / M.C. Pucheta-Martínez, G. Gallego-Álvarez // Corp. Soc. Resp. Env. Management. – 2021. – № 134. – P. 1–11. URL: <https://doi.org/10.1002/csr.1494>.
14. Kolk, A. Social and Environmental Accounting / A. Kolk, P. Perego // Wiley Encyclopedia of Management – P. 1–6. DOI: <https://doi.org/10.1002/9781118785317.weom010061>.

Поступила 17.08.2022

THE CONTROL OF ECOLOGY-ECONOMIC INDICATORS OF BUSINESS ENTITIES ACTIVITY

L. MASKO, P. PANKOU
(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

The research is devoted to the problem of control the environmental component of the company's activities and considers effectiveness control on environmental issues, problems of selecting key indicators corresponding to the goals of sustainable development and presentation them in a single reporting form. In particular, have been considered various forms of control and special attention have been paid for the effectiveness control of the environmental component. In this regard have been proposed the conceptual framework for identifying ecology-economic indicators appropriate to the goals of sustainable development. Also the proposed criteria for assigning activities to certain risk category will contribute to the identification of risk in the process of environmental issues control. In order to increase transparency of disclosed information has been conducted study of current state of informational and analytical support for the control of ecology-economic indicators in Belarus. The developed appendix to the financial statements "Environmental Report" will help to establish the importance of environmental issues in the organization's activities when monitoring environmental and economic indicators, improve the effectiveness of control measures in the field of nature protection and prevention of damage caused to the environment by previous activities.

Keywords: ecology-economic indicators, forms of control, areas of control, efficiency assessment, environmental component of activity, information and analytical support of control.

УДК 339.3 + 656.02 + 656.13 + 656.078

DOI 10.52928/2070-1632-2022-62-12-59-65

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЛОГИСТИЧЕСКИХ БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ
НА ПРИМЕРЕ ТРАНСПОРТНОГО УЧАСТКА ФИЛИАЛА «ПОЛОЦКИЙ ХЛЕБОЗАВОД»
ОАО «ВИТЕБСКХЛЕБПРОМ»**

О.М. МЕЩЕРЯКОВА, А.А. ДЖЕРЕН

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

Приведена характеристика существующих логистических бизнес-процессов транспортного участка предприятия. Показаны результаты анализа технико-эксплуатационных показателей работы транспорта, отражена динамика простоев транспортных средств, выявлены причины простоев транспортных средств, а также предложено, схематически изображено и экономически обосновано совершенствование логистических бизнес-процессов «Подготовка к техническому осмотру грузовых транспортных средств» и «Планово-предупредительная система ремонта грузовых транспортных средств» транспортного участка филиала «Полоцкий хлебозавод» ОАО «Витебскхлебпром».

Ключевые слова: логистика, бизнес-процесс, логистическая система, транспортные средства, запасные части, дефектный акт, ремонт транспортных средств.

Введение. Деятельность любого промышленного предприятия тесно связана с необходимостью транспортировки грузов. В связи с тем, что основная задача промышленных предприятий состоит в том, чтобы снизить общую сумму затрат на изготовление и реализацию продукции, предлагается использование логистического подхода, рассматривающего взаимоувязанный комплекс проблем. Как показывают исследования, затраты на транспортную составляющую, являющуюся основой суммарных логистических издержек предприятия, составляют от 30% до 60% всех затрат предприятия. Необходимость в устойчивом развитии, совершенствовании логистических бизнес-процессов транспортных участков предприятий требует разработки новых логистических бизнес-процессов, технологий и приемов ведения бизнеса, повышения качества конечных результатов деятельности и внедрения новых, более эффективных методов управления, что обуславливает актуальность рассматриваемой темы.

Целью исследования является разработка экономически обоснованных мероприятий по совершенствованию логистических бизнес-процессов транспортного участка филиала «Полоцкий хлебозавод» ОАО «Витебскхлебпром».

В процессе работы для достижения поставленной цели были решены следующие задачи: проведен анализ транспортной деятельности предприятия, анализ бизнес-процессов транспортного обслуживания, анализ технико-эксплуатационных показателей работы транспортного участка, выявлены проблемы, возникающие в транспортном обслуживании, а также предложены и экономически обоснованы мероприятия по совершенствованию логистических бизнес-процессов транспортного участка предприятия.

Материалы и методы. В статье изучены и систематизированы научные публикации отечественных и зарубежных ученых, статистические данные, что позволило сделать теоретическую выборку, определить основную тематику исследования. Теоретическую основу исследования составили научные труды Елового И.А., Ивута Р.Б., Миротина Л.Б., Аникина Б.А., Баско И.М. и др. Методологической основой исследования явился комплекс взаимодополняющих общенаучных (объяснение, компаративный анализ, индукция и дедукция, научное доказательство) и частных методов познания (обобщение), системный и комплексный подходы. Информационно-эмпирическую базу исследования составили: нормативные и правовые документы; нормативно-технические документы, научные разработки белорусских и зарубежных ученых; материалы, содержащиеся в сети Интернет.

Результаты исследования. Логистическая система – это сложная организационно завершенная экономическая система, состоящая из элементов – звеньев, – взаимосвязанных в едином процессе управления материальными и сопутствующими им потоками [1; 2].

Звено логистической системы – это некоторый экономически или функционально обособленный объект, не подлежащий дальнейшей декомпозиции в рамках поставленной задачи анализа или синтеза логистической системы и выполняющий локальную целевую функцию [3; 4].

На рисунке 1 представлена схема звеньев логистической системы филиала «Полоцкий хлебозавод» ОАО «Витебскхлебпром» по схеме движения материального потока.

Рисунок 1. – Схема звеньев логистической системы филиала «Полоцкий хлебозавод» ОАО «Витебскхлебпром» по схеме движения материального потока

Рассматривая схему звеньев логистической системы филиала, представленную на рисунке 1, отметим ключевую роль транспорта как звена логистической системы, благодаря которому связаны между собой отдельные предприятия и организации, экономические районы. Транспорт принимает участие в процессе воспроизводства материальных благ путем перемещения материальных ресурсов и готовой продукции из сферы производства в сферу производственного или личного потребления [5]. Анализ транспортной деятельности филиала «Полоцкий хлебозавод» ОАО «Витебскхлебпром» показал, что предприятие располагает собственным автопарком (таблица 1).

Таблица 1. – Характеристика собственных транспортных средств предприятия

Вид автотранспортного средства	Количество, шт.	Марка	Год выпуска	Грузоподъемность, т.
Специализированные автомобили, в т. ч.:	15			
Лоточного типа	11	ГАЗ 3302	2012-2019	1,5
Контейнерные	4	ГАЗ 3307	1993-1995	4,5
Автосредства доставки хлебцев, в т. ч.:	4			
МАЗ	2	МАЗ 4370	2008, 2019	6,0
Газель	2	ГАЗ 3302	2010, 2012	1,5
Итого	19			

Источник: на основе данных исследуемого предприятия.

Транспортировка сырья и материалов, а также готовой продукции предприятия выполняется с применением собственного подвижного состава. Как правило, развоз продукции осуществляется в соответствии с графиком доставки по торговым точкам по одним и тем же маршрутам. Таким образом, каждый маршрут определяется набором торговых точек, последовательностью развоза и требуемым временем доставки, что зависит от грузоподъемности и вместимости выбранного транспортного средства. Анализ основных логистических бизнес-процессов транспортного участка филиала «Полоцкий хлебозавод» ОАО «Витебскхлебпром» представлен в таблице 2.

Таблица 2. – Характеристика логистических бизнес-процессов транспортного участка предприятия

Бизнес-процесс	Состав бизнес-процесса по функциям
Основные логистические бизнес-процессы	
1. Обеспечение доставки сырья, материалов от поставщиков	Получение заявки на перевозку от отдела материально-технического снабжения; оформление перевозки; подтверждение заявки отдела материально-технического снабжения; загрузка транспорта сырьем, материалами; перевозка груза до места назначения; разгрузка сырья, материалов; возврат транспорта в гараж
2. Обеспечение доставки готовой продукции потребителю	Получение заявки на доставку готовой продукции из отдела маркетинга и сбыта; оформление перевозки; выставление счета за оказание транспортных услуг; получение информации о сроках отгрузки от отдела маркетинга и сбыта; предоставление транспорта под загрузку; перевозка груза до места назначения; разгрузка готовой продукции; возврат транспорта в гараж
Вспомогательные логистические бизнес-процессы	
1. Контроль перевозки	Контроль своевременной подачи подвижного состава; контроль соответствия подвижного состава; контроль своевременной загрузки подвижного состава; контроль своевременной доставки груза грузополучателю; контроль своевременной разгрузки подвижного состава грузополучателем
2. Работа по завершению перевозки	Оформление перевозки; передача в бухгалтерию данных для выставления счета в комплексе с другими необходимыми документами
3. Ремонтное обслуживание транспортных средств	Поступление заявки на ремонт механику гаража; распределение работы по ремонту транспортного средства; ремонт транспортного средства
4. Подготовка к техническому осмотру грузовых транспортных средств	Подготовка транспортного средства к техническому осмотру; сбор необходимых документов; ремонт транспортного средства, при необходимости
5. Нормирование горюче-смазочных материалов	Нормирование производится в соответствии с Постановлением Министерства Транспорта и коммуникаций Республики Беларусь от 31 декабря 2008 г. №141. На автомобильном транспорте применяются следующие виды норм расхода топлива: базовые линейные нормы, регламентирующие расход топлива в процессе передвижения автомобиля (л/100 км пробега, куб.м/100 км пробега), дополнительные нормы топлива (на 1 ткм выполненной транспортной работы)
6. Нормирование запасных частей на автотранспортные средства	Нормирование запасной части приходится по факту износа запасной части.
7. Нормирование автошин на автотранспортные средства	Нормирование автошин происходит в соответствии эксплуатационными нормами пробега шин для автотранспорта предприятия на основании ТКП 299-2011(02190), ГОСТа 7463-2003 и анализа пробегов списанных шин
8. Планово-предупредительная система ремонта грузовых транспортных средств	Ежедневное техническое обслуживание; сезонное техническое обслуживание; по потребности восстановления – текущий ремонт; по выработке ресурса автомобиля – капитальный ремонт

Рассмотрев логистические бизнес-процессы транспортного участка филиала «Полоцкий хлебозавод» ОАО «Витебскхлебпром» можно сделать вывод, что основным бизнес-процессом является обеспечение перевозочного процесса. К вспомогательным процессам относятся контроль перевозки, работа по завершению перевозки, ремонтное обслуживание транспортных средств, подготовка к техническому осмотру транспортного средства и пр.

Анализ основных технико-эксплуатационных показателей работы транспортного участка филиала «Полоцкий хлебозавод» ОАО «Витебскхлебпром» за 2021 год представлен в таблице 3.

Таблица 3. – Основные технико-эксплуатационные показатели работы транспортного участка за 2021 год

Показатель	Единица измерения	Значение показателя
Автомобиле-дни в готовом для эксплуатации состоянии	дни	210
Списочные автомобиле-дни подвижного состава	дни	280
Число автомобиле-дней эксплуатации	дни	205
Количество фактически перевезенного груза	тонн	16 947
Номинальная грузоподъемность автомобилей	тонн	18 250
Пробег общий	км	440 000
Пробег с грузом	км	182 000
Фактическая транспортная работа	т*км	526 953 785
Транспортная работа с учетом номинальной грузоподъемности	т*км	593 725 792
Коэффициент технической готовности	%	0,75
Коэффициент выпуска подвижного состава	%	0,82
Статистический коэффициент использования грузоподъемности	%	0,93
Динамический коэффициент использования грузоподъемности	%	0,89
Коэффициент полезного пробега	%	0,41

Источник: на основе данных исследуемого предприятия.

Показатели работы подвижного состава характеризуют техническую готовность автомобиля и необходимы для планирования и анализа работы транспортного участка, учета работы автомобилей, отчетности и оценки деятельности транспортного участка. Исходя из результатов анализа технико-эксплуатационных показателей работы транспортного участка филиала «Полоцкий хлебозавод» ОАО «Витебскхлебпром», можно сделать вывод, что коэффициент выпуска подвижного состава равен 0,82%, что указывает на то, что готовые к эксплуатации транспортные средства используются не в полной мере. Коэффициент полезного пробега равен 0,41%, что говорит о преобладающих порожних пробегах транспортных средств, что негативно сказывается на общей эффективности работы транспортного участка. Коэффициент технической готовности автотранспорта составляет 0,75%, что является результатом недостаточно спланированных мероприятий по ремонту и техническому обслуживанию подвижного состава и свидетельствует о низком уровне готовности подвижного состава к эксплуатации.

Чтобы понять причину низкого значения коэффициента технической готовности проанализируем количество дней простоев транспортных средств на обслуживании и ремонте на филиале «Полоцкий хлебозавод» ОАО «Витебскхлебпром» (таблица 4).

Таблица 4. – Количество дней простоев транспортных средств на обслуживании и ремонте

Марка автомобиля	Количество автомобилей	Количество простоев					
		2019		2020		2021	
		На 1 авто	Всего	На 1 авто	Всего	На 1 авто	Всего
ГАЗ 3302	13	50	650	60	780	65	845
ГАЗ 3307	4	45	180	52	208	57	228
МАЗ 4370	2	10	20	15	30	23	46

Источник: на основе данных исследуемого предприятия.

Как видно из таблицы 4, количество простоев ежегодно возрастает. Простои в ремонте увеличиваются по следующим причинам:

- несоблюдение периодичности техобслуживания (превышение пробега до очередного технического обслуживания достигает 2-х и более кратного значения);
- некачественное проведение работ, предусмотренных плановыми воздействиями по техническому обслуживанию и текущим ремонтам, особенно – при вынужденном ремонте в полевых условиях, что приводит к интенсивному износу и преждевременным отказам подвижного состава и массовой постановке автомобилей на текущий ремонт;
- несвоевременная поставка автозапчастей, что увеличивает время ремонта автомобилей.

Ремонт автомобилей осуществляется в основном самостоятельно водителями, узкоспециализированный ремонт осуществляется с привлечением сторонних организаций.

Виды технического обслуживания подвижного состава, присутствующие на филиале «Полоцкий хлебозавод» ОАО «Витебскхлебпром»:

- ежедневное техническое обслуживание. Выполняется после возвращения автомобиля с линии и включает: контрольный осмотр механизмов и систем, обеспечивающих безопасность движения, а также осмотр кузова, кабины, приборов освещения; уборочно-моечные и сушильно-обтирочные операции, а также дозаправку автомобиля топливом, маслом, охлаждающей жидкостью. Мойка автомобиля осуществляется по потребности в зависимости от погодных, климатических условий и санитарных требований, а также от требований, предъявляемых к внешнему виду автомобиля;

– первое техническое обслуживание. Заключается в наружном техническом осмотре всего автомобиля и выполнении в установленном объёме контрольно-диагностических, крепежных, регулировочных, смазочных, электротехнических и заправочных работ с проверкой работы двигателя, рулевого управления, тормозов и других механизмов;

– второе техническое обслуживание. Включает выполнение в установленном объёме крепежных, регулировочных, смазочных и других работ, а также проверку действия агрегатов, механизмов, приборов в процессе работы и заправочных работ с проверкой работы двигателя, рулевого управления, тормозов и других механизмов;

– сезонное техническое обслуживание. Проводится два раза в год, при очередном втором техническом обслуживании является подготовкой подвижного состава к эксплуатации в холодное и теплое времена года.

Периодичность первого и второго технических обслуживаний устанавливается через определенные пробеги в зависимости от условий эксплуатации. Причины неудовлетворительной работы систем технического обслуживания и ремонта условно можно разделить на две группы: объективные и организационные. Удельный вес причин простоя транспортных средств филиала «Полоцкий хлебозавод» ОАО «Витебскхлебпром» представлен в таблице 5.

Таблица 5. – Удельный вес причин простоя транспортных средств

Причины	Удельный вес, %
Объективные причины	
Отсутствие запасных частей	21
Условие эксплуатации	10
Возраст парка машин	18
Слабая производственная база	4
Прочие	18
Всего	71
Организационные причины	
Низкая трудовая дисциплина	11
Слабая организация работ	18
Всего	29

Таким образом, самой распространённой причиной простоя является отсутствие запасных частей.

Решить выявленные проблемы можно путём поиска новых, более надёжных поставщиков, а также наличием запасных автозапчастей на складе предприятия, посредством совершенствования вспомогательных бизнес-процессов «Подготовка к техническому осмотру грузовых транспортных средств» и «Планово-предупредительная система ремонта грузовых транспортных средств». Суть предложения заключается в следующем: после завершения технического обслуживания, когда проведен весь объем работ (проверка приводных ремней, педалей сцепления, привода коробки передач, балансировки колес, смазки автомобиля, двигателя, приборов, рулевого управления, тормозов и др.) и понятно состояние транспортного средства, необходимо проанализировать возможные поломки транспортных средств (наиболее часто проявляемые в определенных моделях транспортных средств в зависимости от пробега), а также износа запасных частей и выдать водителю транспортного средства разработанную авторами форму дефектного акта, рисунок 2.

Дефектный акт № ____

Водитель: _____

Контактный телефон водителя: _____

Марка автомобиля:	Модель автомобиля:
Год выпуска:	Мощность (кВт/л.с.):
Номер шасси:	Код двигателя:

Анализ возможных поломок

№	Наименование запасной части	Процент износа, %	Приблизительный остаточный срок эксплуатации, мес.
1			
2			
...			
Контактное лицо, установившего деталь:			
Адрес поста диагностики:			
Телефоны поста диагностики:			
Замечания:			
_____/_____/_____ Дата		_____ Подпись	

Рисунок 2. – Предлагаемая форма дефектного акта

После заполнения дефектного акта, водитель транспортного средства передает его механику. Механик аккумулирует дефектные акты, поступающие в течение месяца и на основе предложенной авторами формы, заполняет Сводный дефектный акт за период (рисунок 3), затем подает заявку на закупку запасных частей, агрегатов, узлов в отдел снабжения.

Сводный дефектный акт за период _____ месяц						
№	Марка автомобиля	Модель автомобиля	Год выпуска	Запасная часть	Остаточный срок эксплуатации, мес.	Заявка, кол-во
1						
2						
...						
Примечание:						
_____/_____/_____ Дата				_____ Подпись		

Рисунок 3. – Предлагаемая форма Сводного дефектного акта за период

Если технический осмотр проходит на стороне, то при заключении договора на техническое обслуживание в качестве существенного условия должна быть предусмотрена выдача водителю транспортного средства дефектного акта в качестве приложения к диагностической карте.

Схема усовершенствованных логистических бизнес-процессов «Подготовка к техническому осмотру грузовых транспортных средств» и «Планово-предупредительная система ремонта грузовых транспортных средств» транспортного участка филиала «Полоцкий хлебозавод» ОАО «Витебскхлебпром» показана на рисунке 4.

Рисунок 4. – Предлагаемая схема усовершенствованных логистических бизнес-процессов транспортного участка предприятия

Подробный анализ усовершенствованных логистических бизнес-процессов «Подготовка к техническому осмотру грузовых транспортных средств» и «Планово-предупредительная система ремонта грузовых транспортных средств» транспортного участка представлена в таблице 6.

Таблица 6. – Анализ усовершенствованных логистических бизнес-процессов

Выполняемая функция	Основные документы	Исполнители
Техническое обслуживание	сервисная книжка; дефектный акт	сотрудник сервисного центра
Выдача водителю документа после прохождения технического обслуживания	дефектный акт; диагностическая карта	сотрудник сервисного центра
Аккумуляция информации	дефектный акт; сводный дефектный акт за период	механик
Формирование заявки на запчасти с остаточным сроком эксплуатации не более 2-3 месяцев	сводный дефектный акт за период; заявка на запасную часть	механик
Закупка запасных частей	заявка на запасную часть	инженер по мат.-техн. снабжению
Контроль закупки запасных частей	отчет о выполнении заявки	инженер по мат.-техн. снабжению
Подготовка транспортного средства к техническому осмотру	отчет о готовности прохождения технического осмотра	механик; водитель
Прохождение технического осмотра на станции технического обслуживания	страховое свидетельство; свидетельство о регистрации автомобиля; диагностическая карта транспортного средства	сотрудник станции техобслуживания

На основе экспертной оценки выявлено, что при внедрении предлагаемых логистических бизнес-процессов, коэффициент технической готовности увеличится минимум на 10%, так как основные запасные части будут закупаться до их поломки на транспортном средстве, а также увеличится прибыль предприятия из-за меньшего простоя транспортных средств в ремонте. В ситуациях, когда невозможно предугадать поломку запасных частей, они будут заказываться по факту износа или поломки.

Сравнение коэффициентов технической готовности до и после внедрения предлагаемых бизнес-процессов для транспортного участка филиала «Полоцкий хлебозавод» ОАО «Витебскхлебпром» показало увеличение на 0,10 единицы (с 0,75 до 0,85). Таким образом, при совершенствовании вспомогательных бизнес-процессов «Подготовка к техническому осмотру грузовых транспортных средств», «Планово-предупредительная система ремонта грузовых транспортных средств» транспортного участка, коэффициент технической готовности грузового транспорта значительно увеличится, что позволит увеличить интенсивность использования собственного транспорта, повлечет увеличение прибыли предприятия из-за меньшего простоя транспортных средств в ремонте.

Рассчитаем дневную прибыль от реализации продукции филиала «Полоцкий хлебозавод» ОАО «Витебскхлебпром» на примере работы одного грузового автомобиля ГАЗ 3302 (таблица 7). Считаем, что предприятию выгодно осуществлять перевозку готовой продукции собственным транспортом, так как при использовании транспорта покупателя предприятие теряет доход от реализации продукции по существующим договорным условиям. В этом случае покупатель запрашивает меньшую цену за единицу готовой продукции в связи с дополнительными накладными расходами в виде доставки.

Таблица 7. – Дневная прибыль от реализации продукции

Показатели	Сумма	Расчёт
1. Количество лотков в автомобиле, шт.	80	Технические характеристики ГАЗ 3302
2. Количество готовой продукции на один лоток, шт.	20	Технические характеристики ГАЗ 3302
3. Общее количество, готовой продукции в один рейс, шт.	1600	Стр.1*Стр.2
4. Стоимость одной единицы готовой продукции, руб.	1,2	Данные организации
5. Количество рейсов в день, шт.	1	Данные организации
6. Количество километров, пройденные за 1 рейс, км	100	Данные организации
7. Средний расход топлива, л/100км	18,3	Данные организации
8. Стоимость топлива за 1 л, руб. на 12.05.2022	2,3	АЗС «Белоруснефть»
9. Транспортные затраты на 1 рейс, руб.	42,09	(Стр.6*Стр.7/100)*Стр.8
10. Производственные затраты по реализованной продукции, руб.	1490	Данные организации
11. Заработная плата водителя с отчислениями, руб.	41	Данные организации
12. Дневная прибыль от реализации продукции, руб.	346,91	(Стр.3*Стр.4*Стр.5)-Стр.9-Стр.10-Стр.11

Исходя из данных таблицы 7 можно сделать вывод о том, что филиал «Полоцкий хлебозавод» ОАО «Витебскхлебпром», при простое одного автомобиля (ГАЗ 3302) в ремонте, теряет дневную прибыль от реализации продукции в размере 346,91 руб. Так как предприятие затрачивает на ремонт автомобиля в среднем 5 дней, то потеря прибыли составляет 1734,55 руб. за указанный период.

После совершенствования логистических бизнес-процессов «Подготовка к техническому осмотру грузовых транспортных средств», «Планово-предупредительная система ремонта грузовых транспортных средств», предполагается, что ремонт транспортных средств будет составлять в среднем 2 дня. Рассчитаем упущенную выгоду и годовую прибыль от реализации продукции на примере одного грузового автомобиля ГАЗ 3302 (таблица 8).

Таблица 8. – Расчёт годовой прибыли от реализации продукции до и после внедрения предлагаемых бизнес-процессов

Показатель	До внедрения	После внедрения	Изменения
1. Количество дней автомобиля в ремонте, дни	5	2	3
2. Количество дней простоя автомобиля в году в ремонте, дни	65	26	39
3. Дневная прибыль от реализации продукции, руб.	346,91	346,91	-
4. Упущенная выгода / годовая прибыль от реализации продукции, руб.	22549,15	9019,66	-

Очевидно, что после внедрения предлагаемых бизнес-процессов количество дней простоя автомобиля в году в ремонте сократится на 39 дней, упущенная выгода составляет 22549,15 руб.

В таблице 9 представим результаты расчета прироста чистой прибыли с учетом ставки налога на прибыль в 20%.

Таблица 9. – Прирост чистой прибыли

Статья затрат	Прирост прибыли	Прирост налога на прибыль	Прирост чистой прибыли
Сумма, руб.	9019,66	1803,93	7215,73

Таким образом, после совершенствования логистических бизнес-процессов «Подготовка к техническому осмотру грузовых транспортных средств», «Планово-предупредительная система ремонта грузовых транспортных средств» транспортного участка, прирост чистой прибыли на филиале «Полоцкий хлебозавод» ОАО «Витебскхлебпром» составит 7215,73 руб. в год.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникин, Б.А. Основные и обеспечивающие функциональные подсистемы логистики : учеб. / Б.А. Аникин. – М. : Проспект, 2020. – 757 с.
2. Миротин, Л.Б. Основы логистики : учеб. / Л.Б. Миротин, А.К. Покровский. – М. : Академия, 2013. – 192 с.
3. Баско, И.М. Логистика. / И.М. Баско. – Минск : Белорус. гос. экон. ун-т, 2016. – 431 с.
4. Ивуть, Р.Б. Логистика / Р.Б. Ивуть, С.А. Нарушевич. – Минск : БИТУ, 2017 – 322 с.
5. Еловой, И.А. Логистика : учеб.-метод. пособие / И.А. Еловой. – Гомель : БелГУТ, 2016. – 163 с.

Поступила 15.09.2022

IMPROVEMENT OF LOGISTICS BUSINESS PROCESSES ON THE EXAMPLE OF THE TRANSPORT SECTION OF THE BRANCH "POLOTSK BAKERY" OJSC "VITEBSKHLEBPROM"

O. MESHCHERYAKOVA, A. JEREN
(*Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk*)

The article provides a description of the existing logistics business processes of the transport section of the enterprise. The results of the analysis of technical and operational indicators of transport operation are shown, the dynamics of vehicle downtime is reflected, the causes of vehicle downtime are identified, and it is also proposed, schematically depicted and economically justified improvement of the logistics business processes "Preparation for the technical inspection of freight vehicles" and "Scheduled preventive system of repair of cargo vehicles" of the transport section of the branch "Polotsk bakery" OJSC "Vitebskhlebprom".

Keywords: logistics, business process, logistics system, vehicles, spare parts, defective act, vehicle repair.

УДК 330.336

DOI 10.52928/2070-1632-2022-62-12-66-72

ПРИГРАНИЧНАЯ ЭКОНОМИКА КАК ПЕРСПЕКТИВНЫЙ РАЗДЕЛ РЕГИОНАЛИСТИКИ**д-р экон. наук, проф. К.В. ПАВЛОВ****(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)**

Рассматриваются разнообразные проблемы социально-экономического и экологического развития приграничной экономики как важного и перспективного направления регионалистики. Экономика приграничных регионов в настоящее время является одним из наименее изученных аспектов теории региональной экономики. Развитие приграничной экономики и приграничной экологии особенно актуальны для крупных стран, таких как Россия, Китай, Казахстан, имеющих, к тому же, весьма протяженную границу. Как известно, Россия граничит с большим числом стран, как с дружественными в настоящее время (Беларусь, Китай и проч.), так и с теми, у которых с Россией в настоящее время конфликты и разногласия политического и экономического характера (Украина, Прибалтийские государства).

Все это определяет актуальность и значение исследований воспроизводственной системы в приграничных регионах. Учитывая значительное количество находящихся на территории России регионов, имеющих приграничный статус, а также разнообразие политических, экологических, социальных и экономических условий и факторов развития этих территорий, в том числе расположенных в таком перспективном регионе страны, каковым является Арктика, целесообразно интенсифицировать процесс изучения особенностей функционирования экономики приграничных регионов и выявления общих тенденций и закономерностей их развития.

Ключевые слова: направления межрегиональной экономики, приграничная экономика, приграничная экология, регионалистика, принципы.

Введение. Региональная экономика стала интенсивно развиваться со второй половины прошлого века как на постсоветском пространстве, так и за рубежом, особенно в развитых капиталистических странах. Это выразилось не только в существенном увеличении количества научных публикаций по данной тематике, но и в значительном расширении тематики. В этот период уточнили сущность проблем, которыми должны заниматься специалисты в области регионоведения, т.е. определения предмета региональной экономики (в этой связи особенно следует выделить классическую книгу академика Н.И. Некрасова «Региональная экономика. Теория, проблемы, методы», выдержавшую несколько переизданий [1]). Немало работ ученые посвятили вопросам методологии и характеристике методов исследования территориальных проблем. В этом плане особенно выделяется обобщающая фундаментальная монография известного зарубежного ученого, американца У. Изарда, «Методы регионального анализа: введение в науку о регионах» [2]. Во второй половине двадцатого столетия тщательно изучаются вопросы комплексного анализа отдельных территорий, особенно в рамках действующей в этот период времени в Советском Союзе системы регионального планирования, исследуются проблемы территориального управления, определяются социально-экономические особенности разработки индикативных региональных планов во многих развитых странах и многие другие аспекты территориального развития.

С того времени региональная экономика превратилась в глубоко разработанную научную дисциплину с широким арсеналом используемых экономико-математических и статистических методов анализа имеющихся территориальных проблем, которая постоянно развивается и в которой регулярно возникает и исследуется новый пласт актуальных проблем. Таким образом, за прошедший период времени означенная наука шагнула далеко вперед и сейчас в рамках региональной экономики исследуется много нестандартных и важных вопросов.

Одним из сравнительно новых аспектов изучения территориальной тематики является проблематика, связанная с исследованием социально-экономических и экологических проблем взаимодействия приграничных регионов из разных государств. Анализу многочисленных вопросов развития и управления воспроизводственной системой приграничных регионов на постсоветском пространстве посвятили свои исследования следующие специалисты и ученые: А.А. Епифанов [3], В.М. Московкин [4], П.А. Черномаз [5] и ряд других. Автор этих строк также занимался изучением данной проблематики [6].

Разновидностью приграничного социально-экономического взаимодействия является связь и зависимость приграничных водных регионов, т.е. районов из разных стран, граница между которыми имеет океанический, морской, озерный, речной характер и т.п. Изучение особенностей взаимодействия приграничных водных, в т.ч. прибрежных, районов в экономической сфере, по сравнению с исследованием другого типа приграничных регионов, является изученным в гораздо меньшей степени. В связи с этим целью данного исследования является решение актуальной проблемы – определение факторов и особенностей функционирования воспроизводственной системы приграничных водных, в т.ч. прибрежных, районов на основе использования методов системного анализа, экономико-статистических методов, методов выбора приоритетов и иных передовых методов научного исследования.

Основная часть. Развитие вопросов социально-экономического приграничного взаимодействия и сотрудничества в разных государствах осуществляется не только с учетом специфики воспроизводственных условий, но и с учетом политических особенностей и факторов, влияющих на функционирование этих стран в текущий

момент. Так, очевидно, что в России в последние годы все более популярны и актуальны вопросы развития арктической части страны в связи с открытием крупных месторождений полезных ископаемых, в том числе углеводородов (например, известное Штокманское месторождение природного газа и газоконденсата в Баренцевом море), поэтому очень важно для Российской Федерации и ее союзников развитие прибрежных районов Арктики. Особенно данное утверждение будет справедливо, как считают многие специалисты [7], в обозримой перспективе, когда в мире все острее сказываться ограниченность природных ресурсов. Данное утверждение справедливо также и потому, что на богатства Арктики, кроме Российской Федерации, претендуют США, Канада, Норвегия, Дания, Финляндия, Швеция, Исландия. Более того, в последнее время к Мировой Арктике все больший интерес проявляют такие в географическом плане неарктические страны, как Китай, Япония, Южная Корея, Индия, Сингапур, Великобритания, Германия, Франция, Италия, Испания, Швейцария и Польша. Очевидно, что в этих условиях острота экономических взаимоотношений приграничных арктических регионов России с аналогичными арктическими районами других государств, в основном недружественных по отношению к Российской Федерации, будет только возрастать в будущем.

Таким образом, для России значение исследования вопросов хозяйственного функционирования приграничных регионов, в том числе расположенных в крайне важной для определения перспектив страны арктической зоне, в обозримом будущем будет усиливаться. Хотя, учитывая размеры страны и значительную протяженность ее границ, изучение вопросов взаимодействия приграничных, в том числе прибрежных, регионов и до этого было крайне актуальным. Понятно, что для крупных государств, окруженных достаточно большим числом соседних стран, значение развития приграничной экономики будет актуальным в не меньшей степени.

Иначе говоря, социальная, экологическая и экономическая система приграничных регионов являются важной составной частью системы общественного воспроизводства многих государств. Особенно это справедливо для крупных стран, обладающих большой территорией и имеющих протяженную границу (обычно эти два фактора – площадь территории и длина границы – связаны между собой). Сказанное справедливо, прежде всего, для таких стран, как Российская Федерация, Франция, Украина, Китай и т.п. Более того, нередки случаи, когда какой-то район страны граничит сразу с несколькими регионами другого государства (к примеру, Белгородская область России граничит сразу с тремя областями Украины – Сумской, Харьковской и Луганской). Однако и для сравнительно небольших государств исследование системы воспроизводства в приграничных регионах может иметь существенное значение. В связи с этим среди наименее исследованных вопросов теории региональной, в т.ч. межрегиональной, экономики как в теоретическом, так и в практическом аспекте, являются проблемы анализа социально-экономических и экологических межрегиональных взаимосвязей и взаимодействий. Учитывая актуальность создания предпосылок и условий для эффективного взаимодействия между приграничными территориальными структурами и образованиями различных государств, нами в данной работе анализируются разнообразные аспекты функционирования приграничной экономики, т.е., иначе говоря, вопросы эффективного развития приграничных территорий.

Данные проблемы исследуются в специальных разделах регионалистики, точнее, межрегиональной экономики и экологии, названных нами приграничной экономикой и приграничной экологией. В представленной работе исследуется широкий спектр актуальных вопросов функционирования и развития региональных приграничных социально-экономических и экологических систем в условиях формирования развитых рыночных отношений.

Особенно большое значение развитие приграничной экономики и приграничной экологии имеет для Российской Федерации – самого большого по территории государства мира, имеющего и очень протяженную границу. Как известно, Россия граничит с большим числом стран, как дружественных в настоящее время (Беларусь, Казахстан, Китай), так и враждебных (Прибалтика, Украина). Из разнообразных вопросов приграничной экономики и приграничной экологии для России особенно актуальными и недостаточно изученными, как уже выше указывалось, являются проблемы приграничного характера в арктических районах страны. В этой связи достаточно вспомнить возникшую недавно конфликтную ситуацию с Норвегией на острове Шпицберген. Изучение вопросов взаимодействия и взаимосвязи приграничных регионов осуществляется в рамках межрегиональных экономики и экологии, акцентируется внимание на существование особой группы проблем выявления общего и особенного в реализации воспроизводственных процессов в разных районах, что существенно влияет на общую социально-экономическую эффективность системы общественного воспроизводства в целом. Создание условий для оптимального взаимодействия между приграничными районами разных государств требует системного подхода и полного учета многообразия форм и направлений в межтерриториальных хозяйственных отношениях и связях. Выделение приграничной экономики (т.е. экономики приграничных регионов) как важного и перспективного направления регионалистики определяется актуальностью осуществления интенсивного изучения функционирования приграничных районов, будучи актуальным не только для России, но и для многих других стран, таких как Казахстан, Беларусь, Украина и многие другие. Иначе говоря, межрегиональные приграничные социально-экономические (в том числе и эколого-экономические) отношения представляют собой один из наименее изученных аспектов теории региональной экономики.

В настоящее время межрегиональное приграничное сотрудничество стало важной составляющей междunarодных связей российских регионов. Действительно, на границе Российской Федерации (то есть в ее приграничных районах) пересекается значительное количество жизненно важных проблем: внешнеполитических, экономических, научных, образовательных, культурных и др. Можно отметить важность исторически сложившихся

взаимодействий, и в дальнейшем стоит укреплять и расширять уже сложившиеся контакты, используя современные механизмы и принципы взаимодействия.

В Европейском союзе развитие межрегионального приграничного сотрудничества помогает достижению гармоничного территориального развития, которое оказывает влияние на темпы экономического развития взаимодействующих стран и территорий, различия в доходах и демографические особенности [8]. Изучение процесса управления социально-экономическими проектами и программами межрегионального сотрудничества в условиях приграничного региона затруднено определенными ситуациями, которые нередко носят комплексный характер и требуют разработки специальных методик изучения [9].

При анализе приграничных связей важным вопросом является разработка методики оценки состояния реализуемых проектов и программ межрегионального развития. Здесь, в первую очередь, речь идет об оценке эффективности социально-экономических проектов и программ межрегионального сотрудничества. Это крайне важно для эффективного развития многих регионов России, таких, как Мурманская область, Республика Карелия, Приморский край, Курская область и др.

Ш. Радвилавичюс и Н. Межевич отмечают, что оценка может рассматривать различные направления сотрудничества: общая оценка влияния приграничного сотрудничества на социально-экономическое развитие приграничной территории; оценка программ двустороннего сотрудничества (например, программ ЕИСП); оценка конкретных проектов [10]. Стоит отметить, что в данном случае оценка – это систематизированное исследование ситуации реализации межрегиональных программ социально-экономического сотрудничества или ее результатов. Существует несколько видов оценки: базовая оценка, оценка процесса и оценка влияния. На наш взгляд, государственная система оценки должна включать все виды оценки. Процесс обобщения и систематизации имеющихся точек зрения относительно требований к построению эффективной методики оценки состояния реализации межрегиональных программ социально-экономического сотрудничества должен основываться на учете следующих принципов:

- Принцип научной обоснованности. Этот принцип предусматривает разработку и совершенствование системы оценки реализации межрегиональных программ социально-экономического сотрудничества с учетом достижений современной теории, апробации новых инструментов оценки полученных данных, использования возможностей современных информационных технологий.

- Принцип объективности. Его суть заключается в необходимости отражения в формируемой информационной базе государственной системы оценки реализации межрегиональных программ социально-экономического сотрудничества реальных условий функционирования хозяйственной системы региона и факторов, определяющих ее состояние и перспективы развития.

- Принцип реалистичности. Он требует, чтобы система показателей, используемых для оценки состояния, динамики и результатов функционирования социально-экономической системы приграничных регионов, могла быть снабжена необходимой информацией.

- Принцип репрезентативности и адекватности информационного обеспечения. Следование этому принципу призвано обеспечить «настройку» системы оценки реализации межрегиональных программ социально-экономического сотрудничества на сбор статистически значимых данных, позволяющих адекватно оценить изучаемые условия реализации программ, анализируемые процессы и результаты.

- Принцип целенаправленности. Предусматривает ориентацию системы оценки реализации межрегиональных программ социально-экономического сотрудничества на развитие информационно-аналитической поддержки процесса принятия управленческих решений, связанных с улучшением условий и развитием социально-экономической системы межрегионального приграничного сотрудничества.

- Принцип синергичности предусматривает отлаженность взаимодействия элементов внутри методики оценки реализации межрегиональных программ социально-экономического сотрудничества с внешней средой.

- Принцип организационного единства процессов системы оценки реализации межрегиональных программ социально-экономического сотрудничества и управления социально-экономическим развитием региона. В его содержательной интерпретации важно отметить, что постановка задач системы оценки реализации межрегиональных программ должна основываться на определении целей и направлений развития приграничных регионов, разработке стратегий управления.

- Принцип институционализации правового и организационного обеспечения системы оценки реализации межрегиональных программ социально-экономического сотрудничества. Его реализация предполагает наделение конкретного подразделения администрации приграничных регионов полномочиями на организацию системы оценки реализации межрегиональных программ и проектов социально-экономического сотрудничества, анализ его результатов и их доведение до органов, уполномоченных принимать управленческие решения, связанные с планированием и регулированием функционирования социально-экономической системы региона.

- Принцип проблемной организации системы оценки реализации межрегиональных программ социально-экономического сотрудничества. В соответствии с ним программа наблюдения (исследования, анализа) должна быть ориентирована на решение определенной проблемы, для чего необходимо сформировать «ограниченную», но достаточную информационную базу.

- Принцип системности и комплексности предполагает учет действия условий и факторов разной природы (экономической, социальной, организационно-правовой, институциональной и др.), выявление их взаимосвязей, а, соответственно, привлечение и анализ различных видов информации. Важное значение имеет отражение применяемой системой показателей ключевых параметров «входа» и «выхода» социально-экономической системы приграничных регионов.

– Принцип универсальности позволяет использовать систему оценки реализации межрегиональных программ социально-экономического сотрудничества к различным территориям в условиях меняющихся социально-экономических характеристик.

– Принцип сочетания непрерывности и периодичности. Он предусматривает постоянное регулярное наблюдение за межрегиональным развитием и его результатами.

– Принцип оперативности. Отражает необходимость своевременного сбора и предоставления информации, а также принятия на ее основе решений, способных улучшить условия функционирования объекта управления.

– Принцип достоверности. Относится к исходной информации и результатам проведения системы оценки реализации межрегиональных программ и проектов социально-экономического сотрудничества. Его реализация призвана обеспечить доверие субъектов межрегионального приграничного сотрудничества к системе оценки реализации межрегиональных программ социально-экономического сотрудничества, к источникам информации, методам ее получения, обработки и анализа.

– Принцип иерархичности. Информация, полученная с нижних уровней управления, должна соответствовать информации, сведенной на верхних уровнях. Информация любого уровня управления должна соответствовать содержанию стоящих и решаемых управленческих задач. Иными словами, предполагается обеспечить взаимосвязанность информации по системе показателей и организационной вертикали (по уровням управления).

– Принцип сопоставимости показателей во времени и пространстве. Соблюдение этого требования необходимо для мониторинга динамики исследуемого процесса в разных регионах страны и выявления тенденций его развития.

– Принцип рациональности. Характеризует рациональное сочетание прогнозно-аналитической ценности информации и затрат на ее получение, косвенно влияет на сбалансированность показателей.

– Принцип нормативности. Предполагает наличие нормативов (допустимых значений) по ключевым показателям системы оценки реализации межрегиональных программ социально-экономического сотрудничества.

– Принцип альтернативности. Следование этому принципу означает использование разных источников сбора информации, а также методов ее анализа и оценки.

– Принцип адаптации предусматривает приспособление системы оценки реализации межрегиональных программ социально-экономического сотрудничества (ее масштабов, состава оцениваемых характеристик, используемых показателей, инструментов анализа и др.) к возможностям ее организаторов и требованиям пользователей, меняющимся задачам, внутренним и внешним условиям его проведения. По мере изменения условий необходимо изменение масштаба государственной системы оценки реализации межрегиональных программ, показателей оценки, методики формирования исходных данных.

– Принцип открытости и прозрачности. Предполагает транспарентность информации, отражающей состояние и динамику развития хозяйственной системы приграничных регионов, а также доступность результатов системы оценки реализации межрегиональных программ и проектов социально-экономического сотрудничества заинтересованным группам их потребителей.

– Принцип эргономичности. Предполагает обеспечение максимальных удобств для проведения системы оценки реализации межрегиональных программ социально-экономического сотрудничества: современная компьютерная техника, оптимальный режим проведения мониторинговых исследований.

– Принцип развития. Его суть – в необходимости совершенствования системы оценки реализации межрегиональных программ социально-экономического сотрудничества (используемого методического инструментария, технического оснащения, состава индикаторов) с целью обеспечения синхронизации с переменами в объекте исследования и условиях его функционирования и др. Важно отметить, что изменения не должны усложнять систему и ключевые показатели, а результаты и направления должны быть доступны и понятны пользователям на различных уровнях. Важна инновационная составляющая этого принципа, проявляющаяся в обеспечении систематического поиска альтернативных информационных источников, организационных схем движения информации и др.

Совокупность вышеприведенных принципов образует сложную систему логически связанных и взаимодополняющих элементов, в которых представлены различные аспекты разработки методики оценки состояния проектов межрегионального приграничного сотрудничества, чем, в определенной мере, объясняется большое количество рассмотренных принципов. Применительно к хозяйственным системам приграничных регионов методика оценки состояния реализации межрегиональных программ и проектов социально-экономического сотрудничества имеет активный характер, поскольку ориентирована на создание информационной основы управления их развитием. Активная роль разрабатываемой методики связана с тем, что на каждом этапе развития разных систем (экологических, социальных, экономических) существуют не только положительные, но и отрицательные тенденции, факторы внешнего воздействия, которые только выявить и классифицировать, как правило, бывает недостаточно. В процессе проведения системы оценки реализации межрегиональных программ сотрудничества появляется возможность на основе обобщения информации выработать адекватное представление о состоянии, векторах и динамике развития объекта, его детерминантах и уже на этой основе разработать управленческие решения, реализация которых позволит ограничить или полностью предотвратить отрицательное воздействие, а также помогут усилить действие благоприятных факторов и условий.

Методику оценки состояния реализации межрегиональных программ и проектов социально-экономического сотрудничества необходимо рассматривать как систему, функционирование которой включает ряд этапов.

К ним следует отнести: процесс непрерывного наблюдения, исследование явлений и событий, формирование информационной базы управления, контроль за ходом и характером изменений объекта, оценку отклонений на основе системы критериев (эталонов). Естественно, оценка состояния реализуемых проектов и программ межрегионального развития в условиях приграничного региона будет обусловлена дифференциацией социально-экономического состояния приграничных регионов, что предполагает введение как относительных, так и абсолютных показателей. Таким образом, вводимая методика оценки состояния реализуемых проектов и программ межрегионального развития в условиях приграничья должна учитывать следующие условия: доступность получения необходимой статистической информации; простота расчетов; возможность построения рейтинговых оценок; возможность сравнительных оценок.

Методика оценки состояния реализуемых проектов и программ межрегионального развития в процессе ее использования должна основываться на следующих критериях:

- учет социально-экономической и экологической направленности;
- репрезентативность и охват целевой аудитории;
- результативность, включая контроль и корректировку.

Основным критерием, на наш взгляд, является критерий результативности, который может быть оценен по следующим параметрам: в форме социального эффекта от внедрения проекта или программы межрегионального сотрудничества, который позволяет оценить последствия; в форме товаров (услуг), созданных в процессе реализации проекта или программы; в форме информированности населения приграничных территорий; в краткосрочной и долгосрочной перспективе; в форме взаимодействия участников приграничного сотрудничества.

Стоит отметить, что методика разработана в рамках действующего федерального и регионального законодательства, нормативной и методической базы с учетом лучшей практики и подходов в зарубежных странах.

Под оценкой состояния реализуемых проектов и программ межрегионального развития понимается совокупность методов, инструментов и процедур, разработанных и реализуемых для вынесения суждения о качестве и результатах его деятельности. Главной целью системы оценки реализации межрегиональных программ социально-экономического сотрудничества является обеспечение органов государственной власти и местного самоуправления необходимой и достоверной информацией, адекватно отражающей наиболее значимые параметры социально-экономической системы Еврорегиона, а также эффективности реализации межрегиональных программ. Такая информация является основой для принятия решений, обеспечивающих реализацию всего комплекса функций управления (прогнозирование, планирование, организация, контроль).

Задачами оценки состояния реализуемых проектов и программ межрегионального развития являются:

- предоставление объективной и полной информации о факторах (причинах) неэффективной деятельности в целях принятия управленческих решений, направленных на повышение эффективности и результативности деятельности, улучшения использования ресурсов и других необходимых организационных изменений;
- предоставление общественности, вышестоящему органу исполнительной власти и законодательному органу субъекта Российской Федерации, а также при необходимости государственным органам Российской Федерации возможности получения объективной и полной информации о степени эффективности и результативности деятельности основных участников реализуемого социально-экономического проекта или программы межрегионального сотрудничества;
- предоставление субъектам управленческой, а также, при необходимости, государственным органам и муниципальным органам возможности сравнения процессов межрегионального сотрудничества в различных субъектах РФ.

Объектом оценки являются реализуемые проекты и программы межрегионального развития в приграничном регионе. Оценке, как правило, подлежат значимые из них, влияющие на социально-экономическое развитие приграничного региона. Оценка состояния реализуемых проектов и программ межрегионального развития производится, прежде всего, в интересах населения, ассоциаций граждан и других институтов гражданского общества, органов государственного и муниципального управления, а также хозяйствующих субъектов.

Субъектом оценки состояния реализуемых проектов и программ межрегионального развития является координационный орган, уполномоченный на проведение оценки решением Совета Еврорегиона, или другой межрегиональный орган, осуществляющий управление или координацию работы.

Уполномоченным органом может являться: специально созданная администрацией субъекта Российской Федерации комиссия или комиссия при высшем должностном лице субъекта Российской Федерации; орган по управлению государственной службой или иной орган, ответственный за реализацию административной реформы на региональном уровне; орган местного самоуправления. При необходимости к проведению оценки могут привлекаться уполномоченные органы, а также независимые эксперты и консультанты на условиях, определяемых межрегиональным органом, осуществляющим управление или координацию работы.

Оценка состояния реализуемых проектов и программ межрегионального развития выступает, как правило, в следующих типах: оперативная; стратегическая; расширенная. Оперативная оценка является необходимым элементом системы государственного управления на региональном уровне, и ее нужно проводить по запланированным промежуточным контрольным точкам проекта (программы) с учетом специфики организации государственного управления и бюджетного процесса в данном субъекте Российской Федерации. Стратегическая оценка является неотъемлемой частью перспективного развития межрегионального приграничного сотрудничества. Расширенная оценка проводится в случаях внедрения новых моделей или инструментов межрегионального приграничного сотрудничества.

Оценка состояния реализуемых проектов и программ межрегионального развития также может выступать в следующих видах: прогнозная, то есть на стадии планирования (Ex-anteevaluation); промежуточная, то есть на конкретных стадиях реализации проектов и программ межрегионального развития (Intermediate); заключительная (Ex-post evaluation).

Заключение. Все выше рассмотренное позволяет сформулировать следующие задачи системы оценки реализации межрегиональных программ социально-экономического сотрудничества:

- оценка интенсивности межрегионального приграничного сотрудничества;
- оценка уровня социально-экономической интеграции приграничных регионов;
- оценка инфраструктурных возможностей для реализации инвестиционных проектов в регионах и муниципальных образованиях;
- выявление формальных и неформальных барьеров при реализации социально-экономических проектов и программ межрегионального сотрудничества;
- оценка деятельности региональных органов власти, общественности и бизнеса при инициации социально-экономических проектов и программ межрегионального сотрудничества;
- оценка состояния трудового, демографического и миграционного (иммиграционного) балансов приграничных территорий;
- оценка экологического состояния и устойчивого развития территории;
- оценка информационной интеграции приграничных регионов.

Решение этих задач требует формирования системы количественных и качественных показателей, имеющих как абсолютное, так и относительное значение, что дает возможность определить эффективность реализации социально-экономических проектов и программ межрегионального сотрудничества в условиях приграничного региона и проводить сравнительный анализ деятельности тех или иных приграничных регионов. Принципиальное значение при разработке системы показателей имеет формулирование показателей экономичности, эффективности и результативности. Показатели экономичности позволяют оценить достижение целей или решение задач по экономии бюджетов проектов и программ межрегионального сотрудничества. Показатели эффективности позволяют оценить соотношение полученных результатов с затраченными средствами и силами. Показатели результативности дают возможность оценить степень достижения цели, ради которой были реализованы социально-экономические проекты или программы межрегионального сотрудничества.

Значения плановых показателей следует определять на основе анализа микро- и макроэкономических показателей региона, возможностей и резервов достижения тактических и стратегических целей и задач приграничных регионов, значений аналогичных либо лучших показателей в среднем по Российской Федерации и/или федеральному округу.

Для оценки состояния реализуемых проектов и программ межрегионального развития могут использоваться такие показатели, как охват населения, удовлетворенность целевой группы, ресурсообеспеченность, доступность процессов инициации. Стоит также отметить, что показатели, полученные по результатам социологических исследований, и показатели, связанные с экономическим развитием региона, должны взаимодополнять друг друга.

При проведении оценки состояния реализуемых проектов и программ межрегионального развития используются следующие аналитические процедуры: сравнительный анализ абсолютных и относительных значений статистических показателей, анализ планируемых и фактических результатов (процент отклонения, причины отклонения). При оценке результатов деятельности государственного органа аналитические процедуры не сводятся только к измерению отклонений фактических значений показателей от плановых, а предусматривают выявление (идентификацию) причин этих отклонений, что в дальнейшем должно быть учтено и скорректировано с проектом (программой) межрегионального приграничного сотрудничества. Анализ результативности проектов и программ межрегионального развития должен осуществляться при помощи социологических инструментов (метод экспертного опроса, анкетирование населения и т.д.).

Таким образом, система показателей оценки состояния реализуемых проектов и программ межрегионального развития может быть разделена на следующие группы (таблица).

Таблица. – Группы показателей оценки состояния реализуемых проектов и программ межрегионального развития

Группа	Показатели
Группа 1 Экономическое и социальное развитие	- региональные показатели экономического развития (ВВП на душу населения, ВРП, доходы, экономические инициативы); - региональные показатели торговли (обмена и продажи товаров, спроса и предложения на рынке товаров и услуг); - показатели социального развития (занятость, показатели уровня и качества жизни)
Группа 2 Уровень кооперации	- готовность местных партнеров к межрегиональному приграничному сотрудничеству (обзор показателей); - экологические показатели (загрязнение и качество природных ресурсов); - борьба с трансграничной преступностью (уровень контрабанды, фальсификация, приграничная статистика)
Группа 3 Инфраструктура границы	- статистические показатели, касающиеся межрегионального транзита (легкость прохождения таможенных процедур, время ожидания, статистика фитосанитарных процедур); - уровень интеграции в области управления приграничными процессами (уровень развития совместных процедур, успешность общих операций)
Группа 4 Вовлеченность населения	- возможности сотрудничества для населения (статистические показатели об удельном весе населения, участвующего в проектах и программах); - участие общественных организаций в сотрудничестве

В предлагаемый перечень могут включаться также показатели, отражающие необходимость решения специфических задач, актуальных именно для данного проекта и программ, обусловленных совокупностью конкретных причин и факторов природно-климатического, экологического, социально-экономического и иного характера. По итогам проведенной оценки принимаются управленческие решения, а государственные и муниципальные органы оказывают регулирующие воздействия. Таким образом, разработка методики оценки состояния проектов и программ межрегионального приграничного сотрудничества дает региональным органам власти реальную возможность не только оценить существующий уровень и состояние межрегионального приграничного сотрудничества, но и важный реальный инструмент для дальнейшего развития территории и формирования единого пространства по решению жизненно важных проблем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Некрасов, Н.Н. Региональная экономика: Теория, проблемы, методы / Н.Н. Некрасов. – 2-е изд. – М. : Экономика, 1978. – 344 с.
2. Изард, У. Методы регионального анализа: введение в науку о регионах / У Изард ; сокр. перев. с англ. – М. : Прогресс, 1966. – 659 с.
3. Елифанов, А.А. О проблемах приграничного экономического сотрудничества северо-восточных областей Украины / А.А. Елифанов // Экономическая теория и методология управления. – 2004. – № 2(11). – С. 21–27.
4. Московкин, В.М. Сравнительный анализ экономической динамики Харьковской и Белгородской областей / В.М. Московкин, И.И. Савченко // БИЗНЕС ИНФОРМ. – 2009. – № 1. – С. 11–17.
5. Черномаз, П.А. Еврорегион «Слобожанщина»: этапы формирования и перспективы развития / П.А. Черномаз // Международное сотрудничество приграничных регионов: история, экономика, политика, культура : материалы междунар. науч.-практ. конф., Курск, 19–20 сент. 2011 г. – Курск : Изд-во VIP, 2011. – С. 160–165.
6. Павлов, К.В. Приграничная экономика: теория и практика / К.В. Павлов. – Ижевск : Изд-во «Шелест», 2017. – 162 с.
7. Северный экономический район: Проблемы, тенденции, перспективы развития / Под ред. Г.П. Лузина. – СПб. : Наука, 1992. – 256 с.
8. European Neighbourhood & Partnership Instrument [Электронный ресурс]. – URL: http://ec.europa.eu/world/enp/pdf/country/enpi_cross-border_cooperation_strategy_paper_en.pdf.
9. Сапрыка, В.А. Принципы методики изучения управления социально-экономическими проектами и программами межрегионального сотрудничества в условиях приграничного региона / В.А. Сапрыка // Украина в системе мировых экономических процессов : материалы междунар. конф. – Харьков : МСУ, 2009. – С. 160–162.
10. Межевич, Н.М. Роль приграничного сотрудничества между Европейским Союзом и Российской Федерацией в двусторонних и региональных программах экономического развития [Электронный ресурс] / Н.М. Межевич, Ш. Радвилавичюс. URL: <http://www.norden.org>.

Поступила 11.09.2022

BORDER ECONOMY AS A PROMISING SECTION OF REGIONALISTICS

K. PAVLOV

(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

The article deals with various problems of socio-economic and environmental development of the border economy as an important and promising area of regional studies. The economy of border regions is currently one of the least studied aspects of the theory of regional economy. The development of the border economy and border ecology is especially relevant for large countries, such as Russia, China, Kazakhstan, which also have a very long border. As you know, Russia borders on a large number of countries, both currently friendly with the Russian Federation (Belarus, China, etc.), and with states that currently have serious problems and disagreements with Russia, both political and economic in nature (Ukraine, Baltic states).

All this determines the relevance and importance of research on the reproductive system in the border regions. Taking into account the significant number of regions on the territory of Russia that have a border status, as well as the variety of political, environmental, social and economic conditions and factors for the development of border areas, including those located in such an important and promising region of the country as the Arctic, it is advisable to intensify the process of studying features of the functioning of the economy of the border regions and the identification of general trends and patterns of their development.

Keywords: areas of interregional economy, border economy, border ecology, regional studies, principles.

УДК: 334.72

DOI 10.52928/2070-1632-2022-62-12-73-80

СТАРТАП КАК ФОРМА ВЕДЕНИЯ БИЗНЕСА

канд. экон. наук, доц. П.Е. РЕЗКИН, канд. экон. наук Е.И. ГАЛЕШОВА
(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)
Петр Резкин ORCID <https://orcid.org/0000-0003-2877-1272>

В статье рассматривается стартап как форма ведения современного инновационного бизнеса. Представлена трактовка понятий «бизнес» и «предпринимательство», а также их принципиальные различия. В ходе опроса действующих предпринимателей выявлены реальные проблемы ведения бизнеса в Республике Беларусь, сделана попытка построения экосистемы белорусских стартапов.

Ключевые слова: бизнес, предпринимательство, стартап, стартап-экосистема.

Введение. В современных условиях эффективное развитие экономики любой страны связано с успешностью функционирования малого и среднего бизнеса, в том числе стартапов как формы инновационного предпринимательства. Следует отметить, что в настоящее время термин «стартап-экосистема» новый для Беларуси и находится на начальном этапе становления.

Актуальность и новизна рассматриваемого вопроса определяется тем, что концепции для полного рассмотрения стартапов в Беларуси не существует, отсутствует и статистика по данному вопросу. Поэтому объектом данного исследования является стартап-экосистема в Беларуси.

Основная часть. Впервые термин «стартап» был использован в журнале Forbes в августе 1976 г. и Business Week в сентябре 1977 г. начал обозначать бизнес «с нуля». Данное понятие было введено с целью обозначения компаний, которые недавно начали функционировать. Первые стартап-компании появились в США в конце 1930-х гг., это были предприятия в долине Санта-Кларе, штат Калифорния, которые занимались разработками высоких технологий. Данный термин начал активно использоваться в 2000 – 2005 гг. после бума доткомов [1]. Сейчас известны бренды Instagram, Epic Games, Facebook, SpaceX, Tesla и многие другие, все эти компании когда-то были стартапами.

Американский идеолог итеративного подхода в предпринимательстве Э. Рис определяет стартап «как организацию, функционирующую в условиях неопределённости»¹. Предприниматель, венчурный капиталист и эссеист, основатель бизнес-акселератора YCombinator П. Грэм придерживается мнения, что «главной отличительной чертой стартапа является быстрый рост (4 – 7% в неделю по ключевому развитию)»². Согласно оксфордскому словарю английского языка, «стартап – это малый бизнес, который только начался»³. Общепринятой остаётся трактовка стартапа, которую выдвинул американский предприниматель, основатель методики развития клиентов (англ. Customerdevelopment), профессор Стэнфордского университета С. Бланк: «стартап – это временная структура, существующая для поиска воспроизводимой, масштабируемой и рентабельной (в идеале) бизнес-модели в условиях экстремальной неопределённости и с целью быстрого роста»⁴. Пол Грэм внес свое дополнение: «Стартап – это компания, созданная для быстрого роста. Недостаточно быть просто молодой компанией, чтобы стать стартапом. В то же время стартапу не обязательно быть технологическим или профинансированным венчурными инвесторами, или иметь стратегию на «выход». Единственно важным критерием для определения является рост. Всё остальное, ассоциируемое со стартапом, вторично и исходит из роста. Быстрый рост означает: а) производство того, чего желают очень многие, б) возможность обслужить всех клиентов, вне зависимости от расстояния, времени и т.д. Большие компании жёстко ограничены условиями «а» и «б». Сильные и перспективные стартапы – нет»⁵. Эрик Раис уточнил «...стартап – это организация, целью которой является создание продуктов и услуг в условиях экстремальной неопределённости...» [2].

Анализируя различные трактовки, полное определение может звучать следующим образом: «стартап – это временная организация, созданная для поиска масштабируемой, повторяемой и прибыльной бизнес-модели в условиях экстремальной неопределённости с целью быстрого роста» [2].

Как и в бизнесе, главная цель стартапа – прибыль. Однако, в отличие от бизнеса, стартап – это принципиально новая организация. Отличительной чертой является «стремление к росту, путём внедрения новых технологий» [2]. Также стартап ограничен в существовании. Ключевым моментом в стартап-движении является поиск новой модели. Отличительной чертой является технологичность. Вообще, для всех стартапов характерно какое-то ноу-хау. Выделяют 4 этапа жизненного цикла стартапа: (1) деятельность по созданию нового продукта; 2) анализ рынка на начальном этапе; 3) поиск путей выхода на рынок; 4) регистрация компании» [2]. Отдельные части стартапа – бизнес-идея, бизнес-план, источник финансирования. А. А. Авдаев под стартапом понимает

¹ URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Стартап>.

² Там же.

³ URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/>.

⁴ URL: <http://archive.is/RrW4>.

⁵ URL: <https://habr.com/ru/company/startupacademy/blog/152725/>.

«...только что созданную компанию, не всегда даже являющуюся юридическим лицом, находящуюся на стадии развития и строящую свой бизнес либо на основе новых инновационных идей, либо на основе только что появившихся технологий» [3]. Н.С. Недзвецкий предлагает различать узкую и широкую трактовку данного понятия и предоставляет вот такие определения: 1) «стартап-стадия (startup, англ. – запуск) – подготовительный этап к запуску готового инновационного продукта; 2) стартап – самостоятельная организация, способная превратиться в растущую компанию и занять лидирующие позиции на определенном рынке» [3]. Так как довольно часто стартапы создаются студентами, у которых небольшой бюджет, такие компании иногда называют «гаражными».

С целью обеспечения конкурентоспособности и качественного роста национальной экономики с концентрацией ресурсов на формировании ее высокотехнологичных секторов, Указом Президента Республики Беларусь № 348 от 15 сентября 2021 г. утверждена «Государственная программа инновационного развития Республики Беларусь на 2021–2025 гг.». Данная программа нацелена на «достижение ключевых приоритетов социально-экономического развития в области эффективных инвестиций, а стартап-движение выделено в качестве одного из приоритетных направлений в рамках развития инновационного предпринимательства»⁶.

Как показывает сложившаяся практика, стартапы – неотъемлемая часть инновационного развития высокоразвитых стран, в Республике Беларусь поддержка стартапов также стала важным инструментом развития предпринимательской среды. «Программой социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021 – 2025 гг.», утвержденной Указом Президента Республики Беларусь № 292 от 29 июля 2021 г. определено продолжить работу по поддержке и развитию стартап-движения: «Отечественные предприниматели станут главным двигателем в развитии экономики и создании рабочих мест. Ежегодно планируется трудоустроить на вновь созданные рабочие места не менее 50 тыс. человек. Основная роль в этом отводится малому и среднему бизнесу, который получит дополнительную поддержку». В документе сказано, что планируется улучшение условий формирования и функционирования благоприятной предпринимательской среды. Данный программный документ определяет приоритетные направления развития малого и среднего предпринимательства Беларуси на среднесрочную и долгосрочную перспективу, а также пути их реализации. Результат решения поставленных задач – рост доли субъектов малого и среднего предпринимательства в общем объеме валовой добавленной стоимости с 28,1% в 2015 г. до 40% в 2025 г.

В Республике Беларусь «в настоящее время ни в науке, ни в законодательстве не сложилось единое мнение о сущности понятия стартапа, а также об инструментах финансирования»⁷. Именно этот факт объясняет отсутствие статистических данных по данному вопросу. Для успешного функционирования и развития экономики важным является глубокий анализ стартап-экосистемы, а также детальное понимание этого направления.

Обобщая имеющуюся информацию, а также различные подходы к трактовке стартапа как категории бизнеса, можно сделать заключение, что «стартап – это организация с масштабируемой бизнес-моделью и/или инновационной технологической идеей или продуктом, отличительной чертой которого является функционирование в экстремальных условиях»⁸. Как и любая другая организация, стартап нуждается в финансировании. По ряду причин источники получения финансирования варьируются в зависимости от стадии компании. Уже было упомянуто ранее, что стартапом является организация, находящаяся на начальном этапе развития.

Традиционно развитие компаний проходит 5 стадий:

1. «Посевная стадия (seed stage)» – это стадия генерации идеи будущей компании. На этой стадии происходит изучение рынка, спроса на услугу или товар, исследуются потребители. Обычно данная стадия характеризуется отсутствием финансов и, в случае провала идеи, компания попадает в «долину смерти (valley of death)».

2. «Стадия запуска (start-up stage)» – данная стадия наступает с готовностью компании выйти на рынок и начать производственную деятельность. Стадия характеризуется сформированным штатом сотрудников, проектом дальнейшего развития. Как раз на этой стадии появляется нужда в финансировании: в среднем 1–3 млн долл. США. для осуществления масштабного выпуска продукции компании.

3. «Стадия раннего роста (early growth stage)» – стадия, на которой убытки полностью покрываются доходами. Однако компании также нужны деньги для постоянного совершенствования, чтобы быть конкурентоспособной на рынке

4. «Стадия расширения (expansion stage)» – на данном этапе компания уже заняла нишу на рынке. Стадия характеризуется быстрым ростом. Необходимы большие денежные вложения для совершенствования оборудования, обучения персонала, внедрения каких-либо инноваций.

5. «Стадия выхода (exit stage)» – этап продаж инвесторами своих долей по разным причинам.

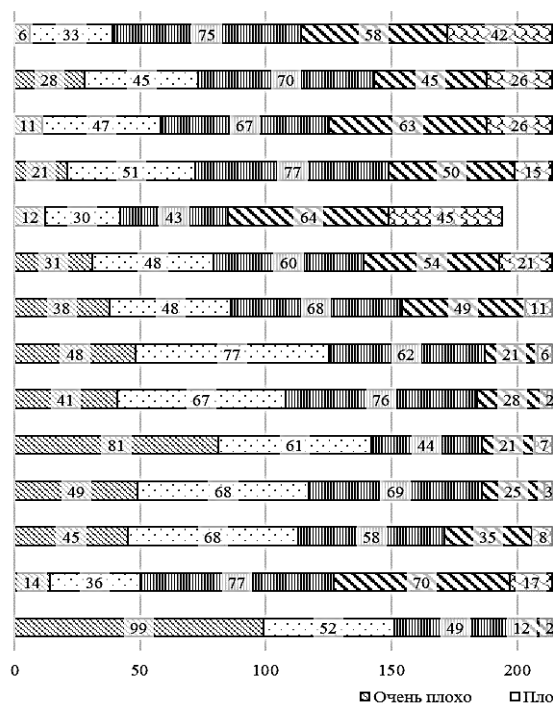
Обычно, продолжительность цикла от «посевной стадии» до «стадии выхода» составляет от 5 до 10 лет.

Чтобы понимать дальнейший путь развития стартапов, попробуем проанализировать положение, в котором находятся стартапы сейчас. Респондентам, в качестве которых выступили действующие белорусские предприниматели (214 чел.), было предложено оценить белорусскую стартап-экосистему по нескольким критериям (рисунок).

⁶ URL: https://bel.biz/wp-content/uploads/2018/11/STARTUPS_OF_BELARUS_WEB.pdf.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

Стартапы из Беларуси обладают качественными продуктами и талантливыми командами

Я чувствую себя комфортно, прося о поддержке, если мне это нужно
Меня мотивирует и стимулирует к действию то, что делают другие в экосистеме

Экосистема поддерживает и приветствует иностранцев

В экосистеме есть примеры для подражания и истории успеха, которые вдохновляют меня

Белорусская стартап-экосистема — это открытая среда для обмена идеями, где можно не бояться, что их украдут

Развитая культура общения и обмена опытом

Разнообразие игроков экосистемы

Удобство инфраструктуры взаимодействия разных игроков экосистемы

Налоговая система стимулирует стартапы

Простота ведения бизнеса (регуляторная среда и законодательство)

Доступ к опытным стартап-фаундерам (бизнесменам)

Доступ к талантам (инженерным)

Возможности найти финансирование для стартапа

Рисунок. — Оценка белорусской стартап-экосистемы (по количеству ответивших человек)

Оказывается, несмотря на ряд вариантов и возможностей для финансирования, опрашиваемые испытывают трудности в этом вопросе. Ещё одним сложным вопросом стала налоговая система стимулирования стартапов и сложность регулирования бизнеса. Действительно, в Европе стартапы получают большую поддержку от государства, как в правовом регулировании, так и в финансировании. Это связано с тем, что для Беларуси стартап довольно новое явление, но с каждым годом прогрессирующее. Среди благоприятных факторов создания стартапа в Республике Беларусь были названы наличие талантливых команд и качественных ресурсов. Оценили довольно благоприятно наличие хороших примеров для подражания (около 78%).

Сейчас очень значимое время для стартап-экосистемы Беларуси. Например, «Friendly Data, основанный белорусскими разработчиками, прошел отбор в международный акселератор⁹ 500 Startups, Bot Cube – в акселератор Boost VC в Кремниевой долине. Стартап Exponenta – в легендарный финский акселератор StartupSauna. А стартап IQ Voxu, который занимается оцифровкой документов на базе машинного обучения, – в американский акселератор Y Combinator. Четыре стартапа из Беларуси прошли обучение в эстонском акселераторе Startup Wise Guys»¹⁰. Американо-белорусский стартап для автоматизации бизнес-процессов на основе машинного обучения WorkFusion привлёк 35 млн долл. США инвестиций от группы компаний во главе с венчурным фондом Georgian Partners. Стартап One Soil стал победителем Venture Day Minsk и привлёк 500 тыс. долл. США от инвестиционного фонда Naхus. Позже у данного фонда появились еще две портфельные компании: стартап-проект Fabby – приложение, которое позволяет изменять фон для «селфи» автоматически с использованием нейросетей, и Voir – команда, разрабатывающая специальный сервис виртуального макияжа¹¹. Стартап-проект Flo Ю. Гурского позволил привлечь 5 млн долл. США от инвестиционного фонда Flint Capital, также в данный бизнес-проект инвестировала известная модель Наталья Водянова. Стартап Panda Doc привлёк 15 млн долл. США от фондов Microsoft Ventures, Rembrandt Ventures Partners, Hub Spot и других. Фонд прямых инвестиций «Зубр Капитал» вкладывал крупные суммы в компании Active Cloud, Active Platform, крупный белорусский e-commerce 21vek.by, производителя флексоупаковки «Унифлекс», av.by. По итогам инвестирования данный фонд был признан самой активной инвесткомпанией в Центральной и Восточной Европе по данным американского ресурса PitchBook.com. Сумма стандартных сделок варьировалась от 3 до 7 млн долл. США¹². Vanuba – стартап-проект по разработке мобильных приложений на основе технологий дополненной реальности, получил финансирование от инвестиционного фонда Larnabel Ventures и инвестиционной компании VP Capital в объеме 5 млн долл. США. Блокчейн-стартап Multy, появившийся на первом в Беларуси блокчейн-хакатоне в стартап-хабе «Имагуру», был профинансирован фондом Cyber Fund.

⁹ Акселератор (англ. business accelerator, startup accelerator или seed accelerator, букв. «ускоритель») – социальный институт поддержки стартапов, учреждение и (или) организованные ими программы интенсивного развития компаний через менторство, обучение, финансовую и экспертную поддержку в обмен на долю в капитале компании.

¹⁰ URL: https://bel.biz/wp-content/uploads/2018/11/STARTUPS_OF_BELARUS_WEB.pdf.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

Вопрос об инвестициях был прокомментирован Д. Калининым, директором белорусского инновационного фонда: «В настоящее время Белорусский инновационный фонд активно внедряет и продвигает инструменты финансовой поддержки стартапов на разных стадиях. На протяжении девяти лет ежегодно проводится Республиканский конкурс инновационных проектов. По его результатам отбирается более 10 наиболее перспективных проектов, которые могут получить сертификаты на коммерциализацию своих разработок в размере до 14 тыс. бел. рублей. Действует механизм предоставления безвозмездных ваучеров и грантов до 100 тыс. долл. США, каждый – для поддержки перспективных инновационных разработок. С 2017 г. в Республике Беларусь активно работает первый венчурный фонд RBF Ventures, ориентированный на венчурное финансирование белорусских проектов в размере до 2 млн долл. США. В своей деятельности он использует лучшую международную практику отбора проектов и структурирования сделок. Фонд отрабатывает и внедряет своего рода национальный стандарт венчурного финансирования стартап-проектов»¹³.

Если проанализировать стартап-проекты, привлекавшие инвестиции, вырисовывается определенная тенденция – чуть больше половины из них имеют иностранные инвестиции, а также для большей части основателей стартапов это уже не первый проект, что говорит о стабильности и зрелости данной категории стартапов. Для стартапов с иностранными инвестициями привлечение финансирования не является основной целью, деятельность сосредоточена на привлечении клиентов и расширении продаж. Также сложилась устойчивая тенденция: стартапы с иностранным финансированием поднимают более успешные раунды, чем стартапы с белорусскими инвесторами.

Отметим, что для каждого второго стартапа самой актуальной проблемой является поиск талантливых разработчиков, так как сфера деятельности связана с информационными технологиями. Проблема более половины стартапов – привлечение опытных квалифицированных продавцов и маркетологов. В каждом пятом стартапе наблюдается дефицит управленческих кадров. Сильной стороной белорусских стартапов является наличие квалифицированных технологических кадров. Именно в Беларуси международные компании осуществляют поиск технологических талантов. Однако наблюдается дефицит в разработчиках, что весьма парадоксально. Объяснить это можно тем фактом, что разработчики делают выбор в пользу более стабильного дохода в крупных зарубежных технологических компаниях или стартапах, привлечших инвестиции. Белорусские стартапы на ранних стадиях развития не всегда готовы предложить конкурентную заработную плату разработчику.

Следующим планировалось узнать мнение респондентов о том, как они оценивают инвестиционный климат в Республике Беларусь. Мнения всех групп респондентов относительно инвестиционного климата, его реформ и гарантий инвесторам совпадают и в целом свидетельствуют о скептическом отношении к инвестиционному климату. Особенно ярко это отношение выражено у инвесторов стартапов. Понимая, что речь в данной работе идет о венчурной экосистеме, необходимо также принимать факт, что она является неотъемлемой частью инвестиционной среды. Развитие венчурного финансирования невозможно без существенных изменений в отношении инвесторов и потенциальных инвесторов к бизнес- и инвестиционному климату Беларуси. Респондентам всех групп было предложено оценить инвестиционный климат. По итогам 2017 г., только 8,6% игроков венчурной экосистемы посчитали, что в Беларуси создан благоприятный инвестиционный климат. Более половины (54,6%) оценили инвестиционный климат как неблагоприятный. В 2021 г. эти показатели не особо изменились, опять-таки больше половины опрошенных инвестиционный климат не устраивает. Только 5,3% стартапов оценили условия для ведения бизнеса и инвестиций как благоприятные.

Следующим было рассмотрено законодательство в сфере венчурной деятельности. По мнению большинства респондентов, в Беларуси отсутствует законодательство о венчурных сделках. Большинство респондентов (54,1% в 2017 г. и 48,6% в 2021 г.) указало, что им ничего не известно о законодательстве в сфере венчурной деятельности в Республике Беларусь. И лишь небольшая часть оценила положительно (8,1% в 2017 г. и 2,4% в 2021 г.).

«Венчурная организация – это коммерческая организация, создаваемая для осуществления инвестиционной деятельности в сфере создания и реализации инноваций, а также финансирования венчурных проектов»¹⁴. Именно такой термин закреплён Указом Президента Республики Беларусь № 1 от 03.01.2007 г. «Об утверждении Положения о порядке создания субъектов инновационной инфраструктуры». Данное определение, по нашему мнению, не стимулирует регистрацию венчурных организаций как субъектов инновационной инфраструктуры и предоставление им налоговых льгот. В развитых странах с сформированным и устоявшимся финансовым рынком государство активно занимается стимулированием инновационной деятельности, в том числе путем принятия нормативной базы в области венчурного финансирования, осуществления мер поддержки хозяйствующим субъектам. Опыт стран ЕС, Сингапура, Израиля демонстрирует положительный эффект от создания специального государственного фонда, в котором размещаются венчурные средства наравне с другими инвесторами, в том числе зарубежных государств. Например, в Великобритании подобный фонд также осуществляет прямые инвестиции в инновационные проекты или компании. Если говорить о законодательной базе Республики Беларусь, то нельзя в настоящее время не отметить активность в данном вопросе. Проведена оценка реформ в Беларуси, в ходе которой получены следующие выводы: у респондентов наблюдается смещение мнений к более положительной оценке проводимых реформ. Положительно реформы оценили 58,4% респондентов, в том числе

¹³ URL: https://bel.biz/wp-content/uploads/2018/11/STARTUPS_OF_BELARUS_WEB.pdf.

¹⁴ Там же.

42,6% положительно оценили только последние изменения. Для сравнения следует сказать, что в 2020 г. только 12,9% респондентов оценивали реформы в данной области положительно.

Респондентам было предложено ответить, что для них является сложным в использовании венчурного капитала. В качестве ключевых факторов, препятствующих реализации венчурных проектов, были отмечены: недостаточное количество инвесторов (75,4%), низкое доверие к судебной системе (68,7%), небольшой размер рынка и иные экономические факторы (59,5%). Интересно то, что никто не посчитал сложностью недостаток знаний по данному вопросу.

Для исследования венчурной экосистемы, стартапам было предложено определить главные проблемы поиска и привлечения инвестиций. В 2017 г. главными трудностями стали: «поиск консультанта, инвестора; сложность процесса получения инвестиций; разногласия в процессе оценки компании; излишнее вмешательство контролирующих органов в деятельность субъектов хозяйствования; невозможность реализовать венчурные проекты и заключить венчурные сделки в Республике Беларусь; недостаточный уровень доверия к судебной системе»¹⁵. В 2021 г. проблемы изменились, и теперь актуальными стали: существенные разногласия с инвестором, в том числе несогласие его принять неконтрольный пакет акций, расхождение в принципах развития и функционирования бизнеса и относительно стоимости бизнеса.

Таким образом, можно констатировать факт смены фокуса современных стартапов в области поиска инвестиций, более зрелого отношения к данному процессу. Основная проблема в настоящее время для стартапа заключается в механизме договоренностей с инвестором, а не в поиске и доступности инвестиций.

В настоящее время 65,9% респондентов отметили, что более половины всех финансовых сделок в области инвестиций структурируется за рубежом, что на 11,2% меньше, чем в исследовании венчурной экосистемы 2020 г., в котором 77,1% считали также, что по отдельным группам опрошенных составило 87,1% инвесторов, 78,5% стартапов и 66,7% организаций поддержки.

Попробуем проследить изменения в инвестициях. За 2014 – 2020 гг. пять и более сделок осуществляли 46,4% отечественных инвесторов, две-четыре сделки заключали 21,4%, а одну сделку только 7,1% инвесторов. Сделки, в свою очередь, осуществлялись и в Республики Беларусь, и за рубежом. Вышеизложенное говорит о высокой активности отечественных инвесторов, с учетом факта ранней стадии развития белорусской венчурной экосистемы. Анализируя результаты, можно выдвинуть гипотезу, что данные сделки были совершены бизнес-ангелами, т.е. физическими лицами и/или корпорациями, т.к. институционализированные венчурные фонды в Республике Беларусь на данном этапе отсутствовали. Профессиональные инвесторы (бизнес-ангелы), как показывает практика, с целью минимизации рисков не ограничиваются одним-двумя объектами инвестирования. Имеется уже устоявшаяся мировая статистика, которая говорит о том, что в большинстве случаев при выходе из венчурного проекта инвесторы получают меньший доход, чем размер инвестирования, но 5–10% сделок обычно окупаются более чем десятикратно. Соответственно, для минимизации рисков инвесторы всегда стремятся направлять средства сразу в несколько компаний, формируя свой портфель инвестиций. «В развитых экосистемах бизнес-ангелы осуществляют в среднем по 5 (Великобритания) – 10 (США) сделок в год. Это становится если не основной профессиональной деятельностью, то отчасти образом жизни, ведь большинство бизнес-ангелов – это бывшие либо действующие предприниматели или топ-менеджеры крупных компаний»¹⁶. Экстраполируя полученные результаты на белорусскую экосистему, можно говорить о том, что ежегодно более 50 стартапов инвестируется отечественными инвесторами, что является высоким показателем на раннем этапе развития финансового рынка. Для сравнения, «в 2018 году было заключено 66 сделок с участием венчурного капитала, в Литве – 56 сделок»¹⁷.

Мировой опыт свидетельствует о том, что основным стимулом для развития венчурного инвестирования являются налоговые преференции и льготы, а также государственная поддержка. Поэтому следующим, не менее важным для стартапа, вопросом стал: как часто используются налоговые преференции или льготы?

В Республике Беларусь только 11,2% стартап-проектов, как отмечали респонденты, используют налоговые льготы, в т.ч. льготы резидентам Парка высоких технологий. Среди неналоговых льгот отмечались: преференциальная ставка по аренде помещения, безвозвратная субсидия или грант, льготы по инкубационной программе. Такого рода льготы использовали около 4% белорусских стартапов. Обращаясь к опыту зарубежных стран, высокую роль налоговых льгот в формировании венчурной инфраструктуры можно увидеть на примере Республики Сингапур, которая «разделяет риски венчурных инвестиций через программу поддержки технологических инвестиций, которая предоставляет возможность для страхования потенциальных убытков инвесторов в начинающие компании. При наличии определённого статуса начинающая компания имеет право выпустить сертификат для своих инвесторов на инвестиции свыше 3 млн. сингапурских долларов. Имея такие сертификаты, инвесторы в течение срока действия этих бумаг могут вычесть любые потери от инвестиций из своего налогооблагаемого дохода»¹⁸. В Великобритании, Китае и Канаде предусмотрены налоговые льготы венчурным инвесторам по налогу от прироста капитала. Кроме того, стоит отметить, что именно снижение процентной ставки налога на

¹⁵ URL: https://bel.biz/wp-content/uploads/2018/11/STARTUPS_OF_BELARUS_WEB.pdf.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

прибыль (corporate tax) в Ирландии явилось одним из факторов, который способствовал мощному экономическому росту государства, получившему название «прыжок кельтского тигра», и привлёк в страну такие международные корпорации, как Apple Inc., Google Inc., Microsoft Corporation.

Коснёмся вопроса необходимости преференций (льгот) стартапу. По мнению действующих бизнесменов, за использование налоговых льгот выступают 87,9% респондентов, в том числе 9,2% отмечают их острой жизненно важной для бизнеса необходимостью. Критическим также является факт готовности 47,4% респондентов перенести свой действующий бизнес в другую страну, в случае отмены уже имеющихся налоговых льгот. Однако каждый третий бизнесмен (31,5%) заверял об отказе переноса бизнеса зарубеж, даже в случае объективной возможности. Этот показатель в 2021 г. увеличился почти на 20% в сравнении с 2017 г., что говорит об оптимистичных тенденциях в стартап-среде. Среди стран, в которые всё же хотели бы перенести свой бизнес, отмечались США, Кипр, Израиль. Причины данного решения в 2021 г. назывались следующие: простота регистрации бизнеса и текущей деятельности в целом; свободный доступ к рынку; прозрачность и объективность судебной системы в силу наличия прецедентов.

Среди ключевых изменений, необходимых современному бизнесмену, отмечались: система образования, в части профессиональной подготовки всех участников стартап-экосистемы; формирование сети контактов на государственном уровне; создание современных высокопрофессиональных акселераторов и инкубаторов; установление тесного сотрудничества с университетами и их активное участие в процессе функционирования бизнеса.

Интересно отметить, что по результатам схожего европейского исследования стартап-разработчики называют свою экосистему удовлетворительной, но имеющей место для улучшений. Среди значимых жизненно необходимых улучшений европейские стартапы выделяют: «финансовые стимулы и налоговые льготы, снижение бюрократии и барьеров с наймом на работу граждан стран за пределами Евросоюза, а также улучшение системы поддержки стартапов в целом»¹⁹.

Далее представим характеристику белорусских и европейских стартапов по трём направлениям: 1) сфера деятельности стартапа; 2) количество человек в команде; 3) источник финансирования стартапа. В белорусском законодательстве не закреплено понятие «стартап», поэтому нет официальных данных об этой форме бизнеса. В данных нашей статистики использовались итоги исследования стартап-экосистемы в Республике Беларусь²⁰ и результатов европейского исследования²¹.

1. Сфера деятельности стартапа. Сфера деятельности стартапа довольно широка. Наиболее популярными для белорусских стартапов являются области SAAS, ИТ-технологии в области финансов, искусственного интеллекта, развлечения и игры. В Европе большинство компаний занимаются предоставлением продукта или услуги онлайн (только 0,7% предлагают офлайн-решения), например, ИТ / разработка программного обеспечения (19,1%) или услуги программного обеспечения в целом (18,5%). Новые компании также создают актуальные товары, такие как: зеленые технологии (4,0%), финансовых технологии (5,1%).

Итак, можно отметить, что европейские стартапы активно развиваются в сфере информационных технологий и, тем самым, дают вектор в развитии белорусских стартапов.

2. Количество человек в команде. Больше половины опрошенных белорусских стартапов имеют не больше пяти человек в команде. Средняя численность занятых в стартапе – 7 человек. Европейские стартапы создают большое количество рабочих мест. В среднем в участвующих компаниях в настоящее время работают 12,8 сотрудника из разных стран, и они планируют нанять еще 7,5 человека в течение следующего года, в результате чего по данной выборке в Европе будет создано 18 015 рабочих мест. Более развитые экосистемы, такие как Великобритания (12,8), Германия (9,0) или Франция (9,8) планируют нанять еще больше. Двигаются по тому же пути, но с небольшим отставанием, стартапы Словакии (9,5), Чешской Республики (8,1) и Польши (7,8).

3. Источник финансирования стартапа. У белорусских стартапов практически отсутствует возможность государственного финансирования, в отличие от европейских, где каждая пятая компания получает такого рода финансирование.

Таким образом, инновационные стартапы – это довольно перспективный сектор белорусской экономики, имеющий особый потенциал для развития. Развитие информационных технологий стало главным фактором эффективного ведения стартапа. Белорусские и европейские стартапы во многом схожи, например, активные разработки в цифровом секторе, преобладание в источниках финансирования частного капитала. Однако имеются и различия, например, в количественном составе команд европейский показатель выше.

С целью обеспечения высокой конкурентоспособности отечественной стартап-экосистемы следует предпринять определенные шаги. Среди важных барьеров бизнесмены отмечают «ограниченный доступ к финансированию, пробелы в законодательстве в венчурной сфере, недостаточный уровень образования представителей экосистемы в целом»²². В то же время, у белорусских стартапов есть определенные преимущества: хорошая технологическая школа основателей стартапов, а также высокий уровень их образования, имеются примеры успеха на мировом уровне, что позволяет перенимать опыт и быть конкурентоспособными с ведущими мировыми стартап-государствами. По нашему мнению, имея высокий технический потенциал, интеллектуальную базу, в Республике Беларусь может полноценно сформироваться и развиваться активная предпринимательская экосистема, которая сможет занять свою нишу в мировой экономике знаний.

¹⁹ URL: <http://startupmonitor.eu/EU-Startup-Monitor-2018-Report-WEB.pdf>.

²⁰ URL: https://bel.biz/wp-content/uploads/2018/11/STARTUPS_OF_BELARUS_WEB.pdf.

²¹ См. сноску № 19.

²² См. сноску № 20.

Для развития и поддержания стартап-движения в Республике Беларусь необходимо четко очертить стартап-экосистему, провести ее глубокий анализ. Для достижения данной цели, в свою очередь, нужны определенные знания о действующих стартапах, конкретном опыте ведения инновационного бизнеса, в том числе неудачном. Это позволит понимать степень развития стартап-экосистемы и определить факторы, влияющие на данный процесс.

Например, в США применяются карты стартап-экосистем штата в акселераторах и центрах коворкинга²³. Данная стартап-экосистема состоит из сложных взаимосвязанных элементов: организаций, конкретных людей, инициатив. Её цель – создание благоприятных условий для развития предпринимательской среды с участием всех игроков команды: университетов, источников финансирования, крупных корпораций. В такого рода экосистеме различные участники (корпорации, люди, инициативы) сосредоточены и применимы на различных этапах развития стартапа, имеют различные цели и функции. Подобную карту стартап-экосистемы необходимо создать в Республике Беларусь, чтобы систематизировать всю имеющуюся информацию о стартап-движении: увидеть сделанные шаги, определить направления дальнейшего развития. Эта карта может быть использована как внутренними пользователями, так и внешними – для представления мировому сообществу успехов белорусских стартапов и формирования более привлекательного инвестиционного климата. Для разработки карты стартап-экосистемы Республики Беларусь можно использовать опыт Северной Каролины (США). «В штате Северная Каролина во многом схожие условия бизнеса: примерно одинаковая территория, численность населения около 10 млн человек, высокий уровень образования, отсутствие большого количества ресурсов. Развитие бизнеса здесь началось 10 лет назад, однако уже сегодня зарегистрировано 800 тыс. бизнесов, на долю среднего и малого бизнесов приходится более 70% созданных рабочих мест»²⁴. Так как в Республике Беларусь предпринимаются шаги по созданию стартап-инфраструктуры, то опыт Северной Каролины может быть для нас очень полезным.

В Беларуси аналог такой карты создан проектом Project Marketing. Карта стартап-экосистемы Беларуси включает четыре стадии стартап-проекта. «На первой стадии происходит знакомство с регистрацией стартапов, поиском, где можно пройти профессиональное обучение. На второй стадии можно почерпнуть знания, как вывести продукт на рынок, где найти финансирование, какие акселераторы могут оказать в этом поддержку. Третья содержит информацию о финансировании, возможных инвестициях и инкубации. Заключительная часть включает в себя информацию о возможностях привлечения финансирования, о развитии персонала и возможностях выхода на рынок»²⁵. На основе данного проекта можно составить карту стартапов Беларуси (экосистему стартапов), которая будет включать:

- 1) *источники финансирования* (бизнес-ангелы, краудфандинг, банки, TALAKA, ULEJ, BBAN и др.);
- 2) *акселераторы / инкубаторы* (бизнес-инкубатор ПБТ; бизнес-инкубатор БГУИР; EPAM городок; бизнес-инкубатор ИБМТ и др.);
- 3) *митапы / нетворкинг* (всемирная неделя предпринимательства, ПБТ, сеть стартап-школ, IMAGURU, SOCIAL WEEKEND и др.);
- 4) *коворкинг* (технопарки, EVENT SPACE, хакерспейс и др.);
- 5) *университеты* (БГУ, БГУИР, ПГУ им. Евфросинии Полоцкой, ВГТУ, БТЭУ ПК и др.).

Карта стартапов демонстрирует ключевых игроков данной системы, которые могут взаимодействовать между собой, что позволяет не только сформировать круг общения, определенную бизнес-среду, но и осуществить поиск финансирования и потенциальных партнеров.

Если детально проанализировать стартап-экосистему Беларуси, то можно заметить, что отдельные элементы не только не взаимосвязаны друг с другом, но и являются, в некоторой степени, конкурентами. Данный факт говорит о еще не сложившейся полноценной системе, но определенные шаги в данном направлении предпринимаются, что может привести к развитию стартап-среды и экономики в целом.

Важную роль в построении стартап-экосистемы играют университеты. Так, «в практике Северной Каролины (США) множество технологичных проектов начинаются в стенах университетов. Три основных университета региона (UNC, NC State, Duke) привлекают талантливых исследователей. Вклад университетов оказывает значительное влияние на систему стартапов. За 2000–2011 гг. количество созданных вузами США малых инновационных предприятий выросло с 454 в 2000 г. до 670 предприятий в 2011 г., это значит, что в год количество вновь созданных предприятий возросло в 1,5 раза. Количество зарегистрированных университетами патентов за тот же период с 3764 в 2000 году до 4700 патентов в 2011 году»²⁶.

Данная структура ведет к высокой мотивации в студенческой и преподавательской среде, что, в свою очередь, приводит к значительным результатам в предпринимательстве. Следует отметить, что в такой среде могут формироваться университетские акселераторы и венчурные фонды. Университеты также вносят весомый вклад через сотрудничество с различными менторами и фондами, привлекая их к студенческим проектам. Как показывает практика, успешные в бизнесе выпускники очень часто в дальнейшем участвуют в жизни университета, в том числе и финансово. Мировая устоявшаяся практика говорит о том, что цель университета – не только создавать интеллектуальный продукт в виде статьи или изобретения, но и найти пути его применения, коммерческого использования. В ведущих университетах мира для этих целей существуют грантовые программы, а также дополнительные программы обучения предпринимательству.

²³ Коворкинг (от англ. co-working – совместная работа) – офисное пространство, в котором любой желающий может арендовать одно или несколько рабочих мест. Это нечто среднее между занятостью на дому и офисом в привычном понимании. Здесь нет жестких рамок, но при этом есть все необходимое для работы.

²⁴ URL: <http://www.autm.net>.

²⁵ URL: https://bel.biz/wp-content/uploads/2018/11/STARTUPS_OF_BELARUS_WEB.pdf.

²⁶ См. сноску № 24.

Анализируя сегодняшнюю экосистему Беларуси, можно с достоверностью утверждать, что университеты вовлечены в нее не в полной мере, придерживаются отстраненного состояния – нет налаженного взаимодействия с финансовыми институтами, фондами. Однако, некоторые университеты всё же предпринимают попытки работы в данном направлении и находятся, скорее, на начальном этапе развития – реализуются образовательные программы в области предпринимательства, проводятся конкурсы стартап-проектов, функционируют стартап-центры. В нашей стране уже юридически закреплена модель «Университет 3.0», что нашло соответствующее отражение в Кодексе об образовании Республики Беларусь. «Первая модель университета – это обычный университет, который реализует образовательные программы. «Университет 2.0» – это университет, где реализовываются научно-образовательные программы (модель исследовательского университета). «Университет 3.0» – это экосистема инноваций, модель предпринимательского университета. «Университет 4.0» – это когда отдельные части обладают ресурсами для реализации того, что невозможно воплотить на предприятии»²⁷.

Переход к модели «Университет 3.0» открывает дополнительные точки роста для экономики – это своего рода толчок к росту инновационного бизнеса, а также проведение научных исследований, привлечение дополнительного финансирования для учреждений образования за счёт патентов, лицензий и других сопряженных услуг. Данная модель существенно расширит спрос на труд, в том числе на кадры с «новыми» компетенциями. В настоящее время такого рода экспериментальный проект, по поручению Главы государства, реализуется в 8 учреждениях образования (БГУ, БНТУ, БГУИР, БГТУ, БГЭУ, ГрГУ им. Янки Купалы, БРУ, ПГУ им. Евфросинии Полоцкой). Также неоспоримым «плюсом» реализации модели «Университет 3.0» может стать повышение качества трудоустройства выпускников, их большей компетентности и гибкости, адаптации к современным требованиям заказчиков кадров.

Однако, на сегодняшний день нет комплексной, выстроенной системы поддержки университетов в данном направлении, нет структуры предпринимательства в учреждениях образования. В отличие от Северной Каролины, где университет инвестирует денежные средства в стартап-проекты и помогает реализоваться, в Беларуси подобных примеров пока нет.

Заключение. Таким образом, изученный опыт США на примере Северной Каролины показывает необходимость следующих направлений развития: ключевую роль в развитии предпринимательской среды должны играть частные и государственные инициативы; важное внимание должно быть уделено бизнес-образованию в старших классах школ, вузов, а также центрах поддержки (стимулирования) предпринимательства; установление тесных связей между учреждениями высшего образования, бизнес-сообществом и государственными органами; создание и поддержка бизнес-акселераторов и инкубаторов; создание законодательной базы для финансирования стартапов со стороны университетов; развитие возможностей совместного инвестирования; применение международных инструментов корпоративного и коммерческого права, которое позволит инвесторам проводить сделки согласно законодательству Республики Беларусь и стимулировать к активному заключению венчурных сделок.

Как отдельная форма бизнеса стартап имеет особую значимость и перспективы в Республике Беларусь. Ключевой аргумент в данном процессе – квалифицированные кадры и техническая база. Именно инновационные стартапы представляют собой потенциально важный сектор белорусской экономики и фундаментальный актив для будущего роста страны, своего рода самостоятельная форма бизнеса. Если Беларусь и дальше сможет опираться на технические знания, успехи основателей бизнеса, их менторов и инвесторов для создания активной предпринимательской экосистемы, она может стать значимым игроком в мировой экономике знаний, повысив свою конкурентоспособность и укрепив долгосрочные перспективы развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдрахманова, Д.М. Предпринимательство и бизнес: понятие и сущность / Д.М. Абдрахманова, М.С. Егорова // Молодой ученый. – 2015. – № 11.4. – С. 1–2.
2. Райз, Э. Бизнес с нуля. Метод Lean Startup для быстрого тестирования идей и выбора бизнес-модели / Э. Райз. – М.: Альпина Паблишер, 2017 – 253 с.
3. Aydayev, A.A. Development of startups in Russia and abroad / A.A. Aydayev, V.K. Starodubtseva // World economic system: problems and prospects of development : 2 International scientific-practical conference; Novosibirsk, April 21–14, 2015. – Novosibirsk : Publishing house of NF REU named after G. V. Plekhanov, 2015. – P. 9–12.

Поступила 10.09.2022

STARTUP AS A FORM OF BUSINESS

P. REZKIN, E. GALESHOVA

(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

The article considers a startup as a form of conducting a modern innovative business. The interpretation of the concepts of “business” and “entrepreneurship”, as well as their fundamental differences, is presented. During a survey of existing entrepreneurs, real problems of doing business in the Republic of Belarus were identified, an attempt to build an ecosystem of Belarusian startups was made.

Keywords: business, entrepreneurship, startup, start-up extractive system.

²⁷ URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/startapy-v-respublike-belarus-aktualnye-voprosy-razvitiya>.

УДК 338.24

DOI 10.52928/2070-1632-2022-62-12-81-84

СОДЕРЖАНИЕ, СТРУКТУРА И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УКЛАДА НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

канд. экон. наук, доц. Г.Н. СЕРЯКОВ

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

Исследуется содержание, структура и тенденции развития технологического уклада экономики Республики Беларусь¹. В данной публикации в целях подтверждения ранее полученных результатов представлены исследования содержания, структуры и тенденций развития технологического уклада национальной экономической системы Беларуси за 30 лет (1992 – 2021) через ВВП по паритету покупательной способности, позволяющие составить адекватные прогнозные оценки процессов развития экономики страны. Дополнительно проанализирована структура технологического уклада национальной промышленности, в том числе по видам экономической деятельности, как отрасли экономики, формирующей и развивающей технологический уклад национальной экономической системы Республики Беларусь.

Ключевые слова: исследование, тенденции развития, технологический уклад, валовый внутренний продукт, промышленность, паритет покупательной способности, национальная экономика.

Введение. Технологический уклад является основой социально-экономического развития общества, формирует ВВП страны и определяет динамику экономического развития, а промышленность составляет ядро технологического уклада, будучи ведущей отраслью национальной экономики Республики Беларусь [1]. В основе методологии определения направлений и средств развития технологического уклада национальной экономики в условиях перехода мировой экономики к шестому технологическому укладу лежит исследование влияния циклов экономической активности на динамику ВВП, развитие промышленности и других отраслей национальной экономики.

Цель данного исследования – подтвердить достоверность ранее выполненных расчетов и выводов о влиянии технологических циклов Н.Д. Кондратьева, средних циклов С. Кузнеца, малых циклов К. Жугляра, коротких циклов Дж. Китчина за более короткий промежуток времени – 25 лет (1992–2016 гг.) [2].

Основная часть. В качестве базы исследования содержания, структуры и тенденций развития технологического уклада национальной экономической системы и влияния технологических циклов Н.Д. Кондратьева, средних циклов С. Кузнеца, малых циклов К. Жугляра, коротких циклов Дж. Китчина на динамику развития национальной экономической системы использованы значения валового внутреннего продукта Республики Беларусь по паритету покупательной способности за 1992 – 2021 годы, представленные в таблице 1. Результаты динамического моделирования ВВП Республики Беларусь за 1992 – 2021 гг. (30 лет) по ППС (в млрд долл.) представлены на рисунке 1, а результаты оценки точности различных вариантов построенных моделей отражены в таблице 2.

Таблица 1. – Валовый внутренний продукт (ВВП) Республики Беларусь по паритету покупательной способности 1992–2021 годы²

Год	ВВП, млрд долл.	Год	ВВП, млрд долл.
1992	50,7	2007	118,0
1993	48,0	2008	132,6
1994	43,3	2009	133,6
1995	39,3	2010	145,8
1996	41,1	2011	156,7
1997	46,6	2012	171,0
1998	51,1	2013	179,4
1999	53,5	2014	179,6
2000	57,9	2015	171,2
2001	62,0	2016	168,4
2002	66,2	2017	173,6
2003	72,2	2018	183,4
2004	82,6	2019	189,3
2005	93,3	2020	190,3
2006	105,8	2021	202,8

¹ Основные результаты исследования см. Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D, Экономические и юридические науки. – 2018. – № 5. – С. 46–51.

² URL: <http://svspb.net/danmark/vvp-stran.php>.

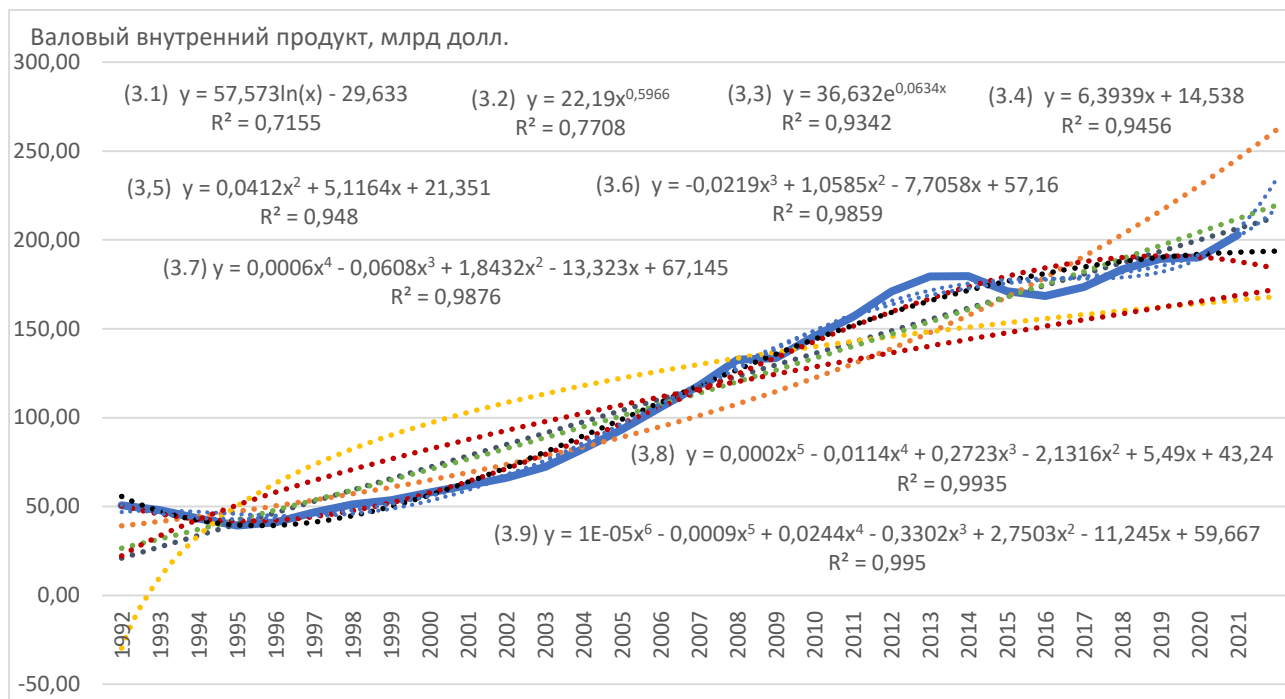

Рисунок 1. – Моделирование динамики ВВП Республики Беларусь по паритету покупательной способности (1992–2021 гг.)

Таблица 2. – Оценка точности моделирования динамики ВВП по ППС Республики Беларусь (1990–2021 гг.)

Тип модели	Вид модели	Номер функции	Точность модели, R^2	Приращение точности модели
Логарифмическая	$y = 57,573\ln(x) - 29,633$	(3.1)	0,7155	0
Степенная	$y = 22,19(x)^{0,5966}$	(3.2)	0,7708	+0,0553
Экспоненциальная	$y = 36,632e^{0,0634x}$	(3.3)	0,9342	+0,1634
Линейная	$y = 6,3939x + 14,538$	(3.4)	0,9456	+0,0114
Полиномиальная 2-й степени	$y = 0,0412x^2 + 5,1164x + 21,351$	(3.5)	0,948	+0,0024
Полиномиальная 3-й степени	$y = -0,0219x^3 + 1,0585x^2 - 7,7058x + 57,16$	(3.6)	0,9859	+0,0379
Полиномиальная 4-й степени	$y = 0,0006x^4 - 0,0608x^3 + 1,8432x^2 - 13,32x + 67,145$	(3.7)	0,9876	+0,0017
Полиномиальная 5-й степени	$y = 0,0002x^5 - 0,0114x^4 + 0,2723x^3 - 2,1316x^2 + 5,49x + 43,24$	(3.8)	0,9935	+0,0059
Полиномиальная 6-й степени	$y = 1E-05x^6 - 0,0009x^5 + 0,0244x^4 - 0,3302x^3 + 2,7503x^2 - 11,245x + 59,667$	(3.9)	0,995	+0,0015

Проведенные исследования подтвердили ранее сделанные выводы о том, что динамика ВВП Республики Беларусь по ППС может быть с достаточной степенью точности описана полиномиальными моделями, начиная с модели 3-й степени, и продемонстрировали, что содержание, структура и тенденции развития четвертого, пятого и шестого технологических укладов национальной экономической системы могут быть описаны с высокой степенью точности полиномиальной моделью 5-й степени, в которой динамика волн большого цикла экономической активности Кондратьева, динамика волн средних циклов экономической активности Кузнеца, динамика волн малых циклов экономической активности Жугляра, динамика коротких циклов экономической активности Китчина, дополняется динамикой очень коротких (бизнес) волн экономической активности циклов Мура смены продукции высоких технологий, свидетельствующих о начале качественного изменения высокотехнологичных производств.

Наибольшее влияние на динамику развития технологического уклада экономики Республики Беларусь оказывают технологические циклы экономической активности Кондратьева и деловые циклы экономической активности Жугляра. Меньшее влияние оказывают строительные циклы экономической активности Кузнеца, что обусловлено относительной стабильностью и сбалансированностью регионального развития Республики Беларусь. Незначительно влияют бизнес-циклы экономической активности Китчина, что обусловлено достаточно высоким уровнем стабильности политической, экономической и социальной обстановки в стране в рассматриваемом периоде. Крайне незначительное влияние оказывают циклы экономической активности Мура, что обусловлено достаточно низким уровнем развития высокотехнологичных производств в национальной экономике Республики Беларусь: в 2021 г. доля высокотехнологичных производств в структуре валовой добавленной стоимости обрабатывающей промышленности составила 5,5%.

Утверждение, что развитие технологического уклада является результатом действия множества циклов экономической активности и факторов, их определяющих, статистически подтверждено обработкой эмпирических данных развития белорусской национальной экономики, где точность полиномиальной модели при одновременном учете циклов экономической активности Кондратьева, Кузнеця, Жугляра, Китчина и Мура составила 99,35%. Проведенные исследования влияния циклов экономической активности на динамику развития ВВП национальной экономики позволили перейти к анализу структуры технологического уклада промышленности (по отраслям и видам деятельности), как ведущей отрасли экономики, формирующей и развивающей технологический уклад национальной экономической системы.

В современной экономике развитых стран одновременно присутствуют четвертый, пятый и шестой технологические экономические уклады. Четвертый технологический уклад, период доминирования в мировой экономике 1920–1970 гг., основан на использовании энергии углеводородов, основные отрасли экономики: автомобилестроение, цветная металлургия, нефтепереработка, синтетические полимерные материалы. Пятый технологический уклад (1970–2020 гг.), основан на использовании атомной энергии, основные отрасли экономики: микроэлектроника, информационные технологии, биотехнологии. Шестой технологический уклад (2020–2070 гг.), основан на нанозергетике, основные отрасли экономики развиваются посредством использования молекулярных, клеточных и ядерных технологий, нанотехнологий, нанобиотехнологий, нанобионики, микроэлектронных технологий, наноматериалов, нанороботизации и других наноразмерных производств [3].

По мнению экспертов, в экономике России технологии третьего технологического уклада составляют примерно 30%, четвертого – 50%, пятого – 10%. В экономике США технологии четвертого технологического уклада – 20%, пятого – 60%, шестого – 5%³. То есть в России доминирует четвертый технологический уклад экономики, а в США – пятый и развивается шестой технологический уклад. По статистике одними из лидеров в развитии технологий шестого уклада являются страны ЕС. Внутри Евросоюза Германия, по данным BNetzA, за 2020 год значительно увеличила объемы возобновляемых источников энергии, на солнечную и ветровую энергию приходится 51,6%⁴. В Великобритании большими темпами развивается биология и наномедицина, действует немалое количество крупнейших в мире лабораторий и исследовательских центров. Активно нанотехнологические исследования ведутся и во Франции. В стране действует около 300 предприятий, относящихся к этой сфере, и более половины из них уже выпускает нанотехнологическую продукцию. Кроме того, значительные перспективы в области нанотехнологий, а значит и в будущей мировой экономике, имеют Италия, Нидерланды, а также Швеция. Что же касается развития нанотехнологий в Китае, то в 2017 г. в сфере нанотехнологий здесь зарегистрировано рекордное в мире количество патентных заявок⁵.

Приоритеты научных исследований в наиболее развитых странах:

1) США: новые материалы, в первую очередь, композиты, информационные технологии, биотехнологии и медицина, гибкие автоматизированные производства для обрабатывающей промышленности, транспорт наземный и воздушный, энергетика, экологически чистые технологии и методы восстановления пострадавших экосистем;

2) ЕС: постгеномные исследования в биологии и изучение основных болезней на мировом уровне, нанотехнологии, исследования в области информационного общества, авионавтика и космос;

3) Япония наука о жизни, информатика и телекоммуникации, защита окружающей среды, нанотехнологии и новые материалы;

4) Южная Кареея информационные технологии, биотехнологии, охрана окружающей среды, космические технологии, нанотехнологии⁶.

В Республике Беларусь структуру технологического уклада формирует и развивает национальная промышленность, как ведущая отрасль индустриально развитой экономики. Структура промышленности в 2021 г. по отраслям выглядит следующим образом. Если принять все промышленное производство за 100%, то горнодобывающая промышленность составляет 1,2%, водоснабжение – 1,7%, снабжение электроэнергией, газом, паром, горячей водой и кондиционированным воздухом – 7,7%, обрабатывающая промышленность – 89,4%. Соответственно обрабатывающая промышленность составляет основу национальной промышленности Республики Беларусь⁷. При этом в структуре валовой добавленной стоимости обрабатывающей промышленности по уровню технологичности в 2021 г. доля высокотехнологичных производств составила 5,5%, средне технологичных производств – 34,9%, низко технологичных – 40,2% от общего объема промышленного производства⁸. Основным видом используемой в национальной промышленности энергии является энергия углеводородов, а производства обрабатывающей промышленности базируется на укладообразующих технологиях четвертого технологического уклада мировой экономики, таких как автомобилестроение, нефтепереработка, синтетические полимерные материалы: производство продуктов нефтепереработки; производство химических продуктов; производство резиновых и пластмассовых изделий; производство транспортных средств и оборудования и другие.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что в экономике национальной промышленности Республики Беларусь доминирует четвертый технологический уклад в то время, как в США, ЕС, Китае, Японии, Южной Кареее и других наиболее развитых странах мировой экономики доминирует пятый технологический уклад и формируется шестой.

³ URL: <http://www.savproject.ru/articles/tekhnologicheskie-uklady-kratkayaspravka.php?ysclid=I9wde15hcl907219098>.

⁴ URL: <https://moneymakerfactory.ru/spravochnik/ekonomika-germanii-vvp/?ysclid=I9zshgol5480302846>.

⁵ URL: <https://offshoreview.eu/2018/08/20/mirovyie-lideryi-tehnologiy-ssha-kitay-germaniya-i-rossiya/?ysclid=I9zqrfdny136940849>.

⁶ URL: <http://www.nanonewsnet.ru/articles/2010/innovatsionnoe-razvitie-rossii-stsenarnyi-podkhod>.

⁷ URL: <http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny>.

⁸ Там же.

Исследование содержания, структуры и тенденций развития технологического уклада национальной экономической системы позволяют перейти к решению научной задачи по обоснованию методологических инструментов определения направлений (отрасли экономики) и средств (технологии) эффективного развития отраслей национальной экономики в условиях перехода мировой экономики с пятого на шестой технологический уклад. Необходимо учесть базовые направления развития четвертого, пятого и шестого ТУ: 4-й ТУ мировой экономики: электроника, химизация, ЭВМ, нефтеугольная и атомная энергетика; 5-й ТУ: микроэлектроника, биотехнологии, атомная энергетика; 6-й ТУ: нанотехнологии, биотехнологии растений и животных, глобальные информационные сети, альтернативная энергетика (в том числе водородная)⁹.

Выбор перспективных направлений развития технологического уклада национальной экономической системы – ключевая задача стратегического анализа внешних рынков (в объеме экспорта Республики Беларусь доля промышленности составляет 92,4%), которая должна решаться в тесной связке с анализом внутренних возможностей, таких как навыки и компетенции, инвестиционные возможности, управленческий ресурс, производственные возможности и персонал, наличие сырьевых и энергетических ресурсов и др. В Республики Беларусь доминируют и обеспечивают конкурентный потенциал национальной экономики, являются направлениями эффективного развития технологического уклада такие отрасли, как промышленность, сельское хозяйство, транспорт, строительство. С учётом производственных возможностей, наличия сырьевых и энергетических ресурсов перспективными средствами (технологиями) для развития технологического уклада национальной экономической системы, по нашему мнению, являются базовые технологии пятого технологического уклада: микроэлектроника, биотехнологии, атомная энергетика, а также шестого (нанотехнологии, биотехнологии растений и животных, глобальные информационные сети, технологии создания систем искусственного интеллекта, квантовые технологии, мембранные технологии, технологии мобильной робототехники, технологии мехатроники, микромеханики, прототипирования, фотоники, альтернативная энергетика).

Заключение. На основании проведенных исследований можно сделать следующие выводы:

1. Содержание, структура и тенденции развития технологических укладов как объектов исследования могут быть представлены с высокой степенью точности полиномиальной моделью 5-й степени, в которой описание динамики волн большого цикла экономической активности Н.Д. Кондратьева, динамики волн средних циклов экономической активности С. Кузнеца, динамики волн малых циклов экономической активности К. Жугляра, коротких циклов экономической активности Дж. Китчина дополняется динамикой очень коротких циклов экономической активности Мура.

2. В экономике национальной промышленности Республики Беларусь доминирует четвертый технологический уклад в то время, как экономике наиболее развитых стран Америки, Европы и Азии доминирует пятый технологический уклад и формируется шестой.

3. В структуре обрабатывающей промышленности по уровню технологичности в 2021 г. доля высокотехнологичных производств составила 5,5%, средние технологичных производств – 34,9%, низко технологичных – 40,2% от общего объема промышленного производства, что свидетельствует о необходимости принятия управленческих решений по ускоренному развитию высокотехнологичного сектора национальной промышленности, основанному на базовых технологиях шестого технологического уклада мировой экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Серяков, Г.Н. Исследование проблем формирования механизмов эффективного развития экономики промышленности в условиях смены технологических укладов / Г.Н. Серяков. – Новополоцк : Полоцк. гос. ун-т, 2018. – 204 с.
2. Серяков, Г.Н. Содержание, структура и тенденции развития пятого и шестого технологических укладов как объектов исследования / Г.Н. Серяков // Вестн. Полоцк. гос. ун-та. Сер. D, Эконом. и юрид. науки. – 2018. – № 5. – С. 46-51.
3. Тебекин, А.В. Технологический уклад как основа социально-экономического развития общества: инновационные аспекты исследования / А.В. Тебекин, Г.Н. Серяков // Транспортное дело России. – 2013. – № 6-2. – С. 22-24.

Поступила 16.08.2022

CONTENT, STRUCTURE AND DEVELOPMENT TRENDS TECHNOLOGICAL STRUCTURE OF THE NATIONAL ECONOMIC SYSTEM

G. SERYAKOV

(*Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk*)

The content, structure and development trends of the technological structure of the economy of the Republic of Belarus are investigated. In order to confirm the previously obtained results, this publication presents studies of the content, structure and trends in the development of the technological structure of the national economic system of Belarus for 30 years (1992 – 2021) through GDP at purchasing power parity, which make it possible to make adequate forecast estimates of the processes of development of the country's economy. In addition, the structure of the technological structure of the national industry was analyzed, including by types of economic activity, as a branch of the economy that forms and develops the technological structure of the national economic system of the Republic of Belarus.

Keywords: research, development trends, technological structure, gross domestic product, industry, purchasing power parity, national economy.

⁹ URL: <http://900igr.net/prezentacija/pedagogika/osobennosti-sovremennogo-sostojaniya-i-perspektivy-razvitiya-nauki-tehniki-i-tehnologij-rf-95297/8-8.html>.

УДК 656.073

DOI 10.52928/2070-1632-2022-62-12-85-89

**АЛГОРИТМ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЦЕПЕЙ ПОСТАВОК
НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ****канд. экон. наук, доц. А.А. ХОРОШЕВИЧ****(Белорусский национальный технический университет, Минск)**

На основе анализа научной литературы и практических аспектов функционирования железнодорожного транспорта обоснован алгоритм цифровой трансформации цепей поставок. В рамках обоснования алгоритма сформулирован авторский подход к содержанию цифровой трансформации, а также произведено определение основной цели осуществления данного процесса в условиях Белорусской железной дороги. Формирование алгоритма осуществлено на основе модели зрелости Gartner Stage с соответствующей адаптацией стадий зрелости под специфику функционирования железнодорожного транспорта и особенности построения цепей поставок. В отличие от классического варианта прохождения стадий Gartner Stage, представленный алгоритм предполагает не одностороннее и последовательное прохождение всех стадий, а повторяющееся несколько раз прохождение второго, третьего и четвертого уровней, связанное с комплексным характером используемых цифровых технологий и невозможностью их стабильного функционирования без взаимодействия друг с другом.

Ключевые слова: железнодорожный транспорт, построение цепей поставок, цифровизация, алгоритм цифровой трансформации.

Введение. В последние несколько десятилетий особую актуальность приобрели процессы внедрения цифровых технологий в различные области деятельности: от проведения научных исследований и разработок до организации функционирования комплексных производственных систем. Применение таких технологий позволило повысить эффективность отдельных бизнес-процессов и привело к существенной перестройке бизнес-моделей организаций, получивших большую адаптивность и управляемость. При этом все еще существуют области, в рамках которых использование цифровых технологий является ограниченным. Одной из таких областей выступает работа национального железнодорожного транспорта.

Железнодорожный транспорт является неотъемлемой частью транспортной системы Республики Беларусь, обеспечивающей около 59,9% всего грузооборота и 21,5% пассажирооборота. Его эффективное функционирование в условиях выгодного географического положения страны позволяет обеспечивать получение значительных доходов, однако в настоящее время наблюдается сокращение объемов оказываемых железной дорогой услуг: за последние 5 лет доля железнодорожного транспорта в общем пассажирообороте страны упала на 3,8 п. п., доля грузооборота при этом сократилась на 4,2 п. п.¹ В отмеченных условиях внедрение цифровых технологий в работу национальной железной дороги является одним из основных резервов роста качественных характеристик перевозочного процесса.

Представленная существенная значимость цифровой трансформации привела к обширному рассмотрению различных областей данной проблематики в научной литературе. В целом как отечественными, так и зарубежными исследователями (в т.ч. Р.Б. Ивутем [1], Т.В. Пильгун [2], И.В. Сергеевым [3], В.В. Дыбской и Н.Н. Лычкиной [4], П.Л. Дашкевичем [5], А.А. Павловским [6], А.А. Ерофеевым [7], Б.М. Лапидусом [8] и др.) был принят ряд попыток обоснования сущности и особенностей цифровой трансформации цепей поставок на железнодорожном транспорте. Однако рассмотрение находили лишь некоторые области цифровизации и отдельные аспекты внедрения цифровых технологий при практическом отсутствии научных работ, посвященных обоснованию теории управления цепями. Одновременно не исследуемым остается ряд практических аспектов цифровой трансформации, в том числе алгоритм внедрения цифровых технологий и построение цифровых бизнес-моделей железнодорожных перевозчиков. В данном контексте основной целью исследования стало обоснование алгоритма цифровой трансформации цепей поставок в условиях Белорусской железной дороги.

Сущность цифровой трансформации цепей поставок на железнодорожном транспорте. Определение алгоритма цифровой трансформации цепей поставок на железнодорожном транспорте требует первоначального глубинного изучения сущности и содержания основной исследуемой категории, в том числе в границах ее синонимичных понятий. В данном контексте стоит особо отметить использование рядом авторов, наряду с определением «цифровая трансформация», термина «цифровизация». При этом современные исследователи расходятся во мнениях о содержании данных категорий, рассматривая их как в качестве синонимов, так и в виде двух отдельных теоретических позиций. Наличие отмеченных разногласий привело к формированию двух основных подходов к определению сущности процесса цифровой трансформации, в рамках первого из которых отмечается, что цифровая трансформация предусматривает внедрение цифровых технологий в любую область деятельности организации и синонимична цифровизации, а в рамках второго акцентируется внимание на характере получаемого

¹ Национальный статистический комитет Республики Беларусь. 2022. URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/okruzhayushchaya-sreda/sovmestnaya-sistema-ekologicheskoi-informatsii2/h-passazhirooborot/>.

эффекта и необходимости возникновения существенных качественных изменений в организационной структуре и/или бизнес-модели (в данном варианте цифровая трансформация шире процесса цифровизации). В результате наиболее распространенные варианты трактовки рассматривают цифровую трансформацию организаций как:

- процесс переосмысления бизнеса, основанный на цифровизации операций и формировании расширенных отношений в цепочке поставок (D. J. Bowersox, D. J. Closs, R.W. Drayer [9, с. 22]);
- полную смену парадигмы в управленческой культуре и операциях через покупку и установку новейшего цифрового инструментария, а также создание новой системы ценностей и нового цифрового мышления (В. Сергеев, И. Сергеев, К. Хлобыстова [10, с. 36]);
- преднамеренную и постоянную цифровую эволюцию компании, ее бизнес-модели, процессов и операций как на тактическом уровне, так и на стратегическом уровне (D.M. Mazzone [11, с. 8], L. Li, F. Su, W. Zhang, J. Y. Mao [12, с. 1135]);
- использование цифровых технологий в бизнес-процессах компании путем добавления к существующим технологиям новых качеств, трансформации текущих и создания новых производственных процессов за счет применения инноваций (К.В. Семион [13, с. 5], Ю.В. Дзюба [14, с. 11]);
- культурные, организационные и операционные изменения в организации, осуществляемые через продуманную и поэтапную интеграцию цифровых технологий, процессов и компетенций на всех уровнях (А. Лузгина [15, с. 100], Э.Т. Шафиева и Р.Р. Гедугошев [16, с. 167]);
- общекорпоративное явление, характеризующееся существенными организационными последствиями и предусматривающее изменение бизнес-модели организации на основе применения цифровых технологий (P. C. Verhoef, T. Broekhuizen, Y. Bart, A. Bhattacharya, J. Qi Dong, N. Fabian и M. Haenlein [17, с. 892], M. Iansiti и K. R. Lakhani [18, с. 92], R. Agarwal, G. G. Gao, C. DesRoches и A. K. Jha [19, с. 799]);
- процесс внедрения современных технологий и инноваций в бизнес-процессы предприятия, требующий внесения коренных изменений в технологии, культуру, операции и принципы создания добавленной стоимости (Ю.И. Грибанов и А.А. Шатров [20, с. 46], М.И. Матейко [21, с. 599]).

Анализ представленных трактовок позволяет однозначно установить несколько важнейших моментов. Во-первых, в рамках современных вариантов определений преобладает второй из ранее отмеченных подходов, при этом рассмотрение цифровизации и цифровой трансформации в качестве синонимов свойственно лишь части отечественных исследователей – например, К.В. Семион [13], Ю.В. Дзюба [14], А. Лузгина [15], Э.Т. Шафиева и Р.Р. Гедугошев [16], в то время, как их представление в виде двух отдельных теоретических категорий производится большинством зарубежных исследователей – например, D. J. Bowersox, D. J. Closs, R.W. Drayer [9], M. Iansiti и K. R. Lakhani [18], R. Agarwal, G. G. Gao, C. DesRoches и A. K. Jha [19]. Во-вторых, многие определения рассматривают цифровую трансформацию как единичный процесс, приводящий к существенным организационным изменениям, и лишь некоторые исследователи обращают внимание на необходимость рассмотрения цифровой трансформации в качестве непрерывного процесса адаптации выстроенной цифровой системы к постоянно меняющейся среде.

Таким образом, существует ряд вариантов обоснования содержания цифровой трансформации, предлагаемых исследователями в зависимости от исследуемой управленческой области и выделяемых ими ключевых характеристик. Рассмотрение отмеченных категорий в границах управления цепями поставок на железнодорожном транспорте и существующей практики внедрения цифровых технологий позволяет определить, что фактически как цифровизация, так и цифровая трансформация предусматривают цифровое изменение определенной управленческой области, разнится лишь масштаб изменения – отдельный бизнес-процесс, совокупность взаимосвязанных бизнес-процессов или бизнес-модель в целом. В данном контексте цифровая трансформация неразрывно связана со стратегическими изменениями бизнес-модели, в то время как цифровизация предполагает изменение простых организационных процессов и задач в результате внедрения цифровых технологий. Одновременно цифровая трансформация предполагает не просто формирование технической и операционной основы, а ее дальнейшее развитие и непрерывную адаптацию к непредсказуемым и постоянно меняющимся ожиданиям клиентов, рыночным условиям и глобальным событиям.

Исходя из отмеченного, можно констатировать, что цифровая трансформация цепей поставок на железнодорожном транспорте представляет собой процесс непрерывной эволюции железнодорожной организации, основанный на использовании цифровых технологий и предусматривающий значительные качественные изменения в системе управления перевозочным процессом, в т.ч. формирование расширенных отношений в цепочке поставок. Цифровизация железной дороги одновременно предполагает проведение совокупности мероприятий по внедрению цифровых технологий в отдельные бизнес-процессы и управленческие области, выстраиваемые в рамках управления цепями поставок. В данном варианте цифровая трансформация характеризуется инновационностью, адаптивностью и непрерывностью, а также предполагает изменение всей бизнес-модели железнодорожной организации, в то время как цифровизация предусматривает развитие отдельных бизнес-процессов через внедрение цифровых технологий. Основной целью цифровой трансформации цепей поставок на железнодорожном транспорте выступает повышение эффективности их построения за счет формирования дополнительных организационных возможностей, основанных на цифровом преобразовании бизнес-модели.

Алгоритм цифровой трансформации цепей поставок в рамках бизнес-процессов железнодорожных перевозчиков. С учетом обозначенной дефиниции можно однозначно определить, что с позиции управления цепями поставок цифровая трансформация в существенной степени связана с перестройкой внутренних бизнес-процессов железнодорожных организаций. При этом для большинства компаний данная перестройка носит коренной характер и фактически предполагает переход к новой бизнес-модели, предполагающей применение способа управления, объединяющего отдельные цифровые технологии и операционные возможности в границах интегрированного комплекса, обеспечивающего достижение стратегических целей (повышения доходов, улучшения качества обслуживания клиентов и рост стоимости активов организации). Формирование такой модели многие исследователи (в т.ч. И.В. Сергеев [3], В.В. Дыбская и Н.Н. Лычкина [4], С.Д. Суворова, И.А. Бойко и А.И. Захаренко [22], J. Holzfeind, O. Kraft и M. Platzer [23]) связывают с последовательным прохождением всех уровней модели зрелости Gartner Stage.

Модель Gartner Stage определяет шесть ступеней (уровней зрелости) реализации преимуществ управления бизнес-процессами и первоначально предназначена для последовательного построения корпоративной стратегии, соответствующей бизнес-целям организации. Перенос основ данной модели в плоскость рассмотрения цифровой трансформации цепей поставок позволяет говорить о том, что именно уровень зрелости процесса определяет степень его управляемости, а также возможность контроля и мониторинга. При достижении очередного уровня зрелости повышаются показатели эффективности формируемых железнодорожными организациями цепей поставок (стабильность, адаптивность, контролируемость, точность и прозрачность). Каждый достигнутый уровень является базисом для более рационального построения и эффективной реализации процессов цепи поставок на последующих уровнях зрелости.

Рассмотрение процесса цифровой трансформации цепей поставок на железнодорожном транспорте в границах модели зрелости Gartner Stage (с учетом имеющихся стадий) позволяет выделить следующие уровни цифровой зрелости:

0. Осознание неэффективности.
1. Исследование и построение бизнес-процессов.
2. Внутрипроцессное управление и автоматизация.
3. Автоматизация межпроцессного взаимодействия.
4. Управление цепочкой добавленной стоимости.
5. Построение адаптивной бизнес-модели.

Алгоритм цифровой трансформации цепей поставок в рамках представленных уровней имеет вид, представленный на рисунке. Так, стадия осознания неэффективности (нулевая стадия) характеризует момент падения уровня маржинальности выстроенных цепочек поставок, установление которого фактически стимулирует начало реализации мероприятий по цифровой трансформации. В рамках следующей стадии производится исследование бизнес-процессов, выстраиваемых в процессе работы железнодорожных организаций, осуществляется выявление «узких мест», а также моделирование оптимизированных структур. На втором уровне цифровой зрелости с учетом установленных взаимосвязей производится цифровизация отдельных областей, которая закладывает основу для последующей автоматизации межпроцессного взаимодействия. На третьем уровне за счет расширения перечня цифровых бизнес-процессов инициируется работа по их интеграции между собой. В последующем на четвертой стадии производится интеграция сформированной системы межпроцессного взаимодействия с бизнес-процессами грузоотправителей, грузополучателей и партнеров. Результатом цифровой трансформации цепей поставок на железнодорожном транспорте (прохождения всех уровней цифровой зрелости Gartner Stage) выступает создание бизнес-структур, выстроенных с использованием цифровых технологий и предполагающих постоянный мониторинг работоспособности технических средств, устойчивости и актуальности программных продуктов, а также общей эффективности работы цифровой железнодорожной инфраструктуры (в границах ранее отмечаемой непрерывности процесса цифровой трансформации). В данном случае речь идет о полном включении внутренней информационной среды железнодорожной организации в сложившуюся внешнюю среду.

При этом важно подчеркнуть некоторые особенности представленного алгоритма. Так, в отличие от классического варианта прохождения стадий Gartner Stage, представленный алгоритм предполагает не однонаправленное и последовательное прохождение всех стадий, а повторяющееся несколько раз прохождение второго, третьего и четвертого уровней, связанное с комплексным характером используемых цифровых технологий и невозможностью их стабильного функционирования без взаимодействия друг с другом. Т.е. построение адаптивной бизнес-модели функционирования железнодорожных перевозчиков предполагает постепенную взаимоувязку бизнес-процессов, открывающую все новые организационные возможности и стимулирующую цифровизацию ранее не автоматизированных одиночных процессов. Одновременно формирование расширенных цепочек поставок и организация управления цепочкой добавленной стоимости предусматривает корректировку выстроенного межпроцессного взаимодействия на этапе интеграции сформированной системы с бизнес-процессами грузоотправителей, грузополучателей и партнеров. Таким образом, исключительно комплексное проведение мероприятий позволит обеспечить высокую работоспособность выстроенных железнодорожным перевозчиком цепей поставок, и установить превышение величины получаемого эффекта над уровнем расходов.

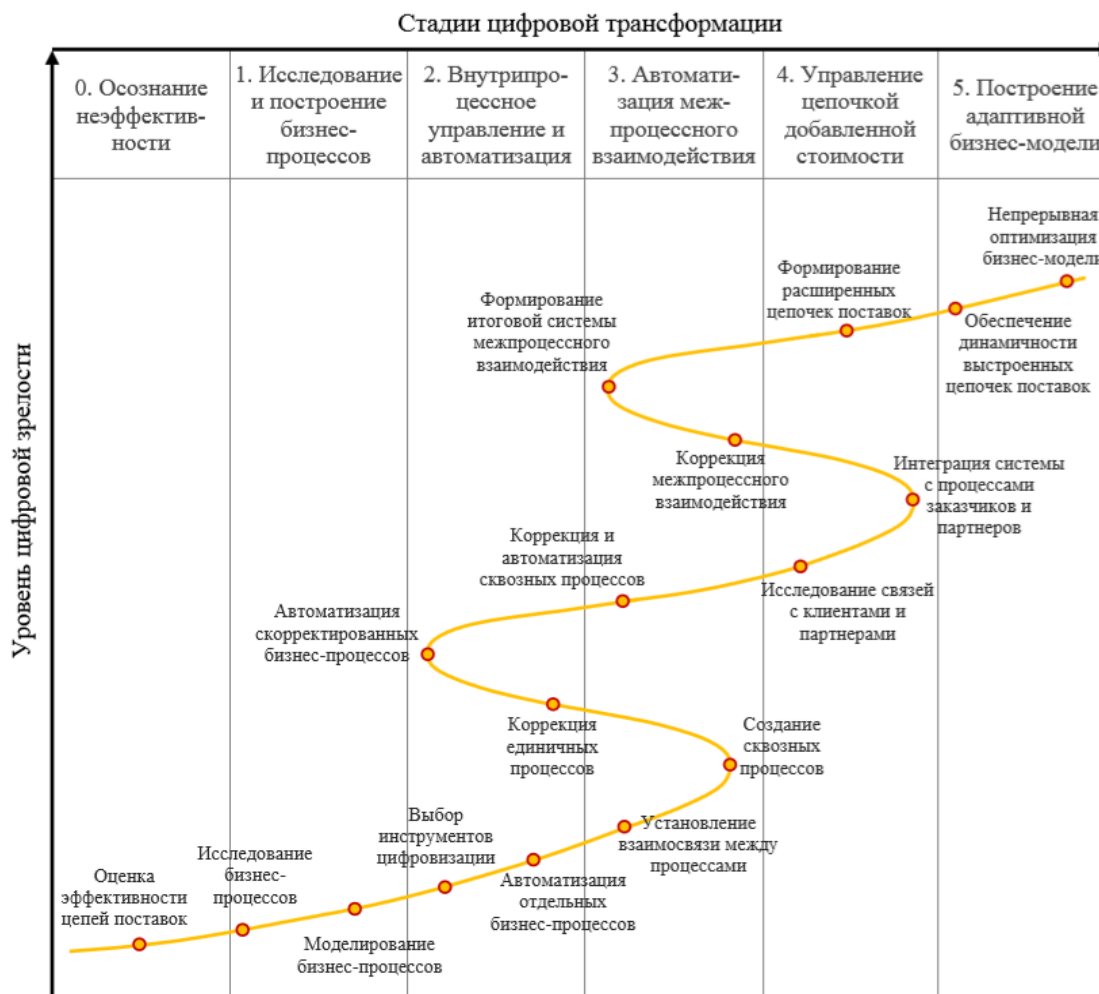

Рисунок. – Алгоритм цифровой трансформации цепей поставок на железнодорожном транспорте в границах модели зрелости Gartner Stage

Отмеченная специфика алгоритма цифровой трансформации цепей поставок на железнодорожном транспорте составляет основу его характеристических параметров.

Заключение. Систематизация результатов проведенного исследования позволяет определить цифровую трансформацию в качестве одного из ключевых направлений развития национальной железной дороги. При этом наиболее грамотным является понимание цифровой трансформации цепей поставок на железнодорожном транспорте в качестве процесса непрерывной эволюции железнодорожной организации, основанного на использовании цифровых технологий и предусматривающего значительные качественные изменения в системе управления перевозочным процессом. Течение данного процесса для обеспечения его эффективности должно производиться в границах конкретного алгоритма, предполагающего постепенное прохождение всех стадий модели зрелости Gartner Stage, с их соответствующей адаптацией под специфику функционирования железнодорожного транспорта. В данном контексте предложенный алгоритм предусматривает возможность перехода «назад» на меньший уровень цифровой зрелости с целью корректировки выстроенных механизмов и их согласования с внедряемыми цифровыми инструментами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Логистика: модели и методы : учеб. пособие / Р.Б. Ивуть [и др.]. – Волгоград : Сфера, 2022. – 192 с.
2. Пильгун, Т.В. Перспективы цифрового взаимодействия видов транспорта в логистических цепях поставок / Т.В. Пильгун // Тихомировские чтения: синергия технологии перевозочного процесса : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Гомель, 10–11 дек. 2020 г. / Белорус. гос. ун-т трансп. ; под общ. ред. А.А. Ерофеева. – Гомель, 2021. – С. 304–308.
3. Сергеев, И.В. Методология цифровой трансформации цепей поставок / И.В. Сергеев // Креативная экономика. – 2019. – № 9. – С. 1767–1782.
4. Цифровые технологии в логистике и управлении цепями поставок: аналитический обзор / В.В. Дыбская [и др.] ; под ред. В.И. Сергеева. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – 190 с.

5. Дашкевич, П.Л. Модернизация структуры управления белорусской железной дороги как фактор повышения ее конкурентоспособности / П.Л. Дашкевич // Проблемы управления. – 2019. – № 2. – С. 55–60.
6. Павловский, А.А. Базовая составляющая цифровой железной дороги / А.А. Павловский // Ж.-д. трансп. – 2018. – № 11. – С. 16–22.
7. Ерофеев, А.А. Развитие информационных технологий на железнодорожном транспорте при формировании цифровых транспортных коридоров / А.А. Ерофеев, О.А. Терещенко // Тихомировские чтения: синергия технологии перевозочного процесса : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Гомель, 10–11 дек. 2020 г. / Белорус. гос. ун-т трансп. ; под общ. ред. А. А. Ерофеева. – Гомель, 2021. – С. 158–163.
8. Лapidус, Б.М. Влияние цифровизации и индустрии 4.0 на развитие экосистемы железнодорожного транспорта / Б.М. Лapidус // Ж.-д. трансп. – 2018. – № 3. – С. 28–33.
9. Bowersox, D. J. The digital transformation: Technology and beyond / D. J. Bowersox, D. J. Closs, R.W. Drayer // Supply Chain Management Review. – 2005. – № 9 (1). – P. 22–29.
10. Сергеев, В. Проблема видимости цепи поставок и использование концепции supply chain control tower / В. Сергеев, И. Сергеев, К. Хлобыстова // Логистика. – 2020. – № 3. – С. 35–43.
11. Mazzone, D. M. Digital or Death: Digital Transformation – The Only Choice for Business to Survive Smash and Conquer / D. M. Mazzone. – Mississauga, Ontario: SmashboxConsulting Inc., 2014. – 166 p.
12. Li, L. Digital transformation by SME entrepreneurs: A capability perspective / L. Li, F. Su, W. Zhang, J. Y. Mao // Information Systems Journal. – 2018. – № 28 (6). – P. 1129–1157.
13. Семион, К.В. Стратегия цифровой трансформации / К.В. Семион // Автоматика, связь, информатика. – 2019. – № 4. – С. 5–6.
14. Дзюба, Ю.В. Теоретические основы цифровой трансформации в хозяйствах инфраструктуры / Ю.В. Дзюба // Автоматика, связь, информатика. – 2019. – № 4. – С. 11–12.
15. Лузгина, А. Цифровая трансформация национальной экономики: вызовы и перспективы развития / А. Лузгина // Банк. весн. – 2020. – № 1. – С. 100–105.
16. Шафиева, Э.Т. Сущность, содержание и роль цифровой трансформации в развитии социально-экономических систем / Э.Т. Шафиева, Р.Р. Гедугошев // Индустриальная экономика. – 2021. – № 4, Т. 2. – С. 165–169.
17. Verhoef, P. C. Digital transformation: A multidisciplinary reflection and research agenda / P. C. Verhoef, T. Broekhuizen, Y. Bart, A. Bhattacharya, J. Qi Dong, N. Fabian, M. Haenlein // Journal of Business Research. – 2021. – № 122. – P. 889–901.
18. Iansiti, M. Digital ubiquity: How connections, sensors, and data are revolutionizing business / M. Iansiti, K. R. Lakhani // Harvard Business Review. – 2014. – № 92 (11). – P. 90–99.
19. Agarwal, R. The digital transformation of healthcare: Current status and the road ahead / R. Agarwal, G. G. Gao, C. DesRoches, A. K. Jha // Information Systems Research. – 2010. – № 21 (4). – P. 796–809.
20. Грибанов, Ю.И. Сущность, содержание и роль цифровой трансформации в развитии экономических систем / Ю.И. Грибанов, А.А. Шатров // Вестн. Алтай. акад. экономики и права. – 2019. – № 3-1. – С. 44–48.
21. Матейко, М.И. Цифровая трансформация транспортно-логистических процессов университета / М.И. Матейко // 76-я науч. конф. студентов и аспирантов Белорус. гос. ун-та : материалы конф., Минск, 13–24 мая 2019 г. : в 3 ч. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В.Г. Сафонов (пред.) [и др.]. – Минск, 2019. – С. 599–602.
22. Суворова, С.Д. Проектирование цифровых логистических платформ в цепи поставок / С.Д. Суворова, И.А. Бойко, А.И. Захаренко // Естеств.-гуманитар. исслед. – 2020. – № 3. – С. 321–325.
23. Holzfeind, J. Digitalisation of railway infrastructure: a programme to strengthen the system competitiveness // J. Holzfeind, O. Kraft, M. Platzer. – Global Railway Review. – 2017. – № 6. – P. 56–58.

Поступила 12.09.2022

ALGORITHM FOR DIGITAL TRANSFORMATION OF SUPPLY CHAINS ON RAILWAY TRANSPORT

PhD in Economics, Associate Professor A.A. KHOROSHEVICH
(Belarusian National Technical University, Minsk)

In the article, based on the analysis of scientific literature and practical aspects of the functioning of railway transport, an algorithm for the digital transformation of supply chains is substantiated. As part of the substantiation of the algorithm, the author's approach to the content of digital transformation was formulated, and the main goal of implementing this process in the conditions of the Belarusian Railway was determined. The algorithm was formed on the basis of the Gartner Stage maturity model with the appropriate adaptation of the maturity stages to the specifics of the functioning of railway transport and the specifics of building supply chains. Unlike the classical version of passing the Gartner Stage stages, the presented algorithm does not imply a unidirectional and sequential passage of all stages, but the passage of the second, third and fourth levels repeated several times, due to the complex nature of the digital technologies used and the impossibility of their stable functioning without interaction with each other.

Keywords: railway transport, supply chain construction, digitalization, digital transformation algorithm.

УДК 339.138

DOI 10.52928/2070-1632-2022-62-12-90-93

МАРКЕТИНГ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭКСПОРТА ТОВАРОВ БЕЛОРУССКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ САНКЦИЙ

канд. экон. наук О.А. ШАВЛЮГА

(Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск)

Современная международная рыночная ситуация вызывает необходимость поиска путей увеличения объемов экспорта производимых товаров, оказываемых услуг и дифференциации рынков сбыта. Рассматриваются вопросы использования маркетинга для повышения экспорта товаров белорусских предприятий в условиях действия экономических санкций. Анализируются подходы к определению понятия «маркетинг», автором предлагается уточненная его формулировка, акцентирующая внимание на необходимость управления всеми составляющими комплекса маркетинга и возможностью адаптации к изменениям факторов внешней и внутренней среды функционирования предприятия. Предложена адаптивная модель коммуникаций предприятия для взаимодействия с потребителями внешних рынков. Представлен комплекс маркетинговых мероприятий, направленный на повышение экспорта товаров, который учитывает как собственные возможности предприятия, так и актуальные направления маркетинговой деятельности.

Ключевые слова: маркетинг, рынок, экспорт, санкции, маркетинговые исследования, маркетинговые коммуникации, стратегии маркетинга.

Введение. Одной из актуальных задач для белорусских предприятий в условиях действия экономических санкций является сохранение устойчивого положения на внешних рынках. Высокий уровень конкуренции, сокращение спроса на целевых рынках, влияние экономических санкций и последствий пандемии, ограничения в логистических цепочках, потеря рынков сбыта продукции, изменение предпочтений потребителей и снижение покупательской активности определяют необходимость корректировки действующих стратегий деятельности предприятий и поиска путей для их дальнейшего эффективного развития. Повышение объемов экспорта товаров должно стать приоритетным направлением в деятельности белорусских предприятий в современных рыночных условиях. Во многом достижению этой цели будет способствовать комплексное использование маркетинговых инструментов.

Сущность маркетинга, его функции, особенности управления рассмотрены в трудах Д. Аакера, Г. Ассэля, Дж. Вествуда, Ф. Котлера, Ж.Ж. Ламбена, М. Макдональда, И.Л. Акулича, В.И. Беляева, Е.П. Голубкова, Т.П. Данько, В.В. Кеворкова, М.В. Кобышевой, А.В. Короткова, С.В. Леонтьева, Т.Д. Масловой, Н.К. Моисеевой, А.П. Панкрухина, В.С. Протасени, И.М. Синяевой, Б.А. Соловьева, Г.А. Яшевой и других отечественных и зарубежных ученых. Актуальным остается вопрос эффективного использования маркетинга для повышения экспортного потенциала белорусских предприятий и укрепления их позиций на внешних рынках.

Целью исследования является разработка комплекса маркетинговых мероприятий, который в условиях действия экономических санкций будет способствовать повышению экспорта товаров белорусских предприятий.

Основная часть. В условиях усиления конкуренции предприятиям недостаточно только произвести качественный товар, его необходимо представить на рынке таким образом, чтобы подчеркнуть особенности, преимущества и сформировать лояльность потребителей к будущим покупкам. В связи с этим актуальность маркетинга и его инструментов значительно возрастает.

Исследователи по-разному определяют сущность маркетинга. По мнению Ф. Котлера, маркетинг – вид человеческой деятельности, направленный на удовлетворение нужд и потребностей посредством обмена [1, с. 21]. Ж.Ж. Ламбен представляет маркетинг как философию бизнеса и ориентированный на действие процесс. Системного подхода придерживаются А.В. Коротков, И.М. Синяева, определяя маркетинг как деятельность по достижению рыночных целей предприятия на принципах открытой системы управления с обратными связями [2]. С позиции процессного подхода рассматривается маркетинг в определении Е.П. Голубкова: «маркетинг согласно его широкому пониманию – это социально-управленческий процесс, посредством которого индивидуумы и группы людей путем создания продуктов и их обмена получают то, в чем они нуждаются» [3, с. 6]. А.П. Панкрухин формулирует следующее определение: «маркетинг – это такая философия, стратегия и тактика участников рыночных отношений, когда эффективное удовлетворение запросов и разрешение проблем потребителей ведут к рыночному успеху организаций и приносят пользу обществу» [4, с. 33]. В данном определении автор отмечает важность удовлетворения запросов потребителей при одновременном достижении целей организации.

Таким образом, существуют различные точки зрения на понятие маркетинг, который выступает в качестве социально-управленческого процесса, вида деятельности, концепции, стратегии и тактики управления, философии ведения бизнеса. На основе изученных подходов предлагается уточнить определение маркетинга. В авторском понимании *маркетинг* – это комплекс мероприятий по управлению товарной, ценовой, сбытовой, коммуникационной политикой относительно произведенных товаров или услуг в целях удовлетворения потребителей, способный адаптироваться к изменениям факторов внешней и внутренней среды функционирования предприятия.

Ключевым моментом в маркетинге является максимальное удовлетворение потребностей покупателей.

Одним из приоритетных направлений, обеспечивающих дополнительную экономическую выгоду для предприятий, является экспорт. В целом *экспорт* можно определить как вывоз товаров и услуг за границу для реализации их на внешнем рынке. В Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы определено, что «...внешнеэкономическая деятельность государства будет направлена на качественный рост экспорта и его географическую диверсификацию, повышение вклада интеграционных процессов в экономический рост. Политика государства будет нацелена на развитие взаимовыгодной экономической интеграции в рамках Союзного государства, ЕАЭС и СНГ, укрепление стратегического партнерства с КНР, расширение внешнеэкономических связей с другими государствами. Республика Беларусь продолжит наращивать всестороннее сотрудничество с Китаем как стратегическим партнером, углублять взаимодействие через сопряжение стратегий социально-экономического развития, расширять торгово-экономические, финансовые, инвестиционные, научно-технические, гуманитарные и иные связи, укреплять позиции в качестве наиболее значимой узловой платформы нового Шелкового пути в Евразийском регионе. Одним из направлений улучшения внешнеэкономической деятельности будет создание многоязычной цифровой экспортной площадки белорусских товаров с широким охватом участников и иностранных пользователей, а также оптимизация товаропроводящей, сервисной и логистической сети белорусских экспортеров»¹. Таким образом, очевидно, что экспорт товаров и услуг имеет стратегически важное значение для национальной экономики и достижения стабильного экономического роста. Экспорт предоставляет предприятиям определенные преимущества: увеличение объемов продаж товаров и прибыли предприятия; повышение конкурентоспособности; увеличение количества потребителей и рынков для сбыта товаров; продвижение брендов предприятия; возможности для сотрудничества в рамках кросс-маркетинга, бенчмаркинга и др.

Эффективного продвижения товаров и услуг к потенциальным потребителям возможно достичь за счет использования следующих маркетинговых инструментов: управление комплексом маркетинга, маркетинговые исследования, сегментирование рынка, разработка гибких стратегий маркетинга, позиционирование товара, интернет-маркетинг, событийный маркетинг, маркетинговые коммуникации, сценарное моделирование маркетинга, кросс-маркетинг, бенчмаркинг и другие. Большинство предприятий используют при взаимодействии с потребителями внешних рынков традиционную модель коммуникаций: «предприятие – потребитель», которая предполагает, что предприятие посредством маркетинговых коммуникаций взаимодействует с потребителями и информирует о производимых товарах и услугах (реклама, сайт предприятия, международные выставки и др.). Современные рыночные тенденции ориентируют предприятия на использование адаптивной модели коммуникаций: «потребитель – предприятие – специализированные институты поддержки экспорта – потребитель». В данной модели изначально информация поступает от потребителей (позволяет сформировать концепцию будущего товара, учесть вкусы и предпочтения, определить образ потенциального покупателя), а потом с учетом возможностей предприятия производятся нужные товары и с помощью специализированных институтов поддержки экспорта продвигаются на внешнем рынке. Важным моментом при этом является обеспечение обратной связи с потребителями (отзывы, программы лояльности, событийный маркетинг, предложения и рекомендации потребителей и др.).

В результате проведенного исследования был сформирован *комплекс маркетинговых мероприятий*, который предприятия могут использовать для улучшения экспортных позиций в условиях действия экономических санкций:

1. *Оперативный анализ состояния маркетинговой деятельности* (анализируется количество потребителей и рынков, объемы продаж, затраты на маркетинг, потребительская лояльность, конкурентоспособность товара, узнаваемость брендов, количество и квалификация маркетологов, показатели эффективности работы отдела маркетинга и др.) для определения маркетингового потенциала предприятия.

2. *Проведение мониторинга ситуации на внешних рынках и своевременная адаптация к ее изменениям*. Мониторинг можно определить как непрерывный процесс сбора и анализа информации о рыночной среде. Это может быть информация о количестве конкурентов, ценах, затратах на рекламу, вкусах и предпочтениях потребителей относительно товаров, количестве потребителей, способах осуществления покупок, предпочитаемых средствах коммуникаций и др. Предприятия используют результаты мониторинга для принятия тактических и стратегических управленческих решений. Важно не только знать рыночные тенденции, но и своевременно гибко реагировать на них.

3. *Переориентация рынков сбыта*. В связи с введением экономических санкций объем реализации товаров на зарубежных рынках (страны ЕС, США, Украина) существенно снизился, что вызывает необходимость поиска новых экспортных направлений. Сегодня для белорусских производителей приоритетными рынками являются Россия, Китай, страны дальней дуги – Азии, Африки, Латинской Америки. Исследования рынков предприятие может проводить самостоятельно или с привлечением специалистов, маркетинговых агентств. Так, например, Белорусская торгово-промышленная палата предоставляет услуги по исследованию рынков зарубежных стран.

4. *Разработка разных вариантов стратегии маркетинга для внешних рынков*. Процесс разработки стратегий маркетинга для внешних рынков может быть эффективным, в том случае, когда он имеет высокую степень адаптивности относительно изменений рыночной конъюнктуры и собственного потенциала предприятия. Содержание стратегий маркетинга зависит от специфики деятельности предприятия и его целей. В качестве целей, которые формулируются в рамках стратегий маркетинга на внешних рынках могут быть: наращивание экспортного потенциала предприятия; поддержание стабильного объема экспорта товаров для устойчивого положения предприятия на внешнем рынке; адаптация объемов экспорта товаров к изменениям рыночной конъюнктуры. На каждом из своих внешних рынков предприятие может применить наиболее подходящую рыночной ситуации стратегию маркетинга.

¹ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P32100292>.

5. *Максимальное использование средств поддержки экспорта, представленных в Республике Беларусь.* В стране действует система поддержки и стимулирования экспорта, которая включает различные направления деятельности субъектов хозяйствования. Так, *Белорусская торгово-промышленная палата* оказывает предприятиям маркетинговую и информационную поддержку в сфере внешнеэкономической деятельности, а именно:

- *поиск бизнес-партнеров* (поиск потенциальных покупателей и заказчиков за рубежом, альтернативных поставщиков, производителей и поставщиков за рубежом; предоставление информации о наличии (отсутствии) производства отдельных видов товаров (услуг) в Республике Беларусь; содействие в установлении контактов с зарубежными компаниями);
- *исследования рынков* (исследования рынков зарубежных государств, рынков по отдельным товарным позициям, подготовка аналитических обзоров отраслей экономики, экспресс-статистический анализ экспорта и импорта);
- *проверка контрагентов* (предоставление информации о контрагентах (резидентах и нерезидентах) в целях проверки их надежности);
- *информационная поддержка внешнеэкономической деятельности* (предоставление информации об условиях осуществления внешнеэкономической деятельности в Республике Беларусь, об условиях доступа товаров в страну назначения, мерах поддержки экспорта в Республике Беларусь, возможных транспортно-логистических схемах доставки)².

РУП Национальный центр маркетинга и конъюнктуры цен также предоставляет предприятиям маркетинговые услуги, которые включают: комплексное исследование рынка товаров и услуг, изучение состояния рынка и тенденций его развития, анализ показателей рынка, анализ конкурентной среды, изучение потребителей и поиск деловых партнеров; мониторинг, анализ и обзор цен, изучение зарубежных рынков, информационное сопровождение закупок, подготовка аналитических обзоров, разработка презентаций предприятия и инвестиционных проектов, разработка коммерческих предложений и др.

Развитию электронной биржевой торговли, поиску деловых партнеров, экспорту белорусских товаров и диверсификации рынков сбыта способствует *Белорусская универсальная товарная биржа*. Необходимо отметить в качестве мер поддержки экспорта деятельность специализированных институтов в области экспортного кредитования, лизинга, страхования экспортных рисков, содействие по выходу и закреплению экспортных позиций предприятий на внешних рынках (МИД и загранучреждения Республики Беларусь), функционирование информационного портала Export.by (комплексная виртуальная выставка белорусских организаций, товаров и услуг)³.

6. *Разработка индивидуальных экспортных программ для определенных внешних рынков предприятия.* По результатам маркетинговых исследований, мониторинга текущей рыночной ситуации, предприятие проводит корректировку ассортимента и объемов производства товара, цены на товар, определяет наиболее подходящие формы оплаты, каналы распределения, вид маркетинговых коммуникаций с учетом предпочтений потребителей и формирует индивидуальную экспортную программу для определенного внешнего рынка.

7. *Пересмотр содержания функций маркетологов и корректировка организационной структуры управления отдела маркетинга.* Возможно формирование отдельного сектора или привлечение специалиста-маркетолога, который будет заниматься вопросами формирования экспортных программ для перспективных внешних рынков (основные функции – изучение внешних рынков, своевременное обновление контента сайта предприятий с акцентом на особенности зарубежных рынков, разработка адресных рекламных кампаний, кастомизация, осуществление коммуникаций с потребителями, активное взаимодействие с Белорусской торгово-промышленной палатой, Белорусской универсальной товарной биржей, финансовыми институтами, субъектами логистической инфраструктуры, выставочными операторами, предприятиями-деловыми партнерами и др.).

8. *Использование кросс-маркетинга в деятельности предприятия.* Кросс-маркетинг – это эффективная технология продвижения товара или бренда на рынке, которая предполагает, что потребители одного предприятия становятся одновременно потенциальными потребителями товаров или услуг другой компании. К преимуществам использования кросс-маркетинга можно отнести: установление долгосрочных отношений с другими предприятиями, привлечение новых потребителей, снижение расходов на рекламу, более быстрое продвижение бренда, повышение лояльности потребителей, повышение объемов продаж. В случае экспорта товаров на внешние рынки использование кросс-маркетинга с местными производителями позволит белорусским предприятиям укрепить свои позиции, учесть и более быстро адаптироваться к особенностям зарубежного рынка, повысить узнаваемость брендов.

9. *Поиск новых рыночных ниш.* Рыночная ниша – это оптимальный сегмент рынка с минимальной конкуренцией, индивидуальными запросами групп потребителей и наибольшим спросом на товар или услуги, что позволяет проявить преимущества перед конкурентами. На существующих и потенциальных внешних рынках формирование новой ниши рынка возможно за счет улучшения ассортимента, формирования нового образа потребителя, создания инновационных товаров и услуг.

10. *Продвижение брендов предприятий с помощью участия в международных выставках и ярмарках.* Для реализации данного направления необходимы активные коммуникации с выставочными операторами Республики Беларусь (например, ЗАО «МинскЭкспо», выставочное предприятие «Экспофорум», выставочное унитарное предприятие «Белинтерэкспо» Белорусской торгово-промышленной палаты, ЗАО «Техника и коммуникации», «РУП «НВЦ БелЭкспо»), участие в виртуальных выставках, совместные проекты с предприятиями других стран.

²URL: <https://www.cci.by/uslugi/marketingovaya-i-informatsionnaya-podderzhka/>.

³URL: <https://www.mfa.gov.by/export/export/diver/>.

11. *Применение в маркетинговой деятельности форсайт-технологий, сценарного моделирования.* Внедрение и использование форсайт-технологий в маркетинге целесообразно, так как позволяет: понять природу происходящих изменений в экономике в долгосрочной перспективе; определить успешные сферы деятельности предприятия; консолидировать усилия заинтересованных сторон (стейкхолдеров), то есть всех участников процесса; определить меры по достижению поставленных долгосрочных целей маркетинга; разработать возможные сценарии развития маркетинговой деятельности в будущем [5, с. 95]. Считается, что форсайт лучше всего согласуется с технологией сценарного моделирования, так как исходит из вариантов возможного будущего. При этом в качестве основных направлений сценарного моделирования могут выступать: исследования рыночной среды, изучение тенденций появления и развития новых товаров и технологий, формирование ценовой политики, исследование покупательского поведения, прогнозирование сбыта, разработка инновационных типов продвижения товаров [5, с. 96]. Использование форсайт-технологий и сценарного моделирования при анализе внешних рынков позволят лучше понять рыночную конъюнктуру, осуществить прогноз развития предприятия на долгосрочную перспективу, разработать стратегии и сценарии поведения предприятия на рынке.

12. *Применение бенчмаркинга при изучении внешних рынков.* Бенчмаркинг – это способ изучения деятельности конкурентов с целью использования опыта, методик, стратегий их работы в своей деятельности. К задачам бенчмаркинга можно отнести следующие: проведение анализа деятельности конкурентов и выявление лидеров на рынке, определение эффективных методов работы конкурентов и возможности их применения в деятельности предприятия, оценка потенциала предприятия для реализации изученного опыта, формирование стратегии маркетинга, которая соответствует рыночной среде определенного внешнего рынка.

Заключение. Таким образом, в современных рыночных условиях экспорт товаров – это ключевой вектор развития белорусских предприятий. Приоритетными задачами в текущей рыночной ситуации являются расширение экспорта, диверсификация его структуры, увеличение экспортного потенциала предприятий, повышение их конкурентоспособности и укрепление экспортных позиций на международном рынке.

В результате проведенного исследования уточнено определение понятия «маркетинг», что позволяет рассматривать его содержание в тесной связи с внешней и внутренней средой функционирования предприятия и указывает на необходимость своевременной адаптации к непредсказуемым изменениям рыночной конъюнктуры. Очевидно, что сегодня маркетинг как фактор повышения экспорта товаров должен быть гибким, клиентоориентированным, иметь инновационное содержание и приводить предприятия к достижению высоких финансовых результатов. Предлагаемый комплекс маркетинговых мероприятий позволит предприятиям увеличить объемы экспорта товаров, своевременно реагировать на изменения внешней среды, учитывать особенности зарубежных рынков, получить прибыль и достигнуть финансовой устойчивости. В условиях динамично развивающейся рыночной среды использование маркетинга для повышения экспорта товаров имеет большой потенциал и может стать одним из перспективных направлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Котлер Ф. Основы маркетинга. Краткий курс/ Ф. Котлер ; пер. с англ. – М. : Издат. дом «Вильямс», 2007. – 656 с.
2. Управление маркетингом : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 061500 «Маркетинг» / Под ред. А.В. Короткова, И.М. Синяевой. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2005. – 463 с.
3. Голубков, Е.П. Основы маркетинга : учеб. / Е.П. Голубков. – М. : Финпресс, 1999. – 650 с.
4. Панкрухин, А.П. Маркетинг : учеб. для студентов, обучающихся по специальности 061500 «Маркетинг»/ А.П. Панкрухин ; Гильдия маркетологов. – 4-е изд., стер. – М. : Омега-Л, 2006. – 656 с. (Высшее экономическое образование).
5. Шавлюга, О.А. Применение форсайт-технологий в маркетинговой деятельности современных предприятий / О.А. Шавлюга // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д, Экономические и юридические науки. – 2020. – № 13. – С. 94–98

Поступила 08.09.2022

MARKETING AS A FACTOR OF INCREASING THE EXPORT OF GOODS OF BELARUSIAN ENTERPRISES UNDER ECONOMIC SANCTIONS

O. SHAVLYUGA

(Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus)

The current market situation in the world market makes it necessary to find ways to increase the volume of exports of manufactured goods, services and differentiation of sales markets. The issues of using marketing to increase the export of goods of Belarusian enterprises in the context of economic sanctions are considered. Approaches to the definition of the concept of marketing are analyzed, the author proposes a refined formulation of it, focusing on the need to manage all the components of the marketing mix and the ability to adapt to changes in the factors of the external and internal environment of the enterprise. An adaptive model of enterprise communications for interacting with consumers in foreign markets is proposed. A set of marketing activities is presented, aimed at increasing the export of goods, which takes into account both the company's own capabilities and current areas of marketing activity.

Keywords: marketing, market, export, sanctions, marketing research, marketing communications, marketing strategies.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 343.34:349.7

DOI 10.52928/2070-1632-2022-62-12-94-102

ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ИНФОРМАЦИОННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
В ОБЛАСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АТОМНОЙ ЭНЕРГИИ В МИРНЫХ ЦЕЛЯХ

канд. юрид. наук, доц. Н.А. БЕСЕЦКАЯ, канд. юрид. наук В.П. ШАРИКОВА
(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

Наталья Бесецкая ORCID <https://orcid.org/0000-0002-2167-1917>

Виктория Шарикова ORCID <https://orcid.org/0000-0002-2126-0253>

Проводится анализ содержания понятия «информационное сотрудничество в области использования атомной энергии в мирных целях», определяется смысловое значение составляющих его признаков, устанавливается роль каждого из них при разработке правовых режимов различных видов информационного сотрудничества в области использования атомной энергии в мирных целях. Авторами приводятся результаты исследования действующей системы правового регулирования международного информационного сотрудничества в области использования атомной энергии, обосновывается необходимость дальнейшего совершенствования данного вида деятельности посредством устранения существующих недостатков его правового обеспечения. Статья содержит системную характеристику международных актов, направленных на регулирование вопросов информационного сотрудничества в области использования атомной энергии. Последовательно раскрываются виды, уровни и формы информационного сотрудничества в рассматриваемой области.

Ключевые слова: международное сотрудничество, использование атомной энергии в мирных целях, правовое обеспечение безопасности, транспарентность, обращение с информацией, правовые режимы информационного сотрудничества.

Введение. Одним из ключевых вопросов обеспечения безопасности использования мирного атома является вопрос эффективного информационного взаимодействия, необходимость и значимость которого сегодня совершенно очевидна и не нуждается в особом обосновании. Долгое время любая информация об использовании ядерных технологий подпадала под категорию особо секретной информации, так как рассматривалась как особо «чувствительная». Это было обусловлено первоначальным развитием ядерных технологий сугубо в военных целях. Именно расширение применения данных технологий и ядерной энергии в мирных целях обострило понимание важности доведения полной и достоверной информации до общественности, без чего, как оказалось, невозможно гарантировать необходимый уровень доверия к ним и обеспечить безопасное использование.

После произошедшей катастрофы на Чернобыльской атомной электростанции со всей глубиной вскрылись проблемы отсутствия надлежащей системы информирования и оперативной кооперации на межгосударственном уровне. Как известно, несмотря на то, что уже вечером 26 апреля 1986 г. в западной прессе стали упоминать о том, что в СССР произошла крупномасштабная атомная катастрофа, официальные власти предоставили короткое информационное сообщение только 29 апреля. При этом большая часть информации была засекречена, а сообщенная информация была явно искажена. Последовавшие после этого события, связанные с необходимостью ликвидации последствий катастрофы и возможностью загрязнения окружающей среды не только СССР, но и иных государств, обусловили необходимость пересмотра направлений международного сотрудничества в данной сфере. Так, мировая общественность актуализировала вопросы информационного сотрудничества в области обеспечения безопасности использования атомной энергии, поставив их в центр современной системы безопасности эксплуатации мирного атома, существенно скорректировав их и дополнив.

Между тем вопросы международного информационного сотрудничества в области использования атомной энергии в мирных целях подверглись незначительной научной разработке. В основном авторы концентрируются на общих направлениях международного сотрудничества в данной сфере, в рамках которых выделяют аспекты информационного обмена, обходя важнейшие проблемы, связанные с определением сроков, способов обмена информацией и т.п. Тем не менее следует отметить статьи таких авторов, как И.В. Васина [1] и В.А. Богоненко [2].

Целью настоящей статьи является исследование содержания понятия «информационное сотрудничество в области использования атомной энергии в мирных целях», определение уровней данного сотрудничества, описание его форм и методов, закрепленных в действующих правовых документах, а также изучение возможных направлений совершенствования правового регулирования данного вида деятельности.

Основная часть. Сотрудничество – одна из фундаментальных категорий социального дискурса, поскольку социальное предполагает взаимодействие, а продуктивное согласованное взаимодействие выводит к проблематике сотрудничества. Исходя из этимологии слова «сотрудничество» можно сделать вывод, что речь идет о совместном труде. Иными словами, под сотрудничеством понимается совместный труд, который, в свою очередь, предполагает взаимодействие, направленное на достижение совместно разделяемой цели и получение общего желаемого результата. Цель здесь понимается как объективированный результат совместного приложения усилий. Следует также указать, что понятие «сотрудничество» в контексте социального взаимодействия пре-

зюмирует наличие необходимой общей платформы (социальные нормы), которые позволяют не только сформулировать (объективизировать) желаемую цель, но и естественным образом организовать совместные действия, обеспечив её достижение. Понятие «сотрудничество» вполне последовательно активно используется и в рамках правового поля. Поскольку право позволяет как раз выработать такие формы поведения, которые, с одной стороны, отвечают целям, заложенным в идее права, с другой – позволяют максимально бесконфликтно достигать её, солидаризируя интересы участников. Безусловно закономерным является интенсивное использование термина «сотрудничество» и в рамках международного права. Так как социальные платформы зачастую настолько отличны, что не позволяют свободно опираться на общие стандарты и требуют поиска формальных рамок поведения для единообразного представления о способах достижения желаемого результата.

Отдельное внимание следует уделить понятию «информационное сотрудничество, осуществляемое в рамках международного взаимодействия». Необходимо отметить, что информационное сотрудничество как видовое понятие имеет свои сущностные характеристики, обусловленные признаками, составляющими содержание понятия «информация». Содержание понятия «информация» крайне активно исследовалось и исследуется в рамках различных наук. Каждая область научного знания стремится наделить его понятным, исходя из методологии конкретной науки, значением, соответственно, имеется большое количество определений понятия «информации». История исследования феномена информации непосредственно связана с возникновением и интенсивным развитием кибернетики. Однако с развитием технологий информация проникла во все сферы жизни и прочно вошла в лексикон современного человека. Информация обладает вполне конкретными чертами. Так, одной из присущих информации черт называется то, что она обладает количественными характеристиками, другими словами, её можно посчитать. В качестве ещё одной характеристики информации называется наличие в ней идеальной составляющей (содержания) [3, с. 24–25]. Идеальная составляющая информации сопряжена со смыслом – сущностью феномена. Проникая во все сферы жизни, понятие «информация» пришло и в юридический лексикон, получив законодательное закрепление. Так в ст. 1 Закона Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации» под информацией понимаются «сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах независимо от формы их представления»¹ (далее – Закон).

Следует указать, что в рамках правового поля информация может выступать как объект правоотношений, который также отличает ряд признаков. Так, в ст. 6 указанного Закона установлены значимые характеристики информации, такие как полнота, достоверность, своевременность. Кроме того, Законом обозначены сферы, предоставление сведений о которых гарантируется: деятельность государственных органов, общественных объединений, политическая, экономическая, культурная, международная жизнь и состояние окружающей среды. Выделяются также виды информации: общедоступная информация и информация, распространение и предоставление которой ограничено. Отнесение информации к конкретному виду определяет её правовой режим, а именно порядок доступа, распространения, предоставления, и, конечно, защиты. Необходимо добавить, что доступ, распространение, предоставление информации, отражающей состояние общественной безопасности, не может быть ограничено (ст. 16 Закона).

Подобный подход приветствуется и в рамках деятельности МАГАТЭ. основополагающие принципы безопасности, сформулированные МАГАТЭ, содержат указание на необходимость активного диалога с общественностью, поскольку вопросы безопасности использования ядерной энергии и источников излучения требуют прозрачности, а именно информирования широкой заинтересованной аудитории о содержании данной деятельности, рисках, обусловленных ею, и воздействии, оказываемом на человека и окружающую среду². Открытость деятельности объектов использования атомной энергии, предоставление общественности достоверной информации о применении ядерных технологий и повышение уровня доверия населения к ним создают необходимые условия использования атомной энергии в мирных целях [4].

Современные исследователи определяют принцип транспарентности в качестве одного из принципов атомного права. Суть его состоит в обязанности компетентных органов предоставлять полную информацию об использовании ядерной энергии, инцидентах, аномальных событиях, способных оказать негативное влияние на безопасность и состояние окружающей среды, здоровье людей. При этом он вытекает из общепризнанного принципа международного публичного права, обязывающего государство, на территории которых осуществляются потенциально опасные виды деятельности, обеспечивать недопущение значительных отрицательных последствий такого осуществления на территории иных государств [5, с. 11–12, 94]. По мнению В.А. Богоненко, в атомном праве принцип транспарентности следует понимать «как прозрачность норм права, направленных на обеспечение безопасности в сфере использования атомной энергии, открытость деятельности по использованию атомной энергии, доступность информации, касающейся осуществления деятельности по использованию атомной энергии» [2, с. 152–153]. Следует подчеркнуть важность принципа транспарентности и указать на целесообразность оценки сквозь призму данного начала правовых инструментов регулирования информационного сотрудничества в области обеспечения безопасности использования атомной энергии.

¹ Об информации, информатизации и защите информации [Электрон. ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 нояб. 2008 г., № 455-3 // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

² Fundamental safety principles : safety fundamentals. – Vienna : International Atomic Energy Agency, 2006. p. ; 24 cm. – (IAEA safety standards series, ISSN 1020-525X ; No. SF-1).

Таким образом, определяя понятие «информационное сотрудничество» можно указать, что ему присущи следующие признаки: активность субъектов, направленная на установление общих требований к правовому режиму обращения с определенными сведениями, то есть установление правового режима конкретной информации. Исходя из сложившихся в теории подходов, под правовым режимом понимается система правовых норм (структурированных, согласованных, внутренне упорядоченных правил поведения), подчиненных достижению конкретной цели [6]. Информационное сотрудничество предполагает определение конкретного режима конкретной информации, что, во-первых, предполагает очерчивание сведений, в отношении которых будет установлен соответствующий режим, во-вторых, – указание субъектов, обязанных предоставить соответствующие сведения, в-третьих, – разработку формата представления данных сведений, в-четвертых, – определение каналов предоставления сведений, обозначение порядка защиты информации и, наконец, установление ответственности за непредоставление или предоставление заведомо недостоверных сведений.

Поскольку в рамках данной статьи была поставлена цель исследовать понятие «информационное сотрудничество в области использования атомной энергии в мирных целях», представляется целесообразным особо обратить внимание на его содержательные элементы, к которым следует отнести:

1. Установление конкретных целей рассматриваемой деятельности. Именно цель, в конечном итоге, определяет содержание конкретного правового режима информационного сотрудничества в области обеспечения безопасности использования атомной энергии в мирных целях.

2. Установление правового режима обращения с информацией (её создание, получение, предоставление): регламентацию количества и содержания информации; определение круга субъектов, на которых возлагается обязанность обращения с информацией, и наделение их соответствующими полномочиями; указание формата представления конкретных сведений и каналов для их предоставления (исходя из целей и с учетом адресата); порядок привлечения к ответственности за непредоставление или предоставление заведомо недостоверных сведений субъектов, на которых возложена обязанность по предоставлению информации.

Таким образом, информационное сотрудничество в области использования атомной энергии в мирных целях представляет собой совместную скоординированную (регламентированную) деятельность уполномоченных субъектов по установлению правового режима обращения с информацией в области использования атомной энергии, обусловленную её целями и желаемыми результатами.

Далее, в развитие понимания данного определения, хочется немного остановиться на примерах совместных целей, которые достаточно четко прослеживаются в рамках сложившейся системы международного информационного сотрудничества в области использования атомной энергии. Цели, о которых пойдет речь, нашли свое отражение в соответствующих правовых документах и определяют правовые режимы предоставления информации. Первая цель – оперативное информирование (оповещение) о ядерной аварии. Следует сказать, что, применительно к реализации данной цели в контексте обеспечения безопасности использования атомной энергии, вполне определенно можно констатировать наличие соответствующего правового режима³. Данный режим в качестве совместно разделяемого результата имеет получение оперативной реакции или реакции, значимой в краткосрочной перспективе, на предоставляемую информацию. Вторая цель, которая также получила свою правовую регламентацию – информационное взаимодействие с общественностью по вопросам эксплуатации ядерных установок. Видится, что эта цель полноценно корреспондирует принципу транспарентности атомного права. В частности, определенные правовые начала порядка взаимодействия ответственных субъектов и общественности заложены в основополагающих принципах безопасности МАГАТЭ, где содержится требование, относящееся к обязанности предоставления средствам массовой информации сведений о безопасности конкретного объекта для здоровья и окружающей среды. Однако особое внимание вопросам, связанным с доступностью информации и использованием различных информационных каналов, уделено в общем руководстве по безопасности МАГАТЭ⁴. Результат совместной деятельности в области информационного сотрудничества в рамках реализации указанной цели предполагает совместную разработку корректной подачи информации, отвечающей последним достижениям науки и ядерных технологий, что, в свою очередь, определит повышение доверия со стороны населения. Третья цель информационного сотрудничества может быть сформулирована как обмен знаниями и опытом в области ядерных технологий, в том числе обмен разработками конкретных проблем между уполномоченными государствами-субъектами на международном уровне. Данная цель реализуется, как правило, посредством региональных соглашений и ожидаемо приводит к формированию правового режима соответствующего вида сотрудничества посредством программных документов. Планируемый результат – установление правового режима обмена научной информацией между уполномоченными субъектами конкретных участников международных соглашений.

В целом же, подводя итог теоретической части данной статьи, несмотря на значение информационного сотрудничества, говорить сегодня о наличии полноценных правовых режимов обращения с информацией в области использования атомной энергии в мирных целях представляется несколько преждевременным. Перспек-

³ Конвенция об оперативном оповещении [Электрон. ресурс] : [принята в г. Вене, 26 сент. 1986 г.] // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022; Конвенция о помощи в случае ядерной аварии или радиационной аварийной ситуации [Электрон. ресурс] : [принята в г. Вене, 26 сент. 1986 г.] // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

⁴ Vienna : International Atomic Energy Agency, 2017. | Series: IAEA safety standards series, ISSN 1020–525X ; no.GSG-6 | Includes bibliographical references. Identifiers: IAEAL 17-01108 | ISBN 978–92–0–102817–4 (paperback : alk. paper)

тивы развития международного сотрудничества в этой области еще нуждаются в предметной правовой разработке. Имеется существенный объем правовых документов, которые возможно рассматривать как основу формирования правовых режимов информационного сотрудничества в области использования атомной энергии в мирных целях. Анализ таких документов сквозь призму предметности регламентации правовых инструментов для достижения конкретных целей, приведенный далее в статье, позволит аргументированно подойти к имеющимся правовым возможностям и пробелам в области регулирования исследуемой деятельности.

Правовую основу информационного сотрудничества в сфере мирного использования атомной энергии составляют разнообразные универсальные, региональные и двусторонние международные соглашения. При этом оно может осуществляться как на институциональном, так и на неинституциональном уровнях⁵.

Принятие Конвенции об оперативном оповещении 26 сентября 1986 г.⁶ (далее – Конвенция об оперативном оповещении 1986 г.) и Конвенции о помощи в случае ядерной аварии или радиационной аварийной ситуации⁷ (далее – Конвенция о помощи 1986 г.) было обусловлено осознанием последствий катастрофы на ЧАЭС. Конвенция об оперативном оповещении 1986 г. направлена на то, чтобы создать систему эффективного взаимодействия между государствами в случае возникновения аварийных ситуаций и возможности радиационного загрязнения с целью минимизирования трансграничных последствий и оперативного предоставления адекватной информации о ядерных авариях. Конвенция о помощи 1986 г. определяет условия и порядок предоставления помощи и связанные с этим вопросы (контроль над средствами, механизм возмещения затрат, льготы, иммунитеты персоналу государства, которое оказывает помощь и т.д.).

В связи с этим определенный интерес представляет установление ситуации, в связи с которой у государства-участника указанных конвенций возникает обязанность по предоставлению соответствующей информации. При этом, по мнению И.В. Васиной, в Конвенции о помощи 1986 г. не раскрываются понятия «ядерная авария» и «радиационная аварийная ситуация» [1, с. 7]. Отсюда она делает вывод о том, что в международных нормах не установлены пределы нарушений безопасности на радиоактивных установках, которые можно было бы квалифицировать как ядерную аварию или радиационную аварийную ситуацию. Полагаем, с этим утверждением нельзя согласиться. Так, во-первых, следует учитывать, что указанная Конвенция была разработана и принята совместно с Конвенцией об оперативном оповещении 1986 г. Во-вторых, в последней Конвенции, действительно, отсутствует дефиниция (в классическом виде) понятия «ядерная авария». Однако из п. 1 ст. 1 можно вывести, что под «аварией» понимается ситуация, вытекающая из эксплуатации установок или деятельности государства-участника или лиц, или юридических субъектов, находящихся под юрисдикцией или его контролем, вследствие которой наступает или может возникнуть выброс радиоактивных веществ, повлекший или могущий привести к «международному трансграничному выбросу, что могло бы иметь с точки зрения радиационной безопасности значение для другого государства». К таким установкам и деятельности в п. 2 ст. 1 данной Конвенции относятся: а) любой ядерный реактор независимо от местонахождения; б) любая установка ядерного топливного цикла; в) любая установка по обращению с радиоактивными отходами; г) перевозка и хранение ядерного топлива или радиоактивных отходов; д) изготовление, использование, хранение, удаление и перевозка радиоизотопов для сельскохозяйственных, промышленных, медицинских целей и для проведения научных исследований в этих областях; е) использование радиоизотопов для выработки энергии в космических объектах. Следовательно, в Конвенции о помощи 1986 г. понятия «ядерная авария» и «радиационная аварийная ситуация» необходимо рассматривать в контексте, определенном в п. 1 ст. 1 Конвенции об оперативном оповещении 1986 г. Кроме того, данная конвенция, наоборот, не ограничивает, а существенно расширяет пределы нарушений радиационной безопасности, так как в ст. 3 указывается право государств-участников осуществлять оповещение в случае ядерных аварий, не подпадающих под определение, предусмотренное в ст. 1.

Следующий важный аспект, связанный с международным информационным сотрудничеством в области использования атомной энергии в мирных целях, – сроки предоставления соответствующей информации. В международных актах они не конкретизированы. Так, Конвенция об оперативном оповещении 1986 г. оперирует понятиями «незамедлительно», «безотлагательно», «необходимые промежутки времени». Аналогичная терминология используется в Конвенции о помощи 1986 г. По сути, такой подход создает благоприятные условия для широкого усмотрения, когда сами государства-участники вправе оценивать продолжительность такого срока. В ситуации, когда иные государства должны получить необходимую информацию для принятия адекватных и оперативных решений, подобная свобода усмотрения может способствовать неопределенности в отношениях между государствами и порождать спорные ситуации, а главное – влечь серьезные негативные последствия задержки предоставления информации. В связи с этим, полагаем, более рациональным было бы согласование на этапе разработки

⁵ На институциональном уровне международное сотрудничество реализуется через создание международных организаций и разработку международных договоров, на неинституциональном – выстраивание правовых форм международного сотрудничества в области безопасного использования атомной энергии (см. подробнее: Бесецкая, Н.А. Правовая природа международного сотрудничества в области использования атомной энергии в мирных целях / Н.А. Бесецкая, В.П. Шарикова // Вестн. Полоцк. гос. ун-та. Сер. Д, Экон. и юрид. науки. – 2022. – № 6. – С. 81–89).

⁶ Конвенция об оперативном оповещении [Электрон. ресурс] : [принята в г. Вене, 26 сент. 1986 г.] // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

⁷ Конвенция о помощи в случае ядерной аварии или радиационной аварийной ситуации [Электрон. ресурс] : [принята в г. Вене, 26 сент. 1986 г.] // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

конвенций конкретных предельных сроков. Кроме того, в качестве пути преодоления выявленного пробела могла бы стать практика согласования таких сроков в рамках двусторонних соглашений о сотрудничестве.

Немаловажное значение имеют и способы передачи информации. В Конвенции об оперативном оповещении 1986 г. нет прямых норм о подобных способах. Однако, учитывая, что Конвенция возлагает обязанность по предоставлению необходимой помощи непосредственно на государство, на территории которого возникла ядерная авария, это дает ему право самостоятельно выбирать наиболее простой и оперативный способ коммуникации. Кроме того, в качестве альтернативы государство-участник может такое оповещение провести через МАГАТЭ. При этом согласно ст. 7 Конвенции каждое государство-участник обязано назначить компетентные органы и пункт связи, ответственные за направление и получение оповещений и информации, к которым у МАГАТЭ должен быть постоянный доступ. О них государством сообщается МАГАТЭ и, непосредственно или через него, другим государствам-участникам.

Довольно широко в Конвенции об оперативном оповещении 1986 г. определены получатели информации о произошедшей ядерной аварии или радиационной аварийной ситуации. В частности, к таковым относятся «те государства, которые подверглись или могут подвергнуться физическому воздействию». Вместе с тем это не только государства-участники Конвенции, государства-члены МАГАТЭ, но и иные государства, а также международные межправительственные организации. Однако запрос МАГАТЭ в соответствии с подпунктом b) ст. 4 могут направлять только государства-участники Конвенции.

Государство, явившееся источником ядерной аварии, должно сообщить о ней, ее характере, времени, когда она произошла, и ее точном месте, когда это целесообразно. Объем и состав такой информации детализируется в п. 1 ст. 5 Конвенции об оперативном оповещении 1986 г. Такая информация дополняется через необходимые промежуточные времени дальнейшей соответствующей информацией о развитии аварийной ситуации, включая ее предвидимое или действительное прекращение.

Следует отметить, что фактически Конвенция об оперативном оповещении 1986 г. устанавливает 2 режима использования предоставленной информации о ядерной аварии: открытый и конфиденциальный. По общему правилу действует открытый режим, поскольку согласно п. 3 ст. 5 полученную информацию можно использовать свободно, кроме случаев, когда она предоставляется в конфиденциальном порядке. Полагаем, что достигнутый в ходе подготовки Конвенции компромисс, закладывает серьезную «лазейку», которая позволит заинтересованному государству, опираясь на внутренние национальные нормы о национальной безопасности широко определять состав информации, передаваемой в конфиденциальном порядке. Как отмечает И.В. Васина, создается неопределенность относительно того, что «может рассматриваться как конфиденциальные сведения и кто в государстве отвечает за их сохранность» [1, с. 7]. По ее мнению, может возникнуть коллизия понятий вследствие того, что понятие «секретность информации» различается в национальном законодательстве государств. Однако, на наш взгляд, данная коллизия не влияет на сферу рассматриваемых отношений, так как в Конвенции необходимо было просто определить, какая информация должна быть предоставлена в открытом режиме, а какая по усмотрению оповещающего государства – конфиденциально. Кроме того, в Конвенции также не определен механизм конфиденциального использования предоставленной информации. В соответствии с Конвенцией о ядерной безопасности от 17 июня 1994 г.⁸ на государства-участники возлагается обязательство предоставлять информацию компетентным органам государств, расположенным вблизи ядерной установки, вследствие вероятности подвергнуть воздействию их население в случае радиационной аварийной ситуации. Вместе с тем, в ст. 27 также определяется конфиденциальный режим информации, которая в таком случае может быть использована только для целей, для которых она была предоставлена, и ее конфиденциальность должна быть соблюдена. Конфиденциальный характер имеет и содержание прений в ходе рассмотрения национальных докладов на всех совещаниях по рассмотрению.

Информационное сотрудничество между государствами не ограничивается только обменом информацией и оповещением о ядерных авариях и радиационных аварийных ситуациях. В соответствии с п. 2 ст. 5 Конвенции о физической защите ядерного материала 1979 г.⁹ государство-участник обязано предоставлять необходимую информацию в двух ситуациях: во-первых, в случае любой кражи, захвата путем грабежа или другого незаконного захвата ядерного материала или реальной угрозы таких действий; во-вторых, для обеспечения защиты находящегося под угрозой ядерного материала, проверки целостности транспортного контейнера или возвращения незаконно захваченного ядерного материала. В первой ситуации оповещающее государство самостоятельно определяет получателей информации. Таковыми по его усмотрению могут быть другие государства, которых это касается, а также международные организации. Во второй ситуации обмен информацией происходит между государствами-участниками или с международными организациями. При этом и в данной Конвенции прослеживается отмеченный выше недостаток используемых правовых конструкций, поскольку конкретных максимальных временных пределов не установлено, а вместо этого указывается на информирование «по возможности быстрее». Аналогично, как и в Конвенции об оперативном оповещении 1986 г., решен вопрос о режимах использования предоставленной информации. При этом указывается на то, что оповещенное государство-участник должно обеспечить охрану ее секретности в соответствии с внутринациональным законодательством. Кроме того, любое государство-участник рассматрива-

⁸ Конвенция о ядерной безопасности [Электрон. ресурс] : [принята в г. Вене, 17 июня 1994 г.] // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

⁹ Конвенция о физической защите ядерного материала [Электрон. ресурс] : [принята в г. Вене, 26 окт. 1979 г.] // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

емой Конвенции освобождается от предоставления информации, являющейся секретной в соответствии с его законодательством или которая может поставить под угрозу безопасность заинтересованного государства или физическую защиту ядерного материала. В рамках данного направления информационное сотрудничество также проявляется и в обязанности государства, на территории которого находится предполагаемый правонарушитель, сообщить заинтересованным государствам о принятых в отношении него таких мер, как заключение под стражу, а также иных мер, направленных на обеспечение его явки в суд или его выдачи.

В соответствии с Объединенной конвенцией о безопасности обращения с отработавшим топливом и о безопасности обращения с радиоактивными отходами от 5 сентября 1997 г.¹⁰ (далее – Объединенная конвенция 1997 г.) информационное сотрудничество проявляется через включение в национальный доклад сведений о мерах, принятых для осуществления каждого из обязательств, закрепленных в Конвенции, в том числе о политике в области обращения с отработавшим топливом, радиоактивными отходами, а также перечни установок для обращения с отработавшим топливом, радиационными отходами, инвентарные списки отработавшего топлива и радиоактивных отходов и другие, указанные в ст. 32. Вопрос о конфиденциальном режиме предоставляемой информации и о содержании прений в ходе рассмотрения докладов на всех совещаниях решен аналогично, как в выше рассмотренной Конвенции о ядерной безопасности 1994 г.

Следуя принципу транспарентности, сотрудничество государств также охватывает и информирование общественности. В частности, впервые в Конвенции о ядерной безопасности 1994 г. упоминается об обязательстве государств-участников предоставлять общественности документ, в котором должны быть изложены обсуждавшиеся вопросы и выводы, сделанные во время их совещаний. Однако механизм реализации такого обязательства в указанной конвенции не предусмотрен, также как не раскрывается, что понимается по «общественностью». Далее уже в Объединенной конвенции 1997 г. в подпунктах iii) пункта 1 ст. 6 и пункта 1 ст. 13 аналогичное обязательство установлено относительно информации о безопасности установок для обращения с отработавшим топливом и для обращения с радиоактивными отходами.

Вместе с тем первым универсальным международным договором, непосредственно направленным на создание механизма широкого вовлечения членов гражданского общества в процессы принятия важнейших вопросов в области охраны окружающей среды стала Орхусская конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды от 25 июня 1998 г.¹¹ (далее – Орхусская конвенция¹²). Появлению этой конвенции предшествовала выработка международным сообществом важнейших принципов. Так, в Стокгольмской декларации Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей среды от 16 июня 1972 г.¹³ установлено, что «человек имеет основное право на свободу, равенство и благоприятные условия жизни в окружающей среде, качество которой позволяет вести достойную и процветающую жизнь, и несет главную ответственность за охрану и улучшение окружающей среды на благо нынешнего и будущих поколений». В силу 10-го принципа декларации Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию¹⁴ «экологические вопросы рассматриваются наиболее эффективным образом при участии всех заинтересованных граждан на соответствующем уровне». Несмотря на то, что Республика Беларусь, в настоящее время, не является участником данной Орхусской конвенции, следует указать, что на уровне национального законодательства реализованы основные идеи, заложенные в рассматриваемых международных документах. Так, в Законе Республики Беларусь «Об охране окружающей среды»¹⁵ в ст. 74 и 74¹ содержатся правовые нормы, регламентирующие состав, источники, виды, формы предоставления и распространения экологической информации. Указанным Законом предусматривается возможность доступа как к экологической информации общего назначения, так и специализированной экологической информации государственных органов, организаций, юридических лиц и граждан.

Довольно активно информационное сотрудничество в области использования атомной энергии в мирных целях проявляется на региональном уровне. Впервые направления такого сотрудничества между государствами-участниками СНГ были определены в Соглашении об основных принципах сотрудничества в области мирного использования атомной энергии от 26 июня 1992 г.¹⁶ В частности, в соответствии с подпунктом г) ст. 2 стороны Соглашения обязуются предоставлять и обмениваться информацией по ядерной безопасности, эксплуатации ядерных установок, аварийному планированию, защите окружающей среды и подготовке персонала. Кроме того,

¹⁰ Объединенная конвенция о безопасности обращения с отработавшим топливом и о безопасности обращения с радиоактивными отходами [Электрон. ресурс] : [принята в г. Вене, 5 сент. 1997 г.] // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

¹¹ Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды [Электрон. ресурс] : [принята в г. Орхус, 25 июня 1998 г.] // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

¹² Республика Беларусь не является участником данной Конвенции с 24 октября 2022 г.

¹³ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declarathenv.shtml.

¹⁴ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml.

¹⁵ Об охране окружающей среды [Электрон. ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 26 ноября 1992 г. № 1982-ХІІ : в ред. Закона Респ. Беларусь от 31.12.2021 г. // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

¹⁶ Соглашение об основных принципах сотрудничества в области мирного использования атомной энергии [Электрон. ресурс] : [принята в г. Минске, 26 июня 1992 г.] // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

они принимают на себя обязательства обмениваться друг с другом информацией, характеризующей режимы эксплуатации своих мирных ядерных установок, а также другой технической информацией, касающейся этих установок, которая может быть использована при оценке последствий в случае аварии на этих установках и при разработке мер по защите населения. Однако в случае ядерной аварии или радиационной аварийной ситуации оповещение проводится в соответствии с положениями ст. 5 Конвенции об оперативном оповещении 1986 г.

В развитие указанного соглашения было разработано и подписано 14 сентября 2007 г. Соглашение о сотрудничестве в формировании и обмене информационными ресурсами и в создании и развитии информационных систем государств-участников Содружества Независимых Государств в сфере мирного использования атомной энергии¹⁷. В приложении к нему определен довольно широкий круг направлений информационного сотрудничества, в том числе: разработка методологических основ, технологических и технических решений создания информационных систем; разработка, внедрение и сопровождение средств и систем обеспечения информационной безопасности информационных систем государств – участников СНГ; формирование рынка информационных ресурсов, услуг, информационных систем, технологий и средств их обеспечения; использование в качестве базовой среды обмена информацией всемирной сети Интернет с соответствующими средствами защиты от несанкционированного доступа, формирование систем электронного обмена сообщениями на основе международных стандартов и др. Сам информационный обмен может осуществляться как на двусторонней, так и на многосторонней основах.

В рамках реализации Соглашения о взаимодействии государств-участников СНГ по обеспечению готовности на случай ядерной аварии или возникновения радиационной аварийной ситуации и взаимопомощи при ликвидации их последствий¹⁸ от 2 ноября 2018 г. (далее – Соглашение о взаимодействии 2018 г.) стороны обязаны на основе рекомендаций МАГАТЭ совместно разработать унифицированные формы оповещения и содержание передаваемой информации. Одна из целей такого сотрудничества – создание межгосударственной системы мониторинга ядерно и радиационно опасных объектов использования атомной энергии. Для этого государство должно определить уполномоченные (компетентные) органы. В Соглашении о взаимодействии 2018 г. не определены точные сроки предоставления информации. Однако установлен способ взаимодействия: через уполномоченный (компетентный) орган запрашивающего государства в уполномоченный (компетентный) орган запрашиваемого государства. Обращение о предоставлении помощи должно быть оформлено в письменном виде. Отдельно в ст. 12 детализируются направления информационного взаимодействия. Несмотря на то, что в Соглашении о взаимодействии 2018 г. прямо не упоминается о конфиденциальности, из содержания ст. 12 вытекает, что подобный режим может быть заявлен и распространение и использование определенной информации может быть ограничено. Для ее обозначения применяется термин «служебная информация ограниченного распространения».

Согласно Соглашению о трансграничных перевозках радиоактивных материалов в государствах-участниках Содружества Независимых Государств от 6 ноября 2020 г.¹⁹ государства через свои уполномоченные (компетентные) органы заблаговременно информируют друг друга обо всех запретах и ограничениях на ввоз или транзит отдельных видов радиоактивных материалов с указанием их конкретного перечня, а также на постоянной основе проводят консультации по обмену опытом с целью повышения эффективности борьбы с незаконной трансграничной перевозкой радиоактивных материалов. В Республике Беларусь функции уполномоченного (компетентного) органа возложены на Министерство по чрезвычайным ситуациям.

Отдельно следует упомянуть, что в настоящее время действует Комиссия государств-участников СНГ по использованию атомной энергии в мирных целях (далее – Комиссия), координирующая ход реализации Рамочной программы сотрудничества государств-участников СНГ в области использования атомной энергии в мирных целях на период до 2030 г. и Плана мероприятий по реализации ее первого этапа (2021–2025 гг.)²⁰. В соответствии с Рамочной программой одним из механизмов сотрудничества государств-участников СНГ в области использования атомной энергии в мирных целях признается информационный обмен. Координация работ по сбору, обработке, накоплению, анализу, использованию данных об опыте эксплуатации исследовательских ядерных установок (далее – ИЯУ) и стендов возложена на данную Комиссию и базовую организацию по информационному обмену по обеспечению безопасности ИЯУ. Статус такой базовой организации был присвоен на основании решения Совета глав правительств СНГ открытому акционерному обществу «Государственный научный центр – Научно-

¹⁷ Соглашение о сотрудничестве в формировании и обмене информационными ресурсами и в создании и развитии информационных систем государств – участников Содружества Независимых Государств в сфере мирного использования атомной энергии [Электрон. ресурс] : [принята в г. Москве, 17 сент. 2007 г.] // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

¹⁸ Соглашение о взаимодействии государств – участников СНГ по обеспечению готовности на случай ядерной аварии или возникновения радиационной аварийной ситуации и взаимопомощи при ликвидации их последствий [Электрон. ресурс] : [принята в г. Астане, 2 нояб. 2018 г.] // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

¹⁹ Соглашение о трансграничных перевозках радиоактивных материалов в государствах – участниках Содружества Независимых Государств [Электрон. ресурс] : [совершено 6 нояб. 2020 г.] // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

²⁰ О Рамочной программе сотрудничества государств – участников СНГ в области использования атомной энергии в мирных целях на период до 2030 года и Плана мероприятий по реализации ее первого этапа (2021–2025 годы) [Электронный ресурс]: Решение Совета глав правительств Содружества Независимых Государств, 6 нояб. 2020 г. // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

исследовательский институт атомных реакторов» (Российская Федерация)²¹ (далее – ГНЦ-НИИАР). Одно из направления деятельности ГНЦ-НИИАР является создание, формирование и ведение баз данных. В частности, создана автоматизированная информационная система, в которой по состоянию на 01.01.2021 г. содержатся данные о 80 ИЯУ государств-участников СНГ (включая данные о выведенных из эксплуатации 8 установках) и сведения о 70 нарушениях в работе этих ИЯУ. В отчете о деятельности ГНЦ-НИИАР за 2018–2021 гг. отмечается, что из анализа данных вытекает их достаточность для информационного обмена в рамках реализации мероприятий по повышению уровня безопасности ИЯУ и эффективности контроля над обеспечением ядерной и радиационной безопасности ИЯУ государств-участников СНГ²².

Информационное сотрудничество на двустороннем уровне регулируется в основном межправительственными соглашениями и меморандумами. В развитие рассмотренных выше многосторонних международных договоров универсального характера Республикой Беларусь и, прежде всего, Конвенции об оперативном оповещении 1986 г., было заключено 5 межправительственных соглашений об оперативном оповещении (с Польшей²³, Россией²⁴, Украиной²⁵, Литвой²⁶ и Латвией²⁷). В большей мере во всех указанных межправительственных соглашениях понятие «ядерная авария» трактуется в контексте, приведенном в Конвенции об оперативном оповещении 1986 г. Вместе с тем информационное сотрудничество с указанными государствами устанавливается и в случае повышения ионизирующего излучения до уровня, наносящего вред здоровью человека и не обусловленного выбросами (сбросами), связанными с установками или деятельностью на территории одной из договаривающихся Сторон. С Австрией²⁸ и Арменией²⁹ заключены межправительственные соглашения об обмене информацией и сотрудничестве в области ядерной безопасности и радиационной защиты. Тем не менее, несмотря на то, что подобные двусторонние соглашения призваны детализировать универсальные международные конвенции, в них, к сожалению, не конкретизируются сроки оперативного оповещения, не определяются способы передачи информации. Однако режим использования предоставленной информации определен аналогичным образом: открытый и конфиденциальный. С правительствами Армении³⁰, Китая³¹, России³² и Турции³³ заключены соглашения о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях, которые устанавливают шире обязательства сторон по информационному сотрудничеству, включающие обмен

²¹ О придании открытому акционерному обществу «Государственный научный центр – Научно-исследовательский институт атомных реакторов» (Российская Федерация) статуса базовой организации государств-участников Содружества Независимых Государств по информационному обмену в области обеспечения безопасности исследовательских ядерных установок государств-участников СНГ [Электронный ресурс]: Решение Совета глав правительств Содружества Независимых Государств, 31 мая 2013 г. // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

²² URL: <https://e-cis.info/upload/iblock/5bc/5bce4fd0d1a57a056b5be2dbf080baef.docx>.

²³ Дагавор паміж Урадам Рэспублікі Беларусь і Урадам Рэспублікі Польшча аб аператыўным апавяшчэнні аб ядзерных аварыях і супрацоўніцтве ў галіне радыяцыйнай бяспекі [Электронный ресурс]: [заключен 9 г. Мінску, 26 кастрычніка 1994 г.] // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

²⁴ Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Российской Федерации об оперативном оповещении о ядерной аварии и обмене информацией в области ядерной и радиационной безопасности [Электронный ресурс]: [совершено в г. Москве, 13 дек. 2013 г.] // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

²⁵ Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Кабинетом Министров Украины об оперативном оповещении о ядерной аварии и сотрудничестве в области радиационной безопасности [Электронный ресурс]: [совершено в г. Киеве, 16 окт. 2001 г.] // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

²⁶ Соглашение между Министерством по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь и Государственной инспекцией по безопасности атомной энергетики Литовской Республики об оперативном оповещении о ядерной аварии и обмене информацией о ядерных установках и ядерной деятельности [Электронный ресурс]: [совершено в г. Вильнюсе, 25 мая 2020 г.] // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

²⁷ Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Латвийской Республики об оперативном оповещении о ядерных авариях, обмене информацией и сотрудничестве в области ядерной безопасности и радиационной защиты [Электронный ресурс]: [совершено в г. Минске, 7 февр. 2018 г.] // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

²⁸ Пагадненне паміж Урадам Рэспублікі Беларусь і Урадам Рэспублікі Аўстрыя аб абмене інфармацыяй у галіне ядзернай бяспекі і абароны ад іанізуючага выпраменьвання [Электронный ресурс]: [заключена в г. Мінску, 9 чэрвеня 2000 г.] // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

²⁹ Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Республики Армения об обмене информацией и сотрудничестве в области ядерной безопасности и радиационной защиты [Электронный ресурс]: [совершено в г. Ереване, 13 мая 2013 г.] // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

³⁰ Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Республики Армения о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии [Электронный ресурс]: [совершено в г. Ереване, 19 фев. 2016 г.] // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

³¹ Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии [Электронный ресурс]: [совершено в г. Пекине, 16 дек. 2008 г.] // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

³² Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Российской Федерации о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях [Электронный ресурс]: [совершено в г. Минске, 28 мая 2009 г.] // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

³³ Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Турецкой Республики о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях [Электронный ресурс]: [совершено в г. Минске, 11 нояб. 2016 г.] // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

научно-технической, нормативно-правовой и иной информацией. Со Словакией и Словенией заключены лишь меморандумы о взаимопонимании на уровне соответствующих министерств, что является первоначальным шагом на пути налаживания сотрудничества в данной сфере.

Заключение. Анализ международных актов как многостороннего, так и двустороннего уровней по вопросам информационного сотрудничества в области использования атомной энергии в мирных целях свидетельствует о некоторых слабых моментах его организации. Во-первых, не конкретизированы сроки выполнения государствами своих обязательств по оповещению о ядерной аварии или иной радиационной аварийной ситуации, а также предоставления иной необходимой информации. Недостатком используемых в этих документах правовых конструкций является оперирование исключительно оценочными понятиями. Это свидетельствует о свободе усмотрения заинтересованного государства, что может стать негативным фактором, усиливающим неопределенность в отношениях между государствами, отрицательные последствия вследствие задержки предоставления информации и порождающим спорные ситуации. Во-вторых, не детализированы способы передачи информации. В-третьих, не выработаны механизмы реализации государствами своих конвенционных обязательств по предоставлению соответствующей информации обществу. В-четвертых, практически во всех рассмотренных выше международных актах устанавливаются два режима использования передаваемой информации: открытый и конфиденциальный (ограниченный). При этом не определяется, какая информация должна быть передана в любом случае открыто, а какой может быть предоставлен конфиденциальный режим. Следовательно, внутренние законодательные положения о национальной безопасности предоставляют это самостоятельно широко определять конкретному государству. В-пятых, в региональных многосторонних и двусторонних международных актах содержатся бланкетные нормы, отсылающие к Конвенции об оперативном оповещении 1986 г., несмотря на то, что многие ее положения носят рамочный характер и требуют детализации.

Таким образом, имеющаяся система правовых актов содержит значительный потенциал для системной разработки правовых режимов информационного сотрудничества как на национальном, так и международном уровнях. Что, в свою очередь, предполагает детальную разработку, с учетом целей, ожидаемого результата и адресата содержания данных правовых режимов. Представляется, что в качестве необходимых составляющих указанных правовых режимов должны выступать положения, регламентирующие круг сведений, в отношении которых будет установлен соответствующий режим; круг субъектов, на которых возлагается обязанность обращаться с соответствующей информацией; перечень каналов, посредством которых будут предоставляться сведения; порядок защиты информации; ответственность за непредоставление или предоставление сведений с нарушениями требований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васина, И.В. Международно-правовые проблемы информационного сотрудничества между государствами в области использования атомной энергии / И.В. Васина // Безопасность информационных технологий. – 2007. – № 2. – С. 5–9.
2. Богоненко, В.А. Правовые основы института информирования в атомном праве Республики Беларусь / В.А. Богоненко // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д, Экономические и юридические науки. – 2012. – № 13. – С. 152–157.
3. Соколов, А.В. Философия информации : учеб. пособие для вузов / А.В. Соколов. – 3-е изд. – М. : Юрайт, 2020. – 340 с.
4. Никифоров, Н.В. Обеспечение ЯРБ ОИАЭ в свете реформы техрегулирования [Электронный ресурс]: докл. на на Международ. форуме «Атомэкспо-2011» / Н.В. Никифоров // Атомная энергия 2.0. – Режим доступа : <https://www.atomic-energy.ru/papers/27010?ysclid=l78v24dl4a273926411>. – Дата доступа : 20.08.2022.
5. Справочник по атомному праву / К. Стойбер [и др.]. – Вена : Междунар. агентство по атомной энергии, 2006. – 193 с.
6. Беляева, Г.С. Понятие правового режима в теории права: основные подходы [Электронный ресурс] / Г.С. Беляева // Вестн. Саратов. гос. юрид. акад. – 2012. – Доп. Вып. (85). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-pravovogo-rezhima-v-teorii-prava-osnovnye-podhody/viewer>. – Дата доступа: 30.08.2022.

Поступила 09.09.2022

THE LEGAL ISSUES OF TRANSPARENCY IN THE PEACEFUL USES OF ATOMIC ENERGY

N. BESETSKAYA, V. SHARIKOVA
(*Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk*)

The article analyzes the content of the concept of «information cooperation in the field of peaceful uses of atomic energy», defines the semantic meaning of its constituent features, establishes the role of each of them in the development of legal regimes of various types of information cooperation in the field of peaceful uses of atomic energy. The authors present the results of the study of the current system of legal regulation of international information cooperation in the field of atomic energy use and substantiate the need for further improvement of this type of activity by eliminating the existing drawbacks of its legal support. The article contains a systematic description of international acts aimed at regulating the issues of information cooperation in the field of atomic energy use. Types, levels and forms of information cooperation in this field are consistently disclosed.

Keywords: international cooperation, peaceful use of atomic energy, legal security, transparency, information handling, legal regimes of information cooperation.

УДК 347+347.4+341.9+621.039

DOI 10.52928/2070-1632-2022-62-12-103-107

ПРИНЦИПЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ АТОМНОЙ ЭНЕРГИИ

канд. юрид. наук, доц. В.А. БОГОНЕНКО

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

ORCID <https://orcid.org/0000-0003-0083-0787>

На примере законодательства Республики Беларусь рассматриваются основные начала (принципы) осуществления деятельности по использованию атомной энергии. Анализируются нормы внутригосударственного законодательства и положения международных актов в сфере осуществления деятельности по использованию атомной энергии. Акцент делается на национальном законодательстве об использовании атомной энергии, об охране окружающей среды, о промышленной и радиационной безопасности. Дается правовая характеристика отдельных институтов атомного права. Рассматривается иностранный правовой опыт, относящийся к деятельности по использованию атомной энергии. Делаются ссылки на материалы МАГАТЭ. Затрагивается практика международно-правового регулирования отношений по использованию атомной энергии и в целом ядерной деятельности. При проведении исследования использовались формально-логический, частноправовой методы, а также сравнительно-правовой метод. Сделаны выводы, касающиеся темы исследования.

Ключевые слова: атомная энергетика, атомная энергия, законодательство, международные акты, охрана окружающей среды, промышленная безопасность, радиационная безопасность.

Введение. Применительно к деятельности по использованию атомной энергии или в целом ядерной деятельности, большое значение имеет закрепление в национальных законодательствах основных начал или принципов осуществления деятельности по использованию атомной энергии. Подобная практика известна странам, имеющим атомные электростанции или иные объекты, которые эксплуатируются в иных сферах деятельности, например, в медицине или при проведении научных исследований.

Объектом настоящего исследования являются принципы осуществления деятельности по использованию атомной энергии, предметом – закономерности формирования, развития и функционирования рассматриваемого института в атомном праве.

Цель исследования: разработать предложения по внесению изменений и дополнений в действующее законодательство Республики Беларусь об использовании атомной энергии и в целом энергетике. Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи: осуществить доктринальную классификацию принципов деятельности по использованию атомной энергии; предложить правовую характеристику рассматриваемых принципов; определить перспективы нормотворчества применительно к запросам правового регулирования деятельности по использованию атомной энергии.

Основная часть. Значение принципов осуществления деятельности по использованию атомной энергии заключается в том, что законодательство об использовании атомной энергии строится на основных положениях, которые обеспечивают безопасное использование атомной энергии. В Республике Беларусь приняты нормативные правовые акты, образующие систему законодательства, нормы которого в целом обеспечивают безопасность деятельности по использованию атомной энергии. Основу правового регулирования в данной области составляют следующие законы Республики Беларусь: Закон «Об использовании атомной энергии», Закон «О промышленной безопасности», Закон «О радиационной безопасности», Закон «Об охране окружающей среды». Отдельную группу составляют международные договоры, в которых участвует Республика Беларусь. В соответствии с нормами абз. 5 ст. 2 Закона «Об использовании атомной энергии», если международным договором Республики Беларусь установлены иные правила, чем те, которые содержатся в данном Законе, то применяются правила международного договора.

Принципы осуществления деятельности по использованию атомной энергии закреплены в ст. 3 Закона «Об использовании атомной энергии», а именно:

- приоритет защиты жизни и здоровья настоящего и будущих поколений граждан, охраны окружающей среды перед всеми иными аспектами деятельности по использованию атомной энергии;
- обеспечение превышения выгод для граждан и общества от использования атомной энергии над вредом, который может быть причинен деятельностью по использованию атомной энергии;
- обеспечение ядерной и радиационной безопасности;
- возмещение вреда, причиненного вредным воздействием ионизирующего излучения либо деятельностью по использованию атомной энергии;
- предоставление полной, достоверной и своевременной информации, связанной с деятельностью по использованию атомной энергии, если эта информация не содержит сведений, составляющих государственные секреты, или не относится к информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено;
- запрет на производство ядерного оружия и других ядерных взрывных устройств.

Изначально внутригосударственное законодательство, регулирующее отношения в области использования атомной энергии, промышленной и радиационной безопасности, а также нормы, обеспечивающие предотвращение загрязнения окружающей среды, основываются на положениях конвенций, посвященных использованию

атомной энергии и ядерной безопасности. Основу многих юридических конструкций правовых институтов, содержащихся в специальных законах, как кодифицированных, так и некодифицированных, составляют именно принципы, основные начала, положения, формирующие тот или иной правовой институт, в том числе и институты безопасного использования атомной энергии и, в целом, институт ядерной безопасности.

Содержание конкретных принципов, закрепленных в национальных законодательствах, соответствует наиболее важным установлениям, которые обладают большой социальной и экономической значимостью. Как правило, в большинстве стран, использующих атомную энергию, такие установления имеют общую направленность и отвечают высшим интересам общества, государства и человека. С другой стороны, на сферу использования атомной энергии и ядерной безопасности оказывают воздействия интересы государств, связанные с энергетической безопасностью. Так, постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 23 декабря 2015 г. № 1084 была утверждена Концепция энергетической безопасности Республики Беларусь. В данном документе используются понятия и определения, отражающие его направленность на сферу экономических интересов государства. В частности, используются такие понятия, как «энергетическая безопасность», «состояние защищенности», «надежность энергоснабжения», «экономическая доступность энергоресурсов», «энергетическая самостоятельность» и др. Вместе с тем, Концепция уделяет внимание и собственно безопасности, связанной с эксплуатацией энергетических объектов. В главе 3 данного документа говорится об авариях техногенного характера на энергетических объектах. Кроме того, закреплены принципы, на которых основывается обеспечение энергетической безопасности. Среди них – максимальное использование собственных ресурсов, обеспечение экономически и экологически оправданного использования потенциала местных энергоресурсов. Кроме того, среди национальных интересов Республики Беларусь называется снижение экологической нагрузки ТЭК на окружающую среду за счет внедрения эффективных средств очистки отходящих газов от твердых частиц и диоксида серы, современных средств снижения выбросов оксидов азота и диоксида углерода при сгорании природного газа, мазута, древесины и других видов топлива, а также строительство сооружений для предупреждения нарушений гидрологического режима естественных экологических систем в результате добычи горючих полезных ископаемых.

Тема принципов осуществления деятельности по использованию атомной энергии в той или иной степени присутствует в исследованиях, посвященных атомной энергетике и ядерной безопасности [1–3], а также в документах МАГАТЭ¹, поскольку касается многих аспектов, в том числе охватывает область международного сотрудничества, обеспечения ядерной и радиационной безопасности, охраны окружающей среды и др.

Приоритет защиты жизни и здоровья настоящего и будущих поколений граждан, охраны окружающей среды перед всеми иными аспектами деятельности по использованию атомной энергии. В ст. 3 Закона «Об использовании атомной энергии» данный принцип закреплен в качестве главенствующего принципа и сочетает в себе два направления: приоритет защиты жизни и здоровья граждан; приоритет охраны окружающей среды. В Республике Беларусь реализация данного принципа обеспечивается на основе норм, закрепленных как в самом Законе «Об использовании атомной энергии», так и в иных нормативных правовых актах, прежде всего, в Законе «О радиационной безопасности» и Законе «Об охране окружающей среды». Кроме того, используются нормы законодательства о здравоохранении. Аналогичный подход характерен для законодателей других стран. Так, во Франции наряду с собственно законодательством, регулирующим отношения в области энергоснабжения, а также использования атомной энергии, основу которого составляет Энергетический кодекс, применяются нормы Кодекса об общественном здоровье и Кодекса об окружающей среде. Например, отдельные статьи Закона № 2006-686 от 13.06.2006 г. «О транспарентности и безопасности ядерных материалов» содержали ссылки на нормы Кодекса об общественном здоровье и Кодекса об окружающей среде. Так, в соответствии со ст. 2 Закона № 2006-686 «О транспарентности и безопасности ядерных материалов» (впоследствии утратил силу, а его нормы были имплементированы в Кодекс об окружающей среде) выполнение мероприятий, предполагающих риск людей подвергнуться ионизирующему излучению, должно удовлетворять положениям, содержащимся в ст. L. 1333-1 (действия, составляющие риск ионизирующего излучения в отношении людей и окружающей среды) и в ст. L. 110-1 Кодекса об окружающей среде (принципы, обеспечивающие защиту окружающего пространства, природных ресурсов, среды обитания, животных) [5].

В ст. 4 Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» закреплены важнейшие принципы охраны окружающей среды. Хозяйственная и иная деятельность юридических лиц и граждан, оказывающая воздействие на окружающую среду должна осуществляться на основе нижеперечисленных принципов: соблюдения права граждан на благоприятную окружающую среду и возмещение вреда, причиненного нарушением этого права; обеспечения благоприятных условий для жизни и здоровья граждан; предупредительного характера мер по охране окружающей среды и предотвращению вреда окружающей среде; государственного регулирования охраны окружающей среды и природопользования; независимости контроля в области охраны окружающей среды, рационального использования природных ресурсов; обязательности участия в деятельности по охране окружающей среды государственных органов, общественных объединений, иных юридических лиц и граждан; презумпции экологической опасности планируемой хозяйственной и иной деятельности; снижения вредного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду на основе использования наилучших доступных технических методов и технологий, обеспечивающих выполнение требований в области охраны окружающей среды, с учетом экономических и социальных факторов; гласности в работе государственных органов,

¹ URL: <https://www.iaea.org/publications/8565/the-international-legal-framework-for-nuclear-security>.

общественных объединений по вопросам охраны окружающей среды и обеспечения граждан полной, достоверной и своевременной экологической информацией и др.

В контексте рассматриваемой темы важное значение имеет закрепление принципов обеспечения радиационной безопасности, которые носят характер отраслевых принципов, поскольку предназначены для реализации в сфере обеспечения безопасного использования источника ионизирующего излучения. В ст. 4 Закона Республики Беларусь «О радиационной безопасности» закреплены следующие принципы обеспечения радиационной безопасности:

- принцип нормирования – непревышение в ситуации планируемого облучения (за исключением медицинского облучения) пределов доз профессионального облучения и облучения населения от всех источников ионизирующего излучения;

- принцип обоснования – запрещение всех видов деятельности по обращению с источниками ионизирующего излучения, при которых полученная для человека и общества польза не превышает риска возможного вреда, причиненного облучением, превышающим естественный радиационный фон;

- принцип оптимизации – поддержание на достижимо низком уровне с учетом экономических и социальных факторов доз профессионального облучения и облучения населения, а также числа облучаемых лиц при обращении с любым источником ионизирующего излучения.

Обеспечение превышения выгод для граждан и общества от использования атомной энергии над вредом, который может быть причинен деятельностью по использованию атомной энергии. Данный принцип указывает на приоритет социально-экономических интересов граждан и общества в системе координат, представляющих атомную энергетику. На реализацию данного принципа в первую очередь направлены нормы главы 2 Закона Республики Беларусь «Об использовании атомной энергии», в которой содержатся нормы, устанавливающие порядок государственного управления в области использования атомной энергии, государственного регулирования деятельности по обеспечению безопасности в области использования атомной энергии. В ст. 10 Национального доклада Республики Беларусь «О выполнении Конвенции о ядерной безопасности», говорится о том, что каждая Договаривающаяся сторона принимает соответствующие меры для обеспечения того, чтобы все организации, занимающиеся деятельностью, непосредственно связанной с ядерными установками, проводили политику, при которой приоритет отдается ядерной безопасности [6]. С точки зрения экономических выгод и пользы для граждан и общества Атомные станции характеризуются высокими первоначальными капитальными затратами (требуемый объем инвестиций составляют от 5 до 10 миллиардов долларов США на энергоблок), однако АЭС обеспечивают стабильное производство недорогой электроэнергии на протяжении многих десятилетий [7].

Обеспечение ядерной и радиационной безопасности. Применительно к практике международно-правового регулирования и национального нормотворчества, институт ядерной безопасности формализуется посредством определенных понятий и категорий, раскрывающих правовую сущность и значение ядерной безопасности, как комплексного, сложного и сбалансированного механизма. Вместе с тем, очевидно, что институт ядерной безопасности в большей степени сформировался и развивается именно в рамках деятельности по использованию атомной энергии. С другой стороны, от ядерной безопасности неотделимо такое понятие, как транспарентность. В зарубежной юридической литературе транспарентность позиционируется в качестве важнейшего из качеств, которыми должны обладать законы, содержащие нормы о ядерной безопасности, атомной энергетике и охране окружающей среды. При всей важности этих разделов, данной тематике в юридической литературе до настоящего времени уделено мало внимания. Имеющиеся работы, в целом, относятся к области технических наук, а в самих работах рассматриваются, как правило, технические аспекты, относящиеся к атомной энергетике.

Понятийный аппарат института ядерной безопасности основывается на положениях международных актов. Прежде всего, речь идет о конвенциях, среди которых: Венская конвенция о гражданской ответственности за ядерный ущерб, Конвенция о ядерной безопасности, Конвенция ООН об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте, Конвенция о безопасности обращения с отработавшим топливом и о безопасности обращения с радиоактивными отходами. На сегодняшний день, конвенциональный подход является основой формирования и развития института ядерной безопасности, международно-правового регулирования отношений в сфере ядерной безопасности и международного сотрудничества. Принятые конвенции обеспечивают высокий уровень международно-правового регулирования отношений в сфере ядерной деятельности и использования атомной энергии и в целом соответствуют достигнутому уровню развития ядерной промышленности и объектов атомной энергетики.

Возмещение вреда, причиненного вредным воздействием ионизирующего излучения либо деятельностью по использованию атомной энергии. Данный принцип анонсирует институт возмещения вреда посредством применения гражданско-правовых норм о гражданско-правовой ответственности. Это юридическое выражение ответственности, позиционируемой по отношению к форме как содержание. Основными формами гражданско-правовой ответственности являются возмещение убытков и уплата неустойки. Презюмируется полное возмещение убытков, т.е. возмещению подлежат и реальный ущерб, и упущенная выгода, если только законодательством или соответствующим законодательству договором не предусмотрено иное (п. 1 ст. 14 ГК).

В Законе Республики Беларусь «Об использовании атомной энергии» содержатся такие понятия, как «ионизирующее излучение», «радиационная авария», «несанкционированное проникновение», «несанкционированный доступ», «несанкционированное вмешательство», «незаконное вмешательство». Вместе с тем, в ст. 1 Закона, где раскрывается содержание используемых в этом нормативном правовом акте понятий, данные понятия

не раскрываются. В Законе Республики Беларусь «О промышленной безопасности» закреплены понятия, которые отсутствуют в Законе Республики Беларусь «Об использовании атомной энергии», но присутствуют в законодательстве о ядерной деятельности зарубежных стран. Одним из таких ключевых понятий является понятие «инцидент». Согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» инцидент – отказ в работе или повреждение потенциально опасных объектов, эксплуатируемых на опасном производственном объекте, технических устройств, эксплуатируемых на потенциально опасном объекте, разрушение технических устройств, эксплуатируемых на потенциально опасном объекте, отклонение от параметров, обеспечивающих безопасность ведения технологического процесса, не приводящие к аварии. Авария – разрушение опасных производственных объектов и (или) потенциально опасных объектов, в том числе эксплуатируемых на опасном производственном объекте, неконтролируемые взрыв и (или) выброс опасных веществ. Поскольку в Законе Республики Беларусь «Об использовании атомной энергии» отсутствует понятие «инцидент», то следует в соответствии с правилами ч. 2 ст. 4 Закона Республики Беларусь «О промышленной безопасности» использовать понятие «инцидент» применительно к правоотношениям, реализуемым в сфере осуществления ядерной деятельности.

Свой понятийный аппарат выработан МАГАТЭ, другими международными организациями, а также закреплён в конвенциях, относящихся к ядерной деятельности. В Конвенции о ядерной безопасности от 17 июня 1994 г. используются такие понятия, как «ядерная авария», «аварийная ситуация», «ионизирующее излучение», «радиационная опасность», хотя ст. 2 («Определения») не содержит и не раскрывает их. Конвенция о дополнительном возмещении за ядерный ущерб от 12 сентября 1997 г. называет понятия «ионизирующее излучение» и «ядерный инцидент». При этом в ст. 1 («Определения») раскрывается понятие «ядерный инцидент». Ядерный инцидент означает любое происшествие или серию происшествий одного и того же происхождения, которые причиняют ядерный ущерб или, но только в отношении превентивных мер, создают серьёзную и непосредственную угрозу причинения такого ущерба (п. I, ст. 1).

Предоставление полной, достоверной и своевременной информации, связанной с деятельностью по использованию атомной энергии, если эта информация не содержит сведений, составляющих государственные секреты, или не относится к информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено. Применительно к атомному праву, важное значение имеет принцип транспарентности. Содержание данного принципа раскрывается такими основными понятиями как «прозрачность норм права, направленных на обеспечение безопасности в сфере использования атомной энергии», «открытость деятельности по использованию атомной энергии», «доступность информации, касающейся осуществления деятельности по использованию атомной энергии». В законодательстве Республики Беларусь данный принцип напрямую не закреплён. В ст. 3 Закона Республики Беларусь «Об использовании атомной энергии» закреплены общие принципы осуществления деятельности по использованию атомной энергии. Среди содержащихся в ст. 3 Закона Республики Беларусь «Об использовании атомной энергии» принципов, один касается сферы транспарентности: предоставление полной, достоверной и своевременной информации, связанной с деятельностью по использованию атомной энергии. Порядок предоставления такой информации Законом «Об использовании атомной энергии» не установлен. Вместе с тем, такой порядок может быть установлен специальным законом.

В Законе «Об использовании атомной энергии» содержатся отдельные нормы, реализация которых позволяет обеспечить определенный уровень транспарентности в сфере использования атомной энергии. В ст. 5 Закона говорится о том, что Правительство Республики Беларусь в области использования атомной энергии в пределах своей компетенции определяет порядок *обсуждения* вопросов в этой области с участием общественных объединений, иных организаций и граждан. В соответствии с правилами ст. 6 Закона республиканские органы государственного управления и иные государственные организации, уполномоченные Президентом Республики Беларусь, в области использования атомной энергии в пределах своей компетенции организуют *обсуждение* вопросов в области использования атомной энергии с участием общественных объединений, иных организаций и граждан. Ст. 8 Закона прямо говорит о том, что органы местного управления и самоуправления организуют и принимают участие в *обсуждении* вопросов в области использования атомной энергии с участием общественных объединений, иных организаций и граждан, а также *информируют* граждан через местные средства массовой информации о радиационной обстановке в пределах соответствующей административно-территориальной единицы. Согласно ч. 5 ст. 20 Закона *предложения о досрочном выводе из эксплуатации либо предложения об ограничении эксплуатационных характеристик ядерной установки или пункта хранения* вносятся государственными органами, органами местного управления и самоуправления, а также общественными объединениями, иными организациями или гражданами в орган или должностному лицу, принявшим решение о сооружении ядерной установки или пункта хранения. Статья 28 Закона определяет, что условия и порядок разработки аварийных планов, меры по ликвидации, ограничению или снижению последствий радиационной аварии, возникшей при осуществлении деятельности по использованию атомной энергии, *способы информирования граждан*, а также меры по проверке аварийной готовности определяются Правительством Республики Беларусь по предложению государственных органов по регулированию безопасности при использовании атомной энергии. В соответствии с ч. 2 ст. 29 Закона в случае возникновения радиационной аварии при осуществлении деятельности по использованию атомной энергии, приведшей к выбросу в окружающую среду радиоактивных веществ сверх установленных пределов, эксплуатирующая организация обязана незамедлительно *проинформировать* об этом граждан, государственные органы по регулированию безопасности при

использовании атомной энергии, органы местного управления и самоуправления в районе аварийного реагирования и иные государственные органы. Часть 2 ст. 29 Закона возлагает на эксплуатирующую организацию обязанность по *информированию* граждан о радиационной обстановке в зоне наблюдения.

Важные нормы, обеспечивающие транспарентность в сфере осуществления деятельности по использованию атомной энергии, содержатся в главе 10 «Гарантии прав граждан и организаций в области использования атомной энергии» Закона «Об использовании атомной энергии». В соответствии с правилами ст. 39 Закона граждане, общественные объединения и иные организации имеют право в установленном законодательством порядке запрашивать и получать от государственных органов и организаций информацию по безопасности намечаемых к сооружению, проектируемых, сооружаемых, эксплуатируемых и выводимых из эксплуатации ядерных установок или пункта хранения, за исключением сведений, составляющих государственные секреты, или информации, распространение или предоставление которой ограничено. При этом не допускается отнесение к государственным секретам или к информации, распространение или предоставление которой ограничено, информации о радиационной аварии, возникшей при осуществлении деятельности по использованию атомной энергии. Граждане, общественные объединения и иные организации имеют право бесплатно получать информацию о радиационной обстановке.

Заключение. Из вышеизложенного следует, что содержание принципов осуществления деятельности по использованию атомной энергии раскрывается в Законе «Об использовании атомной энергии», а также в иных нормативных правовых актах на уровне некодифицированных законов. Консолидирующим началом принципов является стремление государства обеспечить безопасную эксплуатацию объектов, относящихся к атомной энергетике. С точки зрения перспектив кодификации, нормы права, направленные на регулирование отношений в сфере осуществления ядерной деятельности, а также использования атомной энергии могут быть систематизированы на уровне кодифицированного акта, в частности, Кодекса об энергетике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стив, Т. Экономика ядерной энергетики / Т. Стив // Ядерная энергия. – 2005. – № 5. – 47 с.
2. Initiating Nuclear Power Programmes: Responsibilities and Capabilities of Owners and Operators. IAEA Nuclear Energy Series. – No. NG-T-3.1 (Rev. 1).
3. Пантелей, Д.С. Особенности международного сотрудничества в области атомной энергетики на современном этапе / Д.С. Пантелей // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2017. – Т. 8, № 3. – С. 368–374.
4. Богоненко, В.А. Орган по обеспечению ядерной безопасности в атомном праве Франции / В.А. Богоненко // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д, Экономические и юридические науки. – 2012. – № 14. – С. 145–150.
5. Национальный доклад Республики Беларусь О выполнении Конвенции о ядерной безопасности. – Минск, 2019. – С. 39.
6. Обзор технологий атомной энергетики. – Издание UNECE. – Информационная служба Европейской экономической комиссии Организации Объединенных Наций, 2020. – С. 13.

Поступила 02.09.2022

PRINCIPLES FOR CARRYING OUT ACTIVITIES ON THE USE OF NUCLEAR ENERGY

V. BOGONENKO

(*Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk*)

On the example of the legislation of the Republic of Belarus, the main principles (principles) of the implementation of activities on the use of atomic energy are considered. The norms of domestic legislation and the provisions of international acts in the field of carrying out activities on the use of atomic energy are analyzed. Emphasis is placed on national legislation on the use of atomic energy, on environmental protection, and on industrial and radiation safety. The legal characteristics of individual institutions of nuclear law are given. The foreign legal experience related to the activity on the use of atomic energy is considered. References are made to IAEA materials. The practice of international legal regulation of relations on the use of atomic energy and nuclear activity in general is touched upon. During the study, formal-logical, private law methods, as well as a comparative legal method were used. Conclusions are drawn regarding the topic of the study.

Keywords: nuclear energy, nuclear energy, legislation, international acts, environmental protection, industrial safety, radiation safety.

УДК 342.5(048)

DOI 10.52928/2070-1632-2022-62-12-108-112

О ГАРАНТИЯХ НЕДОПУЩЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНСТИТУТА ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В ЦЕЛЯХ ПОДРЫВА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ОБОРОНОСПОСОБНОСТИ ГОСУДАРСТВА: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

канд. юрид. наук, доц. В.В. ГОНЧАРОВ

(Юридическая консалтинговая корпорация «Ассоциация независимых правозащитников»)

ORCID <https://orcid.org/0000-0003-3029-4727>

Настоящая статья посвящена конституционно-правовому анализу гарантий недопущения использования института общественного контроля в целях подрыва национальной безопасности и обороноспособности государства. В статье анализируется роль и значение демократических начал в формировании и функционировании аппарата публичной власти в процессе укрепления национальной безопасности и обороноспособности Российской Федерации как условия обеспечения процессов сохранения и развития национального общества и государства и противодействия любым внешним и внутренним угрозам этим процессам. Авторы обосновывают позицию, согласно которой институт общественного контроля, несмотря на то, что является важнейшей юридической гарантией реализации, охраны и защиты конституционных принципов народовластия и участия граждан России в управлении делами государства, может быть использован как внешними, так и внутренними противниками повышения демократических начал в государственном управлении, в качестве инструмента деструктивного давления на аппарат публичной власти в стране в целях его дестабилизации, разрушения ключевых принципов организации и деятельности. В этой связи, в статье формализуется и обосновывается система рекомендаций и предложений по оптимизации системы гарантий, посредством которых будут минимизированы риски использования института общественного контроля в нарушение законодательства Российской Федерации, прав, свобод и законных интересов ее граждан в целях подрыва национальной безопасности и обороноспособности государства.

Ключевые слова: юридические гарантии, недопущение использования, общественный контроль, национальная безопасность, обороноспособность государства, конституционно-правовой анализ, подрыв, Российская Федерация, народовластие, внешние угрозы.

Введение. Необходимость укрепления единства аппарата публичной власти и многонационального народа Российской Федерации в целях, с одной стороны, обеспечения сохранения и поступательного развития российского общества и государства, а с другой стороны, – повышения демократических начал в публичном управлении, побудила российского законодателя в середине первого десятилетия этого века, изучив и переосмыслив опыт организации и функционирования института народного контроля власти в СССР, просуществовавшего в той или иной форме более 70 лет, вернуться к легализации данной формы контроля общества над властью. Новый институт гражданского общества получил название института общественного контроля, анализу формирования и функционирования которого посвящены работы В.В. Гриба [1, с. 154–160], М.А. Вахтиной [2, с. 77–80], М.Л. Гачава [3, с. 205–207], А.И. Лапшиной, [4, с. 136–140], Д.С. Михеева, [5, с. 84–93], Г.Н. Чеботарева [6, с. 62–65], Л.И. Ковалевой, [7, с. 72–75], Н.А. Чертовой [8, с. 41–44], Н.С. Рыболовлевой [9, с. 50–52], М.С. Хачатрян [10, с. 24–30], а также ряда иных авторов. Однако, анализ реальных источников финансирования значительной части общественных организаций и движений в России и в мире, характера их деятельности, особенностей целей и задач, отраженных в учредительных документах, который мы более подробно проводили в ранних своих исследованиях [11], показал, что участие в формировании и функционировании института общественного контроля общественных организаций и движений зачастую используются внешними и внутренними противниками повышения демократических начал в государственном управлении в России, в качестве инструмента деструктивного давления на аппарат публичной власти в стране в целях его дестабилизации, разрушения ключевых принципов организации и деятельности. Это создает реальные угрозы подрыва национальной безопасности и обороноспособности государства. Это обстоятельство и обусловило выбор настоящей темы научного исследования.

Цель исследования состоит в осуществлении конституционно-правового анализа гарантий недопущения использования института общественного контроля в целях подрыва национальной безопасности и обороноспособности Российской Федерации, а также разработки на основе данного анализа системы рекомендаций и предложений по ее оптимизации, посредством чего будут минимизированы риски использования данного института гражданского общества в нарушение законодательства Российской Федерации, прав, свобод и законных интересов ее граждан в целях подрыва национальной безопасности и обороноспособности государства.

Реализация цели исследования возможна путем решения ряда задач, в числе которых можно выделить: 1) анализ роли и значения демократических начал в формировании и функционировании аппарата публичной власти в процессе укрепления национальной безопасности и обороноспособности России как условия обеспечения процессов сохранения и развития общества и государства и противодействия любым внешним и внутренним угрозам этим процессам; 2) обоснование значения института общественного контроля в Российской Федерации в качестве основной юридической гарантии реализации, охраны и защиты конституционных принципов народовластия и участия граждан страны в управлении делами государства; 3) анализ возможности и рисков использо-

вания данного института гражданского общества внешними и внутренними противниками повышения демократических начал в государственном управлении в качестве инструмента деструктивного давления на аппарат публичной власти в стране в целях его дестабилизации, разрушения ключевых принципов организации и деятельности, что подрывает национальную безопасность и обороноспособность государства; 4) формализация и обоснование системы рекомендаций и предложений по оптимизации системы гарантий, посредством которых будут минимизированы риски использования института общественного контроля в нарушение законодательства Российской Федерации, прав, свобод и законных интересов ее граждан в целях подрыва национальной безопасности и обороноспособности государства.

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в процессе организации и функционирования института общественного контроля в Российской Федерации, а предмет исследования составляют: нормативно-правовые акты, регулирующие процессы создания и деятельности субъектов общественного контроля, их взаимодействия как с народом страны, так и органами публичной власти, их должностными лицами, иными органами и организациями, наделенными отдельными публичными полномочиями; российская научная правовая доктрина общественного контроля; материалы судебной практики.

Основной текст. Анализ мировых событий последних десятилетий показал наличие прямой зависимости степени реального закрепления и реализации демократических начал в формировании и функционировании аппарата публичной власти государств (прежде всего – стран периферийного капитализма, а также социалистических государств) с устойчивостью как самого аппарата публичной власти, так и общества в целом, от любых внешних и внутренних угроз, препятствующих сохранению и развитию данных национальных обществ и государств. В тех странах, где закрепленные в конституциях и законодательстве демократические начала в формировании и функционировании аппарата публичной власти носили декларативный характер, а на деле формы прямой и опосредованной демократии представляли собой юридическую фикцию, основанную на постоянной фальсификации процедур выборов и референдумов, игнорировании прав, свобод и законных интересов большинства населения (например, Ирак), под влиянием внешнего вторжения и внутренних беспорядков происходила смена конституционного строя, свержение государственного и политических режимов. В то же время, государства с высоким уровнем демократических начал в управлении (как социалистические, например, КНДР, так и капиталистические, в частности, Сирия) достаточно длительное время успешно противостоят внешнему и внутреннему деструктивному давлению на аппарат публичной власти.

В этой связи представляется, что укрепление демократических начал в организации и деятельности аппарата публичной власти является обязательным условием процессов укрепления национальной безопасности и обороноспособности государства (Российская Федерация, при этом, не является исключением).

С чем это связано? Во-первых, при росте числа и эффективности форм прямой и опосредованной демократии в стране растет уровень легитимности аппарата публичной власти в глазах народа, который в случае угрозы легитимно избранной им власти (как внешних, так и внутренних) готов с оружием в руках защищать конституционный строй. Во-вторых, при активном развитии реальных форм прямой демократии минимизируются риски коррупции в системе публичного управления в стране (коррупционные группы легко вычисляются, их участники подвергаются уголовному преследованию со стороны правоохранительных органов, формируемых, избираемых легитимными органами власти). В-третьих, минимизация коррупции приводит к ситуации, когда в стране нет критической массы чиновников, которые вывезли за рубеж денежные средства, полученные в результате хищения бюджетных средств и взяток, став зависимыми от воли правящих политических классов стран места нахождения активов, приобретенных за вышеуказанные средства.

Каким же образом связаны понятия национальной безопасности и обороноспособности государства с состоянием работы аппарата публичной власти в стране, а также общим уровнем соблюдения действующего законодательства, прав, свобод и законных интересов граждан?

Прежде всего, Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» в составе базовых принципов обеспечения безопасности в России закрепляет: соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина; законность; приоритет предупредительных мер в целях обеспечения безопасности; системность и комплексность применения органами публичной власти политических, организационных, социально-экономических, информационных, правовых и иных мер обеспечения безопасности; взаимодействие органов публичной власти с общественными объединениями, международными организациями и гражданами в целях обеспечения безопасности¹. То есть, общество и государство находятся в состоянии безопасности, позволяющей осуществлять полноценное их развитие, если соблюдается и защищается законность, права и свободы человека и гражданина посредством совместной деятельности аппарата публичной власти и граждан, а также их объединений.

В свою очередь, понятие обороны, которое дает Федеральный закон от 31.05.1996 № 61-ФЗ «Об обороне», подразумевает создание целостной системы мер по подготовке к вооруженной защите и вооруженная защита Российской Федерации, целостности и неприкосновенности ее территории². При этом, данные меры носят различный характер, предполагая деятельное участие в их разработке и реализации не только аппарата публичной власти, но и граждан Российской Федерации, а также их объединений.

¹ URL: <https://base.garant.ru/12181538>.

² URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10591.

Таким образом, основой обеспечения национальной безопасности и обороноспособности Российской Федерации является взаимодействие аппарата публичной власти и многонационального народа Российской Федерации в лице как отдельных граждан, так и их объединений.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации, многонациональный народ является носителем суверенитета и единственным источником власти в стране, реализуя последнюю через прямые (выборы и референдумы) и опосредованные (например, деятельность органов государственной власти и местного самоуправления, а также их должностных лиц) формы народовластия³. Однако, делегированные народом органам публичной власти и их должностным лицам полномочия, а также процедуры выборов и референдумов, в которых участвуют публичные и квазипубличные органы власти (в частности, избирательные комиссии всех уровней) нуждаются в постоянном контроле со стороны гражданского общества. В этой связи, институт общественного контроля выступает в роли основной юридической гарантии реализации, охраны и защиты конституционных принципов народовластия и участия граждан страны в управлении делами государства.

Однако, анализ современных процессов формирования и функционирования субъектов контроля гражданского общества над аппаратом публичной власти в России и мире выявил ряд проблем, связанных с рисками использования института общественного контроля в Российской Федерации внешними и внутренними противниками повышения демократических начал в государственном управлении в качестве инструмента деструктивного давления на аппарат публичной власти в стране в целях его дестабилизации, разрушения ключевых принципов организации и деятельности, что подрывает национальную безопасность и обороноспособность. В числе этих проблем можно выделить, в частности, следующие:

Во-первых, Федеральный закон от 21.07.2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» закрепил возможность и необходимость участия в осуществлении общественного контроля граждан как в личном статусе, так и через деятельность общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций. При этом, законодательство не закрепляло никаких ограничений для данных форм юридических лиц для участия в мероприятиях общественного контроля. Однако, как отмечает ряд авторов, этой возможностью стали пользоваться общественные объединения, которые финансировались, либо получали гранты и иные формы денежного стимулирования из-за рубежа [12, с. 242–249; 13, с. 742–749]. Они стали использовать институт общественного контроля как площадку для деструктивной критики аппарата публичной власти в стране. Порой, данная критика и информация, распространяемая данными юридическими лицами, их представителями (например, А. Навальным) носила клеветнический характер, что подтверждалось соответствующими решениями правоохранительных и судебных органов страны, а также приговорами [11].

Во-вторых, хотя вышеуказанный Федеральный закон закрепил институт «конфликта интересов», под которыми понимает ситуацию, «при которой личная заинтересованность общественного инспектора, общественного эксперта или иного лица субъекта общественного контроля влияет или может повлиять на объективность и беспристрастность осуществления общественного контроля и при которой возникает или может возникнуть противоречие между личной заинтересованностью общественного инспектора, общественного эксперта или иного лица субъекта общественного контроля и целями и задачами общественного контроля»⁴, представляется, что никак не раскрыта в данном институте проблематика конфликта интересов общественного объединения (его целей, задач, уставных документов) и задач общественного контроля (особенно, если речь идет об общественном объединении, иной некоммерческой негосударственной организации, финансируемой полностью или частично иностранными государствами, международными организациями, иностранными физическими лицами, лицами без гражданства и т.п.).

В-третьих, ряд форм общественного контроля, закрепленных Федеральным законом от 21.07.2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (например, общественные (публичные) слушания) предполагает свободное участие в собраниях граждан любых лиц (включая представителей любых общественных объединений и иных некоммерческих негосударственных организаций). Учитывая, что деятельность подобных юридических лиц может специально финансироваться для искажения результатов общественного контроля из-за рубежа, то подобное участие представителей данных юридических лиц может быть направлено на подрыв конституционных прав граждан России (в частности, на осуществление мероприятий общественного контроля).

В-четвертых, анализ Федерального закона от 14.07.2022 г. № 252-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием», который поставил реальный запрет лицам в Российской Федерации, находящимся под иностранным влиянием, влиять на деятельность органов публичной власти и их должностных лиц, показал, что в нем практически не содержится реальных гарантий для запрета участия юридических лиц, находящихся под иностранным влиянием, в мероприятиях общественного контроля⁵.

В-пятых, действующее уголовное и административное законодательство в Российской Федерации не содержит мер уголовно-правовой и административно-правовой ответственности за деятельность лиц, находящихся под иностранным влиянием (как физических, так и юридических), направленную на участие в механизме организации и осуществления общественного контроля в стране.

³ URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

⁴ Об основах общественного контроля в Российской Федерации : Федер. закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ // СЗ РФ. – 28.07.2014. – № 30 (часть 1). – Ст. 4213.

⁵ URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1554755>.

Закключение. В целях разрешения указанных выше проблем и минимизирования возможности использования института общественного контроля в нарушение законодательства Российской Федерации, прав, свобод и законных интересов ее граждан, что подрывает национальную безопасность и обороноспособность государства, представляется необходимым разработать и реализовать ряд рекомендаций и предложений по оптимизации системы вышеназванных гарантий, к числу которых можно отнести следующие:

Во-первых, институт общественного контроля следует формализовать в Конституции Российской Федерации, определив его понятие, принципы, формы, методы и виды мероприятий общественного контроля, механизм взаимодействия его субъектов с органами публичной власти и их должностными лицами, закрепив гарантии как реализации, охраны и защиты данного правового института, так и недопущения его использования в антигосударственных и антиобщественных целях, например, в целях подрыва национальной безопасности и обороноспособности государства.

Во-вторых, в Федеральном законе от 21.07.2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» следует закрепить в качестве одного из оснований недопуска общественных объединений и некоммерческих негосударственных организаций к процессам организации и осуществления мероприятий общественного контроля обстоятельство, когда они финансируются (полностью или частично) иностранными государствами, международными организациями, иностранными физическими лицами, лицами без гражданства, либо находятся под их влиянием.

В-третьих, в Федеральном законе от 14.07.2022 г. № 252-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием», следует закрепить запрет лицам, находящимся под иностранным влиянием, участвовать в каком-либо виде в процессах организации или осуществления мероприятий общественного контроля на территории Российской Федерации.

В-четвертых, в Уголовном кодексе Российской Федерации, а также Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях, следует закрепить меры уголовно-правовой и административно-правовой ответственности за деятельность лиц, находящихся под иностранным влиянием (как физических, так и юридических), направленную на участие в механизме организации и осуществления общественного контроля в стране.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гриб, В.В. Нормативное закрепление и научное видение системы объектов общественного контроля / В.В. Гриб // Юридическое образование и наука. – 2016. – № 3. – С. 154–160.
2. Вахтина, М.А. Роль общественного контроля в противодействии коррупции: российский опыт / М.А. Вахтина // Гуманитарные балканские исследования. – 2020. – Т. 4, № 3(9). – С. 77–80. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-obschestvennogo-kontrolya-v-protivodeystvii-korrupsii-rossiyskiy-opyt>.
3. Гачава, М.Л. К вопросу об общественном антикоррупционном контроле как о способе противодействия коррупции / М.Л. Гачава, Ю.А. Мартынова // Заметки ученого. – 2020. – № 10. – С. 205–207. URL: <http://nauka-prioritet.ru/wp-content/uploads/2020/12/%D0%9D%D0%BE%D1%8F%D0%B1%D1%80%D1%8C-2020-10.pdf>.
4. Лапшина, А.И. Общественный контроль и иные институты контроля общества за деятельностью органов государственной власти / А.И. Лапшина // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 2(36). – С. 136–140.
5. Михеев, Д.С. Формирование и полномочия субъектов общественного контроля: вопросы гласности / Д.С. Михеев // Вестник Марийского государственного университета. Сер. Исторические науки. Юридические науки. – 2017. – Т. 3, № 4(12). – С. 84–93. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennyy-kontrol-i-inye-instituty-kontrolya-obschestva-za-deyatelnostyu-organov-gosudarstvennoy-vlasti>.
6. Чеботарев, Г.Н. Общественный контроль за деятельностью органов публичной власти: от теории к практике / Г.Н. Чеботарев // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 8. – С. 62–65.
7. Гончаров, В.В., Об институтах общественного контроля исполнительной власти в Российской Федерации / В.В. Гончаров, Л.И. Ковалева // Власть. – 2009. – № 1. – С. 72–75. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-institutah-obschestvennogo-kontrolya-ispolnitelnoy-vlasti-v-rossiyskoy-federatsii>.
8. Чертова, Н.А., Институт общественного финансового контроля как показатель развития гражданского общества / Н.А. Чертова, И.А. Фатиева // Правовая мысль. – 2020. – № 1(1). – С. 41–44. URL: <https://xn----7sbaha0dgmgs3jpa0b.xn--p1ai/files/vypuski/01/41-44.pdf>.
9. Рыболовлева, Н.С. К вопросу о контроле гражданского общества за деятельностью органов государственной власти / Н.С. Рыболовлева // Закон и право. – 2020. – № 6. – С. 50–52. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-kontrole-grazhdanskogo-obschestva-za-deyatelnostyu-organov-gosudarstvennoy-vlasti>.
10. Хачатрян, М.С. Пределы правового регулирования общественного контроля / М.С. Хачатрян // Юридические исследования. – 2017. – № 9. – С. 24–30. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predely-pravovogo-regulirovaniya-obschestvennogo-kontrolya>.
11. Гончаров, В.В. Конституционно-правовые основы общественного контроля в Российской Федерации / В.В. Гончаров. – М.: «Alicegroup», 2019. – 256 с.
12. Кожевников, О.А. Некоммерческие организации – иностранные агенты: опыт России и других государств СНГ / О.А. Кожевников, А.В. Нечкин // Вестн. Томск. гос. ун-та. – 2021. – № 471. – С. 242–249. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekommercheskie-organizatsii-inostrannye-agenty-opyt-rossii-i-drugih-gosudarstv-sng>.
13. Симонов, П.Ю. Иностранные агенты как субъект информации и его влияние на информационную среду государства / П.Ю. Симонов // Миссия конфессий. – 2021. – Т. 10, № 7(56). – С. 742–749.

Поступила 07.09.2022

**ON GUARANTEES OF PREVENTING THE USE OF THE INSTITUTION OF PUBLIC CONTROL
IN ORDER TO UNDERMINE NATIONAL SECURITY AND THE DEFENSE CAPABILITY
OF THE STATE: CONSTITUTIONAL AND LEGAL ANALYSIS**

V. GONCHAROV

(Legal Consulting Corporation "Association of Independent Human Rights Defenders")

This article is devoted to the constitutional and legal analysis of guarantees against the use of the institution of public control in order to undermine national security and the defense capability of the state. The article analyzes the role and importance of democratic principles in the formation and functioning of the apparatus of public power in the process of strengthening national security and defense capability of the Russian Federation as a condition for ensuring the preservation and development of national society and the state and countering any external and internal threats to these processes. The author substantiates the position according to which the institution of public control, despite the fact that it is the most important legal guarantee for the implementation, protection and protection of the constitutional principles of democracy and the participation of Russian citizens in the management of state affairs, can be used by both external and internal opponents of increasing democratic principles in public administration, as an instrument of destructive pressure on the apparatus the public authorities in the country in order to destabilize it, destroy the key principles of organization and activity. In this regard, the article formalizes and substantiates a system of recommendations and proposals for optimizing the system of guarantees, through which the risks of using the institute of public control in violation of the legislation of the Russian Federation, the rights, freedoms and legitimate interests of its citizens in order to undermine national security and the defense capability of the state will be minimized.

Keywords: *legal guarantees, prevention of use, public control, national security, state defense capability, constitutional and legal analysis, undermining, Russian Federation, democracy, external threats.*

УДК 341/342.7

DOI 10.52928/2070-1632-2022-62-12-113-116

НАИЛУЧШИЙ ИНТЕРЕС РЕБЕНКА КАК МАТЕРИАЛЬНОЕ ПРАВО

В.В. ДОРИНА

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

ORCID <https://orcid.org/0000-0003-1874-2435>

Статья посвящена исследованию одного из элементов концепции обеспечения наилучшего интереса ребенка. Наилучший интерес рассматривается в качестве материального права. Опираясь на комментарии Комитета по правам ребенка о праве ребенка на уделение первоочередного внимания наилучшему обеспечению его интересов (п. 1 ст. 3) к Конвенции о правах ребенка 1989 г., практику международных судебных органов, отечественную и зарубежную правовую доктрину, автор предпринимает попытку определить, к какой категории прав человека относится исследуемое право. Делается вывод о комплексности наилучшего интереса ребенка как материального права, включающего элементы как позитивного, так и негативного права, а также является индивидуальным и коллективным правом. Воспринимаемый в первую очередь как толковательный принцип, наилучший интерес ребенка, несомненно, следует относить и к неотъемлемому праву ребенка, требующему индивидуального подхода в каждом конкретном случае.

Ключевые слова: права ребенка, наилучший интерес ребенка, материальное право, права человека.

Введение. Конвенция о правах ребенка 1989 г. закрепляет четыре общих принципа, сквозь призму которых государствам-участникам следует осуществлять все положения Конвенции. Среди основных принципов (General principles) выделяют недискриминацию, уважение взглядов ребенка, право на жизнь и развитие и обеспечение наилучшего интереса ребенка. Особо значение среди общих принципов Конвенции придается наилучшему интересу ребенка, суть которого была детально раскрыта Комитетом по правам ребенка в Замечании общего порядка № 14 (далее – ЗОП) в 2014 г.¹ Именно с этого времени «наилучший интерес ребенка» стал рассматриваться не просто как общий принцип Конвенции о правах ребенка, но и как *триединая концепция*, включающая в себя материальное право, толковательный принцип и правило процедуры (п. 6а).

Вопросу исследования наилучшего интереса ребенка как развивающейся концепции в целом, так и каждому ее элементу в отдельности, посвящено немного работ, как в отечественной, так и зарубежной доктрине, в связи с чем обращение к этому вопросу весьма актуально. В данной статье, опираясь на комментарии Комитета по правам ребенка, практику международных судебных органов, а также на исследования ученых в области теории права и прав человека, автор предпринимает попытку рассмотреть наилучший интерес ребенка как материальное право, определить его особенности, к какой категории прав его следует отнести.

Основная часть. Наилучшие интересы ребенка традиционно рассматривались как толковательный правовой принцип: именно с позиции обеспечения наилучшего интереса ребенка следует интерпретировать ситуацию в случае, если она поддается различным трактовкам. Но наилучшие интересы ребенка являются не только правовым принципом, но и фундаментальным субъективным правом. Как справедливо отмечает профессор Университета Валенсии Дж. К. Лоренс [1, с. 16] в самом названии Замечания общего порядка указывается не на «принцип обеспечения наилучшего интереса ребенка», а «о праве ребенка на уделение первоочередного внимания обеспечению его интересов». Таким образом, факт, что обеспечение наилучшего интереса ребенка является материальным правом, не вызывает сомнений. И носителем этого права выступает ребенок, что в очередной раз подтверждает стремление Конвенции о правах ребенка сместить акцент с ребенка как объекта защиты на полноправного субъекта, носителя комплекса прав. Замечания общего порядка раскрывают наилучший интерес в качестве материального права, как право ребенка на то, чтобы при рассмотрении любых вопросов, затрагивающих его интересы, первоочередным соображением при принятии решений и реализации прав был учет наилучшего интереса ребенка или детей в целом. Также Комитет добавляет, что п. 1 ст. 3 Конвенции о правах ребенка является обязательством государств, а также нормой прямого применения (не нуждается в принятии соответствующих законов), и на него можно ссылаться в судах.

Следует разобраться, что же является материальным правом в праве прав человека, а также определить, к какой категории прав относится право ребенка на обеспечение его наилучшего интереса.

В теории права под *субъективным правом* понимается мера возможного (дозволенного) поведения лица, обладающего данным правом, гарантируемая государством [2, с. 256]. В свою очередь «возможность» выражается в качестве возможности поведения управомоченного лица; возможности управомоченного лица требовать определенного поведения, вытекающего из его обязанностей; возможности управомоченного лица обратиться к государственным органам за защитой своих нарушенных прав, а также возможности пользоваться определенным социальным благом, ценностью. Белорусские ученые С. Г. Дробязко и В. С. Козлов приходят к выводу, что

¹ Замечание общего порядка № 14: о праве ребенка на уделение первоочередного внимания наилучшему обеспечению его интересов (п. 1 ст. 3 Конвенции о правах ребенка), 29 мая 2013 г. [Электронный ресурс] // Комитет по правам ребенка. – URL: <https://www.refworld.org/docid/528b2c874.html>.

для субъективного права характерно то, что оно возникает на основе общей правовой нормы, принадлежит конкретному субъекту, гарантируется и защищается от нарушений в необходимых случаях силой государственного принуждения [2, с. 257]. Учитывая вышеуказанные признаки, бесспорно, наилучший интерес является субъективным правом: возникло на основе правовой нормы (ст. 3 Конвенции о правах ребенка), принадлежит конкретному субъекту – ребенку, гарантируется государством и защищается с помощью различных механизмов.

Материальные права в праве прав человека – это конкретные свободы и права, полагающиеся человеку. С точки зрения Конвенции о правах ребенка 1989 г. – это право на жизнь (ст. 6), право на имя (ст. 7), право свободно выражать свои взгляды (ст. 12), свобода слова, совести, вероисповедания (ст. 14), право на образование (ст. 28) и др. В свою очередь процессуальные права – это доступные человеку способы действия и связанные с ними институты, позволяющие индивиду добиваться от правящих соблюдения свобод и реализации прав. С позиции Комитета по правам ребенка, обозначенной в ЗОП № 14, наилучший интерес выступает и материальным, и процессуальным (третий элемент концепции – правило процедуры) правом.

Следует уточнить к какой категории прав относится право на обеспечение наилучшего интереса ребенка с точки зрения условий и способа реализации. Некоторые исследователи разделяют права человека на позитивные (для обеспечения данной категории прав требуется определенное действие государства) и негативные (требуется воздерживаться от действий, обязательство не причинять вред человеку). Например, белорусский ученый Л.В. Павлова отмечает, что в западной правовой доктрине гражданские и политические права, с одной стороны, и экономические, социальные и культурные права – с другой, долгое время различались по статусу и юридической природе, что, в свою очередь, привело к их закреплению в отдельных международных договорах на универсальном и региональном уровнях [3, с. 70]. Автор отмечает, что еще со времен американского философа XVIII в. Т. Пэйна, известного своим трактатом «Права человека» (1791 г.) (именно с этого времени термин «права человека» приобрел то значение, в котором мы знаем его сегодня), гражданские права относились к негативным правам, не требующим действий со стороны государства, а экономические, социальные и культурные – к позитивным, исполнение которых допустимо только с помощью государства. Однако с течением времени данная позиция трансформировалась и нашла отражение в международных актах, закрепивших универсальный, неделимый, взаимосвязанный и взаимозависимый характер всех прав человека [3, с. 71]. В свою очередь Комитет по правам ребенка в своем ЗОП также рекомендует при реализации права на обеспечение наилучшего интереса ребенка учитывать «универсальный, неделимый, взаимосвязанный и взаимосвязанный характер прав детей»².

Следует согласиться с позицией универсальности прав человека, а также мнением профессора Университета Северной Каролины М. Гибни [4, с. 23], который полагает, что деление на позитивные и негативные обязательства слишком упрощает понимание, так как для обеспечения некоторых прав, относящихся по традиции к категории негативных, требуется активное вмешательство государства. Профессор М. Гибни приводит в пример право на справедливое и беспристрастное судебное разбирательство (которое относится к группе гражданских и политических прав, а значит – негативных), при реализации которого от государства потребуются принятие определенных мер и действий. Право на обеспечение наилучшего интереса ребенка является, на наш взгляд, комплексным правом, содержащим в себе элементы позитивного права в части, где требуется вмешательство со стороны государства для его реализации. Например, говоря о праве ребенка на воспитание в семье, необходимо вмешательство государства при потере ребенком своего семейного окружения. Согласно Конвенции о правах ребенка государство признает и/или разрешает существование системы усыновления, обеспечивает, чтобы наилучшие интересы ребенка учитывались в первоочередном порядке (ст. 21). В то же время, не стоит отрицать наличие и элементов негативного права, например, при реализации социальных и экономических прав ребенка. В таком случае право на обеспечение наилучшего интереса выступает в качестве свободы – от вмешательства государства в выбор ребенка своей идентичности, свободы слова и вероисповедания и др.

В Замечании общего порядка (п. 13) Комитет подтверждает комплексность права на обеспечение наилучшего интереса: Все государства-участники обязаны уважать и осуществлять право ребенка на то, чтобы его наилучшие интересы оценивались и принимались во внимание в качестве первоочередного соображения, а также принимать все необходимые продуманные конкретные меры, нацеленные на осуществление этого права в полном объеме³. В данном пункте четко обозначена необходимость «уважать» право ребенка на обеспечение наилучшего интереса, а равно уполномоченным лицам не следует предпринимать активных действий, а также «осуществлять» и «принимать все конкретные меры», что, в свою очередь, потребует от государства усилий для реализации данного права.

Здесь следует отметить еще один важный момент, связанный с обязательствами государства в области прав человека, а именно трехуровневую систему международно-правовых обязательств в данной области [4, с. 24]:

1 – обязательство *уважать* права человека (не причинение вреда человеку, например, уважение права личной жизни и тайны переписки);

2 – обязательство *защищать* права человека (охрана государством прав физических и юридических лиц от посягательств со стороны других лиц, находящихся под юрисдикцией данного государства. Например, право на защиту от дискриминации);

² URL: <https://www.refworld.org/docid/528b2c874.html>. п. 16а

³ URL: <https://www.refworld.org/docid/528b2c874.html>.

3 – обязательство *обеспечивать* реализацию конкретных прав (требует активных действий со стороны государства с целью гарантии реализации определённого права. Например, создание системы учреждений школьного образования для реализации права на образование).

Формула «уважать-защищать-осуществлять» отражена и в ЗОП (п. 16d) следующим образом: при полномасштабной реализации концепции наилучших интересов ребенка надлежит учитывать следующие моменты: обязательство государств-участников уважать, защищать и осуществлять все права, закрепленные в Конвенции⁴.

Еще одной особенностью права на обеспечение наилучшего интереса ребенка можно назвать то, что оно одновременно выступает в качестве коллективного и индивидуального права (п. 23)⁵.

В п. 1 ст. 3 КПР указано: во всех действиях в отношении детей, независимо от того, предпринимаются они государственными или частными учреждениями, занимающимися вопросами социального обеспечения, судами, административными или законодательными органами, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка. При правовом анализе п. 1 ст. 3 следует обратить внимание на то, что упоминается как наилучший интерес «ребенка» (индивидуальное право), так и «во всех действиях в отношении детей» (коллективное право). Конвенция о правах ребенка к категории «ребенок» относит «каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее» (ст. 1). Это определение соответствует и национальному законодательству. Например, согласно Гражданскому Кодексу Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. «в случае, когда законодательством допускается эмансипация или вступление в брак до достижения восемнадцати лет, гражданин, не достигший восемнадцатилетнего возраста, приобретает дееспособность в полном объеме соответственно с момента принятия решения об эмансипации или со времени вступления в брак». Таким образом согласимся с определением понятия «ребенок», данным Конвенцией и в дальнейшем в исследовании будем исходить из данного определения. Согласно ЗОП (п. 23), понятие «дети» подразумевает, что право на обеспечение наилучшего интереса должно быть реализовано не только по отношению к конкретному ребенку, но и к детям как группе. Следовательно, государствам следует учитывать в качестве первоочередного соображения наилучший интерес детей как членов той или иной группы. Здесь можно говорить и о группе, основанной на национальной принадлежности (например, дети-рома и других национальных меньшинств) и о принадлежности к социальной группе (например, учащиеся школы, при решении вопросов о школьной форме, расписании занятий и др.).

Обеспечение наилучшего интереса ребенка как материальное право, можно увидеть в ряде дел, рассмотренных Европейским Судом по правам человека (далее – ЕСПЧ), поскольку в ряде случаев Суд установил нарушение только в том факте, что национальные власти не учли интересы ребенка. Например, в деле Шнайдер против Германии в Суд обратился биологический отец ребенка⁶. Заявитель жаловался на нарушение ст. 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, в частности, на то, что национальные суды Германии отказались предоставить ему доступ к мальчику и информацию о его личной жизни, а также недостаточное исследование судами соответствующих фактов, касающихся его отношений с сыном, в частности, его отцовство и вопрос о том, отвечал ли доступ отца к мальчику и к информации о нем наилучшим интересам ребенка. Юридически отцом ребенка был признан муж матери ребенка. Супруги предпочли не выяснять истинного отцовства ребенка в интересах сохранения семьи. ЕСПЧ было установлено нарушение в том, что не были учтены наилучшие интересы ребенка. В противном случае мать ребенка имела бы право предотвращать любые контакты между отцом и ребенком. Такой контакт и знание своего происхождения были в наилучших интересах ребенка.

Еще одним примером ссылки на наилучший интерес ребенка как материальное право является дело М.Д. против Мальты⁷, где согласно закону, в случае осуждения родителя за преступление, он автоматически теряет родительские права. Суд установил, что это противоречит наилучшим интересам ребенка, поскольку закон не предусматривает возможность для властей в каждом конкретном случае оценивать наилучшие интересы ребенка.

Очень похожим было решение Суда по делу «X против Австрии»⁸, которое было связано с невозможностью усыновления ребенка вторым родителем из однополрой пары, тогда как разнополым партнерам предоставляется такая возможность. Суд вновь установил нарушение права ребенка на обеспечение наилучших интересов, поскольку нет возможности судить в отношении каждого конкретного случая будет ли такое усыновление отвечать интересам ребенка или нет. Опираясь на практику Суда можно заключить, что при принятии любого решения, касающегося детей, а также решения, которое так или иначе может затронуть ребенка, необходимо учитывать его наилучший интерес.

Заключение. Таким образом, рассмотрев подходы зарубежных и отечественных ученых-правоведов можно прийти к выводу, что наилучший интерес ребенка, несомненно, следует рассматривать в качестве материального права. Особенностью исследуемого права является его комплексность: наилучший интерес выступает

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Case of Schneider v. Germany (application no. 17080/07) [Electronic resource] // European court of human rights. – Mode of access: <http://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/pdf/?library=ECHR&id=003-3669327-4170579&filename=003-3669327-4170579.pdf>.

⁷ Case of M.D. and others v. Malta (Application no. 64791/10) [Electronic resource] // European court of human rights. – Mode of access: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-112206>.

⁸ Case of X and others v. Austria (Application no. 19010/07) [Electronic resource] // European court of human rights. – Mode of access: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-116735>

в качестве субъективного права, одновременно материального (учет наилучшего интереса ребенка при принятии любых решений в отношении ребенка) и процессуального (наилучший интерес ребенка как правило процедуры) права, а также включающим в себя элементы как негативного права (активная роль государства при потере ребенком семейного окружения), так и позитивного (невмешательство со стороны государства при реализации ребенком права на выбор своей идентичности, свободу слова и др.). Особенностью исследуемого права можно назвать и факт того, что оно одновременно является индивидуальным (право на жизнь, развитие, образование и т.д.) и коллективным (право быть заслушанным, если речь идет о группе детей, выражающих свою точку зрения при принятии решений, затрагивающих их интересы).

На примере практики ЕСПЧ видно, что обеспечение наилучшего интереса ребенка фактически признается материальным правом, требующим индивидуального подхода в каждом конкретном случае. Однако, чтобы иметь возможность требовать уважения этого права, обладатель права (или его представитель) должен знать, как были оценены факторы, элементы и обстоятельства лицом, принимающим решения. Это логически подводит нас ко второму и третьему атрибуту концепции наилучшего интереса ребенка – наилучшему интересу как толковательному принципу и процессуальной норме (правилу процедуры).

ЛИТЕРАТУРА

1. Llorens, J.C. Presentation of General Comment No. 14: strengths and limitations, points of consensus and dissent emerging in its drafting / J. C. Llorens // *The best interests of the child – A dialogue between theory and practice.* – Council of Europe Publishing, 2016. – P. 11–17.
2. Дробязко, С.Г. Общая теория права : учеб. пособие для вузов / С.Г. Дробязко, В.С. Козлов. – Минск : Амалфея, 2007. – 480 с.
3. Павлова, Л.В. Право прав человека : учеб. для вузов / Л.В. Павлова. – Минск : БГУ, 2005. – 223 с.
4. Права человека : учеб. пособие / С.А. Балащенко [и др.] ; научн. ред.: С.А. Балащенко, Е.А. Дейкало. – Минск : Юнипак, 2015. – 200 с.

Поступила 19.09.2022

THE BEST INTEREST OF THE CHILD AS A SUBSTANTIVE RIGHT

V. DORINA

(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

The article is devoted to the study of one of the elements of the concept of ensuring the best interest of the child. The best interest is considered as A substantive right. Based on the comments of the Committee on the Rights of the Child to Article 3 of the Convention on the Rights of the Child of 1989, the practice of international judicial bodies, domestic and foreign legal doctrine, the author attempts to determine which category of human rights the law under study belongs to. The conclusion is made about the complexity of the best interest of the child as a substantive right, including elements of both positive and negative right, and is also an individual and collective right. Perceived primarily as an interpretive principle, the best interest of the child should undoubtedly be attributed to the inalienable right of the child, requiring an individual approach in each specific case.

Keywords: *rights of the child, best interest of the child, a substantive right, human rights.*

УДК 343.3.7

DOI 10.52928/2070-1632-2022-62-12-117-123

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ РЕАКЦИЯ НА УКЛОНЕНИЕ ОТ ПОГАШЕНИЯ КРЕДИТОРСКОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ УГОЛОВНОГО ПРАВА

В.А. КУКШТЕЛЬ*(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)*

Анализируется уголовно-правовая реакция на уклонение от погашения кредиторской задолженности в социально-историческом аспекте развития экономических отношений. В качестве предмета исследования формирования и становления института ответственности за уклонение от погашения кредиторской задолженности в контексте истории белорусского законодательства определили Статуты Великого Княжества Литовского (далее – Статуты ВКЛ), Устав о наказаниях 1864 г., Уголовное уложение «О банкротстве, ростволичестве и иных случаях наказуемой недобросовестности по имуществу» 1903 г., а также уголовное законодательство советского периода. Историко-правовой анализ уклонения от погашения кредиторской задолженности имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку способствует лучшему осознанию законодательной конструкции исследуемого преступления.

Ключевые слова: кредиторская задолженность, история развития, Статуты ВКЛ, уклонение, обязательственное право.

Введение. В доктрине уголовного права исследователи неоднократно отмечали значимость историко-правового анализа формирования и становления уголовно-правовых норм. В частности, Б.В. Волженкин писал: «уче- ный ... должен исследовать ретроспективу развития юридической мысли ... в том числе в целях использования уже ранее полученного положительного опыта, который может быть полезен и в новых условиях» [1, с. 7]. Н.С. Таганцев отмечал, что история является «средством понимания современного права через призму применения исторического толкования в сфере действующего законодательства» [2, с. 21]. А.В. Барков в своих работах говорит, что «обратившись к истории, мы сможем лучше понять те тенденции, которые присутствуют в современном белорусском уголовном законодательстве и практике его применения» [3, с. 248].

Переход от Средневековья к Новому времени в социально-экономической, политической, религиозно-идеологической жизни Беларуси, в принципе, как и во всей Европе, дотируется XV – XVI вв. В данный период широкое распространение приобретают идеи гуманизма и Реформации, которые влияют на становление и развитие белорусского законодательства. Однако исследователи отметили, что «Дзеячы Адраджэння і Рэфармацыі актыўна звярталіся да ідэй, поглядаў, думак мысліцеляў Антычнасці і перапрацоўвалі іх у дачыненні да свайго часу згодна з яго патрабаваннямі» [4]. Предметом исследования формирования и становления института ответственности за уклонение от погашения кредиторской задолженности в контексте истории права Беларуси определим Статуты Великого Княжества Литовского (далее – Статуты ВКЛ), поскольку данные правовые документы являлись систематизированным сводом законов XVI в., составляющих устойчивую правовую основу государства, в состав которого входили земли Беларуси [5, с. 58]. И.А. Юхо обращает внимание: «... змены ў прававой сістэме Беларусі пачынаюцца з даволі дасканаллага заканадаўства Вялікага княства Літоўскага, палітыка-эканамічным цэнтрам якога былі беларускія землі ...» [6, с. 281].

Преамбула ныне действующей Конституции Республики Беларусь содержит фразу: «...опираясь на многовековую историю развития белорусской государственности ...», однако не содержит в себе упоминания о каких-либо исторических правовых документах, сформировавших истоки и фундаментальные принципы белорусского права. Исследователи пришли к выводу, что «многие правовые положения, закрепленные в Статутах ВКЛ, имеют общеславянскую правовую основу, так как развились из общего правового сознания славян, сформировавшегося в рамках древнего обычного права» [7]. На наш взгляд, весомым аргументом, подтверждающим формирование Статутами ВКЛ белорусской правовой системы, является тот факт, что они были изданы на белорусском языке. Как отмечает Т.И. Довнар: «... абагульнення папярэдніх прававых набыткаў рабілі спробу распрацоўкі новай прававой тэорыі, ставячы галоўнай мэтай удасканаленне існуючых грамадскіх адносін і выпрацоўку больш грунтоўных законаў, што ўрэшце і прывяло да сістэматызацыі права і стварэння вельмі дасканалых для свайго часу зводаў законаў – Статутаў 1529, 1566, 1588 гадоў» [8]. В целом развитие законодательства Великого Княжества Литовского, следовательно, и белорусского, поскольку оно входило в его состав, профессор условно разделяет на два периода: период привелеев и период статутов [9, с. 97]. По мнению И.А. Юхо, первые попытки систематизации права относятся к праву отдельных земель и были воплощены в Полоцкой и Витебской областных грамотах [10, с. 59]. Несмотря на это только в Статутах ВКЛ сформированы нормы характерные для современного белорусского законодательства. Знаменитый представитель кальвинистского движения ВКЛ А. Волян отмечал: «Права павінна быць справядлівым, выступаць гарантам свабоды і роўнасці, быць разумным. Яно павінна стаяць на варце ўсеагульнай справядлівасці» [11, с. 76].

Исследователи пришли к выводу, что в Статутах ВКЛ не было четкой регламентации государственной формы собственности с точки зрения современного доктринального понимания данного института, поскольку «... в ВКЛ не существовало четкого отграничения государства, призванного управлять с целью соблюдения общественных интересов, от интересов частных собственников» [12].

Основная часть. В Статутах ВКЛ 1529, 1566, 1588 гг. заложено начальное формирование признаков экономической преступности, которые в последствие претерпят существенную трансформацию. К.С. Захилько пишет, что в данном историческом документе существует понятие «... несчастного и виновного банкротства». Под последним понимается деятельность, в результате которой должник разоряется от собственных виновных действий [13].

В ст. 3 раздела 10 Статута ВКЛ 1529 г. существует упоминание примитивного понятия кредиторской задолженности: «В каких случаях необходимо присягать о долге» «...каждый, кто жалуется как по поводу своих убытков, причиненных ему каким-либо образом, так и по поводу причитающегося ему долга ...». Правовая норма разграничивает возможности возникновения убытков как результат долга и убытки, причиненные каким-либо другим образом, не поясняя каким именно. Представляется, что это первое упоминание об обязательстве в нынешнем его понимании. Суть вышеупомянутой ст. 3: убытки, в том числе и долги стоимостью свыше 10 коп должны подтверждаться долговой записью, в случае ее утраты – лица, видевшие ее (свидетели), должны присягать о долге, т.е. подтвердить, сколько должник обязан уплатить. Закон регламентировал, что «... ни один шляхтич и мещанин не давал в долг без долговой записи больше десяти коп. А если бы кто-нибудь из шляхтичей или мещан дал в долг без долговой записи больше десяти коп грошей, а должник отказался бы от этого, то суд не должен позволить присягнуть кредитору на большую сумму, чем десять коп, а что кредитор даст в долг без долговой записи свыше десяти коп, то должен потерять»¹. Закрепление данной нормы в Статуте формирует правосознание общества, выводит правовую культуру граждан на новый уровень посредством введения обязанности документального подтверждения межличностных денежных отношений. В связи, с чем происходит упорядочивание сферы долговых обязательств, устраняются споры по поводу их возникновения.

Отметим, что анализируемый нами раздел 10 Статута ВКЛ 1529 г. ввел такие понятия, как «кредитор», «должник», «долговая запись», «залог», «залогодатель», «залогодержатель», что свидетельствует о начальном формировании обязательственного права. Прогрессивность исследуемого исторического документа заключалась в ярко выраженной гуманистической направленности, о чем свидетельствует введение принципа ответственности всех исключительно по закону и только по суду.

Второй Статут ВКЛ 1566 г. характеризуется еще большим объемом и более качественной систематизацией норм. Необходимо отметить, что кодификационная техника изложения правового акта находилась на более высоком уровне по сравнению с предыдущим вариантом. Анализ второго Статута ВКЛ показал, что в нем отразились общественно-политические изменения Великого Княжества Литовского данного периода, прослеживается стремление перехода от обычного права к писанному в государственной деятельности. Характерной особенностью Статута ВКЛ 1566 г. является демократизм государственного права: принцип выборности монаха, ограничение его прав законом, нормативная регламентация закрепления принципа отделения суда от администрации. Вопросы же регулирования гражданско-правовых отношений содержались в разделе 7 Статута 1566 г. Обратим внимание, что обязательства остались на прежнем уровне урегулирования и никаким существенным изменениям эта область не подверглась.

Статут ВКЛ 1588 г. является третьим изданием сводов законов Великого Княжества Литовского, в основу которого были положены предшествующие редакции сборников законов ВКЛ, основанных на обычном праве, местной судебной практике, периодических изданиях «Русской Правды», а также польских судебных кодексов. Отметим, что в вышеупомянутом источнике права на законодательном уровне признается переход от теологического к юридическому мировоззрению «...садейнічалі трансфармацыі характэрнай для лютэранства ідэі роўнасці ўсіх перад Богам у ідэю роўнасці ўсіх перад законам» [14]. Проанализировав, третий Статут отметим, что раздел VII «Пра записы і продажы» достаточно подробно урегулировал правовые отношения в области долговых обязательств на недвижимость: поместья, землю. Например, артыкул 11 «Пра два ці некалькі даугоу на адным маёнтку», артыкул 13 «Пра спосаб доказу закладу нерухомай маёмасці, дзе б хто каго выклікаў для вяртання грошай» и т.п.².

Собственно, вопросы долговых обязательств на движимые вещи были урегулированы в третьем Статуте ВКЛ не столь подробно по сравнению с недвижимостью. Обратим внимание на артыкул 7 «Пра записы, якія павінны быць прыняты па закону без афіцыйнай заявы, і аб пазыках купецкіх». Норма регулирует долговые отношения, в основу которых положена как движимая вещь, взятая в долг на определенное время, так и сумма денег. Законодатель определил, что данные сделки признаются законными при условии их письменного оформления с подписью и печатью сторон сделки, а также с печатями «людей веры годных», под которыми понимались шляхтичи. Фактически государственного оформления такого рода отношения не требовали. Артыкул 14 «Пра вяртанне сумы грошай за заклад» устанавливает нововведение о необходимости применения залога для обеспечения обязательства.

Как отмечают исследователи, нормы Статутов ВКЛ свидетельствуют о духовном развитии общества. Законодатель стремится создать «... более благоприятные, упорядоченные нормами права условия существования человека в обществе, закрепив такие прогрессивные принципы, как выборность, коллегиальность, законность, ответственность, отделение суда от администрации, участие в суде присяжных и другие, что помогало избежать социальных взрывов в обществе» [15]. Можно заключить, что содержание Статутов свидетельствует о развитии средневековой демократии, зарождении новой формы правосознания. Несмотря на это, анализ правовых норм

¹ URL: <http://vostlit.narod.ru/Texts/Dokumenty/Litva/XVI/1520-40/Statut1529/text10.htm>.

² Статут Вялікага Княства Літоўскага 1588 / Пераклад на сучасную бел. Мову А.С. Шагун. – Мінск : Беларусь, 2016. – С. 55.

показал отсутствие четко сформулированного гражданско-правового института кредиторской задолженности, а, следовательно, и алгоритма действий при уклонении от погашения кредиторской задолженности в нынешнем уголовно-правовом понимании. Данное явление естественно, учитывая особенности исторического периода, уровень развития общества и производственных отношений, начальное состояние формирования и развития правовой системы, которые не позволяли идентифицировать сформированные кредитно-денежные отношения и гражданско-правовые обязательства, и, как следствие, их правовую защиту. Однако существовавший упрощенный характер гражданско-правового обмена в этот исторический период регулировался правовыми нормами, положенными впоследствии в формирование исследуемого нами вида обязательства.

Статут 1588 г. регулировал общественные отношения на белорусских землях вплоть до 1840 г. С данного периода источником права на землях нашего государства являлось российское законодательство. Имперская власть, преследуя цель обеспечить политическую лояльность новых национальных регионов, вошедших в состав России, сочла возможным сохранить ограниченное действие прежних национальных правовых систем, охватывающих сферу гражданско-правовых отношений [16]. Однако высокий уровень отличий как структурно-функциональной организации вошедших государств, так и их национальных систем права стал основной причиной отмены в 1840 г. действия местного права на белорусских землях. В данный исторический период на землях Российской империи, а, следовательно, и на территории Белоруссии действовало Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., в котором существовала глава, закрепляющая ответственность за преступления по договорам и другим обязательствам. Отметим, что уголовно-правовая защита кредитных отношений в русском законодательстве была более прогрессивной, нежели в Статуте ВКЛ 1588 г. Так, еще Соборное уложение 1649 г. содержало в себе уголовно-правовой институт злостного банкротства, согласно которому предусматривалась ответственность должника перед кредитором в случае, если он не исполнял взятое на себя обязательство [17, с. 15]. В качестве наказания должника выдавали кредитору до момента окончательного расчета, в том числе посредством физической отработки долга. Законодатель предусматривал гражданскую ответственность предшествовавшим наступлению уголовного наказания за исследуемое деяние. Отметим, что в данном случае в рамках гражданской ответственности использовался «провёж» (взыскание долга с применением насилия, истязания). «Должника, который не хотел платить, утром выводили перед приказной избой, обнажали икры и били по ним палками или укладывали на землю и били батогами по спине» [17, с. 15]. В случае неуплаты долга в установленный срок (один месяц за сто рублей) после применения физического наказания, предусматривалось обращения взыскания на имущество должника. В 1864 г. в Российской империи был принят Устав о наказаниях с целью дифференциации ответственности за преступления. Данный правовой акт вводил понятия «уголовного проступка» и «маловажных преступлений». Законодатель ввел понятие о долговых обязательствах на сумму, не превышающую трехсот рублей, и предусматривал наказание за данные деяния в виде тюремного заключения сроком от одного до трех месяцев, тем самым заложив начало принципа гуманизма в систему наказаний [17, с. 15].

В 1903 г. в Российской империи вступило в действие Уголовное уложение «О банкротстве, ростовщичестве и иных случаях наказуемой недобросовестности по имуществу». Новеллой данного правового акта стала криминализация ответственности за «неисполнение обязанностей должника по отношению к его кредиторам», «сокрытие способов удовлетворения кредиторов», «противозаконное распоряжение своим имуществом во вред кредиторам». Исследователи, занимающиеся изучением экономической преступности царской России, отмечают, что «нормы многих законов были недоработаны, двояко толковались, а также существовали широкие возможности для уклонения от уголовной ответственности» [18, с. 63].

Таким образом, несмотря на неразвитость хозяйственных отношений XIX в., уголовно-правовое законодательство Российской империи должным образом охраняло отношения между должниками и их кредиторами. По сути, приведенные выше нормы являются сходными с объективными и субъективными признаками уклонения от погашения кредиторской задолженности в нынешнем его понимании в ст. 242 «Уклонение от погашения кредиторской задолженности» Уголовного кодекса Республики Беларусь.

Следующим этапом становления института уголовной ответственности за уклонение от погашения кредиторской задолженности стало уголовное законодательство советского периода. Особенностью уголовной политики того времени – ориентация на защиту хозяйственной деятельности, основанной исключительно на государственной форме собственности, поскольку в секторе экономики советских республик не было места частной предпринимательской деятельности, она была запрещена законом. С 1922 г. по 1928 г. на территории Белоруссии действовал Уголовный Кодекс РСФСР, который предусматривал уголовную ответственность за спекуляцию. Поскольку законом признавалась только одна форма собственности – государственная, легальные рыночные отношения были запрещены законодательством, в уголовных кодексах советского периода отсутствовали такие дефиниции как «должник», «кредитор», «кредит». Также не было надобности и в установлении уголовной ответственности за ненадлежащее поведение должников перед своими кредиторами.

С 1928 г. уголовно-правовые отношения на белорусских землях регулировал Уголовный кодекс Белорусской ССР 1928 г. Безусловно, данный документ, как и Уголовный Кодекс РСФСР 1922 г., под экономической деятельностью понимал хозяйственные отношения, основанные на государственной форме собственности. Несмотря на это глава VII «Имущественные преступления» содержала ст. 252, согласно которой предусматривалась уголовная ответственность за «неисполнение договора с государственным, общественным или кооперативным учреждением,

или предприятием, если при рассмотрении дела в порядке гражданского судопроизводства установлен злонамеренный характер неисполнения»³. Указанная выше норма под предметом преступления понимала гражданско-правовые обязательства любого вида, фактически устанавливала ответственность за уклонение от погашения кредиторской задолженности. Отметим, что как в рамках анализируемой статьи, так и в ст. 242 УК 1999 г., уголовной ответственности предшествует гражданское судопроизводство. Однако, законодательство советского периода в качестве задачи судебного разбирательства в гражданском порядке определяла установления факта «... злонамеренного характера неисполнения обязательства». В свою очередь задачей нынешней гражданской юстиции является констатация факта существования кредиторской задолженности. Задача уголовного судопроизводства (в рамках исследуемого преступления) законодатель определил установление факта уклонения от исполнения судебного постановления при наличии возможности исполнить обязательство о погашении кредиторской задолженности.

Прогрессивность конструирования Уголовного кодекса РСФСР 1926 г., заключалась в наличии главы V «Хозяйственные преступления», в рамках которой существовала ст. 131 идентичная по своему содержанию ст. 252 Уголовного кодекса Белорусской ССР 1928 г. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. в ст. 111 предусматривал ответственность за «бездействие власти, то есть не выполнение должностным лицом действий, которые оно по обязанности своей службы должно было выполнить, при наличии признаков ст. 109 «Злоупотребление властью или служебными полномочиями», а равно халатное отношение к службе»⁴. Рекомендации комментария к Уголовному кодексу РСФСР 1926 г. разъясняли, что к уголовной ответственности за преступление, изложенное в ст. 111, возможно привлекать членов ликвидационных комитетов, а также органы кооперативных организаций, признаваемые должностными виновными лицами за такие действия, как: будучи обязанными рассчитаться с кредиторами, не производят расчета или проводят его ненадлежащим образом, рассчитываясь неправильно с одними кредиторами в ущерб другим [19, с. 230]. Анализ норм свидетельствует о том, что уголовно-правовая защита неисполненных обязательств в сфере кредитных отношений существовала в рамках УК РСФСР 1926 г. в деяниях, ответственность за которые предусматривались ст.ст. 131 и 111.

В уголовном кодексе Белорусской ССР 1928 г. существовала ст. 196 «Небрежное или недобросовестное отношение должностного лица к своим служебным обязанностям, волокита и протекционизм, а также невыполнение должностным лицом действий, которые оно по обязанности своей службы должно было выполнить, при наличии признаков, предусмотренных 2 ч. Ст. 195 Действие либо бездействие должностного лица»⁵. По своему содержанию данное преступление тождественно ст. 111 УК РСФСР 1926 г. Однако, отсутствие комментария к УК БССР 1928 г. не позволяла использовать аналогию.

Уголовный кодекс Белорусской ССР 1960 г. систематизировал общественно опасные деяния, причиняющие вред экономической безопасности государства, и поместил такого рода составы в главу 11 «Хозяйственные преступления». Отметим, что скомпонованные в рамках вышеупомянутой главы составы преступлений, посягающие на советскую экономику, существенно отличаются от нынешнего понимания. Уголовная ответственность предусматривалась за ныне декриминализованные деяния: ст. 150 «Частнопредпринимательская деятельность и коммерческое посредничество», ст. 151 «Спекуляция», ст. 155 «Изготовление, хранение или сбыт крепких спиртных напитков домашней выработки», ст. 156 «Нарушение правил торговли спиртными напитками», ст. 157 «Подделка знаков почтовой оплаты и проездных билетов»⁶. Характерной особенностью главы 11 «Хозяйственные преступления» Уголовного кодекса БССР 1960 г. являлось расширение объекта преступных посягательств путем включения в него общественно опасных деяний, посягающих на экологическую безопасность и природную среду. В качестве примера приведем ст. 158 «Нарушение ветеринарных правил», ст. 159 «Нарушение правил, установленных для борьбы с болезнями и вредителями растений», ст. 161 «Незаконное занятие рыбным и другим водным добывающим промыслом», ст. 163 «Незаконная охота», ст. 164 «Потрава посевов» и т.п. Советский законодатель к числу хозяйственных преступлений относил ст. 152 Уголовного кодекса 1960 г. «Незаконное пользование товарными знаками», ныне относящуюся к общественным отношениям, регулируемым в рамках гражданского судопроизводства. Уголовный кодекс Белорусской ССР 1960 г. в качестве посягательства на хозяйственную деятельность государства рассматривал деяния, описанные в ст. 149 «Выпуск недоброкачественной, некомплектной или нестандартной продукции» и в ст. 154 «Выпуск в продажу недоброкачественных, нестандартных и некомплектных товаров». Вышеупомянутые нормы отличаются друг от друга тем, что в рамках ст. 149 предусматривалась ответственность за выпуск недоброкачественной, некомплектной или нестандартной продукции только из промышленных предприятий для должностных лиц, ответственных за соблюдение качества. Положение ст. 154 применялось в случаях выпуска в продажу недоброкачественных, нестандартных и некомплектных товаров, под которыми понималось «отпуск с баз, складов, секций торговых предприятий, независимо от их ведомственной принадлежности, производственных и промышленных товаров ненадлежащего качества для реализации в розничной торговле» [20, с. 260]. Уголовный кодекс Республики Беларусь предусматривает ответственность за выпуск на товарный рынок либо реализацию потребителям недоброкачественной продукции в ст. 337

³ URL: http://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/UK_BSSR_1928_goda.pdf.

⁴ URL: <http://docs.cntd.ru/document/901757374>.

⁵ URL: http://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/UK_BSSR_1928_goda.pdf.

⁶ URL: http://pravo.by/ImgPravo/pdf/UK_BSSR_1960.pdf.

«Выпуск либо реализация недоброкачественной продукции». Белорусский законодатель под объектом преступления ст. 337 определил общественные отношения, посягающие на здоровье населения.

Анализ главы 11 «Хозяйственные преступления» Уголовного кодекса Белорусской ССР 1960 г. свидетельствует о существовании одного состава преступления, имеющего тождественную направленность уголовно-правовой охраны в рамках главы 25 «Преступления против порядка осуществления экономической деятельности» УК Республики Беларусь 1999 г. Сущность ст. 160¹ «Уклонение от подачи декларации о доходах» аналогична ст. 243 «Уклонение от уплаты сумм налогов и сборов» УК Республики Беларусь. Однако используемые дефиниции и конструкции объективных сторон общественно опасных деяний существенно отличаются друг от друга.

Особенность советского уголовного законодательства заключается в наделении повышенной общественной опасностью преступных посягательств на социалистическую собственность и выделении их из числа имущественных преступлений в отдельную главу 7 «Преступления против социалистической собственности». Обратим внимание на ст. 92 Уголовного кодекса БССР 1960 г. «Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотреблением доверия». Диспозиция указанной выше статьи имеет следующее содержание: «Причинение имущественного ущерба государственной или общественной организации путем обмана или злоупотреблением доверия при отсутствии признаков хищения». Научно-практический комментарий к уголовному кодексу Белорусской ССР разъяснял, что «данное преступление не является хищением. Оно отличается от действий, предусмотренных в ст. 90 «Хищение государственного или общественного имущества путем мошенничества» Уголовного кодекса 1960 г. тем, что не связано с незаконным изъятием и обращением в пользу виновного или других лиц государственного или общественного имущества. Рассматриваемым преступлением причиняется имущественный ущерб социалистической организации каким-либо иным путем, но обязательно связано с обманом или злоупотреблением доверия этой организации. В частности, по ст. 92 советского периода квалифицировались такие деяния как «уклонение путем обмана от передачи государству или общественной организации денег или имущества, которые лицо обязано было внести (например, путем сокрытия действительной суммы договора купли-продажи дома при регистрации его в нотариальной конторе не доплачивается государственная пошлина)» [20, с. 180].

Анализ разъяснения сущности ст. 92 «Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотреблением доверия» Уголовного кодекса 1960 г. отразил существенные отличия в правоприменительной практике и подходах к квалификации общественно опасных деяний, существующих в советском и нынешнем периоде. Пример, приведенный в научно-практическом комментарии и подлежащей квалификации по ст. 92 уголовного кодекса Белорусской ССР в настоящее время образует состав преступления, ответственность за которое предусмотрено ст. 243 «Уклонение от уплаты сумм налогов и сборов». Обратим внимание, что вплоть до 1994 г. потерпевшим по ст. 92 советского уголовного закона признавалась только государственная или общественная организация, п. 73 Закона Республики Беларусь от 1 марта 1994 г. № 2827-ХІІ исключил из диспозиции нормы слова «... государственной или общественной организации ...», тем самым предоставив уголовно-правовую защиту любому собственнику⁷. Смысл, вложенный В.А. Шкурко, в ст. 92 Уголовного кодекса БССР, позволяет сделать вывод об определенном сходстве описанного общественно опасного деяния с исследуемой ст. 242 Уголовного кодекса Республики Беларусь «Уклонение от погашения кредиторской задолженности». Тождественность указанных выше составов преступлений заключается в возникшем обязательстве, имеющем гражданско-правовую природу, по возмещению денежного или имущественного ущерба организациям.

Таким образом, ст. 242 «Уклонение от погашения кредиторской задолженности» УК Республики Беларусь в нынешнем ее понимании уголовному праву советского периода была не известна. Схожий по своей направленности, имеющий общие начала с исследуемой национальной уголовно-правовой нормой, являлся состав преступления, ответственность за который предусматривалась в ст. 92 Уголовного кодекса БССР 1960 г. Однако последний содержался в главе 7 «Преступления против социалистической собственности» тем самым свидетельствуя о разном понимании национальным и советским уголовными законами степени общественной опасности данных преступных деяний. В уголовном кодексе Белорусской ССР 1960 г. отсутствовали такие понятия как «кредит», «кредитор», «должник». Однако в гражданском кодексе Белорусской ССР был закреплен раздел III «Обязательственное право». Согласно ст. 156 Гражданского кодекса 1964 г. «Понятие обязательства и основания его возникновения». «В силу обязательства одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенные действия как-то: передать имущество, выполнить работу, уплатить деньги и т.п., либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности»⁸. Из чего следует, что советское законодательство предусматривало охрану обязательственного права исключительно в рамках гражданского судопроизводства.

Формирование рыночных отношений, развитие банковской системы, падение социализма привело к существенным изменениям в хозяйственной деятельности постсоветских государств: экономическая преступность приобрела новые формы, что и обусловило криминализацию общественно опасного деяния уклонения от погашения кредиторской задолженности в уголовном кодексе Республики Беларусь.

Заключение. Формирование и становление уголовной ответственности за уклонение от погашения кредиторской задолженности в контексте истории права Беларуси начинается со Статутов ВКЛ 1529, 1566, 1588 гг.,

⁷ URL: <http://pravo.levonevsky.org/bazaby/zakon/zakb1235.htm>.

⁸ URL: http://pravo.by/ImgPravo/pdf/GK_BSSR_1964.pdf.

нормы которых ввели такие понятия как «кредитор», «должник», «долговая запись», «залог», «залогодатель», «залогодержатель», что свидетельствует о начальном формировании обязательственного права. Введение долговой записи способствовало формированию правосознания общества, вывело правовую культуру граждан на новый уровень посредством введения обязанности документального подтверждения межличностных денежных отношений, тем самым упорядочив сферу долговых обязательств, устранив споры по поводу их возникновения. Нормы Статута ВКЛ 1588 г. регулировали долговые отношения, предметом которых могли выступать как движимые вещи, взятые в долг на определенное время, так и суммы денег. В качестве новеллы выступала необходимость применения залога для обеспечения обязательства.

После распада Речи Посполитой белорусские земли вошли в состав Российской империи. С этого момента начался процесс русификации территории. Следовательно, следующим этапом становления уголовной ответственности за уклонение от погашения кредиторской задолженности УК Республики Беларусь стало российское законодательство соответствующего периода. Отметим прогрессивность уголовно-правовой защиты кредитных отношений, а именно наличие уголовной ответственности за злостное банкротство в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., согласно которому предусматривалась ответственность должника перед кредитором, в случае если он не исполнял взятое на себя обязательство. Устав о наказаниях 1864 г. долговые обязательства на сумму, не превышающую трехсот рублей, относил к числу уголовного проступка и предусматривал наказание за данные деяния в виде тюремного заключения сроком от одного до трех месяцев, тем самым заложив начало принципа гуманизма в систему наказаний. Уголовное уложение 1903 г. содержала главу XXXIV «О банкротстве, ростовщичестве и иных случаях наказуемой недобросовестности по имуществу». Указанный выше документ предусматривал ответственность за «неисполнение обязанностей должника по отношению к его кредиторам», «сокрытие способов удовлетворения кредиторов», «противозаконное распоряжение своим имуществом во вред кредиторам». Таким образом, несмотря на неразвитость хозяйственных отношений XIX в. уголовно-правовое законодательство Российской империи, в состав которой входили земли Белоруссии, должным образом охраняло отношения между должниками и их кредиторами. По сути, вышесказанное является некоторыми из обязательных признаков объективной стороны состава преступления уклонения от погашения кредиторской задолженности в нынешнем его понимании.

Уголовное законодательство советского периода охрану обязательственного права предусматривало в рамках гражданского судопроизводства. Отдельные нормы, имеющие общие начала охраны договорных отношений, существовали в уголовном законодательстве Белорусской ССР. Несмотря на значительное сужение хозяйственных отношений посредством исключения из них частной предпринимательской деятельности, уголовный кодекс Белорусской ССР 1928 г. способствовал становлению института ответственности за уклонение от погашения кредиторской задолженности. В рамках ст. 252 а) предусматривалась ответственность за неисполнение любого вида гражданско-правового обязательства «Неисполнение договора с государственным, общественным или кооперативным учреждением, или предприятием, если при рассмотрении дела в порядке гражданского судопроизводства установлен злонамеренный характер неисполнения». В данной норме законодатель понимал иначе исследуемое нами общественно опасное деяние: расширение предмета преступного посягательства, задача гражданского судопроизводства установить факт злонамеренного характера неисполнения обязательства, объективная сторона сконструирована по признаку формального состава преступления, отличие в субъекте преступления.

Общественно опасное деяние уклонение от погашения кредиторской задолженности в нынешнем его понимании уголовному праву советского периода было не известно. Обратим внимание на состав преступления ст. 92 Уголовного кодекса БССР 1960 г. «Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотреблением доверием», содержащейся в главе 7 «Преступления против социалистической собственности». По своей направленности ст. 92 УК БССР 1960 г. имела общие признаки объективной стороны со ст. 242 УК Республики Беларусь. Однако советский законодатель общественную опасность в ст. 92 УК БССР 1960 г. определил в качестве угрозы причинения ущерба социалистической собственности. Объективная сторона имеет существенное сходство с составом преступления «Хищение государственного или общественного имущества путем мошенничества» ст. 90 УК БССР. Отметим, что, несмотря на существование главы «Хозяйственные преступления» в уголовном законе 1960 г. общественно опасное деяние, ответственность за которое предусмотрено в ст. 92 УК БССР, не связывалось с посягательством на экономическую деятельность советского государства.

Таким образом, история становления уголовной ответственности за уклонение от погашения кредиторской задолженности не была системно поэтапной и последовательной как в экономическом, так и в уголовно-правовом смысле. Уголовное законодательство советского периода не знало данного вида преступления, криминализация исследуемого деяния произошла в условиях постулирования свободы экономической деятельности, но без учета и криминологического анализа социально-политических изменений контроля возможных злоупотреблений свободой экономической деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волженкин, Б.В. Служебные преступления : учеб.-практ. пособие / Б.В. Волженкин. – М. : Юристъ, 2000. – 368 с.
2. Таганцев, Н.С. Курс русского уголовного права : Часть общая. Книга 1 / Н.С. Таганцев. – СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1874. – Кн. 1, вып. 1–3 : Учение о преступлении. – VI, 284, VIII с.

3. Барков, А.В. Реформа уголовного права в Беларуси (1989–1999 гг.) / А.В. Барков // Право и демократия : сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2015. – Вып. 26. – С. 247–266.
4. Жук, Д.С. Уплыў палітыка-правовых ідэй мысліцеляў антычнасці на палітычную і прававую думку Вялікага Княства Літоўскага і яго заканадаўства другой паловы XVI ст. [Электронный ресурс] // Д.С. Жук // Информационно-поисковая система «ЭТАЛОН» / Нац. ц-р прав. информации Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
5. Лугвин, С. Великое Княжество Литовское и Русское государство / С. Лугвин // Беларуская думка. – 2015. – № 3. – С. 58–63.
6. Юхо, Я.А. Юрыдычная школа / Я.А. Юхо // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. – Мінск : БелЭн, 2003. – Т. 6. – Ч. 2. – 616 с.
7. Павлов, В.И. Рецепция права Чехии в правовую систему Великого Княжества Литовского, Русского и Жемойтского [Электронный ресурс] // В.И. Павлов // Информационно-поисковая система «ЭТАЛОН» / Нац. ц-р прав. информации Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
8. Доўнар, Т.І. Дасягненні і недахопы ў развіцці гісторыка-прававой навукі Беларусі [Электронный ресурс] // Т.І. Доўнар // Информационно-поисковая система «ЭТАЛОН» / Нац. ц-р прав. информации Респ. Беларусь.. – Минск, 2021.
9. Доўнар, Т.І. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі / Т.І. Доўнар. – Мінск : Адукацыя і выхаванне, 2014. – 552 с.
10. Юхо, И.А. Общественно-политический строй и право Белоруссии в XVI веке : дис. ... д-ра. юрид. наук : 12. 00. 01 / И.А. Юхо. – Минск : БГУ, 1979. – 399 с.
11. Доўнар, Т.І. Андрэй Волан (Валян) – беларускі філосаф і правазнаўца XVI стагоддзя / Т.І. Доўнар // Юстыцыя Беларусі. – 2012. – № 8. – С. 75–77.
12. Забойко, В.И. Право государственной собственности в Великом Княжестве Литовском в период до 1569 года [Электронный ресурс] / В.И. Забойко // Информационно-поисковая система «ЭТАЛОН» / Нац. ц-р прав. информации Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
13. Захилько, К.С. Исторический аспект криминализации деяний, входящих в группу криминального банкротства [Электронный ресурс] / К.С. Захилько // Информационно-поисковая система «ЭТАЛОН» / Нац. ц-р прав. информации Респ. Беларусь.. – Минск, 2021.
14. Жук, Д.С. Уплыў рэфармацыйнага руху на развіццё заканадаўства Вялікага Княства Літоўскага другой паловы XVI стагоддзя [Электронный ресурс] / Д.С. Жук // Информационно-поисковая система «ЭТАЛОН» / Нац. ц-р прав. информации Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
15. Балашенко, С.А. «Статуты Великого Княжества Литовского» – правовые памятники и мировое наследие земель Беларуси [Электронный ресурс] / С.А. Балашенко // Информационно-поисковая система «ЭТАЛОН» / Нац. ц-р прав. информации Респ. Беларусь.. – Минск, 2021.
16. Тараборин, Р.С. Статут Великого Княжества Литовского 1588 года и Уложение царя Вахтанга VI: сравнительный анализ систем национального права Беларуси и Грузии перед вхождением в состав Российской империи [Электронный ресурс] / Р.С. Тараборин // Информационно-поисковая система «ЭТАЛОН» / Нац. ц-р прав. информации Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
17. Коробко, Е.Ю. История развития нормы об ответственности за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности в России / Е.Ю. Коробко // История государства и права. – 2007. – № 1. – С. 15–16.
18. Бруханчик, Е. Экономические преступления служащих кредитных учреждений белорусских губерний в начале XX в. / Е. Бруханчик // Банкаўскі веснік. – 2013. – № 23. – С. 60–63.
19. Вроблевский, А.Б. Уголовный кодекс 1926 г. Комментарий / А.Б. Вроблевский, Б.С. Утевский,; под общ. ред. Е.Г. Ширвиндта. – 2-е изд. – М. : Изд-во НКВД, 1928. – 356 с.
20. Научно-практический комментарий к уголовному кодексу Белорусской ССР / А.В. Барков [и др.] ; под общ. ред. А.А. Зданович. – Минск : «Беларусь», 1989. – 429 с.

Поступила 19.09.2022

CRIMINAL LEGAL RESPONSE TO THE EVASION FROM REPAYMENT OF ACCOUNTS PAYABLES IN THE CONTEXT OF THE HISTORY OF CRIMINAL LAW

V. KUKSHTEL
(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

The article analyzes the criminal-legal reaction to the evasion of repayment of accounts payable in the socio-historical aspect of the development of economic relations. The Statutes of the Grand Duchy of Lithuania (hereinafter referred to as the Statutes of the Grand Duchy of Lithuania), the Charter on Punishments of 1864, the Criminal Code “On Bankruptcy, Usury and Other Cases of Punishable dishonesty on property” in 1903, as well as the criminal legislation of the Soviet period. The historical and legal analysis of the evasion of repayment of accounts payable is not only of theoretical but also of practical importance, since it contributes to a better understanding of the legislative structure of the crime under study.

Keywords: accounts payable, history of development, GDL Statutes, evasion, law of obligations.

ПРИЗНАКИ МУЛЬТИМЕДИЙНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

К.Д. САВИЦКАЯ

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

ORCID <https://orcid.org/0000-0003-1642-6324>

В связи со сравнительной новизной понятия «мультимедийное произведение» и отсутствием среди юристов единого подхода к его толкованию, актуальным является вопрос определения признаков, которые могли бы послужить основой для отграничения произведений такого рода от других объектов авторского права.

В статье проанализированы и систематизированы теоретические положения по теме исследования, выделены и рассмотрены следующие признаки мультимедийного произведения: интерактивность; наличие в структуре совокупности нескольких результатов интеллектуальной деятельности; сложность; цифровая форма; виртуальность; наличие в структуре компьютерной программы; предоставление информации с помощью комбинации множества воспринимаемых человеком сред; наличие нескольких сюжетных линий; художественный дизайн интерфейса и средств навигации; воплощение на материальных носителях; необходимость использования специальных технических устройств для работы с мультимедийным произведением. На основании полученных результатов исследования выделены сущностные юридически значимые признаки мультимедийного произведения.

Ключевые слова: мультимедийное произведение, сложность, виртуальность, интерактивность, цифровая форма, компьютерная программа, авторское право, интеллектуальная собственность.

Введение. В Республике Беларусь действующее законодательство не содержит легального определения понятия «мультимедийное произведение». Это приводит к тому, что на практике возникают трудности при решении вопроса о возможности отнесения тех или иных объектов к числу мультимедийных произведений. Для решения указанной проблемы, должны быть четко определены признаки мультимедийного произведения. Учет и конкретизация признаков, характеризующих мультимедийное произведение, позволит выявить его особенности по сравнению с иными результатами интеллектуальной деятельности.

Цель исследования – определить ключевые признаки мультимедийного произведения.

Основная часть. Прямого упоминания в законодательстве Республики Беларусь о мультимедийном произведении не содержится. Однако перечень произведений, охраняемых авторским правом, носит открытый характер. Законодатель ограничивается указанием признаков, при наличии которых произведение может получить авторско-правовую охрану. В соответствии с п. 1 ст. 6 Закон Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. «Об авторском праве и смежных правах»¹ авторское право распространяется на произведения науки, литературы и искусства, являющиеся результатом творческой деятельности, независимо от назначения и достоинства произведений, а также способа их выражения. В п. 2 рассматриваемой статьи указано, что авторское право распространяется как на обнародованные, так и на необнародованные произведения, существующие в какой-либо объективной форме. Таким образом, для признания объектом авторского права, мультимедийное произведение должно обладать двумя основными признаками: являться результатом творческой деятельности и иметь объективную форму выражения.

Обозначенные выше признаки являются достаточно общими и характерны для любого объекта авторского права. Поэтому представляется необходимым выделить юридически значимые признаки, которые позволят отделить мультимедийное произведение от других объектов, охраняемых авторским правом.

В юридической науке понятие и признаки мультимедийного произведения становились предметом рассмотрения в работах белорусских (О.В. Кондакова², Г.Н. Москалевич [1], С.А. Судариков [2]), российских (Е.С. Котенко³, В.В. Лебедь [3], Е.А. Мазур [4], С.В. Новацкий [5]) и зарубежных ученых (Т. Аплин (Австралия) [6], Ф. Годра (Франция) [7], И. Стаматуди (Великобритания) [8]). При общем подходе признаками следует считать различные показатели, стороны, характеристики, по которым тот или иной объект будет относиться к исследуемому понятию. Для целей настоящего исследования, мы изучили и систематизировали признаки мультимедийных произведений, выделенные в доктрине. В частности были проанализированы работы В.П. Беляева [9], О.В. Кондаковой⁴, Е.С. Котенко⁵, В.В. Лебедь [3], Е.А. Мазур [4], И. Стаматуди [8], С.А. Сударикова [2].

Результаты исследования представлены в таблице.

¹Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2011. – № 60, 2/1813.

² Кондакова, О.В. Аудиовизуальное произведение как объект авторского права по законодательству Республики Беларусь : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / О.В. Кондакова. – Минск., 2012. – 132 л. – С. 62.

³ Котенко, Е.С. Мультимедийный продукт как объект авторских прав: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Е.С. Гринь. – М., 2012. – 230 с. – С. 9.

⁴ См. сноску № 2.

⁵ См. сноску № 3.

Таблица. – Признаки мультимедийного произведений

Признак \ Автор, источник	Е. С. Котенко ⁶	В. П. Беляев [9, с.28]	С. А. Судариков [2, с.189]	В. В. Лебедь [3, с.76]	О.В. Кондакова ⁷	И. Стаматуди [8, с.20]	Е. А. Мазур [4, с.75]	Частота наличия анализируемой смысловой единицы
Сложность	+	-	+	-	-	+	+	57,14%
Виртуальность	+	-	+	+	-	-	-	42,85%
Интерактивность	+	-	+	+	+	+	+	85,71%
Предоставление информации с помощью комбинации множества воспринимаемых человеком сред	-	+	-	-	-	-	-	14,28%
Наличие нескольких сюжетных линий	-	+	-	-	-	-	-	14,28%
Художественный дизайн интерфейса и средств навигации	-	+	-	-	-	-	-	14,28%
Воплощение на материальных носителях	-	-	+	-	-	-	-	14,28%
Наличие в структуре совокупности нескольких результатов интеллектуальной деятельности	-	-	+	+	+	+	+	71,42%
Наличие в структуре компьютерной программы (оригинального программного кода)	-	-	-	+	+	-	-	42,85%
Цифровая форма	-	-	+	-	+	+	+	57,14%
Необходимость использования специальных технических устройств для работы с мультимедийным произведением	-	-	-	-	+	-	-	14,28%

Проведенный анализ позволяет выделить признаки мультимедийного произведения. Сгруппируем их по частоте упоминания авторами:

- 1) интерактивность (Е.С. Котенко, О.В. Кондакова, С.А. Судариков, В.В. Лебедь, И. Стаматуди, Е.А. Мазур);
- 2) наличие в структуре совокупности нескольких результатов интеллектуальной деятельности (О.В. Кондакова, В.В. Лебедь, Е.А. Мазур, И. Стаматуди, С.А. Судариков);
- 3) сложность (Е.С. Котенко, С.А. Судариков, И. Стаматуди, Е.А. Мазур);
- 4) цифровая форма (С.А. Судариков, О.В. Кондакова, И. Стаматуди, Е.А. Мазур);
- 5) виртуальность (Е.С. Котенко, С.А. Судариков, И. Стаматуди, В.В. Лебедь);
- 6) наличие в структуре компьютерной программы (оригинального программного кода) (В.В. Лебедь, О.В. Кондакова);
- 7) предоставление информации с помощью комбинации множества воспринимаемых человеком сред (В.П. Беляев);
- 8) наличие нескольких сюжетных линий (В.П. Беляев);
- 9) художественный дизайн интерфейса и средств навигации (В.П. Беляев);
- 10) воплощение на материальных носителях (С.А. Судариков);
- 11) необходимость использования специальных технических устройств для работы с мультимедийным произведением (О.В. Кондакова).

Рассмотрим указанные признаки и определим, какие из них являются отличительными для мультимедийного произведения.

Интерактивность. Интерактивность представляет собой набор событий, определяющих взаимодействие пользователя с системой виртуальной реальности. Возвращаемое системой событие изменяет дальнейшую пространственно-временную конструкцию произведения в зависимости от поступившего события, определенного действиями пользователя [10, с. 312]. Таким образом, интерактивность означает возможность пользователя воздействовать на произведение, осуществлять взаимодействие. По нашему мнению, признак интерактивности является **отличительным для мультимедийного произведения**, поскольку для его воспроизведения и отображения необходимо активное участие пользователя. В данном случае, пользователь является не просто зрителем, а имеет возможность взаимодействовать с содержанием произведения множеством способов. От выбора пользователя зависит визуальный, звуковой ряд мультимедийного произведения. Признак интерактивности также позволяет отграничить мультимедийное произведение от иных произведений, для которых характерна пассивная роль пользователя (аудиовизуальные произведения, базы данных и др.).

⁶ Там же.

⁷ См. сноску № 2.

Наличие в структуре совокупности нескольких результатов интеллектуальной деятельности. В доктрине указанный признак получил широкую поддержку (В.Н. Лопатин⁸, С.В. Новацкий [5, с. 34]). Между тем, указание о том, какие именно результаты (однородные или разнородные) и в каком объеме они должны присутствовать в структуре мультимедийного произведения отсутствует.

Определяя мультимедийное произведение, ученые перечисляют объекты, которые могут входить в структуру мультимедийного произведения. Среди таких объектов указывают:

- программное обеспечение (Г.Н. Москалевич [1, с. 19], Е.А. Мазур [4, с. 75]);
- базы данных (Ф. Годра [7, с. 24]);
- совокупность произведений и (или) объекты смежных прав (С.А. Сударикив [2, с. 187]);
- данные различного происхождения (Е.А. Мазур [1, с. 19]);
- комплекс аудио-и видео компонентов (Г.Н. Москалевич [1, с. 19]);
- текст, звук, неподвижные или движущиеся изображения, компьютерные программы и другие данные (И. Стаматуди [8, с. 20]);
- совокупность нескольких результатов интеллектуальной деятельности (Ю.М. Брумштейн, Е.С. Котенко⁹, В.Н. Лопатин, С.В. Новацкий [5, с. 34]).

Систематизируя представленную информацию, можно заключить, что круг объектов, которые могут входить в состав мультимедийного произведения, в доктрине не ограничивается. Полагаем, что мультимедийное произведение может содержать в своей структуре объекты авторского права, смежных прав, права промышленной собственности, неохраняемые результаты интеллектуальной деятельности. По нашему мнению, данный признак не может являться отличительным для мультимедийных произведений, поскольку он характерен для других объектов (аудиовизуальных произведений, театрально-зрелищных представлений, баз данных).

Сложность. Ряд авторов (Э.И. Абдуллина [11, с. 148], А.А. Кузьмин¹⁰, Э.С. Ромашин¹¹) относят мультимедийное произведение к числу сложных объектов. Подобный подход нашел отражение в законодательстве Российской Федерации. В п. 1 ст. 1240 ГК приведен исчерпывающий перечень сложных объектов, среди которых названы мультимедийные произведения. По установлению российского законодателя, мультимедийное произведение представляет собой самостоятельный объект интеллектуальной собственности, т.е. отличающийся по своим специфическим признакам от любого из видов поименованных объектов, содержащихся в ГК РФ. Поскольку мультимедийное произведение является одним из видов сложного объекта, для него будут характерны все признаки сложного объекта.

Систематизируя имеющуюся информацию, считаем возможным выделить **признак сложности** в качестве отличительного признака для мультимедийных произведений. Для мультимедийных произведений признак сложности означает:

1. В составе мультимедийного произведения должно быть **минимум два** охраняемых разнородных результата интеллектуальной деятельности (объекты одного типа правовой охраны, но разных видов и/или объекты разного типа правовой охраны), которые образуют **единый объект правовой охраны** [12]. В состав мультимедийного произведения могут входить: объекты авторского права; объекты смежных прав; объекты права промышленной собственности; неохраняемые результаты интеллектуальной деятельности.
2. Роль связующего звена между входящими в структуру объектами интеллектуальной собственности в мультимедийном произведении выполняет **компьютерная программа**, позволяющая воспринимать его как цельное произведение.
3. Для создания мультимедийного произведения необходимо **минимум три правообладателя**, среди которых: лицо, организовавшее создание мультимедийного произведения и минимум **два правообладателя результатов интеллектуальной деятельности**, вошедших в состав мультимедийного произведения.

Цифровая форма. На существование мультимедийного произведения в цифровой форме указывает С.А. Сударикив [2, с. 188]. Полагаем, что цифровая форма является одним из ключевых признаков мультимедийного произведения, поскольку в отличие от большинства произведений, которые могут быть созданы в одной форме, а в последующем переведены в другую, мультимедийное произведение существует исключительно в цифровой форме и не способно сменить ее на иную. Цифровая форма подразумевает не только возможность просмотра или прослушивания, но и влияние пользователя на произведение, его инициативное участие в развитии сюжета. Цифровая форма предоставляет возможность одновременного доступа к мультимедийному произведению множеству пользователей с различных устройств.

Виртуальность. Виртуальный [лат. *virtualis*] – возможный; такой, который может или должен проявиться при определенных условиях¹²; кажущийся, иллюзорный¹³. Полагаем, виртуальность можно охарактеризовать

⁸ Интеллектуальная собственность: словарь терминов и определений / Респ. науч.-исслед. ин-т интеллектуал. собственности (РНИИС). – М.: ИНИЦ «ПАТЕНТ», 2012. – 150 с. – С. 33.

⁹ См. сноску № 3.

¹⁰ Кузьмин, А.А. Проблемы правовой охраны программного обеспечения ЭВМ : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А.А. Кузьмин. – М., 2001. – 198 л. – Л. 70.

¹¹ Ромашин, Э.С. Особенности правовой охраны аудиовизуального произведения как сложного комплексного объекта интеллектуальной собственности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Э.С. Ромашин. – М., 2016. – 196 л. – Л. 6.

¹² Словарь иностранных слов : ок. 19 000 слов. – 16-е изд., испр. – М. : Рус. яз., 1988. – 620 с. – С. 106.

¹³ Большая компьютерная энциклопедия Большая компьютерная энциклопедия . – М. : Эксмо, 2007. – 480 с. – С. 52.

как свойство результата интеллектуальной деятельности, проявляющееся при создании имитации объективной реальности или отображения вымышленного автором мира с помощью компьютерных технологий.

По нашему мнению, признак виртуальности не является отличительным для мультимедийного произведения. Распространение технологий виртуальной, дополненной и смешанной реальности позволяют представить в виртуальном пространстве фактически любой объект интеллектуальной собственности и наделить его признаком виртуальности. Так указанный признак будет характерен для голограмм, фильмов в 3D, 3D-карт, 3D-марок и др.

Наличие в структуре компьютерной программы (оригинального программного кода). По нашему мнению, компьютерная программа (оригинальный программный код) является обязательным компонентом мультимедийного произведения, поскольку она способствует установлению «уникальной творческой связи между использованными элементами»¹⁴ и позволяет воспринимать мультимедийное произведение как единое целое. Так, посредством компьютерной программы (оригинального программного кода) разнородные охраняемые и неохранные результаты интеллектуальной деятельности соединяются и образуют мультимедийное произведение.

Данный признак подчеркивает, что мультимедийные произведения не могут существовать и использоваться без программы (оригинального программного кода). Компьютерная программа отвечает за взаимодействие пользователя с мультимедийным произведением (интерактивность). По нашему мнению, наличие в структуре компьютерной программы (оригинального программного кода) **является отличительным признаком** для мультимедийного произведения, поскольку ее наличие не является обязательным для большинства объектов интеллектуальной собственности. Обозначенный признак отличен от выделенного признака сложности, поскольку компьютерная программа не является обязательным компонентом для сложных объектов (кинофильма, иного аудиовизуального произведения, театрально-зрелищного представления, базы данных).

Предоставление информации с помощью комбинации множества воспринимаемых человеком сред. Полагаем, данный признак не может выступать отличительным для мультимедийного произведения, поскольку он также характерен для аудиовизуальных произведений, которые предназначены для зрительного и слухового (в случае сопровождения звуком) восприятия с помощью соответствующих технических устройств¹⁵.

Наличие нескольких сюжетных линий. По нашему мнению, обозначенный признак не может выступать в качестве отличительного для мультимедийного произведения, поскольку он также характерен для других произведений (литературных, аудиовизуальных, драматических, музыкально-драматических, сценарных произведений и др.).

Художественный дизайн интерфейса и средств навигации. Считаем, данный признак не отличительным, поскольку: 1) он характеризует исследуемый объект с технической стороны, а не юридической; 2) не является уникальным для мультимедийных произведений, поскольку характерен для иных видов произведений (компьютерная программа, электронная база данных).

Воплощение на материальных носителях. С развитием информационных технологий, указанный признак утратил свою актуальность и не может являться отличительным. Для удобства доступа пользователей к своим продуктам правообладатели размещают их на электронных площадках в сети Интернет. Это сокращает себестоимость продукта и обеспечивает возможность доступа с любого соответствующего пользовательским характеристикам устройства.

Необходимость использования специальных технических устройств для работы с мультимедийным произведением. Полагаем, что данный признак не может являться отличительным для мультимедийного произведения, поскольку применение специальных технических устройств необходимо для любых произведений в цифровой форме.

Заключение. Подводя итог проведенному исследованию, можно заключить, что, помимо общих признаков, позволяющих рассматривать мультимедийное произведение как объект авторского права, оно обладает рядом специфических признаков, которые указывают на его качественное отличие от произведений, прямо указанных в законодательстве. На основании проведенного анализа, нами были сформулированы ключевые признаки мультимедийного произведения:

- 1) существует исключительно в цифровой форме;
- 2) представляет собой единый объект правовой охраны, в котором посредством компьютерной программы (оригинального программного кода) объединены выраженные в цифровой форме объекты интеллектуальной собственности (сложность);
- 3) воспроизведение и отображение зависит от взаимодействия с пользователем (признак интерактивности);
- 4) имеет в структуре компьютерную программу (оригинальный программный код), обеспечивающей целостное восприятие, существование и использование мультимедийного произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Москалевич, Г.Н. Особенности лицензионного договора на продукт мультимедиа как охраняемый объект интеллектуальной собственности / Г.Н. Москалевич // Интеллектуальная собственность в Беларуси. – 2013. – № 2. – С. 19–22.
2. Судариков, С.А. Интеллектуальная собственность / С.А. Судариков. – М.: Изд-во дел. и учеб. лит-ры, 2007. – 800 с.

¹⁴ См. сноску № 2.

¹⁵ См. сноску № 1.

3. Лебедь, В.В. Мультимедийные продукты в условиях адаптации французских законов об авторском праве к информационным реалиям / В.В. Лебедь // Государство и право. – 2014. – № 5. – С. 72–77.
4. Мазур, Е.А. Понятие мультимедийного продукта / Е.А. Мазур // Актуальные проблемы российского законодательства : сб. ст. / Моск. ин-т экономики, менеджмента и права. – М., 2011. – Вып. 4. – С. 72–75.
5. Новацкий, С.В. Исключительное право на мультимедийное произведение / С.В. Новацкий // Авторское право и смежные права. – 2017. – № 2. – С. 33–41.
6. Aplin, T. Copyright law in the digital society: the challenges of multimedia / T. Aplin. – Bloomsbury Publishing, 2005. – 320 p.
7. Годра, Ф. Краткие заметки о правовом режиме произведений мультимедиа / Ф. Годра // Современное право. – 2001. – № 4. – С. 24–28.
8. Stamatoudi, I. A. Copyright and multimedia products: A comparative analysis / I. A. Stamatoudi. – Cambridge University Press, 2001. – 318 p.
9. Беляев, В.П. Компьютерная графика в среде образования / В.П. Беляев // Высшая школа. – 2013. – № 4. – С. 28–30.
10. Чичканов, Е.С. Интерактивность как средство художественной выразительности / Е.С. Чичканов // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2009. – № 4. – С. 309–313.
11. Абдуллина, Э.И. Правовые аспекты создания и использования сложных объектов интеллектуальных прав в виртуальной реальности / Э.И. Абдуллина // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 9(82). – С. 148–152.
12. Савицкая К.Д. Понятие и признаки сложного объекта в авторском праве [Электронный ресурс] / К.Д. Савицкая // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики : электрон. сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., Новополоцк, 28 мая 2021 г. / Полоц. гос. ун-т, Регион. учеб.-науч.-практ. юрид. центр ; редкол.: В.А. Богоненко (отв. ред.), Н.А. Бесецкая, В.П. Шарикова. – Новополоцк, 2021. – 1 электрон. опт. диск (CD-R).

Поступила 08.09.2022

FEATURES OF A MULTIMEDIA WORK

K. SAVITSKAYA

(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

In connection with the comparative novelty of the concept of "multimedia work" and the lack of a unified approach to its interpretation among lawyers, the issue of determining the signs that could serve as the basis for distinguishing works of this kind from other objects of copyright is relevant.

The article analyzes and systematizes the theoretical provisions on the research topic, identifies and considers the following features of a multimedia work: interactivity; the presence in the structure of the totality of several results of intellectual activity; complexity; digital form; virtuality; the presence in the structure of a computer program; providing information using a combination of many perceived by the person; the presence of several storylines; artistic design of the interface and navigation tools; embodiment on material carriers; the need to use special technical devices for working with multimedia works. Based on the results of the study, the essential legally significant features of a multimedia work are highlighted.

Keywords: *multimedia work; complexity; virtuality; interactivity; digital form; computer program; Copyright; intellectual property.*

УДК 342(476)

DOI 10.52928/2070-1632-2022-62-12-129-135

**НОРМОТВОРЧЕСКИЙ ПРИНЦИП НАУЧНОСТИ:
КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

П.В. СОЛОВЬЁВ

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

ORCID <https://orcid.org/0000-0003-2800-9405>

В статье с конституционно-правовых позиций исследуется нормотворческий принцип научности. Раскрыто содержание данного принципа, а также обозначены имеющиеся и предложены новые механизмы его воплощения в жизнь в правовой системе Республики Беларусь. Исследование построено через преломление принципа научности на ключевые стадии нормотворческой деятельности, которые определяют конечный нормотворческий продукт (планирование, инициирование, подготовка проекта нормативного правового акта). Также обращено внимание на взаимодействие принципа научности с некоторыми другими основными принципами нормотворческой деятельности (конституционность, демократизм, гласность и др.). Обоснован ряд предложений по совершенствованию Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах», призванный повысить степень реализации нормотворческого принципа научности.

Ключевые слова: *нормотворчество, нормотворческая деятельность, принципы нормотворчества, принцип научности, правовая наука.*

Введение. Современное общество находится в постоянной динамике: возникают новые общественные отношения, усложняются и изменяются существующие, выстраиваются новые вертикальные и горизонтальные связи в системе общественных отношений. Изменения охватывают политическую, экономическую, социальную и другие сферы. Правовое регулирование общественных отношений в таких условиях требует от субъектов права, вовлечённых в нормотворческую деятельность, высокого научного и профессионального уровня подготовки. Нормотворчество становится интеллектуально ёмким видом юридической деятельности. В этой связи в систему основных принципов нормотворчества включается принцип научности, актуализируется вопрос о содержании и механизмах реализации данного принципа.

Основная часть. Исследования нормотворческого принципа научности в белорусской юридической науке можно найти в работах Г.А. Василевича, С.Г. Дробязко, В.Д. Ипатова, В.К. Ладутько, С.А. Калинина, С.М. Сивца, Н.В. Сильченко, В.И. Шабайлова и др. Общие положения, сформировавшиеся в доктрине [1, с. 19–20; 2, с. 8–9; 3, с. 34] о данном принципе, могут быть представлены в виде следующих тезисов.

1. Нормотворческий принцип научности, как правило, именуется через использование термина «научность», также могут использоваться обороты «принцип научной обоснованности», «принцип учёта результатов научных исследований» и т.п. В состав принципа научности может включаться нормотворческий принцип профессионализма.

2. Большинство учёных относят научность к «основополагающим», «основным», «базовым» принципам нормотворчества.

3. Обобщённо нормотворческий принцип научности может быть определён как осуществление нормотворчества на основе научных знаний, использование в нормотворческой деятельности современных достижений науки.

4. В качестве механизмов реализации принципа научности называют достаточно широкий перечень инструментов: привлечение учёных-юристов и учёных иных областей знаний к разработке нормативных правовых актов; использование результатов научных исследований при разработке нормативного правового акта; научно обоснованное планирование и прогнозирование нормотворческой деятельности; научная экспертиза проектов нормативных правовых актов; организация нормотворческой деятельности на принципах, принятых в науке (объективность, рациональная обоснованность, аргументированность позиций, использование только достоверных знаний и т.п.).

Помимо доктринального признания нормотворческий принцип научности имеет и нормативно-правовое закрепление в Республике Беларусь. Закон Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. «О нормативных правовых актах»¹ в ст. 6 включает научность в перечень основных принципов нормотворческой деятельности и называет ряд направлений по реализации принципа научности: 1) вовлечение научного сообщества в нормотворческую деятельность и использование результатов научных исследований при разработке и экспертизе проектов нормативных правовых актов; 2) использование научно обоснованного планирования в нормотворческом процессе; 3) использование научно обоснованного прогнозирования последствий принятия нормативных правовых актов. Ряд других положений указанного Закона закрепляют нормы, также направленные на реализацию принципа научности в нормотворчестве: учёт результатов научных исследований при подготовке планов проектов нормативных правовых актов (ст. 38); учёт результатов научных исследований в области права при подготовке проектов нормативных правовых актов или их концепций (ст. 42, 43) и др.

¹ О нормативных правовых актах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2018 г., № 130-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

Нормативно-правовым закреплением нормотворческого принципа научности также можно считать Указ Президента Республики Беларусь от 13 декабря 2007 г. № 630², которым создан Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь и который утверждает Положение о его деятельности. Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь является научно-практическим государственным учреждением, обеспечивающим подготовку проектов законодательных актов в Республике Беларусь и проведение научных исследований в области права, подготовку научных работников высшей квалификации. Данный Центр является основным субъектом нормотворческих отношений, связанных с практической реализацией принципа научности в белорусском нормотворчестве. Научное сопровождение нормотворческой деятельности обеспечивается Национальным центром законодательства и правовых исследований Республики Беларусь с момента планирования нормативного правового акта до его фактической реализации в части осуществления правового мониторинга эффективности нормативного правового акта.

Нормативно-правовое развитие принципа научности также осуществляется и в других нормативных правовых актах, в т.ч. в указе Президента Республики Беларусь от 8 декабря 2011 г. № 573 «О Совете по вопросам правовой и судебной деятельности при Президенте Республики Беларусь»³, который утверждает создание постоянно действующего консультативного органа при Президенте Республики Беларусь для обсуждения важнейших проблем, связанных с осуществлением полномочий Президента Республики Беларусь в области права, а также выработки предложений по совершенствованию судебной деятельности. Состав данного Совета включает в себя значительное число ведущих учёных в области права.

Следует отметить, что в отличие от ряда других основных принципов нормотворческой деятельности (например, демократизм или гласность), принцип научности непосредственного закрепления на уровне конституционного текста не имеет. Конституционно-правовые основы данного принципа обнаруживаются только при системном толковании норм Конституции Республики Беларусь⁴: ст. 7 – принцип верховенства права, который, помимо прочего, предполагает достижение правовой определённости (беспробельность, ясность и непротиворечивость правового регулирования), в т.ч. и средствами юридической науки; ст. 59 – обязанность государства принимать все доступные ему меры для создания внутреннего порядка, необходимого для полного осуществления прав и свобод граждан Республики Беларусь, который возможен, помимо прочего, только в условиях правового регулирования, учитывающего современные достижения естественных, технических и гуманитарных наук.

С конституционно-правовой точки зрения реализация принципа научности в нормотворчестве – это один из ресурсов, обеспечивающих устойчивое конституционно-правовое развитие государства. Нормотворческая деятельность без опережающего научного обеспечения, как правило, продуцирует дефектные нормативно-правовые решения, что в конечном счёте оказывает негативное воздействие на конституционный правопорядок, на реализацию конституционных прав и свобод граждан и личности, прав и законных интересов организаций, на порядок функционирования государственной власти и т.п. При этом целям бездефектного нормотворчества служат как юридическая наука, так и иные области научной деятельности, связанные со сферами, подвергающимися правовому регулированию, например, технические науки.

Обобщая вопрос о понятии нормотворческого принципа научности, можно сформулировать следующее определение: нормотворческий принцип научности – это осуществление нормотворческой деятельности во взаимодействии с юридической и иными науками в целях принятия научно обоснованных нормотворческих решений, отражения в нормативных правовых актах современных достижений науки.

Нормотворческий принцип научности является частью развивающейся в настоящее время концепции доказательной политики (англ. evidence-based policy) [4, с. 92], которая предполагает осуществление государственной политики (в т.ч. и нормотворческой деятельности) на основе результатов научных исследований, с использованием научно обоснованных фактов. В основе данной концепции лежит тезис о том, что такое осуществление государственной политики призвано повысить его качество и минимизировать негативные последствия субъективных, идеологически ангажированных и тому подобных решений. Это актуализирует необходимость правового и организационного обеспечения механизмов реализации нормотворческого принципа научности, поскольку напрямую связано с обеспечением конституционного права граждан на хорошее управление (англ. right to good administration). Поскольку правотворческая деятельность «в современном государственном устройстве во многом предопределяет и становится основой социально-экономического благополучия страны, уровня развития и перспектив государства» [5, с. 94].

Нормотворческий принцип научности как осуществление нормотворческой деятельности во взаимодействии с наукой требует определенного механизма реализации. Рассмотрим данный вопрос в разрезе отдельных стадий нормотворческого процесса.

² Положение о Национальном центре законодательства и правовых исследований Республики Беларусь [Электронный ресурс] : утв. Указом Президента Республики Беларусь, 13 дек. 2007 г., № 630 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

³ О Совете по вопросам правовой и судебной деятельности при Президенте Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Республики Беларусь, 8 дек. 2011 г., № 573 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

⁴ Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г., 27 фев. 2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

1. Планирование нормотворческой деятельности (особенно перспективное планирование) является одним из наиболее наукоёмких видов деятельности в нормотворческом процессе, поскольку прогнозирование будущих потребностей правового регулирования, опережающее нормотворчество, требует значительных научных разработок. В этой связи реализация принципа научности ещё на стадии планирования нормотворческой деятельности является важным условием создания качественной системы нормативных правовых актов. Реализация принципа научности здесь возможна в следующих формах:

- концептуальное и предметное планирование нормотворческой деятельности как в краткосрочной (текущее планирование), так и в долгосрочной перспективе (перспективное планирование) различными субъектами научного сообщества (научные учреждения, высшие учебные заведения, научные коллективы, отдельные учёные и др.);
- внесение субъектами научного сообщества в нормотворческие органы предложений в планы подготовки проектов нормативных правовых актов; участие субъектов научного сообщества в работе государственных органов при разработке планов подготовки проектов нормативных правовых актов в качестве консультантов;
- экспертная оценка субъектами научного сообщества планов подготовки проектов нормативных правовых актов, разработанных государственными органами.

На данный момент в Республике Беларусь организационное и правовое оформление получила только такая форма взаимодействия нормотворческих органов и научного сообщества на стадии планирования нормотворческой деятельности, как внесение в нормотворческие органы предложений в планы подготовки проектов нормативных правовых актов. Закон «О нормативных правовых актах» определяет, что при разработке планов подготовки проектов нормативных правовых актов рассматриваются не только предложения субъектов права законодательной инициативы, государственных органов, но и иных организаций, в том числе научных, общественных объединений, граждан, а также учитываются результаты научных исследований в области права и правового мониторинга (п. 3 ст. 38 Закона). Как отмечает В.Д. Ипатов, Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь при составлении ежегодного плана подготовки законопроектов учитывает позиции научных организаций, в т.ч. различных университетов республики [6, с. 14].

Как представляется, своё развитие также должны получить и другие формы реализации принципа научности на стадии планирования.

Во-первых, развитие практики подготовки альтернативных планов проектов нормативных правовых актов представителями научного сообщества (научные учреждения, высшие учебные заведения, научные коллективы). Подобный подход разумно реализовать в рамках перспективного планирования. Такие планы могли бы представлять собой общую концепцию развития той или иной отрасли законодательства (смежных отраслей законодательства) и включать в себя перечень планируемых к разработке нормативных правовых актов, обоснование их принятия, общую характеристику их содержания.

Во-вторых, также видится разумным развитие системы экспертной оценки научным сообществом планов подготовки проектов нормативных правовых актов, разработанных государственными органами. Цель такой оценки – выработка рекомендаций научного сообщества о совершенствовании планов подготовки проектов нормативных правовых актов, которые в дальнейшем могут быть учтены как посредством корректировки плана, так и приняты во внимание субъектами нормотворческой инициативы, нормотворческими органами на следующих стадиях нормотворческого процесса.

При этом важно отметить, что с точки зрения научно обоснованного подхода к планированию нормотворческой деятельности предполагается системный подход к разработке планов совершенствования законодательства, где план развития конкретного правового института интегрируется в план развития отрасли законодательства, а тот, в свою очередь, встраивается в общий план развития законодательства в целом. При этом нормы, а главным образом, принципы Конституции выступают здесь исходными позициями.

2. Реализация принципа научности на стадии нормотворческой инициативы, в первую очередь, предполагает наличие и функционирование правовых механизмов, позволяющих научному сообществу направлять свои предложения в нормотворческие органы через субъектов нормотворческой инициативы или самим выступать субъектом нормотворческой инициативы.

В Республике Беларусь данный механизм закреплён в ст. 40 Закона «О нормативных правовых актах», которая допускает признание в качестве субъектов нормотворческой инициативы как различные научные организации, так и отдельных учёных. При этом, если данные лица не являются субъектами нормотворческой инициативы в некоторых видах нормотворческого процесса, то они имеют право вносить проекты нормативных правовых актов или мотивированные нормотворческие предложения через субъектов, которые таковыми являются. Данное правило применяется в законотворческом процессе.

В целях усиления взаимодействия научного сообщества с нормотворческими органами видится разумным создание открытого банка данных нормотворческих предложений учёных, идея создания которого предложена Г.А. Василевичем. Он будет системно (например, по отраслям законодательства и (или) в привязке к конкретному нормативному правовому акту) аккумулировать в себе проекты нормативных правовых актов или мотивированные нормотворческие предложения, подготовленные учёными и направленные в нормотворческие органы для рассмотрения. Использование такого банка при планировании нормотворческой деятельности, подготовке нормотворческих инициатив и разработке проектов нормативных правовых актов будет способствовать реализации

принципа научности и в конечном счёте должно повысить качество нормотворческой деятельности. В свою очередь открытость банка данных также окажет позитивное воздействие на развитие правовой науки в части разработки предложений по совершенствованию законодательства: предложения будут подвергаться научному обсуждению, будут проводиться дальнейшие научные изыскания. С позиций государственной поддержки науки банк данных нормотворческих предложений учёных может стать одним из инструментов более эффективного распределения грантов на выполнение исследований в области права.

3. В нормотворческой доктрине основной стадией, где происходит воплощение принципа научности в жизнь, считается подготовка проекта нормативного правового акта (включая согласования и экспертизы). Здесь реализация принципа научности возможна в следующих формах:

- участие представителей научного сообщества в разработке проектов нормативных правовых актов (как в качестве членов рабочих групп, консультантов и т.д., так и в качестве самостоятельных авторов);
- участие в публичном обсуждении проектов нормативных правовых актов;
- проведение экспертиз проектов нормативных правовых актов;
- прогнозирование последствий принятия нормативных правовых актов и др.

Данные формы реализации принципа научности на стадии подготовки проекта нормативного правового акта достаточно разнородны по содержанию и подходам к их воплощению в нормотворческих процедурах. Однако универсальное исследование и выработку предложений по их развитию можно провести в контексте основных принципов нормотворчества.

В первую очередь, реализация принципа научности во взаимосвязи с принципом конституционности определяет суть данного принципа с конституционно-правовых позиций. Включенность научного сообщества в нормотворческий процесс, применение результатов научных исследований в нормотворческой деятельности призвано повысить качество нормотворческих решений, что в конечном счёте укрепляет конституционный правопорядок, обеспечивает действенность конституционно-правовых механизмов защиты прав и свобод граждан и личности. Это обосновывает необходимость использования инструментов данного принципа в нормотворческой деятельности, и недопустимость игнорирования научных позиций при подготовке нормотворческих решений.

Реализация принципа научности во взаимосвязи с принципом демократизма предполагает независимость и объективность представителей научного сообщества, включённых в нормотворческий процесс; включенность институтов гражданского общества в нормотворческие процедуры, связанные с реализацией принципа научности; ограничение абсолютного государственного влияния на функционирование науки, включённой в нормотворческий процесс. Это может достигаться посредством следующих подходов к взаимодействию науки и нормотворческого процесса:

- обязательное включение представителей научного сообщества в состав рабочих групп или привлечение их в качестве консультантов при разработке проектов нормативных правовых актов;
- подготовка альтернативных проектов нормативных правовых актов представителями научного сообщества по наиболее важным и сложным вопросам правового регулирования параллельно проектам, подготовляемым государственными органами или учреждениями, включёнными в систему органов государственной власти;
- проведение нормотворческих экспертиз, прогнозов последствий принятия нормативных правовых актов представителями научного сообщества, не включёнными в систему органов государственной власти, обладающими формальной и фактической независимостью от государственного органа (учреждения), разработавшего оцениваемый проект акта.

Именно данные способы призваны обеспечить объективность научных позиций, формируемых в процессе нормотворческой деятельности, а объективность является одним из ключевых оснований науки. На данный момент действующий Закон «О нормативных правовых актах» предусматривает возможность привлечения к подготовке проекта нормативного правового акта лишь «специалистов заинтересованных государственных органов и иных организаций» (ст. 42), когда нормотворческий орган осуществляет разработку проекта нормативного правового акта самостоятельно, а также допускает возможность нормотворческому органу поручить подготовку проекта «иному субъекту нормотворческой инициативы, подчинённому этому нормотворческому органу (должностному лицу), по вопросам, относящимся к его компетенции» или «заказать её Национальному центру законодательства и правовых исследований» (ст. 42).

Отметим, что Регламент Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь⁵ прямо предусматривает возможность включать в состав рабочей группы по подготовке и доработке проектов законов учёных (ст. 18). Считаем такой подход более удачным и способствующим надлежащей реализации принципа научности, чем указание на «специалистов заинтересованных государственных органов и иных организаций».

В этой связи в белорусской юридической науке высказываются предложения расширить в этой части участие научного сообщества [7, с. 72; 4, с. 94]. Как представляется, Закон «О нормативных правовых актах» следует дополнить общей нормой, непосредственно предусматривающей право нормотворческого органа включать в состав рабочей группы учёных и научные коллективы. При этом при разработке проектов законодательных актов должна

⁵ О Регламенте Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Постановление Палаты представителей Нац. собрания Респ. Беларусь, 18 дек. 2015 г., № 707-П15/VIII // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

действовать специальная норма, предусматривающая уже обязанность нормотворческого органа включить в состав рабочей группы учёных и (или) научные коллективы. В свою очередь, в Законе «О нормативных правовых актах» также следует предусмотреть право нормотворческого органа заказать проект нормативного правового акта или проведение экспертизы проекта нормативного правового акта на договорной основе у научных учреждений, иных организаций, отдельных учёных и научных коллективов, в т.ч. зарубежных. Аналогичные подходы следует реализовать и по отношению к прогнозированию последствий принятия нормативного правового акта (ст. 45 Закона «О нормативных правовых актах», постановление Совета Министров Республики Беларусь от 25 января 2019 г. № 54 «О прогнозировании последствий принятия (издания) нормативных правовых актов»⁶).

Важность использования в данных вопросах мнений и позиций зарубежных и международных экспертов и структур отмечает Ю.А. Тихомиров [8, с. 76–77], аргументируя это тем, что разработка актов правового регулирования невозможна без учёта иностранного опыта, а главным образом, в отрыве от решений международного сообщества по реагированию на глобальные и региональные проблемы.

Реализованным примером воплощения в жизнь данных подходов в нормотворческой деятельности является Закон Республики Казахстан «О правовых актах»⁷, который в ст. 17¹ и 18 предусматривает возможность субъекта нормотворчества, ответственного за разработку проекта нормативного правового акта, заказать его подготовку на договорной основе специалистам, Национальной палате предпринимателей Республики Казахстан, объединениям субъектов частного предпринимательства, научным учреждениям, иным организациям, отдельным учёным и коллективам, в том числе зарубежным, экспертам в соответствующих сферах с использованием на эти цели выделенных бюджетных средств и грантов.

Реализация принципа научности во взаимосвязи с принципом гласности предполагает информационную открытость нормотворческого процесса в части участия научного сообщества в разработке проекта нормативного правового акта. Это предполагает доступность для общественности текстов предложений и замечаний, направленных представителями научного сообщества в процессе работы над проектом, экспертных заключений по проекту, прогнозов предполагаемых последствий принятия нормативного правового акта и т.п. Такая информация могла бы представлять собой самостоятельный банк данных, взаимосвязанный с государственной системой правовой информации. Подобный подход будет способствовать проведению дальнейших научных исследований по совершенствованию законодательства, а также должен оказать позитивное воздействие на формирование правоприменительной практики, которая проектировалась в процессе создания нормативного правового акта. Главным образом, реализация принципа научности во взаимосвязи с принципом гласности будет способствовать воплощению в жизнь принципа ответственности субъектов нормотворческой деятельности. Открытость сведений о научных организациях (учёных), принимавших участие в разработке и экспертной оценке проекта, доступность текстов проектов и замечаний, предложенных учёными в процессе разработки нормативного правового акта, будут выступать одним из механизмов, обеспечивающих реализацию принципа ответственности субъектов нормотворческой деятельности, поскольку работа учёных будет подвергнута общественной оценке. Такая система дополнительно стимулирует представителей научного сообщества, включённых в нормотворческий процесс, выполнять свои обязательства надлежащим образом. В этой связи актуализируется вопрос о развитии конституционно-правовой ответственности в сфере нормотворчества.

В целом, следует заключить, что реализация принципа научности должна быть сконцентрирована на начальных стадиях нормотворческого процесса, где предопределяется дальнейшее качество нормативного правового акта. Однако это не исключает того факта, что принцип научности должен быть встроен в систему нормотворческой деятельности на всех стадиях жизненного цикла нормативного правового акта. В этой связи остаются актуальными проблемы развития принципа научности при толковании нормативных правовых актов, проведении правового мониторинга действующих нормативных правовых актов и др., например, вопрос о возможности закрепить в Законе «О нормативных правовых актах» право Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь по запросам различных субъектов правовых отношений давать неофициальное доктринальное толкование, которое может учитываться правоприменительными органами (в т.ч. судебными) в процессе реализации нормативных правовых актов.

Заключение. Исследовав нормотворческий принцип научности, можно сделать следующие выводы.

1. Нормотворческий принцип научности – это осуществление нормотворческой деятельности во взаимодействии с юридической и иными науками в целях принятия научно обоснованных нормотворческих решений, отражения в нормативных правовых актах современных достижений науки.

С конституционно-правовых позиций реализация принципа научности в нормотворчестве – это один из ресурсов, обеспечивающих устойчивое конституционно-правовое развитие государства. Нормотворческая деятельность без опережающего научного обеспечения продуцирует дефектные нормативно-правовые решения, что в конечном счёте оказывает негативное воздействие на конституционный правопорядок, реализацию конституционных

⁶ О прогнозировании последствий принятия (издания) нормативных правовых актов [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 25 янв. 2019 г., № 54 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

⁷ О правовых актах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Казахстан, 6 апр. 2016 г., № 480-V ЗРК : с изм. и доп. от 30 июня 2021 г., № 60-VII ЗРК // Законодательство стран СНГ / ООО «СоюзПравоИнформ». – URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=84380

прав и свобод граждан и личности, прав и законных интересов организаций, порядок функционирования государственной власти и т.п. При этом целям бездефектного нормотворчества служат как юридическая наука, так и иные области научной деятельности. Реализация нормотворческого принципа научности является частью правовых и организационных мер по обеспечению конституционного права граждан на хорошее управление.

2. Механизм реализации принципа научности включает в себя привлечение учёных-юристов и учёных иных областей знаний на всех стадиях нормотворческой деятельности от планирования, разработки, обсуждения, экспертизы проекта нормативного правового акта до правового мониторинга действующих актов.

3. Непосредственная реализация принципа научности при планировании нормотворческой деятельности не должна ограничиваться только учётом мнений представителей научного сообщества в планах подготовки проектов нормативных правовых актов. Должна получить своё развитие практика подготовки альтернативных планов проектов нормативных правовых актов представителями научного сообщества в рамках перспективного планирования. Такие планы могли бы представлять собой общую концепцию развития той или иной отрасли законодательства (смежных отраслей законодательства) и включать перечень планируемых к разработке нормативных правовых актов, обоснование их принятия, общую характеристику их содержания. Также видится разумным развитие системы экспертной оценки научным сообществом планов подготовки проектов нормативных правовых актов, разработанных государственными органами.

4. Реализация принципа научности на стадии нормотворческой инициативы, в первую очередь, предполагает наличие и функционирование правовых механизмов, позволяющих научному сообществу направлять свои предложения в нормотворческие органы через субъектов нормотворческой инициативы или самим выступать субъектом нормотворческой инициативы. В целях организационного упорядочивания и дальнейшего развития данной формы взаимодействия науки и нормотворчества видится разумным создание открытого банка данных нормотворческих предложений учёных, который будет системно (по отраслям законодательства и (или) в привязке к конкретному нормативному правовому акту) аккумулировать в себе проекты нормативных правовых актов или мотивированные нормотворческие предложения, подготовленные учёными и направленные в нормотворческие органы для рассмотрения.

5. Основной стадией воплощения принципа научности в жизнь является подготовка проекта нормативного правового акта (включая согласование и экспертизы). Здесь реализация принципа научности осуществляется посредством участия представителей научного сообщества в разработке проектов нормативных правовых актов, публичном обсуждении проектов, проведении нормотворческих экспертиз и прогнозировании последствий принятия нормативных правовых актов. Осуществление и развитие данных механизмов должно осуществляться в контексте основных принципов нормотворчества, что позволяет развивать новые формы и гарантии воплощения принципа научности:

- правило об обязательном включении в состав рабочей группы по подготовке проектов законодательных актов учёных, обладающих формальной и фактической независимостью от государственного органа (учреждения), осуществляющего подготовку проекта;

- подготовка альтернативных проектов нормативных правовых актов представителями научного сообщества по наиболее важным и сложным вопросам правового регулирования параллельно проектам, подготавливаемым государственными органами или учреждениями, включёнными в систему органов государственной власти;

- проведение нормотворческих экспертиз, прогнозов последствий принятия нормативных правовых актов представителями научного сообщества, не включёнными в систему органов государственной власти, обладающими формальной и фактической независимостью от государственного органа (учреждения), разработавшего оцениваемый проект акта;

- информационная открытость и доступность для общественности текстов предложений и замечаний, направленных представителями научного сообщества в процессе работы над проектом, экспертных заключений по проекту, прогнозов предполагаемых последствий принятия нормативного правового акта и т.п.

6. По результатам исследования нормотворческого принципа научности также можно сделать следующие предложения по совершенствованию законодательства.

6.1. Ст. 42 Закона «О нормативных правовых актах» дополнить общей нормой, непосредственно предусматривающей право нормотворческого органа включать в состав рабочей группы по разработке проекта нормативного правового акта учёных и (или) научные коллективы и специальной нормой об обязательном включении в состав рабочей группы учёных и (или) научных коллективов при разработке проектов законодательных актов.

6.2. Ст. 38, 42, 47 Закона «О нормативных правовых актах» дополнить положениями о том, что нормотворческий орган вправе план подготовки проектов нормативных правовых актов, проект нормативного правового акта или проведение экспертизы проекта нормативного правового акта заказать на договорной основе у научных учреждений, иных организаций, отдельных учёных и научных коллективов.

6.3. В политико-программных документах по вопросам совершенствования законодательства предусмотреть создание и ведение открытого банка данных нормотворческих предложений учёных, который будет системно (по отраслям законодательства и (или) в привязке к конкретному нормативному правовому акту) аккумулировать в себе проекты нормативных правовых актов или мотивированные нормотворческие предложения, подготовленные учёными и направленные в нормотворческие органы для рассмотрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Курак, А.И. Правотворческий процесс : курс лекций / А.И. Курак. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : Амалфея, 2018. – 279 с.
2. Минько, Н.С. Нормотворческая деятельность : учеб.-метод. пособие / Н.С. Минько, Н.М. Юрашевич. – Минск : Амалфея, 2019. – 204 с.
3. Пугачёв, А.Н. Правотворческий процесс : учеб.-метод. комплекс для студ. юрид. спец. / А.Н. Пугачёв. – Новополоцк : ПГУ, 2010. – 387 с.
4. Шахрай, И.С. Формы участия учёных в нормотворческой деятельности: проблемы правового закрепления и перспективы развития / И.С. Шахрай, Е.П. Филиппенко // Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты реализации и перспективы : сб. науч. ст. В 2 т. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-ут экономики НАН Беларуси; редкол.: В.И. Бельский [и др.]. – Минск : Право и экономика, 2019. – Т. 2. – С. 92–97.
5. Балашенко, С.А. Правовое моделирование как метод правотворческой деятельности / С.А. Балашенко // Весн. БДУ. Сер. 3. Гісторыя. Эканоміка. Права. – 2015. – № 3. – С. 94–97.
6. Ипатов, Д.В. Научное обеспечение нормотворческой деятельности / Д.В. Ипатов // Право.by. – 2019. – № 6. – С. 13–19.
7. Скобелев, В.П. Новый закон о нормативных правовых актах и некоторые вопросы регулирования цивилистического процесса / В.П. Скобелев // Право.by. – 2019. – № 3. – С. 69–75.
8. Тихомиров, Ю.А. Юридическое прогнозирование / Ю.А. Тихомиров. – М. : Наука, 2018. – 168 с.

Поступила 20.09.2022

**RULE-MAKING PRINCIPLE OF SCIENCE:
CONSTITUTIONAL CONTENT AND IMPLEMENTATION
IN THE REPUBLIC OF BELARUS**

P. SOLOVJOV
(*Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk*)

The article contains a constitutional study of the rule-making principle of science. This study includes an analysis of the content and mechanisms for implementing this principle in the legal system of the Republic of Belarus. Scientific work is based on the analysis of the principle of science in the context of the key stages of rule-making activity, which are important for the creation of a high-quality legal act (planning, initiation, preparation of a draft legal act). There is also an analysis of the interaction of the principle of science with some other basic principles of rule-making activity (constitutionality, democracy, publicity, etc.). The article formulated several ideas about the directions for improving the Law of the Republic of Belarus "On Normative Legal Acts", designed to increase the degree of implementation of the rule-making principle of science.

Keywords: rule-making, rule-making activity, principles of rule-making, principle of science, legal science.

**КРИМИНАЛИЗАЦИЯ ДЕЯНИЙ, ПРИЧИНЯЮЩИХ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ НАСЕЛЕНИЯ
ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ И ОБОРОТЕ ПРОДУКЦИИ,
В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ СНГ**

К.Ю. ЩЕРБАК

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

ORCID <https://orcid.org/0000-0001-9071-6560>

Рассматриваются подходы законодателей государств-участников СНГ в вопросах противодействия посягательствам на отношения, обеспечивающие охрану жизни и здоровья населения при производстве и обороте продукции, уголовно-правовыми средствами. Автором проводится сравнительно-правовой анализ соответствующих положений уголовного законодательства Республики Беларусь с другими странами, входящими в состав СНГ, в целях выявления сходств и различий. На основании проведенного анализа рассматривается возможность использования зарубежного опыта для совершенствования законодательства Республики Беларусь.

Ключевые слова: здоровье населения, жизнь населения, производство продукции и товаров, оборот продукции и товаров, небезопасная продукция, недоброкачественная продукция, международный опыт, страны ЕАЭС, страны СНГ.

Введение. Существование человека в обществе невозможно без его ежедневного участия в общественных отношениях, связанных с удовлетворением потребностей в приобретении, потреблении продуктов питания, товаров, продукции различного рода, работ и услуг, что возможно посредством использования торговых сетей, магазинов, онлайн-торговых площадок, специализирующихся на продаже товаров и продукции. При этом на сегодняшний момент является актуальным развитие торговых отношений Республики Беларусь с другими государствами, что обусловлено ее участием в процессах международной интеграции, в том числе и в вопросах внешней торговли товарами, работами и услугами. С одной стороны, существование и развитие таких отношений в обществе является неизбежным и необходимым процессом на едином рынке, что влечет за собой обязательство всех субъектов поставок и онлайн-торговых площадок соблюдать конкретные правила и законодательство, обеспечивающие безопасность и качество предлагаемых ими товаров, работ и услуг. С другой стороны, важное значение для нас как непосредственных потребителей различного рода продукции имеет поступление, вовлечение в торговый оборот и реализация такой продукции и товаров, которые отвечали бы требованиям качества и безопасности для жизни и здоровья.

Безусловно, каждое государство беспокоится за жизнь и здоровье своих граждан и тем самым в целях содействия реализации одного из важнейших конституционных прав граждан на охрану жизни и здоровья населения реализует политику, направленную на то, чтобы в торговом обороте находилась доброкачественная и безопасная продукция. Государственная политика включает в себя комплекс мероприятий по защите внутреннего рынка, таких как: разработка и принятие правовых документов в сфере технического регулирования, создание и функционирование системы органов государственного контроля (надзора), проводящих проверки соблюдения требований законодательства в сфере качества и безопасности продукции, применение мер юридической ответственности и т.п. Так, например, Государственный комитет по стандартизации Республики Беларусь в целях реализации права потребителей на потребление и использование безопасной продукции с 2015 года ведет реестр опасной продукции, запрещенной к ввозу и (или) обращению на территории Республики Беларусь. Так, в 2018 г. в данный реестр внесено 304 наименования опасной продукции и товаров, в 2019 г. – 1037, 2020 г. – 1664, 2021 г. – 1770, за 8 месяцев 2022 г. – 1059¹. Стоит отметить, что данный перечень постоянно обновляется, в него включаются новые позиции в связи с выявлением нарушений требований нормативных правовых актов в сфере обеспечения качества и безопасности продукции. Нами был проведен анализ продукции и товаров, включенных в реестр опасной продукции, который показал, что чаще всего в данный перечень включаются электротехническая, пищевая продукция, товары для детей и подростков, игрушки, изделия легкой промышленности и другие товары.

Следует отметить, что отдельные вопросы уголовно-правовой охраны здоровья населения, прав потребителей при производстве и обороте продукции в разные периоды времени исследовались и освещались в научных трудах и диссертациях ряда белорусских и российских ученых (С.С. Лосев, Д.М. Буга, М.А. Кравцова, Л.И. Тарарышкина, В.В. Хилюта, М.В. Переверзев, А.В. Степанищев, В.С. Денисов, П.С. Яни, А.В. Агафонов, А.В. Суханов, Э.Д. Шайдуллина, Л.А. Камалиева, Б.В. Волженкин, Л.Д. Гаухман, А.С. Хачатрян, Л.-А. Ш. Бахаев и др.).

В связи с тем, что каждое из государств проводит политику в сфере обеспечения производства и оборота безопасной и качественной продукции, включающую в себя в том числе и вопросы применения мер юридической ответственности в случае выявления нарушений, особый интерес представляет изучение зарубежных подходов, в частности стран Содружества Независимых Государств (далее – СНГ), в части правовой регламентации уголовной ответственности за посягательства на отношения, обеспечивающие качество и безопасность производства

¹ URL: <https://danger.gskp.by>.

и оборота различного рода продукции. Вышеизложенными обстоятельствами обусловлена актуальность и необходимость дальнейшего исследования механизма уголовно-правовой охраны здоровья населения, прав потребителей при производстве и обороте продукции с нарушением требований к качеству и безопасности.

Основная часть. Обратимся к анализу положений уголовного законодательства государств-участников СНГ, устанавливающих уголовную ответственность за деяния, связанные с посягательством на здоровье населения при производстве и обороте различных товаров, продукции.

В первую очередь, необходимо отметить наличие принятого 17.02.1996 г. Межпарламентской Ассамблеей государств-участников СНГ модельного Уголовного кодекса СНГ, ст. 207 которого предусматривает ответственность за выпуск или продажу товаров, выполнение работ либо оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности для жизни или здоровья потребителей, а равно неправомерную выдачу или использование официального документа, удостоверяющего соответствие указанных товаров, работ или услуг требованиям безопасности, если эти деяния повлекли по неосторожности причинение вреда здоровью человека². Данный межгосударственный стандарт был принят в целях обеспечения единства подходов и общих начал уголовной политики в уголовно-правовом нормотворчестве государств-партнеров по региональной интеграции при создании собственных уголовных кодексов.

Анализ Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 г. №63-ФЗ (далее – УК РФ) позволяет выделить следующие составы преступлений, посягающих на здоровье населения при производстве и обороте продукции, из главы 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности», к которым можно отнести ст. 236 («Нарушение санитарно-эпидемиологических правил»), ст. 238 («Производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности»)³. Стоит отметить, что российский законодатель в ст. 238.1 УК РФ ввел уголовную ответственность за обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок, тем самым выделив специфический предмет преступного посягательства. Также стоит отметить, что УК РФ содержит и специальные нормы, касающиеся незаконного производства, закупки (в том числе импорта), поставки (в том числе экспорта), хранения, перевозки и розничной продажи этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции без соответствующей лицензии в случаях, если такая лицензия обязательна, а также незаконной розничной продажи алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции (стст. 171.3 и 171.4 УК РФ), расположенные в главе 22 «Преступления в сфере экономической деятельности». В качестве преступления российский законодатель криминализировал производство, приобретение, хранение, перевозку и сбыт продукции без маркировки и (или) нанесения информации, предусмотренной законодательством Российской Федерации (ст. 171.1 УК РФ). Российская Федерация, осознавая тот факт, что незаконный оборот товаров вообще, в том числе и подакцизных, представляет серьезную угрозу и опасность для государства, общества, граждан также предусмотрела в уголовном законодательстве, в частности, в стст. 327.1 и 327.2 УК РФ, уголовную ответственность за изготовление в целях сбыта или сбыт поддельных акцизных марок, специальных марок или знаков соответствия, защищенных от подделок и подделку документов на лекарственные средства или медицинские изделия или упаковки лекарственных средств или медицинских изделий.

В Уголовном кодексе Республики Казахстан от 03.07.2014 г. № 226-V (далее – УК Республики Казахстан) можно выделить следующие нормы, устанавливающие уголовную ответственность за совершение деяний в сфере незаконного оборота небезопасной и некачественной продукции:

– преступления, посягающие на здоровье населения, расположенные в главе 11 «Уголовные правонарушения против здоровья населения и нравственности», а именно, ст. 304 («Нарушение санитарных правил или гигиенических нормативов»), ст. 306 («Выпуск или продажа товаров, выполнение работ либо оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности»)⁴ и т.д.;

– преступления, затрагивающие сферу экономической деятельности в области оборота товаров и продукции и косвенно связанные с посягательством на здоровье населения в связи с возможным вовлечением в оборот некачественной и небезопасной продукции и товаров (ст. 221 («Монополистическая деятельность»), ст. 222 («Незаконное использование товарного знака»), ст. 233 («Нарушение порядка и правил маркировки подакцизных товаров акцизными марками и (или) учетно-контрольными марками, подделка и использование акцизных марок и (или) учетно-контрольных марок»)) (Глава 8 «Уголовные правонарушения в сфере экономической деятельности»).

В УК Республики Казахстан имеется схожая со ст. 171.1 УК РФ норма, предусматривающая уголовную ответственность за нарушение порядка и правил маркировки подакцизных товаров акцизными марками и (или) учетно-контрольными марками, повлекшее причинение значительного ущерба, а также за изготовление или приобретение с целью сбыта, а равно использование или сбыт заведомо поддельных средств идентификации и (или) учетно-контрольных марок.

В свою очередь, в Уголовном кодексе Кыргызской Республики от 28.10.2021 г. № 127 (далее – УК Кыргызской Республики) содержатся, например, следующие составы преступлений: ст. 223 («Монополистические действия и ограничение конкуренции»), ст. 225 («Незаконное использование средств индивидуализации (работ, услуг)»), ст. 238

² О модельном Уголовном кодексе для государств-участников Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс] : Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств, 17 февр. 1996 г., №7-5 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

³ URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=1747.

⁴ URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=68429.

(«Подделка акцизных марок»), ст. 239 («Производство продукции, подлежащей обязательному акцизному обложению, без акцизных марок»), ст. 240 («Незаконное производство спирта и спиртосодержащих напитков»), ст. 295 УК («Нарушение санитарно-эпидемиологических правил»), ст. 297 («Создание опасности для потребителей»)⁵.

В отдельной норме УК Кыргызской Республики предусмотрена уголовная ответственность за незаконные производство или реализацию лекарственных средств, диагностических, профилактических, лечебно-косметических изделий, техники медицинского назначения, продуктов лечебно-профилактического питания или пищевых добавок, повлекшие по неосторожности значительный вред (ст. 294).

Уголовный кодекс Республики Армения от 29.04.2003 г. № 3Р-528 (далее – УК Республики Армения) в целях регулирования уголовной ответственности за совершение деяний в сфере оборота продукции с нарушением требований, предъявляемых к качеству и безопасности продукции, предусматривает следующие преступления: ст. 195 («Антиконкурентная практика»), ст. 197 («Незаконное использование товарного знака»), ст. 207 («Изготовление с целью реализации или реализация фальшивого вина или фальшивой водки или другого алкогольного напитка»), ст. 208 («Подделка или сбыт акцизных марок и (или) этикеток»), ст. 209 («Отчуждение акцизных марок и (или) этикетки или маркировка товаров незаконно приобретенными акцизными марками и (или) этикетками»), ст. 212 («Обман потребителей»), ст. 277 («Нарушение санитарно-противоэпидемических правил»), ст. 279 («Выпуск или реализация товаров, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности»)⁶. Определенный интерес представляет то, что в УК Республики Армения сохранились положения об уголовной ответственности за обман потребителей.

Обратимся к положениям Уголовного кодекса Республики Беларусь от 09.07.1999 г. № 275-3 (далее – УК Республики Беларусь), анализ которого позволяет прийти к выводу о содержании в нем нескольких самостоятельных составов преступлений, регламентирующих сферу защиты здоровья населения от оборота некачественной и не отвечающей требованиям безопасности продукции. Так, в УК Республики Беларусь содержатся ст. 337, предусматривающая уголовную ответственность за выпуск либо реализацию недоброкачественной продукции, ст. 336 («Нарушение санитарно-эпидемиологических, гигиенических требований и процедур, установленных техническими регламентами, санитарных норм и правил, гигиенических нормативов»), ст. 338 («Выполнение работ либо оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности»), ст. 338¹ и 338², ст. 250 («Распространение ложной информации о товарах и услугах»), ст. 201 («Нарушение авторского права, смежных прав и права промышленной собственности»), ст. 261¹ («Изготовление, сбыт либо использование поддельных акцизных марок Республики Беларусь»)⁷.

Следует отметить, что в отличие от ранее рассмотренных стран, в уголовном законодательстве Республики Беларусь не предусмотрены специальные нормы, направленные на противодействие обороту фальсифицированной, небезопасной алкогольной продукции, однако ряд правонарушений в сфере нарушения порядка оборота алкогольной продукции рассматривается в качестве административных правонарушений. В свою очередь, нередко в открытых источниках сети Интернет сообщаются сведения о фактах допущения нарушений требований технических регламентов Таможенного союза, распространяющихся на алкогольную продукцию. Так, в торговом объекте общества с ограниченной ответственностью «Остромечево» в деревне Яцковичи Брестского района в период с декабря 2020 по сентябрь 2021 года к реализации предлагалось вино виноградное натуральное выдержанное полусладкое красное каберне LEGENDA MOLDOVEI, которое содержало недопустимую пищевую добавку (консервант – сорбиновая кислота)⁸. Полагаем, что с учетом наличия фактов незаконного оборота алкогольной продукции и опасности употребления фальсифицированных алкогольных напитков, необходимо рассмотреть вопрос о заимствовании зарубежного опыта криминализации подобных деяний.

Анализируя законодательство Азербайджанской Республики, можно выделить несколько самостоятельных составов преступлений, относящихся к сфере уголовно-правовой охраны отношений, обеспечивающих здоровье населения от общественно опасных посягательств при производстве и обороте продукции. Так, в Уголовном кодексе Азербайджанской Республики от 30.12.1999 г. № 787-IQ, в ст. 200.1 установлен уголовно-правовой запрет на обман потребителей, то есть обмеривание, обвешивание, обсчет, введение в заблуждение относительно потребительских свойств или качества товара (услуги) в организациях, осуществляющих реализацию товаров или оказывающих услуги населению, а равно гражданами, зарегистрированными в качестве индивидуальных предпринимателей в сфере торговли (услуг), если эти деяния совершены в значительном размере⁹. В свою очередь, в ст. 200.3 УК Азербайджанской Республики закреплена уголовная ответственность за производство, выпуск в продажу или сбыт заведомо некачественной продукции, сокрытие некачественности продукции, причинившие по неосторожности менее тяжкий или тяжкий вред здоровью потерпевшего.

Исходя из изложенного, можно выделить некоторые особенности в подходах к конструированию рассматриваемых уголовно-правовых норм. Во-первых, законодатель фактически в одной норме (ст. 200 УК Азербайджанской Республики) объединил несколько составов преступлений: обман потребителей либо производство,

⁵ URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=136047.

⁶ URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=7472/.

⁷ Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 13.05.2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

⁸ URL: <https://www.ganc-chas.by/by/page/economics/888910181/>.

⁹ URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=267.

выпуск в продажу или сбыт некачественной продукции, во-вторых, в качестве предмета преступления выступает только некачественная продукция, поскольку о небезопасной продукции в норме нет упоминания, в-третьих, в анализируемой норме не предусмотрена ответственность за другие деяния, например, хранение, перевозка некачественной продукции и т.д. В УК Азербайджанской Республики также криминализованы деяния, выражающиеся в виде продажи, хранения с целью сбыта или ввоза заведомо некачественных и фальсифицированных лекарственных препаратов, а также товаров и продукции, подлежащих обязательной маркировке, подтверждающей соответствие данной продукции требованиям качества и безопасности.

Интерес представляет изучение Уголовного кодекса Республики Молдова от 18.04.2002 г. №985- XV (далее – УК Республики Молдова), в ст. 216 главы 8 «Преступления против общественного здоровья и общежития» которого установлена уголовная ответственность за производство, транспортировку, хранение, реализацию, предоставление за плату или бесплатно продуктов (товаров), оказание услуг, опасных для жизни или здоровья потребителей¹⁰. В качестве самостоятельного состава преступления УК Республики Молдовы предусматривает фальсификацию и контрафакцию продукции. УК Республики Молдовы в качестве предмета преступления в анализируемых нормах рассматривает продукты (товары), услуги, опасные для жизни, фальсифицированную, контрафактную продукцию.

В Уголовном кодексе Республики Таджикистан от 21.05.1998 г. № 574 (далее – УК Республики Таджикистан) в главе 22 «Преступления против здоровья населения» предусмотрена ответственность за нарушение санитарно-гигиенических и противоэпидемических норм и правил (ст. 207), сокрытие информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни или здоровья людей (ст. 208), производство, хранение, транспортировку либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности (ст. 209)¹¹. Также стоит отметить, что в уголовном законодательстве Республики Таджикистан отдельно выделена норма, охраняющая права потребителей, в том числе на качественную продукцию. В качестве таковой выступает ст. 294 УК Республики Таджикистан, которая содержит уголовно-правовой запрет на обмеривание, обвешивание, обсчет, введение в заблуждение относительно потребительских свойств или качества товара (услуги) или иной обман потребителей в предприятиях, независимо от форм собственности, осуществляющих реализацию товаров или оказывающих услуги населению, а равно гражданами.

Не меньший научный интерес с позиций последующей выработки предложений по совершенствованию уголовного законодательства Республики Беларусь представляет изучение положений Уголовного кодекса Республики Узбекистан от 22.09.1994 г. № 2012-ХП (далее – УК Республики Узбекистан). В главе 13 «Преступления в сфере хозяйственной деятельности», в ст. 186 предусмотрена уголовная ответственность за преступление, объективная сторона которого предусматривает производство, хранение, перевозку в целях сбыта либо сбыт товаров, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровью потребителей¹². Стоит отметить, что в УК Республики Узбекистан имеются уголовно-правовые нормы, охраняющие жизнь и здоровье населения от оборота небезопасной и некачественной алкогольной и табачной продукции, а также недоброкачественных либо фальсифицированных лекарственных средств или изделий медицинского назначения. Интересно, что в уголовном законодательстве Республики Узбекистан имеется норма, регламентирующая сферу незаконного производства или оборота продукции, получаемой из семян хлопчатника.

Рассмотрим и уголовное законодательство Туркменистана, являющегося государством-основателем СНГ. В Уголовном кодексе Туркменистана от 12.06.1997 г. № 222-I (далее – УК Туркменистана) наряду с наличием такого состава преступления, как обман потребителей (ст. 264), рассматриваемый в качестве преступления против порядка осуществления экономической деятельности (глава 27), вводится уголовная ответственность за выпуск или продажу товаров, оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности (ст. 310)¹³. В целях обеспечения защиты здоровья населения от незаконного оборота спиртных напитков в ст. 304 УК Туркменистана закреплена ответственность за незаконные действия в отношении крепких спиртных напитков домашней выработки или аппаратов для их производства.

Анализируя положения Уголовного кодекса Украины от 05.04. 2001 г. № 2341-III (далее – УК Украины), можно выделить несколько составов преступлений, устанавливающих ответственность в сфере оборота и производства некачественной и небезопасной продукции, к которым относится: ст. 227 Раздела 7 «Уголовные преступления в сфере хозяйственной деятельности» УК Украины «Умышленное введение в обращение на рынке Украины (выпуск на рынок Украины) опасной продукции, т.е. такой продукции, не соответствующей требованиям по безопасности продукции, установленным нормативно-правовыми актами», ст. 204 «Незаконное изготовление, хранение, сбыт или транспортировка с целью сбыта подакцизных товаров», а также ст. 321-1 Раздела 13 «Фальсификация лекарственных средств или обращение фальсифицированных лекарственных средств», предусматривающая ответственность за изготовление, приобретение, перевозку, пересылку, хранение с целью сбыта или сбыт заведомо фальсифицированных лекарственных средств¹⁴.

Заключение. Страны, входящие в состав СНГ, осознавая общественную опасность правонарушений, связанных с оборотом некачественной и небезопасной продукции, в своих уголовных законах предусмотрели нормы

¹⁰ URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3835.

¹¹ URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2324.

¹² URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=1013.

¹³ URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2483.

¹⁴ URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=8679.

об уголовной ответственности за совершение деяний, посягающих на отношения в области обеспечения населения качественной и безопасной продукцией. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что в уголовном законодательстве государств-участников СНГ не содержится отдельного раздела или главы, регламентирующих вопросы уголовной ответственности за совершение деяний в сфере производства, хранения, реализации, сбыта различной продукции, не соответствующей требованиям безопасности и качества. Следовательно, ни в одном уголовном кодексе стран СНГ не употребляются такие понятия, как, например, «преступления, совершаемые в сфере безопасности и качества продукции», «преступления, посягающие на безопасность и качество продукции», «продовольственная преступность» и т.п. Полагаем, что нет возможности, необходимости, а, следовательно, и целесообразности выделения отдельной главы, поскольку, на наш взгляд, незаконная деятельность, связанная с оборотом различного рода недоброкачественной, небезопасной продукции, может повлечь за собой последствия, связанные с возникновением прямой угрозы здоровью, а иногда и жизни людей, а равно может быть сопряжена с недобросовестной конкуренцией на потребительском рынке, что приводит к финансовым потерям субъектов хозяйствования и государства.

Страны-партнеры по региональной интеграции восприняли рекомендации, изложенные в модельном Уголовном кодексе для государств-участников СНГ, и включили в свои национальные уголовные законы составы преступлений, направленные на охрану здоровья населения от оборота некачественной и небезопасной продукции, схожие со ст. 207 данного кодекса, однако, анализ уголовных кодексов стран СНГ показал, что есть некоторые различия в подходах национальных законодателей.

Во-первых, ряд государств-участников СНГ остались верны традициям советской правовой системы, где в качестве объекта правовой защиты остаются экономические интересы государства и общества. Таковыми являются нормы уголовного законодательства Украины, Азербайджанской Республики, Республики Узбекистан, расположенные в главах, предусматривающих ответственность за преступления в сфере хозяйственной и экономической деятельности. Для других же стран, входящих в состав СНГ, в том числе и Республики Беларусь, характерен иной подход, который предусматривает расположение норм об ответственности за выпуск и реализацию недоброкачественной продукции, выполнение работ или оказание услуг, в главах, где объектом уголовно-правовой охраны выступает здоровье населения. Экономические (хозяйственные) интересы также затрагиваются, но не выступают в качестве основного объекта уголовно-правовой охраны.

Во-вторых, законодательный подход отличается и в части определения круга деяний, которые следует считать преступными. К таким деяниям уголовное законодательство государств-участников СНГ относит производство, хранение, перевозку в целях сбыта либо сбыт товаров, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровью потребителей (Республика Узбекистан, Российская Федерация, Таджикистан), выпуск или продажу товаров, выполнение работ, либо оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей (Республика Казахстан, Туркменистан), производство, выпуск в продажу или сбыт заведомо некачественной продукции, сокрытие некачественности (Азербайджанская Республика), выпуск или реализацию недоброкачественной продукции, заведомо способной повлечь заболевания или отравления людей, или заведомо загрязненной радионуклидами сверх допустимых уровней (Республика Беларусь).

В-третьих, не в полной мере гармонизирован подход к определению предмета преступления: в качестве предмета преступного посягательства выступают, в большинстве случаев, товары, продукция, работы и услуги, не отвечающие требованиям безопасности жизни и здоровья (Узбекистан, Российская Федерация, Республика Казахстан, Молдова, Таджикистан, Туркменистан, для Республики Беларусь – только работы и услуги, не отвечающие требованиям безопасности), заведомо некачественная продукция (Азербайджанская Республика), недоброкачественная продукция, заведомо способная повлечь заболевания или отравления людей, или заведомо загрязненная радионуклидами сверх допустимых уровней, и в отношении работ либо услуг, не отвечающих требованиям безопасности (Республика Беларусь), фальсифицированная и контрафактная продукция (Молдова).

Стоит отметить, что в ряде стран, входящих в состав СНГ, в уголовном законодательстве имеются нормы, направленные на недопущение в торговый оборот алкогольной, спиртосодержащей продукции, не отвечающих, в том числе, требованиям качества и безопасности. Например, такие нормы имеются в уголовных кодексах Российской Федерации, Кыргызской Республики, Республики Узбекистан, Республика Армения, Туркменистана.

Особое внимание государства-участники СНГ уделяют вопросу охраны здоровья населения от оборота недоброкачественных и фальсифицированных лекарственных средств и медицинских изделий, предусматривая за подобные деяния уголовную ответственность в своих национальных уголовных кодексах.

В некоторых странах (Азербайджанская Республика, Республика Таджикистан) сохранилась уголовная ответственность за обман потребителей, несмотря на то, что такие деяния были в ряде стран декриминализированы, в том числе, и в Республике Беларусь.

С учетом вышеизложенного полагаем, что производство и оборот небезопасных и некачественных продукции, товаров, работ и услуг могут иметь место не только на территории одного государства, но и носить транснациональный характер, в связи с возможностью их перемещения через таможенные границы, что обуславливает необходимость в обмене опытом в целях совершенствования правовой регламентации и гармонизации законодательства в части совместимости терминологии, используемых дефиниций для описания признаков составов преступлений, и в целом к установлению уголовной ответственности за совершение подобного рода деяний. Полагаем, что для Республики Беларусь актуальна позиция зарубежных законодателей в части расширения

круга общественно опасных деяний в отношении некачественной продукции посредством криминализации и иных деяний, кроме, выпуска в обращение либо реализации такой продукции. Определенный интерес для Республики Беларусь представляет конструкция статей уголовных кодексов государств-участников СНГ, предусматривающих ответственность за совершение противоправных деяний в отношении товаров, продукции, не отвечающих требованиям безопасности. С точки зрения дальнейшего совершенствования уголовного законодательства Республики Беларусь интересной является и позиция законодателей в вопросе противодействия обороту алкогольной, спиртосодержащей продукции с нарушением установленных требований.

Поступила 19.09.2022

**CRIMINALIZATION OF ACTS CAUSING HARM TO PUBLIC HEALTH
IN THE PRODUCTION AND TURNOVER OF PRODUCTS IN THE CRIMINAL LEGISLATION
OF THE MEMBERS OF THE COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES**

K. SHCHARBAK
(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

The article discusses the approaches of legislators of the CIS member states in countering encroachments on relations that ensure the protection of life and health of the population in the production and turnover of products by criminal legal means. The author conducts a comparative legal analysis of the relevant provisions of the criminal legislation of the Republic of Belarus with other CIS countries in order to identify similarities and differences. Based on the analysis, the possibility of borrowing the provisions of foreign legislation in order to improve the legislation of the Republic of Belarus is considered.

Keywords: *public health, public life, production of products and goods, turnover of products and goods, unsafe products, substandard products, international experience, EAEU countries, CIS countries.*

ПОДХОДЫ К ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ПРАВОВОЙ МЫСЛИ БЕЛАРУСИ

канд. юрид. наук, доц. Д.В. ЩЕРБИК
(Белорусский государственный университет)
ORCID <https://orcid.org/0000-0002-3242-4647>

В статье анализируются существующие подходы к периодизации истории политической и правовой мысли. Классические подходы рассматриваются и анализируются с точки зрения их применимости для проведения периодизации истории политической и правовой мысли Беларуси. Автор указывает на трудности, которые возникают при их применении. Выработывает свой подход к проведению периодизации отечественной политической и правовой мысли.

Ключевые слова: политическая и правовая мысль, периодизация, методология, проблемный подход.

Введение. Типологизация – метод научного познания имеющий своей целью разбиение (упорядочение) совокупности объектов или явлений на качественно определенные классы или типы на основе присущих этим объектам и явлениям общих существенных, с точки зрения осуществляющего классификацию исследователя, признаков [1, с. 86]. Типологизация нацелена на обеспечение сравнительного познания вычлняемых этапов. Типологию объектов с учетом их хронологического развития принято именовать периодизацией. Ее целью является осмысление исторических закономерностей, тенденций. Периодизация является одной из важнейших проблем истории философской, общественно-политической и политико-правовой мысли [2, с. 22]. Любая наука имеет свою историю, благодаря чему в ней можно выделить некоторые хронологические этапы. Однако, использование исключительно хронологического критерия не обеспечит выполнение главной задачи периодизации – получение дополнительных знаний в результате сравнения этапов, углубления знаний об их особенностях. Особенно это актуально для гуманитарных наук, которые на протяжении своей истории развития представляют собой совокупность различных, часто противоречащих друг другу, теорий и учений. Отсутствие базисных знаний, возможности рассмотрения и осмысления с абсолютно разных позиций исторических и социальных фактов и событий усложняют выделение критерия для типологизации их истории.

Вышесказанное относится, в том числе, к периодизации истории политической и правовой мысли Беларуси. Ее применение должно позволить осмыслить основные закономерности ее развития, указать как на ее связь с универсальным процессом становления и развития политических и правовых знаний, так и выделить ее отличительные черты.

Основная часть. Периодизация политической и правовой мысли Беларуси должна опираться на ряд оснований, которые носят как общий характер и относятся к периодизации истории политической и правовой мысли в целом, так и учитывают ряд особенностей национального характера. Исходными положениями периодизации политической и правовой мысли выступают:

Во-первых, положение о том, что развитие человеческого общества, а вместе с ним государства и права после их появления – это непрерывно протекающий, длительный и по своей природе естественно-исторический процесс. Государство и право возникают, развиваются, модернизируются. Одновременно происходит осмысление их институтов, оценка, развитие взглядов на их будущее.

Во-вторых, политические учения создаются конкретными авторами, носят исторический характер, а значит при их изучении необходимо учитывать исторический контекст их появления, контекст используемых понятий и категорий. Каждое произведение, позиция каждого автора всегда в чем-то является критической к предшественникам. Возникнув, новая теория отрывается от исторического момента, начинает самостоятельную жизнь, играет свою роль как в современной ей политической дискуссии, так, в целом или отдельными своими элементами, может оказать влияние на будущие политические споры. В данной связи можно вспомнить влияние учений античных авторов на политическую и правовую мысль европейских народов, особенно в период Средних веков, эпохи Возрождения, Нового времени.

В-третьих, процесс изменения, развития государственных и правовых институтов в определенных пределах может не совпадать с аналогичным процессом других, даже тесно связанных с ним, явлений. Одни явления могут опережать развитие других, тогда как третьи существенно отстают в своем развитии. Так, право нередко отстает от динамики социальной жизни, закрепляя уже устоявшиеся ценные для общества отношения. Однако может сложиться и обратная ситуация, когда законодатель, реформируя общество посредством права, моделирует и навязывает обществу новые полезные общественные отношения, осуществляя таким образом модернизацию различных сфер общественной и политической жизни.

Кроме того, несмотря на то, что политико-правовые учения являются во многом отражением политико-правовой действительности, их автономный характер нередко позволяет им отрываться от последней. Неизменное сохранение государственного правопорядка на отдельных этапах развития может сопровождаться бурным

развитием политико-правовой мысли, политическими баталиями и дискуссиями, которые как могут оказать в последствии влияние на изменение государственного и правового устройства, так и остаться лишь памятниками мысли эпохи. Осмысление данных явлений также носит зачастую несинхронный характер. Основной тенденцией в отдельный период развития политической и правовой мысли может быть как осмысление сложившихся политических и правовых институтов, обоснование их незыблемого характера (особенно на ранних этапах существования общества), так и критика существующего государственного и правового порядка, целеполагание новых политических и правовых идеалов или заимствование их из политической мысли более развитых обществ (революционные политические учения, рецепция политических и правовых учений). Последняя, опять же, может не в полной мере отвечать реальным запросам общества и лишь отражать мировоззренческие идеалы его образованного слоя.

В-четвертых, государство и право обладают политическим характером, находятся в тесной взаимосвязи, однако взаимосвязь политических и правовых учений не носит линейного характера. Правовое учение может носить подчиненный характер, когда право в политической теории рассматривается как инструмент проведения государственной политики, но были эпохи, когда господствовали учения, в которых государство рассматривалось как инструмент укрепления и поддержания независимо от него установленного божественного или традиционного правопорядка, либо политические дискуссии не затрагивали последний.

В-пятых, государство и право, как и иные социальные явления, на различных этапах своей истории, способны развиваться и, как правило, развиваются не с одинаковой скоростью. Переход от одного состояния к другому в одних случаях занимает достаточно длительный период, в других он протекает более быстро. Подобное наблюдение касается и этапов периодизации политической и правовой мысли.

И в-шестых, процесс перехода государства и права от одной ступени к другой, от одного типа государства и права к другому, органически сочетает в себе «элементы непрерывности, эволюции государственно-правовых явлений с элементами их дискретности, качественной скачкообразности и в этом смысле революционности» [3, с. 152]. Появление нового состояния означает смену предшествующего. Однако, этапы в истории общества в отличие от, например, состояний в химических процессах, не отделены друг от друга строгими границами. В результате существуют значительные сложности с определением критерия периодизации. Сочетание непрерывности и дискретности, как представляется, характерно и для развития политической и правовой мысли. Последняя может обуславливаться отдельными историческими событиями, выступать ответом на злободневные актуальные проблемы (конфликт конкретных политических лидеров, оккупация и смена системы власти и др.). Дискретность особенно присуща политической и правовой мысли народов, находящихся на периферии и (или) в пограничье, обусловлена резкими изменениями в их политической истории.

Для периодизации всеобщей истории политической и правовой мысли принято использовать один из классических подходов: формационный (рабовладельческая, феодальная, буржуазная политико-правовая мысль и политико-правовая мысль после возникновения марксизма) [4, с. 17; 5, с. 25–26], цивилизационный (в зависимости от количества выделяемых цивилизаций – древнеегипетская, древнекитайская, западноевропейская, православная и др. политико-правовая мысль), историко-культурный (политические и правовые учения Древнего Востока и Античности, Средних веков, Нового и Новейшего времени) [6, с. 19], социокультурный (политико-правовая идеология сословно-кастового общества; политические и правовые доктрины периода перехода к гражданскому обществу; политико-правовая идеология гражданского общества) [7, с. 5–6], методологический (в зависимости от господствующей эпистемы знаний, лежащей в основе формирования соответствующих политических и правовых учений: древний и античный космизм, дедуктивность знания эпохи Средневековья, индуктивный эмпиризм и рационализм Нового времени, диалектика сер. XVIII – сер. XIX вв., позитивизм сер. XIX – сер. XX вв., системный подход сер. – конца XX вв., постмодернизм конца XX – нач. XXI вв.) [6, с. 20; 8, с. 6, 11–14].

При некритическом их использовании для периодизации локальной традиции политико-правовой мысли данные подходы вызывают множество затруднений. В целом, как отмечают исследователи методологии, одной из распространенных ошибок, допускаемых при использовании метода периодизации, как раз и является навязывание стадий одного исторического процесса другому, в результате чего происходит перенесение на все исторические процессы во всех сферах общественной жизни стандартного поэтапного деления исторического прошлого заложенного избранной «универсальной» моделью [1, с. 98]. Применительно к рассматриваемому вопросу, трудности вызваны прежде всего тем, что все вышеперечисленные подходы сформированы для изучения и описания иных сфер общественной жизни (социально-экономического развития, уровня и особенностей классовой борьбы, особенностей развития культуры, философии), но не политической и правовой мысли. Они во многом отражают философскую (мировоззренческую, методологическую) структурную часть политико-правового учения, однако, такая направленность более подходит для периодизации истории философии, а не истории политических и правовых учений. Последняя требует большего акцентирования на содержательной части политико-правовых учений. В особенности это касается локальной истории политико-правовой мысли, в том числе истории политической и правовой мысли Беларуси. Соответственно полное восприятие их для периодизации истории политических и правовых учений невозможно.

Так, выделение в советской науке домарксистского и марксистского этапов становления философской и общественно-политической мысли, наложенное на историю восточнославянских народов, фактически приводило к выделению следующих этапов: дооктябрьской общественно-политической мысли, которая подразделялась на мысль эпохи феодализма и период распространения марксизма, и советскую (марксистско-ленинскую) мысль [9, с. 7–13]. Очевидно, что данный подход исходил из исключительности марксизма в истории политической философии, приводил к нивелизации особенностей становления мысли славянских народов. Кроме того, всплески развития политических и правовых учений зачастую связаны с кризисными или переходными периодами между формациями, что не в полной мере отражается подходом. Также можно отметить, что христианская политическая мысль пережила расцвет и падение Римской империи и без кардинальных изменений продолжила существование в эпоху феодализма. Данные обстоятельства затрудняют использование данного подхода, прежде всего, к периодизации локальной традиции политической мысли.

Подход, который опирается на классическое выделение культурно-хронологических периодов, ввиду специфики становления феодальных и капиталистических отношений в Восточной Европе, в свою очередь, приводит к распространению периода Средневековья при описании отечественной политической мысли с IX века до середины XVIII века, т.е. до периода проникновения в регион идей эпохи Просвещения. Очевидно, что в данном случае происходит объединение как подлинно средневековых идей, так и, при сохранении неизменности государственного и правового устройства, идей, соответствующих дискуссиям Нового времени, при этом не реализовавшихся в политической практике, не вызвавших кардинальных изменений общественного устройства (напр., в Речи Посполитой в XVI – XVIII вв.).

Специфика славянских народов влечет за собой попытки сформировать самостоятельную периодизацию истории политической и правовой мысли. В дореволюционной России был сформирован Русь-центричный подход, который позволял историю России и, соответственно, историю ее философской и общественно-политической мысли подразделять на первобытный период (до принятия христианства), древнюю Русь (до конца XVII в.) и Новую историю, начало которой привязывалось к реформам Петра I, в результате которых Россия пошла по европейскому пути развития [10, с. 29–30]. Очевидно, однако, что если данная типология и подходит для периодизации политико-правовой мысли России, то при ее переносе на белорусскую территорию игнорируется специфика Ренессанса, Реформации и Контрреформации, которые имелись в отечественной истории в связи с включением белорусских земель в рамках ВКЛ и Речи Посполитой в сферу политического и культурного влияния европейской цивилизации.

Модификацией подхода можно считать периодизацию современных российских авторов, которые историю политической и правовой мысли России привязывают к формам развития российской государственности: Киевской Руси (X – XIII или X – XIV вв.), Московского государства (XIV – XVI вв.), укрепления российского централизованного государства (XVII в.), период просвещенного абсолютизма и образования российской империи (XVIII в.), период кризиса самодержавия и перехода к буржуазной монархии (XIX в.), Новейшего времени (XX в.) [11, с. 5–10; 12, с. 9–10]. Однако, такой подход при использовании его критерия к периодизации отечественной политико-правовой мысли опять же страдает из-за неполного соответствия хронологического развития хоть и связанных, но автономных явлений – форм государственности и политической мысли. Политическая мысль ВКЛ с момента его возникновения и до Кревской унии 1385 г., в данном случае, в связи с почти полным отсутствием писанных источников того времени, а также специфики, ничем бы кардинально не отличалась от политической мысли периода восточнославянских княжеств на территории Беларуси. Политическая мысль Речи Посполитой также объединяла бы довольно разноплановые идеи, сформированные на протяжении двух веков (от 1569 г. до конца XVIII века).

Специфика истории белорусской государственности, развития традиции политико-правовой мысли на землях Беларуси, которую необходимо учитывать при ее периодизации, обусловлена, как представляется, следующими факторами:

Во-первых, геокультурной периферийностью белорусских земель. Периферийность, в данном ключе, отражает экономическое и геополитическое место региона сначала по отношению к Византийской империи и выстроенной ей экономической системе, а затем по отношению к Западной Европе. Учитывая нахождение на стыке существующих мир-экономик, их одновременное, пусть и разное по объему воздействие, влияние, если использовать терминологию миро-системного анализа, приводила не к линейному формированию модели догоняющего развития локальной и региональной государственности с ее провинциальностью культурных форм, но к периферийности локальной традиции. Периферийность, в данном случае, означает не провинциальное заимствование тем, проблематики и ответов на них у геокультурного и геополитического центра, а самостоятельное реагирование на поднятую в цивилизационных центрах проблематику, свой собственный специфический ответ на поднятые там вопросы.

Во-вторых, несовпадение локальной традиции политической философии и национальной территории, отсутствие ее моноязычного оформления. Современная национальная и государственная территория с центром в Минске окончательно начала оформляться лишь в XIX в. и оформилась только в первой трети XX в. [10, с. 36].

До этого центрами политического мышления, формирования политической традиции для всего региона в разное время выступали и Киев, и Вильня, и Краков с Варшавой с их учебными заведениями и центрами принятия решений, массовым присутствием выходцев из белорусских земель. В XIX в. таким центром стала и столица Российской империи – Санкт-Петербург. Многие авторы, выходцы из Беларуси, формировали свои взгляды в данных городах, ощущали влияние их культурных традиций. Сами данные культурные традиции в разных сочетаниях в разные периоды времени составляли единую макрокультурную региональную традицию, формировались и распространялись среди представителей всех, проживающих в том или ином историческом политическом образовании, этносов.

Нужно помнить, что и национальные границы Беларуси, их осознание, формирование белорусской идентичности происходило одновременно на различных направлениях. Если западные, а затем, в меньшей степени, восточные культурные границы были осознаны быстрее, то север и юг в культурном плане длительное время оставались открытыми. Киев и Вильня, разделяемые соответственно с украинцами и литовцами, долгое время оставались центрами притяжения и формирования, в том числе, белорусской культуры. Кроме того, на протяжении истории на территории современной Беларуси получали распространение семь литературных языков: старославянский, старобелорусский, латинский, польский, русский, иврит, белорусский. Пять из них были языками межкультурного общения, языками региональными. Поэтому не удивительно, что локальную традицию политической философии составляют тексты, написанные на разных языках, а их авторы, воспринимаются «своими» несколькими народами, составлявшими в те или иные периоды совместную региональную культурную и политическую общность, в том числе и белорусами.

В-третьих, если универсальную историю политических и правовых учений можно описать как историю политических трактатов, системных теоретических произведений, созданных политическими философами, то локальная традиция не всегда является столь богатой на завершённые, оформленные теоретизированные произведения. Отдельные её этапы могут описываться посредством изучения фрагментарных размышлений известных политических, культурных или религиозных деятелей, обращавшихся к актуальным политико-правовым проблемам своего времени, но выражавшим их в публицистической, художественной или иной форме, не создав завершённых политико-правовых систем взглядов.

В-четвертых, в истории политической и правовой мысли Беларуси можно выделить ряд событий, которые стали началом резких изменений как в развитии государства и права, так и в формировании локальной традиции политической философии. Данные события, вызванные геополитическими изменениями, переориентацией государственных форм на иные геополитические центры, влекли за собой как ускоренное переустройство государства и общества, так и значительное восприятие иных традиций политического мышления. Их учет необходим при проведении периодизации истории политической мысли Беларуси. К ним можно отнести: крещение Руси (X в.), заключение Кревской унии (1385 г.), разделы Речи Посполитой (конец XVIII в.), Октябрьскую революцию (1917 г.), распад СССР (конец 80-х – начало 90-х гг. XX в.) и возникновение современной белорусской государственности [13, с. 110–113].

В отечественном многотомном академическом издании «Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі», учитывая, в большинстве своем, подобные особенности, авторы отмечают, что в исследованиях истории философской мысли Беларуси разработана следующая периодизация, опирающаяся на закономерности существования и последовательных изменений общественно-экономических формаций: философская мысль периода становления и развития феодализма, распада феодально-крепостнических отношений, возникновения и становления капитализма, а также философская мысль периода возникновения и развития социалистического общества. Это общее деление философского процесса уточняется в выделении Средневековья (до XIV в.), периода гуманистического и реформационного движения (XVI – первая половина XVII в.), периода феодально-католической реакции (конец XVII – середина XVIII вв.), Просвещение (последняя треть XVIII – начало XIX вв.), революционно-демократический периода (середина XIX – начало XX вв.), а также советского времени [2, с. 22]. Также авторы выделяют исторические эпохи духовного развития Беларуси периодов феодализма и капитализма: формирование белорусско-русской этнонациональной общности и ее культуры (XIV – XVII вв.); период феодально-католической экспансии и подавления белорусской культуры (XVIII – начало XIX вв.); эпоха формирования белорусской нации и культуры (середина XIX – начало XX вв.). [2, с. 23].

Все же, как выше отмечалось, периодизация развития отечественной политико-правовой мысли может не совпадать с периодизацией развития философской или эстетической мысли. Так, например, период XVIII – XIX вв. исследователи философской мысли Беларуси подразделяют на этапы господства схоластики (1-я пол. XVIII в.); распада схоластики и формирования эклектической философии как компромиссной мировоззренческой формы, которая объединила старые схоластические конструкции с идеями западноевропейской философии Нового времени (50 – 60-е гг. XVIII в.); становление идей Просвещения (последняя треть XVIII в.). [2, с. 29]. В то же время, напротив, в локальной политической и правовой мысли, начиная с середины XVII в. и до разделов Речи Посполитой в конце XVIII в., господствовала единая тема кризиса государства, его причин и дискуссия о необходимости и содержании реформ государственного и общественного устройства.

В юридической науке, опираясь на основные этапы «социально-политического и экономического развития», авторы также предлагают свое видение периодизации политической и правовой мысли. Так, профессор

В.Ф. Шалькевич выделяет 7 периодов развития политической и правовой мысли Беларуси [14, с. 14–18], профессор И.А. Басюк – 8 периодов [15, с. 20–23], доцент И.В. Вишневская – 9 [16, с. 6–10], доцент Л.Л. Голубева – 6 [17, с. 57]. В большинстве своем перечисленные авторы опираются на хронологический и государственный подходы (по формам существования государственности на землях Беларуси), при этом отдельные этапы выделяют с использованием проблемного подхода. Так, например, профессор В.Ф. Шалькевич при изложении материала фактически в рамках третьего этапа (политическая и правовая мысль эпохи Контрреформации и кризиса феодально-крепостнических отношений (конец XVI – XVII вв. – середина XVIII в.) выделяет два периода: а) политическая и правовая мысль периода Контрреформации (конец XVI – середина XVII в.; б) политическая и правовая мысль периода кризиса феодально-крепостнических отношений и господства клерикальной идеологии (середина XVII – середина XVIII вв.) [14, с. 106–147].

Заключение. Представляется, что при проведении периодизации национальной истории политической и правовой мысли следует использовать сочетание хронологического и тематического (нарративного, проблемного) подходов с учетом периодов существования форм государственности на землях Беларуси и важнейших переломных событий белорусской истории. В периодизации отечественной политической и правовой мысли при таком подходе необходимо выделять следующие этапы:

- 1) дохристианская (традиционная) политико-правовая мысль жителей белорусских земель;
- 2) от независимости и единства Руси к торжеству христианской веры: политико-правовая мысль периода восточнославянских княжеств на территории Беларуси (X – конец XIV в.);
- 3) утверждение независимости ВКЛ в условиях геополитического выбора: политическая и правовая мысль Великого Княжества Литовского (конец XIV – XV вв.);
- 4) *Res publica*, свобода и вера: политические идеи эпох Ренессанса, Реформации и Контрреформации на Беларуси (XVI – сер. XVII вв.);
- 5) политическая и правовая мысль периода кризиса Речи Посполитой и дискуссий о реформировании ее государственного устройства (сер. XVII – к. XVIII вв.);
- 6) от политического романтизма к формированию революционно-демократического движения: политическая и правовая мысль на территории белорусских губерний Российской империи в 20-е – 70-е гг. XIX в.;
- 7) политическая и правовая мысль периода формирования белорусской нации и нарастания революционных процессов в Российской империи в конце XIX – начале XX вв.;
- 8) политическая и правовая мысль периода формирования белорусской государственности и борьбы за воссоединение Беларуси (1917 – 1939 гг.);
- 9) политическая и правовая мысль БССР (1921 – 1991 гг.);
- 10) политическая и правовая мысль в период современной белорусской государственности (1991 г. – наст. время).

Выделенные таким образом основные этапы в наибольшей степени отражают специфику каждого периода истории политической и правовой мысли Беларуси, отображают обсуждаемый круг политических проблем, обусловленных спецификой преломившихся в данную эпоху отечественной истории политических, экономических и культурных факторов и событий. Такой подход в более полной мере позволяет представить особенности локальной истории политических и правовых учений, делает ее, а также историю отечественной государственности, более наглядной, в том числе при преподавании соответствующей учебной дисциплины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочаров, А.В. Основные научные методы в историческом исследовании : учеб. пособие. / В.А. Бочаров. – Томск, 2006. – 190 с.
2. Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі. У 6 т. – Т. 2. Пратарэнесанс і Адраджэнне / С.І. Санько [і інш.] ; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т філасофіі. – Мінск : Беларус. навука, 2010. – 840 с.
3. Марченко, М.Н. Теория государства и права : учеб. / М.Н. Марченко. – 2-е изд. – М. : ООО «ТК Велби», 2002. – 640 с.
4. История политических и правовых учений / П.С. Грацианский [и др.]. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрид.лит., 1988. – 814 с.
5. История политических учений / под ред. проф. К.А. Мокичева. – М. : Высш. школа, 1965. – 470 с.
6. Корнев, А.В. Подходы к периодизации истории политических и правовых учений: традиции и критерии / А. В. Корнев // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15. – № 8 (117). – С. 12–21.
7. История политических и правовых учений : учеб. для вузов / Под редакцией докт. юрид. наук, проф. О.Э. Лейста. – М. : «Зерцало», 2006. – 568 с.
8. История политических и правовых учений : учеб. пособие / И.Л. Честнов [и др.] ; под ред. проф. И.Л. Честнова. – СПб. : Санкт-Петерб. юрид. ин-т (филиал) Акад. Ген. прокуратуры Рос. Фед., 2015. – 88 с.
9. Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР. – М. : Изд-во АН СССР, 1955. – Т. 1. – 590 с.
10. Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі. У 6 т. – Т. 1. Эпоха Сярэднявечча / В.Б. Евароўскі [і інш.] ; рэд. кал.: В.Б. Евароўскі [і інш.] ; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т філасофіі. – Мінск : Беларус. навука, 2008. – 575 с.
11. Томсинов, В.А. История русской политической и правовой мысли, X–XVIII века / В.А. Томсинов. – М. : Зерцало-М, 2015. – 255 с.
12. Фролова, Н.А. История российской политической и правовой мысли / Н.А. Фролова. – М. : Отбита-М, 2007. – Ч.1: Фролова Н.А. X–XVIII в. – 2007. – 190 с.
13. Щербик, Д.В. Дискретность и преемственность в развитии права Беларуси : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Д.В. Щербик. – Минск, 2009. – 139 л.

14. Шалькевіч, В.Ф. Гісторыя палітычнай і прававой думкі Беларусі / В.Ф. Шалькевіч. – Мінск : Маладзёжнае навуковае супрацоўніцтва, 2002. – 248 с.
15. Басюк, І.А. Гісторыя палітычнай і прававой думкі Беларусі : курс лекцый / І.А. Басюк. – Гродна : ГрДУ, 2011. – 282 с.
16. Вішнеўская, І.У. Гісторыя палітычнай і прававой думкі Беларусі / І.У. Вішнеўская. – Мінск : Тэсей, 2004. — 271 с.
17. Голубева, Л.Л. Да пытання аб перыядызацыі гісторыі палітычнай і прававой думкі Беларусі // Актуальныя пытанні развіцця прававой сістэмы на сучасным этапе : матэрыялы Міжнароднага навукова-практ. канф., Мінск, 11–12 окт. 2012 г. / редкол.: С.А. Балащенко (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Бизнесофсет, 2012. – С. 56–57.

Поступила 12.09.2022

APPROACHES TO THE PERIODIZATION OF THE HISTORY OF POLITICAL AND LEGAL THOUGHT IN BELARUS

D. SHCHERBIK
(Belarusian State University)

The article analyzes the existing approaches to the periodization of the history of political and legal thought. Classical approaches are considered and analyzed from the point of view of their applicability for periodization of the history of political and legal thought in Belarus. The author points out the difficulties that arise in their application. He develops his own approach to the periodization of domestic political and legal thought.

Keywords: *political and legal thought, periodization, methodology, problematic approach.*

УДК 342

DOI 10.52928/2070-1632-2022-62-12-148-151

ОСНОВЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ГОСУДАРСТВАХ КОНТИНЕНТАЛЬНОГО И АНГЛОСАКСОНСКОГО ПРАВА

канд. юрид. наук И.В. ШАХНОВСКАЯ

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

ORCID <https://orcid.org/0000-0002-8828-1091>

В статье рассматриваются вопросы территориальной организации местного самоуправления в государствах англосаксонского и континентального права. Особое внимание уделяется последним изменениям в конституционном законодательстве указанной группы государств в области проведения реформы АТУ, проводится анализ национального законодательства в части построения территориальных основ местного самоуправления. Выявляются основные тенденции развития законодательства о местном самоуправлении в государствах континентального и англосаксонского права.

Ключевые слова: местное самоуправление, Великобритания, Германия, Франция, США, англосаксонское право, континентальное право.

Введение. Актуальность исследования определяется проводимыми в государствах континентального и англосаксонского права реформами в области реформирования административно-территориального устройства, что оказывает влияние на формирование или изменение территориальных основ местного самоуправления. Цель исследования – определить особенности территориальной организации местного самоуправления в государствах англосаксонского и континентального права, а также основные тенденции развития.

Основная часть. Континентальная модель организации местного самоуправления представлена в ряде государств континентальной Европы (Франция, Германия, Италия, Испания, Бельгия), большинстве стран Латинской Америки, а также франкоговорящей Африки. В странах континентального права территориальная организация местного самоуправления на низовом уровне построена по принципу деятельности муниципалитетов. Для данной группы государств используется, как правило, унифицированная система местного самоуправления. Сущность такой системы состоит в том, что любая община управляется по единой модели и правами муниципалитетов обычно пользуются как городские, так и сельские общины независимо от размеров территории и численности населения. Несмотря на складывающуюся тенденцию укрупнения муниципальных образований, в ряде государств континентальной Европы по-прежнему сохраняется проблема существования мелких административно-территориальных единиц (Франция) [1, с. 118].

Для территориальных основ организации местной власти Франции характерна пятиуровневая системы административно-территориального устройства, включающая: 1) коммунальный уровень; 2) уровень кантонов; 3) окружной уровень; 4) уровень департаментов; 5) региональный уровень. Первым уровнем административно-территориального устройства Франции и основным звеном местного самоуправления являются коммуны. Второй уровень – кантон (фр. *canton*). Во Франции кантон не относится к территориальным коллективам и является территориальной единицей, в пределах которой находится несколько коммун. На территории кантона реализуются некоторые судебные и правительственные функции. Эта более крупная единица создается для того, чтобы в каждом кантоне для жителей нескольких коммун был свой нотариус, судья, участок жандармерии, призывной участок и т.д. Третье звено французской административно-территориальной системы – округ (фр. *arrondissement*). До 1940 г. округа были территориальными коллективами с избранным законодательным органом, но в 1946 г. они были окончательно отменены. Административные округа следует отличать от муниципальных округов, являющихся административными единицами в составе таких метрополитенских городов, как Париж, Марсель и Лион. Четвертый уровень – департамент (фр. *départements*), более крупная по сравнению с округом административно-территориальная единица, включающая около 35 кантонов и по 3–4 округа. Пятый уровень – региональный (фр. *région*). Регион – самая крупная административно-территориальная единица верхнего уровня во Франции. Регионы как территориальные коллективы появились на основе Закона о децентрализации от 2 марта 1982 г.¹

В 2014 – 2015 гг. во Франции была проведена территориальная реформа, анализ положений которой позволяет сделать вывод о формировании новых тенденций в территориальной организации местного самоуправления. Реформа ставила вопросы децентрализации на второй план, а на первом были вопросы укрупнение регионов и повышение эффективности государственной власти на национальном и на местном уровнях, улучшение качества публичных услуг. Так, с 1 января 2015 г. новый статус метрополитенских округов получили Лион, Ренн, Бордо, Тулуза, Нант, Трест, Лилль, Руан, Гренобль, Страсбур и Монпелье. Статус метрополии Большого Парижа и Экс-Марсель-Прованс вступил в силу с 1 января 2016 г. Новая карта регионов Франции, вступившая в силу с 1 января 2016 г., была утверждена законом от 16 января 2015 г.² Отныне территория метрополии разделена на 12 регионов (вместо 21), к которым добавлены территориальный коллектив Корсика и пять заморских коллективов.

¹ Loi № 82-214 du 2 mars 1982 portant statut particulier de la région corse (organisation administrative) // Journal officiel de la République Française. 3 mars 1982.

² URL: <https://www.vie-publique.fr/fiches/19628-quelle-est-la-nouvelle-carte-regionale-issue-de-la-loi-de-janvier-2015>.

Территориальная организация местного самоуправления Германии на уровне общин и районов в значительной мере сформировалась в XIX – XX вв. Общины в Германии выступают в трех различных формах: «города вне районов» (*kreisfreie Städte*); единые полностью самостоятельные общины, имеющие в т.ч. собственную администрацию (*Einheitsgemeinde*); общины в составе так называемых «управленческих (административных) союзов/объединений» (*Verwaltungsgemeinschaften, Verbandsgemeinden* – такие объединения в различных федеральных землях имеют различные названия и полномочия, общим для них является создание единой администрации несколькими малыми общинами) [2, с. 41]. Территориальное реформирование местного самоуправления в Германии предусматривает использование различных способов: а) добровольный. Сущность такого способа состоит в вынесении предложения на уровне закона земли о добровольности объединения (укрупнения) общин. На эту процедуру соответствующим законом земли устанавливается довольно продолжительный срок, в течение которого между общинами заключаются договоры о компетенции в решении местных вопросов; б) принудительный. Представляет собой альтернативу добровольному способу реформирования территориального общинного самоуправления, состоит в принудительном объединении общин законом земли. Основной тенденцией территориальной организации местного самоуправления в Германии является укрупнение муниципалитетов. К примеру, в Бранденбурге в срок до 2020 г. запланировано провести укрупнение муниципальных районов, в Тюрингии – укрупнение общин, муниципальных районов и, одновременно, упразднение государственных административных округов.

Интересную территориальную организацию местного самоуправления представляет Греция. В соответствии с п. 2 ст. 102 Конституции Греции «управление местными делами входит в компетенцию органов местного самоуправления, первой ступенью которых являются муниципалитеты и общины. Прочие ступени определяются законом». Следовательно, на конституционном уровне предусмотрена двухступенчатая обязательная территориальная организация местного самоуправления. При этом конституционное законодательство Греции предусматривает различия в правовом статусе административно-территориальных единиц. Согласно Муниципальному кодексу 1994 г. общинными органами местного самоуправления являются общинный совет – представительный орган общины и председатель общины, исполняющий функции единоначального исполнительного органа. Для получения статуса общины, поселение должно иметь население не менее 1500 человек. В 2010 г. в Греции были проведены радикальные территориальные реформы местного самоуправления, которые привели к значительному сокращению числа общин. Муниципалитетами считаются поселения с численностью населения более 2500 человек. Деятельность и правовой статус органов местного самоуправления второго уровня – номархий – регулируется Номархическим кодексом 2001 г. [3, с. 3].

В Италии территориальную основу организации местного самоуправления составляют коммуны. В последние годы в стране были проведены территориальные реформы, что обусловлено слишком долгим сохранением «старого» административно-территориального устройства. В настоящее время организация местного самоуправления представлена на уровне достаточно разнообразного количества территориальных образований, в которые включены территории провинций: коммун, городов-мегаполисов, равно как и большого количества межкоммунных образований (союзы коммун, консорциумы, горные сообщества и т.д.). Кроме этого, согласно Закону «О городах-мегаполисах, провинциях, союзах коммун и слиянии коммун» были введены дополнительные формы межобщинной коммуникации и разработаны законодательные меры поэтапного упразднения провинций.

Анализируя территориальную организацию местного самоуправления в государствах континентального права можно выделить ряд основных тенденций. Так, первой из них является образование новых территориальных единиц путем придания данного статуса несамостоятельным до этого времени территориальным сообществам. Вторая тенденция состоит в изменении административных границ ранее созданных административно-территориальных единиц. В данном направлении работа проводилась по различным векторам развития: а) путем укрупнения территориальных образований низших уровней территориального устройства. Примерами могут выступать Эстония (реформы 2015 – 2018 гг.), Франция (реформы 2014 – 2015 гг.); б) выделение из состава более крупных территориальных единиц более мелких с самостоятельным статусом территории; в) организация межмуниципального территориального взаимодействия путем объединения ряда муниципальных образований по различным направлениям решения вопросов. Главной причиной проведения такого рода территориальных реформ послужила необходимость приведения в соответствие с реальной социально-экономической ситуацией территориальных границ административно-территориального деления в государстве.

Англосаксонская модель самоуправления получила распространение в Великобритании, США, Канаде, Австралии и прочих государствах мира, бывших английских колониях, где действует англосаксонское право. Для группы государств англосаксонского права характерна дифференцированная система местного самоуправления. Сущность функционирования такого рода системы отличается от унифицированной тем, что правовую основу создания и деятельности муниципалитетов составляют нормативные правовые акты субъектов федерации и муниципальные хартии.

В Соединённом Королевстве Великобритании и Северной Ирландии местное самоуправление обусловлено административно-территориальным устройством государства. В настоящее время административно-территориальное деление Великобритании представлено следующим образом: графства и округа (Англия, Северная Ирландия, Уэльс); регионы и округа (Шотландия). В графствах и округах избираются советы графств, одновременно являющиеся и высшими исполнительными, и высшими законодательными коллегиальными органами власти в системе местного самоуправления Великобритании. После реформы местного самоуправления в 1996 г. вся территория Уэльса делится на 22 унитарных образования, которые называются «графствами» или «городскими графствами»

и управляются унитарными советами. Шотландия подразделяется на 32 унитарных образования, в рамках которых функционируют унитарные советы. Северная Ирландия поделена на 6 административных районов, разделенных в свою очередь на 26 округов. Исторически территория Ирландии разделена на 5 провинций, одна из которых – Ольстер – относится к Северной Ирландии. Северная Ирландия разделена исторически на 6 графств (county) – Фермана, Тирон, Лондондерри, Антрим, Даун, Арма. После административной реформы 1973 г. графства не имеют собственной администрации общей компетенции. Графства раньше были разделены на 26 районов (муниципальных округов), но с 1 апреля 2015 г. количество муниципальных районов сократилось до 11. Северная Ирландия разделена на 26 административных районов, а шесть Ольстерских графств имеют традиционный характер. Низовым звеном местного самоуправления в сельской местности являются приходы. Приходы или гражданские приходы использовались как территориальные или конфессиональные единицы, в определенный исторический период – как налоговые единицы. Приходы (parish) не используются в Ирландии, в отличие от Великобритании, в качестве территориальных единиц для целей местного управления с конца XIX в., поскольку, как отмечает известный ирландский исследователь проблем местного управления Ирландии Десмонд Рош, кроме «возможных затруднений религиозного характера, в Ирландии не было сильной традиции управления с помощью прихода». Церковные приходы и самоуправленческие (светские) общины можно рассматривать как различные формы социальной самоорганизации, они были характерны для Европы в период зарождения местного самоуправления. Кстати, в период становления ВКЛ существовали громады. В Уэльсе и Шотландии они называются «общинами», причем в Шотландии общины не рассматриваются как самостоятельный уровень управления. Следовательно, в Великобритании система административно-территориального деления имеет сложную и асимметричную структуру, которая закреплена в ряде нормативно-правовых актов. После принятия Акта о местном управлении 1972 г. была официально признана двухуровневая система территориальной организации местного самоуправления. Исключение составляет Лондон, где местное самоуправление осуществляется в границах городских районов, выборные органы которых самостоятельно формируют местные администрации.

Достаточно разветвленной территориальным образом представляется система местного самоуправления в США. Административно-территориальное деление США насчитывает большое количество территориальных образований, которые обладают различным объемом правового статуса, образуя при этом разноразветвленную систему местного самоуправления. Так, в нее включается система самоуправления, представленная на уровне: графств или округов; районов; муниципалитетов; особых участков. Выделение особых участков осуществляется с целью предоставления какой-то определенной территориальной местности (например, избирательного округа) [4, с. 238]. Административно-территориальное деление США обусловлено как географическими факторами, так и федеративным государственным устройством. Территория США состоит из трех несмежных частей – континентальной части Северной Америки, Аляски и Гавайских островов. В состав США входят 50 штатов и федеральный округ Колумбия (District of Columbia, сокращенно D. C.). На территории округа Колумбия находится столица США – Вашингтон. Особый статус имеют зависимые «территории, принадлежащие США» (разд. 3 ст. 4 Конституции). К зависимым территориям относятся Пуэрто-Рико, Гуам, Восточное Самоа, Виргинские острова и Микронезия. США состоят из девяти географических регионов. Учет и регистрация АТЕ в США идет в зависимости от принадлежности территории штата или муниципалитета к определенному региону. Регион под № 1 – это Новая Англия, а № 8 – Горные штаты. Под № 1.1 в Новой Англии зарегистрирован штат Мэн, а штат Калифорния в Горных штатах – под № 8.3. Графства регистрируются в последовательности их создания. Так, графство Йорк в штате Мэн было образовано первым и имеет № 1.1.1. Континентальная часть США имеет трехуровневое административно-территориальное устройство. Территория делится на штаты, штаты – на графства, а графства – на территории поселений, в пределах которых формируются муниципальные органы. В настоящее время в штатах США существует 6 видов административно-территориальных единиц со своими органами местного самоуправления: графства (counties); города (cities); бороу (boroughs); виллиджи (villages); тауны (towns); тауншипы (townships). В целом, система местного самоуправления в США имеет двухзвенную систему, где верхний уровень составляют графства, а низовой уровень – муниципальные корпорации и квазикорпорации.

Местное самоуправление в США характеризуется локальным характером, что означает действие определенного территориального коллектива только в пределах пространственных границ. Т.е. местное самоуправление ограничено исходя из территориального признака. По последним данным переписи населения США в государстве функционирует около 90 тыс. единиц местного самоуправления. При этом в крупнейших городах США наблюдается специфика территориальной организации местного самоуправления. К примеру, Чикаго управляется городским советом, мэром и правительством города. В состав совета входят 50 членов, избранных на прямых выборах в 50 районах мегаполиса. Единственными представителями местной власти в них являются старейшины, которые избираются на прямых выборах и представляют район в городском совете. Низовым уровнем муниципального деления Нью-Йорка являются районы (их в городе 59), в каждом из которых формируется общественный совет. Члены общественных советов осуществляют деятельность на волонтерской основе и назначаются президентами района или членами городского совета Нью-Йорка. Анализируя территориальную организацию местного самоуправления в США, следует отметить, что в государстве наблюдается тенденция к усилению власти органов местного самоуправления в крупных городах. Это обусловлено, в том числе, высоким уровнем территориальной организации в данных территориальных образованиях. Местное самоуправление в целом в США носит фрагментарный характер.

Местное самоуправление в Канаде территориально представлено на следующих уровнях: первый (провинциальный), уровень областей, окружной уровень (regional district) или уровень графств, муниципальный уровень. В современной Канаде около 4 тысяч муниципалитетов. Что касается местного самоуправления, то в его состав входят не только муниципальные советы и администрации, но и множество автономных учреждений. Основная форма местного городского самоуправления – деятельность мэров и городских советов.

Система местного самоуправления в Австралии в большей степени зависима от территориальной организации государства и иных территориальных факторов. В частности, территориальная удаленность ряда образований от административного центра, своего рода, особые климатические условия, которые оказывают влияние и на территориальную организацию и др. Вышеуказанные факторы привели к тому, что местное самоуправление Австралии не регулируется федеральным законодательством, а полностью передано на уровень штатов. Нормы, определяющие организацию местного самоуправления, содержатся в конституциях штатов и специализированном законодательстве о местном самоуправлении, которое принимают легислатуры штатов. Местное самоуправление в Австралии является третьим уровнем государственного деления и управляется штатами и территориями, которые, в свою очередь, находятся ниже федерального уровня. В настоящий момент в Австралии создано более 500 муниципальных образований различных видов. В данном государстве административно-территориальные единицы, в пределах которых создаются органы местного самоуправления, называются «районами местного самоуправления». В современный период в Австралии 567 районов местного самоуправления и 14 невключённых территорий. Органы местного самоуправления в данных районах носят, как правило, название «советов».

Таким образом, в государствах англосаксонского права преобладает дифференцированная система местного самоуправления. В данной группе государств органы местного самоуправления обладают достаточно «сильными» полномочиями, в том числе, по формированию местной администрации. В отдельных государствах наблюдается тенденция к усилению местного самоуправления в наиболее крупных административно-территориальных единицах.

Заключение. Анализ территориальной организации местного самоуправления в государствах континентального права показал склонность к увеличению количества самостоятельных территориальных субъектов. Такая тенденция показывает необходимость увеличения расходной части бюджета на содержание территориальных органов местного самоуправления. В то же время государственная политики в области местного самоуправления в государствах англосаксонского права свидетельствует об усилении полномочий имеющихся самостоятельных территориальных субъектов при сохранении их прежней организации. Это свидетельствует об усилении института местного самоуправления в целом в данной группе государств, а также о передаче ряда полномочий государственных органов на местный уровень. Такая практика, представляется, повышает уровень развития демократического режима в государствах англосаксонского права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Благов, Ю.В. Укрупнение муниципальных образований в новейшее время / Ю.В. Благов // Правоприменение. – 2017. – Т. 1, № 3. – С. 117–124.
2. Маркварт, Э. Территориальное реформирование местного самоуправления в Германии и России на современном этапе / Э. Маркварт, Й. Франcke // Пространственная экономика. – 2017. – № 3. – С. 40–61.
3. Собиров, А.С. Правовые основы местного самоуправления в Греции / А.С. Собиров // История, философия, экономика и право. – 2015. – № 4. – С. 1–5.
4. Крупорницкая, И.А. Организация самоуправления в США / И.А. Крупорницкая // Вестник МГТУ. – 2001. – Т. 4, № 2. – С. 237–244.

Поступила 19.09.2022

BASES OF THE TERRITORIAL ORGANIZATION OF LOCAL SELF-GOVERNMENT IN STATES OF CONTINENTAL AND ANGLO-SAXON LAW

I. SHAKHNOVSKAYA
(*Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk*)

The article deals with the issues of territorial organization of local self-government in the states of Anglo-Saxon and continental law. Particular attention is paid to the latest changes in the constitutional legislation of this group of states in the field of ATU reform, an analysis of national legislation in the field of building the territorial foundations of local self-government is carried out. The main trends in the development of legislation on local self-government in the states of continental and Anglo-Saxon law are revealed.

Keywords: local government, Great Britain, Germany, France, USA, Anglo-Saxon law, continental law.

УДК 343.9.01

DOI 10.52928/2070-1632-2022-62-12-152-157

ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В УСЛОВИЯХ ПРЕОБРАЗУЮЩЕЙСЯ РЕАЛЬНОСТИ

канд. юрид. наук Ю.Л. ПРИКОЛОТИНА

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

e-mail: y.prikolotina@psu.by

ORCID <https://orcid.org/0000-0003-4791-0493>

В условиях интенсивных и ускоряющихся преобразований социальной действительности наука выступает в качестве одного из адаптивных механизмов, позволяющих понять сущность происходящего и перспективы грядущих изменений. Однако в условиях стремительных и существенных социальных изменений социальные эмпирические науки, включая криминологию, также нуждаются в преобразовании с учетом цифровизации отношений, их экспоненциально нарастающей сложности и нарастания всеобщей связанности. Эти свойства преобразующейся реальности требуют не только ухода от традиционных источников информации о криминологически значимых феноменах, не только применения (расширения) междисциплинарного подхода, но и становления «количественной парадигмы криминологии», «вычислительной криминологии», позволяющей отслеживать как криминальные, так и потенциальные криминогенные феномены, а также фоновые явления преступности в режиме живого времени посредством мониторинга и с использованием как заданных, так и самостоятельно формирующихся алгоритмов.

Ключевые слова: преобразующаяся реальность, методология криминологии, количественная парадигма криминологии, вычислительная криминология.

Введение. Новейшая социальная реальность при определенном подходе, выражающем эмоционально окрашенные рефлексии современного человека, может быть охарактеризована как «турбулентная», «хаотичная», «случайная» и «враждебная»¹. «Турбулентность» указывает на осознание многократного увеличения скорости социальных изменений при их одновременной разнонаправленности. «Случайность» выражает осознание непредсказуемости развития значимых и затрагивающих личность событий, утрату ими потенциала рационализации и осознанного целенаправленного упорядочивания, что обращается в ощущение невозможности определить собственную судьбу в рамках долгосрочного прогноза и неверие в способности повлиять на происходящее. Оценка современности как «хаотичной» рождается, очевидно, как реакция на внезапно случившееся существенное видоизменение ценностей (наполнение привычных имен иными – подчас противоположными – смыслами) и/либо смещение их устоявшейся иерархии, а также как переживание разрушения привычной «логики жизни» (в значении «предсказуемой и повторяющейся»). Все это, взятое в совокупности, приводит к наименованию реальности «абсурдной». Присваивание миру свойства «враждебности» объективирует переживание экзистенциальной опасности вкупе с ее глобальностью [1]. Ощущение витальной угрозы мультиплицируется в условиях потоковости и противоречивости информации, ее утаивания либо намеренного искажения, а также ввиду нормализации силовых решений социальных противоречий.

Описанные переживания мира, характерные для настоящего, рождаются, транслируются и многократно усиливаются, подвергаясь искажениям через информационные потоки, алгоритмизированные и канализированные средствами цифрового мира. Однако в описанных условиях эволюция «преобразующейся» реальности² не только не прекращается, но, вероятно, лишь ускоряется под действием актуальных гуманитарных вызовов, интенсифицирующих разнонаправленные процессы, а очередной глобальный кризис предстает как новая возможность [2, с. 38–39]. Мир обнаруживает себя как все более связанный и все менее понятный (если не признаваться в ограниченности либо тщетности любых рациональных попыток его объяснения). Однако нарастающий хаос должен и продолжает оставаться предметом наблюдения и рефлексии хотя бы потому, что человеческое сознание не в состоянии отказаться от имманентно присущего ему стремления к рационализации и упорядочиванию, как бы «приручению» стихии, неизменно стремящейся выйти из-под контроля. И хотя опасений относительно способности человечества инструментальным путем подчинить беспорядок сталкивающихся человеческих волей разумному порядку все больше, да и сам этот инструмент уже неоднократно дискредитировал себя, все иные альтернативные средства (политическая воля, религия и сила) а priori непригодны для достижения этой цели. Особая трудность видится здесь в том, что упомянутые инструменты зачастую не основываются на достоверном знании реальности, полагая ее в качестве объекта интервенции, а не понимания, и направлены на реализацию идеальных моделей, зачастую действительно не корреспондирующих и требующих лишь веры, несмотря на свою отстраненность от социальной материи.

¹ Акроним «ТАСИ», разработанный и применяемый в психологии кризисного управления, позволяет стереотипизировать сложившийся контекст с целью дальнейшей алгоритмизации разработки кризисных стратегий (решений).

² См. Приколотина, Ю.Л. Криминология преобразующейся реальности / Ю.Л. Приколотина // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. D. Экономические и юридические науки. – 2022. – № 6(61). – С. 121–127.

Сложность современности для социальных наук состоит том, что последние традиционно имели дело с устойчивыми (воспроизводящимися и воспроизводимыми) феноменами. Однако нынешнее время обуславливает все больше сомнений относительно принципиальной познаваемости происходящего и еще более неверия в возможность прогнозирования его развития по причине стихийности и критичности изменений. Иначе говоря, наука может иметь дело только с «порядком», однако в условиях нарастающего хаоса эта задача представляется значительно осложненной. В связи с этим остро встает вопрос о необходимости поиска новых инструментов познания. Ведь в условиях социальных катаклизмов наука как заинтересованный, но непредубежденный систематический разум оказывается в сложных условиях, тем не менее, оставаясь, вероятно, единственным спасением человечества.

К криминологии как к науке, обращенной одновременно к социальной реальности и реальности идеальной (миру идей как заданностей и оценок) все указанные выше рефлексии имеют непосредственное отношение, потому она также признается оказавшейся в методологическом тупике. В научной литературе все чаще и все «громче» выражаются суждения о нынешней фактической невостребованности криминологии как базиса для разработки уголовной политики и уголовного закона. И одной из причин этого видится низкое качество криминологических исследований [3, с. 62], в том числе по причине неадекватности их познавательного потенциала. Так, Ю.Е. Пудовочкин и М.М. Бабаев полагают, что к настоящему времени криминология в том виде, в котором она преимущественно существует на постсоветском пространстве, исчерпала себя, так как исследования проводятся традиционным образом и инновационных разработок ничтожно мало. И хотя отдельные немногочисленные попытки обновления методологии предпринимались, в том числе, в форме междисциплинарных исследований, криминологические задачи решались и продолжают решаться преимущественно за счет ресурсов самой криминологии, не имея никакой «подпитки» извне, что привело к истощению познавательного ресурса науки [4, с. 139]. При этом невозможно представить последствий совершенной утраты криминологией ее преобразовательного и гуманитарного потенциала и ухода уголовного права и практики реагирования на преступления и преступность в сторону «чистого» нормативизма³ как самодостаточного (замкнутого на себе) моделирования уголовного закона. Ведь при таком подходе открывается путь для законотворческого произвола.

Указанные выше проблемы, составляющие как проявления, так и последствия некоего кризиса криминологической науки, обусловившего ее невостребованность, требуют постановки вопроса о методологии и методах криминологических исследований как деятельности, призванной не только обеспечивать, но и инициировать законотворчество. Именно поэтому, пожалуй, настоящее идеально приспособлено для пересмотра устоявшихся представлений и постановки проблемы смены научных парадигм в социальных науках, включая криминологию.

В настоящей статье заинтересованному читателю будут представлены к рассмотрению размышления автора, имеющие целью привлечь внимание к настоящему и будущему криминологии как безусловно значимой и перспективной науки, нуждающейся, тем не менее, в кардинальном пересмотре ее устоявшихся и традиционных познавательных предпосылок и способов наблюдения криминологически значимых феноменов. Предполагается рассмотреть основные методологические и методические проблемы, с которыми столкнулась современная криминология, и обозначить возможности их преодоления.

Основная часть. Согласно представленным выше оценкам, в криминологии давно назрело множество проблем – как методологических (парадигмальных), так и инструментальных (связанных со сбором и обработкой информации о конкретных фактах), связанных с обоснованностью криминологических исследований. Следует отметить, что криминология, понимаемая как наука социальная, то есть исследование, рассматривающее преступность как один из продуктов всего происходящего в социальной системе [5, р. 362], имеющая доверие к «разумности» этой системы, не может не сталкиваться с теми же проблемами, которые характерны для всех социальных наук. Социальные феномены, в принципе, относят к наиболее сложным научным проблемам, в связи с чем наукам, имеющим в качестве своего предмета те либо иные объекты социетальной (относящейся к обществу как к единому целому) природы, так сложно производить новое знание в форме согласованной и целостной теоретической базы. Сложность этого объекта вызвана, в первую очередь, его постоянными изменениями, многократным усложнением и неустойчивостью [6, р. 489].

Кризис социальных наук констатируется как неспособность наук об обществе найти адекватный ответ на нарастание сложности общества – множественных онтологических уровней с мультинаправленными связями (не только от микроуровней к макроуровням, но и в противоположном направлении). Одновременно социальные системы представляют собою «ускоренную диффузию явлений, моделей поведения и культурных черт». Ускорение процессов приводит к появлению новых свойств системы (формированию общественного мнения, политических движений, новым глобальным и локальным идентичностям, коллективным предпочтениям и т.д.) и одновременно к критическим масштабным событиям в экономической или политической сферах, включая глобальные кризисы. Наконец, в сложных социальных системах часто наблюдаются взаимозависимости и взаимовлияния [7, р. 326].

Именно по причине критичности (существенности и масштабности) преобразований социального организма виднейшие криминологи говорят о необходимости нового подхода в криминологии. Так, Я.И. Гилинский наименовал свою недавнюю работу неокриминологией (криминологией постмодерна). В ней он обосновывает

³ Под нормативизмом здесь понимается правовая доктрина, полагающая право (закон) в качестве логической формы, которая оторвана («абстрагирована») от социальной действительности. Здесь не норма права рассматривается как реакция на происходящие социальные процессы, но как источник их принудительного преобразования, формирования.

неизбежность кардинально нового подхода к рассмотрению преступности в обществе постмодерна, который характеризуется взаимопроникновением культур, глобализацией, вызывающими размывание границ между нормальным и ненормальным. В рамках этой концепции преступность понимается как социальный конструкт, искусственно созданный, как и иные социальные конструкты [8, с. 25]. Многие ученые отмечают необходимость обновления методологии криминологической науки в связи с изменением социальности человека, вызванным значительной (а может, и доминирующей) ролью новых видов коммуникации как в формировании личности, так и в генезисе ее поведения [9, с. 425–427].

Криминология уже давно движется по пути локализации предмета изучения и соответствующей специализации⁴. В.Е. Квашис оценивает данный процесс как противоречивый, выражая опасения относительно разрыва внутри научного знания и разрыва между методологическими основаниями исследований и их прикладной частью [3, с. 61]. Однако, вероятно, не стоит признавать эту тенденцию абсолютно отрицательной, ведь стремление к частным теориям, объясняющим отдельные криминальные явления, возможно считать вполне закономерным явлением. Это проявление тенденции децентрализации, локализации знания. Призыв к единым методологическим основаниям криминологии, вероятно, следует признать отражением сложившейся в советское время и фактически продолжающей эту тенденцию постсоветской науки – централизации, при которой отдельный вуз, научный центр не признается самодостаточным и обязательна универсальная сертификация «научности». Однако это совершенно точно противоречит идеям сетевого общества, в котором ни государство, ни какие-либо институты не являются монополистами в какой-либо области, в том числе в науке. По сути, наша криминология – это криминология прошлого, которая не принимает во внимание состоявшихся в мире изменений, трансформаций, произошедших с самим человеком. Так, в качестве глобальных объяснений преступности зачастую предполагается аномичное состояние общества, правовой нигилизм, негативное состояние культуры, рассогласованность либо криминогенность правовых норм и т.д. Но эти объяснения возможно считать правдивыми только в том случае, если использовать старые модели, не учитывая фундаментальных изменений общества, обусловленных как самой его парадигмой (свобода превыше всего, индивид как основной субъект, всеобщая взаимосвязанность), так и рынком как всеобщей идеей. Кризис как норма жизни (кризисный компонент современной жизни) требует иначе взглянуть на мир. Также необходимо заметить, что технологическая революция существенно изменила психологию человека, обусловив феномен «массовости» и, следует полагать, «человека массового» [3, с. 62].

Неким «предвестником» констатируемого кризиса социальных наук, вероятно, следовало бы признать их ранее устоявшуюся мультипарадигмальность, явившуюся ответом на осознание невозможности установления универсального объяснения сложнейшей и все более усложняющейся и разворачивающейся социальной действительности. Ведь даже в повседневной жизни человеку давно уже приходится сталкиваться и мириться с бесчисленными версиями миропонимания, а мультипарадигмальность как мирное сосуществование множества версий мира и человеческой природы – уже достаточно привычное для нас явление. Институционализация мультипарадигмальности социальной науки, вызывающая у представителей точных и естественных наук скептицизм относительно принципиальной возможности наименования социальных дисциплин «науками», не отменяет констатации факта изменчивости социальной материи ввиду ее эволюционирования, в отличие от материи физического мира. В связи с этим единственным адекватным ответом на усложнение мира, появление новых феноменов и вскрытие ранее неясных, способна стать лишь познавательная предпосылка о допустимости не взаимоисключающих объяснений.

Для юридических наук мультипарадигмальность менее характерна, а в уголовном праве, пожалуй, все еще царит вера в абсолютность позитивного права (писаного закона) и соответствующая склонность к поддержанию устоявшегося порядка, замедляющая как принятие альтернативных позиций, так и обращение к эмпирии. Для права, в особенности для уголовного права, характерно стремление к консерватизму. В этой связи описательный релятивизм как ответ на сложность социальных феноменов и их изменчивость, а также эмпиризм как распознавание назревшей необходимости в трансформации права могут быть оценены учеными юристами негативно. Вероятно, именно по этой причине юридическую науку, причисленную к наукам гуманитарного цикла («наукам о духе») нередко обвиняют в субъективизме, необоснованности и оторванности от реальности. Однако, если придерживаться парадигмы нормативизма, может представляться, что юриспруденция и должна быть самодостаточной, так как ее назначением является определение должного, выводимого из идеи человечности, и имеющего самодостаточный характер. Однако должное не может строиться лишь на мнениях политиков и ученых, как и покоиться на государственной воле. Основанное на таком подходе должное, игнорирующее сущее, не смогло бы продержаться бесконечно долго, не вызвав непоправимых негативных последствий. Помимо этого, следует отметить, что сам образ должного (нормативности) может проявляться и в самих феноменах действительной жизни. Иначе говоря, «эволюционирующая нормативность» может зародиться где угодно, ведь «дух дышит где хочет». Именно поэтому внимательное отношение к социальной реальности и есть действительное обращение к самой жизни. В связи с этим закономерен поворот юриспруденции к эмпирическим наукам и криминология способна стать инструментом распознавания зарождающихся в среде горизонтальных связей (сетевых связей, сетевого общества) норм.

⁴ «Криминология все больше развивается в парадигме исследования преступности конкретных подсистем, выделения ее отдельных сегментов и формирования на этой основе растущего числа отраслевых, «частных» криминологических теорий (семейная криминология, криминология массовых коммуникаций, политическая криминология, криминология в спорте, медицине и т.п.). Вероятно, это веление времени и, значит, процесс объективный, но это не снижает необходимости кооперации и интеграции научного знания; важно, чтобы развитие такой специализации базировалось на единых методологических основах криминологической науки» [3, с. 61].

В связи с этим, вероятно, Ю. Пудовочкин и М. Бабаев полагают, что криминология не должна более рассматриваться как «вспомогательная наука», к которой обращаются периодически, а к полученным ею данным – избирательно. Теперь уже само уголовное право (уголовный закон) должны стать объектом пристального криминологического внимания. Согласно их позиции: «Необходимо не только социологическое и криминологическое осмысление функционирования уголовно-правовых норм и институтов, но и восприятие самого уголовного закона и его предписаний в качестве существенного элемента социальной среды, который определяет параметры ее функционирования, в том числе с точки зрения конструирования стандартов поведения, утверждения справедливости и многого иного, что влияет на протекание криминогенных и антикриминогенных процессов» [4, с. 139–140]. Д.А. Шестаков даже говорит о «преступном законе» [10], что снова приводит нас к мысли об обоснованности критического отношения к уголовному закону и уголовной политике, а также к доказательной уголовной политике⁵ как необходимой стратегии. Противоположностью доказательственной политики видится «криминологический позитивизм» – привязка криминологии к уголовному закону, ограниченность исследований анализом деяний, определенных в качестве преступлений законодателем, совмещенное с обращением к фоновым явлениям преступности [4, с. 140]. Как отмечает коллектив авторов «Манифеста количественной криминологии», в мировой практике уголовная политика опирается на криминологический анализ, а криминология, наряду с методами качественных исследований, широко использует результаты анализа больших массивов количественной информации [11, с. 92].

Важным основанием для пересмотра теоретического инструментария криминологии способно стать осознание глобальной взаимосвязи как одного из ключевых свойств перманентно преобразующейся реальности. Пожалуй, ни одна из современных проблем не может быть признана локальной в узком смысле этого слова, так как она неизбежно оказывается поставленной в глобальный контекст и соответственно в ней рассматриваемой. Также следует отметить, что глобальность может оказаться самостоятельным источником постановки и/или осознания чего-либо в качестве проблемы, в принципе. Причиной этому может быть то, что теперь каждый пользователь, включенный в глобальное информационное пространство, становится производителем информации и может инициировать признание любого события повсеместно значимым [7, р. 331]. Мир связан – климатические условия, ресурсы, технологические процессы не позволяют изолироваться. Связанность информационных потоков способствует формированию всеобщей социальной системы и соответственно глобальной нормативной системы. Преступность не является исключением из этого правила, ведь она также стала глобализированной – не только по той причине, что преступления, совершаемые посредством сети Интернет, стали повсеместны по причине цифровизации социума и доступности (дистанционной досягаемости) практически любого человека. Всемирная сетевая объединенность также вызвала создание новых форм организованной преступности, и сама «новая цифровая реальность» оказалась фактором преступности и одновременно звеном в формировании готовности к совершению преступления. Кроме того, теперь любое решение «проблемы преступности» не мыслится без интервенций через сеть.

Описанные выше сложность, многомерность, разнонаправленность социальных процессов, их цифровизация, глобализация, всеобщая связанность, в том числе посредством глобализации нормативности, требуют уже не устоявшейся мультипарадигмальности, но междисциплинарности как объединения усилий ученых, специализирующихся не только на специальных объектах, но и на способах их объективации посредством построения математических моделей, а также задействования ресурсов искусственного интеллекта. Экспоненциальное нарастание информации о социальных феноменах связывается с уходом от качественных исследований к количественным [11].

Существенным проявлением кризисности социального познания признается и кризис репликации⁶. Для любой социальной науки как науки парадигмально обусловленной позитивизмом⁷, принципиальным стандартом качества, предъявляемым к ее «откровениям», является эмпирическая обоснованность. Последняя же традиционно и в большинстве случаев требует соответствия результатов критерию воспроизводимости (реплицируемости)⁸. Не всякое эмпирическое исследование принципиально реплицируемо, в особенности в том случае, если оно выполнено качественными методами⁹ (что и составляет одну из существенных проблем именно криминологических исследований) либо фокусируется на исследовании уникальных явлений и проводится в принципиально невозпроизводимых условиях¹⁰. Однако, учитывая прикладную направленность криминологии, ее преобразовательный потенциал, изыскания, направленные на проверку теорий, претендующих на всеобщность либо проводимые для оценки неких реализованных либо потенциальных интервенций, способных существенным образом повлиять на реальность (например, на работу уголовной юстиции), должны отвечать требованию воспроизводимости. В противном случае

⁵ Доказательная политика предполагает обязательное обоснование принятия решений, связанных с государственным воздействием, на анализе научных данных.

⁶ В 2016 г. в журнале «Nature» была размещена статья «Is the a Reproducibility Crisis?», в которой были опубликованы результаты опроса 1576 исследователей. Более 70% ученых сообщили, что пытались воспроизвести результаты своих экспериментов либо экспериментов, проводимых другими, но не смогли. [13, с. 51].

⁷ Под позитивизмом в данном случае понимается признание знания достоверным лишь при его выведении из эмпирических фактов.

⁸ Реплицируемость (воспроизводимость) научного исследования предполагает, что результаты, полученные одним ученым, могут быть воспроизведены любым другим ученым, применяющим такой же метод.

⁹ Качественные методы в социальных науках направлены на изучение индивидов, понимание и объяснение субъективных феноменов, возникающих в процессе их взаимодействия.

¹⁰ Такого рода исследования, как правило, носят разведывательный (пилотный) характер и проводятся в отношении новейших феноменов.

результаты не могут быть оценены как объективные. Репликация также способствует институционализации результатов и уверенности в их надежности, открывая возможность имплементации результатов в политику и практику, закономерно обуславливая их привлекательность [12, p. 582].

В 1990-е годы в эмпирических науках произошла революция доверия «credibility revolution», остро поставившая вопрос о качестве эмпирических исследований в связи с их дизайном (требованием к порядку сбора и анализа данных), и в качестве главной задачи определившая способность исследований обнаруживать достоверные причинно-следственные связи [11, с. 91]. Однако, согласно одной из правдоподобных версий современная криминология на постсоветском пространстве ориентируется скорее на нормативный анализ и качественные исследования, и методологическая революция общественных наук ее не коснулась [11, с. 91]. В криминологических исследованиях зачастую неявны методологические предпосылки эмпирического исследования и инструменты анализа и интерпретации его результатов. Криминологи редко владеют методами эмпирических исследований и потому неспособны обеспечить их репрезентативность, в то время как по их итогам выносятся суждения о закономерностях преступления и преступности, претендующие на преобразование реальности.

Как мультипарадигмальная и эмпирическая наука криминология нуждается в доступе к информации самого различного характера. При этом заранее невозможно определить, какого рода данные могут оказаться криминологически значимыми. Однако специальные исследования редко обладают потенциалом, позволяющим в рамках конкретного исследования организовать сбор и обработку значительных массивов данных. Для оперативности (являющейся жизненно необходимой в условиях колоссальной скорости обновления объекта изучения) и полноты исследования, очевидно, требуется доступ к массивам данных, имеющимся у соответствующих субъектов, ведущих статистическое наблюдение. Но для этого необходимо чтобы все они вели съем и хранение данных достаточно продолжительное время, должным образом и были готовы предоставить информацию для достижения целей исследования.

Зачастую статистическая информация остается самым востребованным или единственным источником криминологической информации, чем, вероятно обуславливает недоверие к криминологическим продуктам. Оно вызвано проблемой формирования статистики в условиях неочевидности (исследователь не получает данные самостоятельно, в связи с чем вынужден доверять, не имея возможности проверить), задействия многих субъектов при ее формировании, и подозрением в манипуляциях с данными. Сама же статистическая информация носит служебный характер, а это значит, что она собирается и обрабатывается в том порядке, который установлен тем либо иным ведомством. Статистика всегда представляется в обобщенном виде, в виде конкретных заданных показателей, то есть нет возможности самостоятельного отбора и определения способа ее обработки, так как базы данных не предоставляются. Кроме того, к моменту получения обобщенной информации объект наблюдения может измениться до неузнаваемости, что делает полученные данные бессмысленными. То есть фактически, мы имеем дело с монополией на информацию и у криминолога существенным образом ограничены возможности доступа к первичной, необработанной информации, то есть к ее носителям и неагрегированным данным. Тем не менее, если исследователь обращается к альтернативным источникам, выходя за пределы сферы уголовной юстиции, его могут уличить в оторванности от юриспруденции и смещении сферы интересов в сторону социологии и произвольном избрании поля исследования. Все это способствует бессистемности сбора информации, негативно влияя на качество исследований [14, с. 196].

Опасения относительно невостребованности криминологии, явившиеся первопричиной настоящей статьи, возможно объяснить, среди прочего, фактической государственной монополией на криминологические исследования и соответствующей «централизацией исследований», когда проводить эмпирические исследования могут только лица, имеющие доступ к источникам информации о преступлениях (к неагрегированным, необработанным первичным данным), а доступ к ним существенно ограничен. В этой ситуации свобода исследования как свобода доступа к информации, являющееся необходимым требованием открытого общества (с закономерно необходимыми конкурирующими «узлами» в терминологии Кастельса) ограничена возможностями частных опросов, проведение которых также находится под контролем и грозит административной ответственностью, попадая фактически под понятие «социологических опросов». Выходом здесь может явиться использование альтернативных методов получения информации, но они требуют освоения криминологами новых технологий получения и обработки данных, а может быть и получения навыков программирования. Демократизация и сплочение общества также требуют децентрализации исследовательских инициатив и проектов и одновременно свободного обмена информацией. Как полагают российские криминологи, авторы «Манифеста количественной криминологии» выход из методологического тупика и решение проблемы ограниченного доступа к информации может решить количественная стратегия. По их мнению: «В основе уголовной политики должно лежать объективное эмпирическое знание о том, что происходит с преступностью и не в меньшей степени о том, как на практике работает правоохранительная система. Разработать такую уголовную политику невозможно без работы с современными методами количественного анализа – новой количественной криминологии» [11, с. 93]. Работа с данными в рамках алгоритмизации минимизирует влияние «человеческого фактора», оказывающего влияние на объективность данных. Таким образом возможно охватить всю генеральную совокупность, не снижая качества исследования неизбежной погрешностью выборочной совокупности. В таких случаях само исследование является базой для создания теорий (актуальных эмпирических закономерностей), а не теории (гипотезы) обуславливают исследования и интерпретацию данных.

Заключення. В завершеніє приведенних вище розмышлєній, представляючих собою первичніє рефлексії о судьбах свременной криминології, сфокусированные на наиболее явних и серьезных методологических и методических сложностях, которые видятся в качестве фактора фактической либо потенциальной невостребованности криминологических изысканий, следовало бы наметить и возможные «выходы» из них. Перспективы криминологии как востребованной науки видятся в «вычислительной криминологии», которая позволяет объединить математические и социологические методы исследования [14, с. 274]. Представляется, что к настоящему моменту стала доступной возможность широкого задействования количественной методологии, позволяющей средствами сети и искусственного интеллекта осуществлять мониторинг критически важных и криминологически значимых изменений параметров социальной жизни. Всеобщая взаимосвязанность, цифровизация коммуникации, погруженность индивидов в онлайн-отношения и репрезентация личности, сопряженная с ее открытостью, позволяют рассматривать сетевые феномены как источник криминологически релевантных данных. Также адекватным выходом из существующего «тупика» является обеспечение свободы доступа к данным в неагрегированном виде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жизнь после BANI. В какую реальность нас забросил 2022 год [Электронный ресурс] – URL: <https://blog.bitobe.ru/article/zhizn-posle-bani-voshod-novyh-mirov/?ysclid=I9q1nzxbc6413290782>.
2. Поклад, В.І. Глобалізація та пандемія / В.І. Поклад // Українське суспільство в пошуках відповідей на виклики сучасності: світоглядний рівень осмислення: Всеукр. наук.-теор. конф., Одеса, 18–19 черв. 2020 р. / За заг.ред. акад. С.В. Ківалова. – Одеса : Фенікс, 2020. – С. 36–39.
3. Квашиє, В.Е. Проблемы качества криминологических исследования: истоки и симптомы болезни / В.Е. Квашиє // Журнал российского права. – 2018. – № 6. – С. 58–68.
4. Пудовочкин, Ю.Е. Проблемы производства и оборота криминологической информации / Ю.Е. Пудовочкин, М.М. Бабаєв // Российский девиантологический журнал. – 2021. – № 1. – С. 137–150.
5. Lanier, M.M. Essential Criminology / M. M. Lanier, H. Stuart. – 3 ed. – 504 p.
6. Watts, J. A twenty-first century science / J. Watts // Nature. – 2007. – Vol. 445. – № 1. – P. 489.
7. Manifesto of computational social science / R. Conte, N. Gilbert, G. Bonelli, et al. // Eur. Phys. J. – Spec. Top. 214. – 2012. – P. 325–346.
8. Гилинский, Я.И. Криминология постмодерна (неокриминология) / Я.И. Гилинский. – М. : Алетейя, 2021. – 136 с.
9. Серебренникова, А.В. Криминологические проблемы цифрового мира / А.В. Серебренникова // Russian Journal of Criminology. – 2020. – Vol. 14, № 3. – P. 423–430.
10. Шестаков, Д.А. Фикция порождения преступлений законом. Криминологическое определение преступления / Д.А. Шестаков // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2011. – № 2(21). – С. 59–65.
11. Манифест новой количественной криминологии «Уголовная политика с опорой на данные» / К.Д. Титаєв, Д.А. Скугаревский, А.В. Кнорре, В.Е. Кудрявцев, М.С. Шкляр // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2018. – Т. 9., Вып. 1.: Право. – С. 91–101.
12. McNeeley S., Replication in criminology: A necessary practice / S. McNeeley, J. J. Warner // European Journal of Criminology. – 12(5) – P. 581–597.
13. Коростельова, Л.А. Криза реплікації. Сучасний стан розвитку кримінологічних досліджень / Л.А. Коростельова // Вісник ЛДУВС ім. Е. О. Дідорєнка. – 2022. – № 1(97). – С. 50–57.
14. Коростельова, Л.А. Іновачії у зборі даних для кримінологічних досліджень / Л.А. Коростельова // Право і суспільство. – 2022. – №2. – С. 195–200.
15. Коростельова, Л. Обчислювальна кримінологія. Іновачійний підхід боротьби зі злочинністю / Л. Коростельова // Сучасні підходи боротьби зі злочинністю: погляди молодих вчених : зб. матеріалів Всеукр. наук. конф. здобувачів вищої освіти, Кривий Ріг 26 листопада 2021 р. / КННІ ДонДУВС. – Кривий Ріг, 2022. – С. 274–276.

Поступила 23.09.2022

CHALLENGES AND OPPORTUNITIES FOR CRIMINOLOGICAL RESEARCH IN A TRANSFORMING REALITY

Yu. PRYKOLOTINA
(*Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk*)

In the context of intense and accelerating transformations of social reality, science acts as one of the adaptive mechanisms to understand the nature of what is happening and the prospects for future change. However, in the face of rapid and substantial social change, the social empirical sciences, including criminology, also need to be transformed to take account of the digitalisation of relations, their exponentially increasing complexity and the growth of universal connectivity. These properties of a transforming reality require not only a move away from traditional sources of information on criminologically relevant phenomena, not only the application (expansion) of an interdisciplinary approach, but also the establishment of a 'quantitative criminology paradigm', a 'computational criminology' that enables the tracking of both criminal and potential criminogenic phenomena as well as background crime phenomena in real time through monitoring and using both preset and self-generated algorithms.

Keywords: *transformative reality, methodology of criminology, quantitative paradigm of criminology, computational criminology.*

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Веретенникова Е.С. Логистическая стратегия управления цепями поставок региона: модель формирования и алгоритм оценки результатов ее реализации	2
Голочалова И.Н. Интерпретация ассоциированной собственности и ее роль в развитии концепции капитала бизнеса	9
Гулягина О.С. Цифровая трансформация цепей поставок в современных условиях изменяющейся внешней среды	16
Королёнок А.В. Статистическая оценка воспроизводства трудового потенциала в контексте достижения приоритетов устойчивого развития Республики Беларусь	20
Крамарэнка Г.К. Малое прадпрымальніцтва: напрамкі росту дзелавой актыўнасці	28
Лавриненко А.Р. Диагностика и направления развития инновационного потенциала научно-технического предпринимательства	35
Лисиченок Е.П. Анализ туристического потенциала региона как основа оценки его туристической привлекательности	43
Малей Е.Б., Трубович Р.О. Экономическая сущность и оценка биомассы коммунальных отходов	47
Масько Л.В., Паньков П.И. Контроль эколого-экономических показателей деятельности субъектов хозяйствования	52
Мещерякова О.М., Джерен А.А. Совершенствование логистических бизнес-процессов на примере транспортного участка филиала «Полоцкий хлебозавод» ОАО «Витебскхлебпром»	59
Павлов К.В. Приграничная экономика как перспективный раздел регионалистики	66
Резкин П.Е., Галешова Е.И. Стартап как форма ведения бизнеса	73
Серяков Г.Н. Содержание, структура и тенденции развития технологического уклада национальной экономической системы	81
Хорошевич А.А. Алгоритм цифровой трансформации цепей поставок на железнодорожном транспорте	85
Шавлюга О.А. Маркетинг как фактор повышения экспорта товаров белорусских предприятий в условиях экономических санкций	90

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бесецкая Н.А., Шарикова В.П. Правовые вопросы информационного сотрудничества в области использования атомной энергии в мирных целях	94
Богоненко В.А. Принципы осуществления деятельности по использованию атомной энергии	103
Гончаров В.В. О гарантиях недопущения использования института общественного контроля в целях подрыва национальной безопасности и обороноспособности государства: конституционно-правовой анализ	108
Дорина В.В. Наилучший интерес ребенка как материальное право	113
Кукиштель В.А. Уголовно-правовая реакция на уклонение от погашения кредиторской задолженности в контексте истории уголовного права	117
Савицкая К.Д. Признаки мультимедийного произведения	124
Соловьев П.В. Нормотворческий принцип научности: конституционно-правовое содержание и реализация в Республике Беларусь	129
Шербак К.Ю. Криминализация деяний, причиняющих вред здоровью населения при производстве и обороте продукции, в уголовном законодательстве государств-участников СНГ	136
Шербик Д.В. Подходы к периодизации истории политической и правовой мысли Беларуси	142
Шахновская И.В. Основы территориальной организации местного самоуправления в государствах континентального и англосаксонского права	148
Приколотина Ю.Л. Проблемы и возможности криминологических исследований в условиях преобразующейся реальности	152